

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

3

ПОСТОЯННЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ПОСТОЯННЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗНОЙ ДЪЯРЖАВЫ

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)
Л64

*Выпуск издания осуществлен по заказу
Постоянного Комитета Союзного государства*

Л64 **Литературный** альманах = Літаратурны альманах. Вып. 3. – Минск : Звезда, 2017. – 392 с.

В третий выпуск «Литературного альманаха» вошли произведения лауреатов конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы» (2016–2017), учрежденного Постоянным Комитетом Союзного государства.

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)

© Постоянный Комитет Союзного государства, 2017
© Оформление. РИУ «Издательский дом «Звезда», 2017
© Жабинский А. В., Рацевич О. С., перевод, 2017
© на рассказы принадлежат авторам произведений

Григорий Рапота

Государственный секретарь Союзного государства

Без прошлого нет будущего. Но и без внимания к молодому поколению, его всесторонней поддержки немислимо развитие не только культуры, но и человечества вообще. Сегодня у пишущих молодых людей не так уж много возможностей заявить о себе, получить признание. Чтобы помочь им выйти на следующий уровень творчества, найти новых читателей, Постоянный Комитет Союзного государства проводит конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы», за идею проведения которого в очередной раз хочу поблагодарить наших итальянских друзей из Ассоциации «Познаём Евразию».

С каждым годом все больше талантливых молодых людей из России и Беларуси, желающих реализовать себя на литературном поприще, присылают свои работы. Участники нынешнего конкурса «Мост Дружбы», авторы из Беларуси и России, представили более ста произведений малой литературной формы — рассказы, новеллы, очерки, эссе. Лучших выбирал экспертный совет, в состав которого вошли известные писатели, литературоведы, общественные деятели.

На мой взгляд, в этом году стало больше работ, которые раскрывают тему дружбы наших государств. Причем авторы делают это не традиционным способом, рассказывая о близком менталитете и славянстве, а говорят о возникновении в современных условиях некоторых противоречий, вопреки которым единство продолжает существовать. Отмечу, что впервые появились произведения, которые затрагивают жизнь Италии, Франции. Они написаны на высоком уровне. В то же время в произведениях конкурсантов на этот раз больше фантазии, творческого поиска и художественных исканий — это заметно.

Григорий Рапота

Государственный секретарь Союзного государства

Без мінулага няма будучыні. Але і без увагі да маладога пакалення, яго ўсебаковай падтрымкі немагчыма развіццё не толькі культуры, але і чалавецтва ўвогуле. Сёння ў пішучых маладых людзей не так ужо шмат магчымасцей заявіць пра сябе, атрымаць прызнанне. Каб дапамагчы ім выйсці на наступны ўзровень творчасці, знайсці новых чытачоў, Пастаянны Камітэт Саюзнай дзяржавы праводзіць конкурс маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы «Мост Дружбы», за ідэю правядзення якога ў чарговы раз хачу падзякаваць нашым італьянскім сябрам з Асацыяцыі «Пазнаём Еўразію».

З кожным годам усё больш таленавітых маладых людзей з Расіі і Беларусі, якія жадаюць рэалізаваць сябе на літаратурнай ніве, дасылаюць свае працы. Удзельнікі цяперашняга конкурсу «Мост Дружбы», аўтары з Беларусі і Расіі, прадставілі больш за сто твораў малой літаратурнай формы – апавяданні, навелы, нарысы, эсэ. Лепшых выбіраў экспертнага савета, у склад якога ўвайшлі вядомыя пісьменнікі, літаратуразнаўцы, грамадскія дзеячы.

На мой погляд, сёлета стала больш прац, якія раскрываюць тэму сяброўства нашых дзяржаў. Прытым аўтары робяць гэта не традыцыйным спосабам, расказваючы пра блізкі менталітэт і славянства, а гавораць пра ўзнікненне ў сучасных умовах некаторых супярэчнасцей, насуперак якім адзінства працягвае існаваць. Адзначу, што ўпершыню з'явіліся творы, якія закранаюць жыццё Італіі, Францыі. Яны напісаны на высокім узроўні. У той жа час у творах канкурсантаў гэтым разам больш фантазіі, творчага пошуку і мастацкіх шуканняў – гэта прыкметна.

В наш третий по счету «Литературный альманах» вошли произведения победителей конкурса, получивших максимальное количество баллов. Хочется пожелать им новых творческих побед и найти своего благодарного читателя!

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is slanted upwards to the right and appears to be a stylized name, possibly starting with 'А' and ending with 'и'.

У наш трэці па ліку «Літаратурны альманах» увайшлі творы пераможцаў конкурсу, якія атрымалі максімальную колькасць балаў. Хочацца пажадаць ім новых творчых перамог і знайсці свайго ўдзячнага чыгача!

A handwritten signature in black ink, consisting of several stylized, overlapping letters and flourishes, positioned on the right side of the page.

Члены экспертного совета:

Анатолий Николаевич Андреев, прозаик, доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета

Владимир Степанович Губарев, писатель, публицист, журналист, лауреат Государственной премии СССР

Александр Николаевич Карлюкевич, заместитель министра информации Республики Беларусь

Дарья Сергеевна Московская, доктор филологических наук, заместитель директора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Елена Александровна Овчаренко, помощник Государственного секретаря Союзного государства

Иван Васильевич Саверченко, доктор филологических наук, директор Института литературоведения им. Янки Купалы НАН Беларуси

Александр Миронович Ушаков, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Члены экспертнага савета:

Анато́ль Мікалаевіч Андрэ́ў, празаік, доктар філалагічных навук, прафесар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Алена Аляксандраўна Аўчарэ́нка, памочнік Дзяржаўнага сакратара Саюзнай дзяржавы

Уладзі́мір Сця́панавіч Губара́ў, пісьменнік, публіцыст, журналіст, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР

Аляксандр Мікалаевіч Карлюкевіч, намеснік міністра інфармацыі Рэспублікі Беларусь

Дар’я Сярге́еўна Маско́ўская, доктар філалагічных навук, намеснік дырэктара Інстытута сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага РАН

Іван Васі́льевіч Саверча́нка, доктар філалагічных навук, дырэктар Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы НАН Беларусі

Аляксандр Міронавіч Ушако́ў, прафесар, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага РАН

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Артур Журавлев	Артур Жураўлёў
Иван Кузнецов	Іван Кузняцоў
Егор Куликов	Ягор Кулікоў
Антон Лукин	Антон Лукін
Марта Райцес	Марта Райцэс
Сергей Чернов	Сяргей Чарноў

Артур Журавлев

Артур Жураўлеў

Артур Журавлев родился 25 ноября 1996 года в городе Ухта (Республика Коми). Литературный дебют состоялся в 2012 году в ухтинской газете ИД «НЭП+С». В 2014 году пришел в Ухтинское литературное объединение, затем вошел в Литературное объединение Республики Коми при Союзе писателей России. С 2015 года живет в Санкт-Петербурге. Учится на актера театра и кино в Российском государственном институте сценических искусств. Первая публикация за пределами Республики Коми состоялась в издательстве «LiteraNova» (Санкт-Петербург) в апреле 2016 года, в III сборнике фантастики «Грани миров», куда вошел его рассказ. С лета 2016 года принимает активное участие в выпуске сборников как помощник главного редактора в данном издательстве.

Артур Жураўлёў нарадзіўся 25 лістапада 1996 года ў горадзе Ухта (Рэспубліка Комі). Літаратурны дэбют адбыўся ў 2012 годзе ва ўхцінскай газеце ВД «НЭП+С». У 2014 годзе прыйшоў ва Ухцінскае літаратурнае аб'яднанне, затым увайшоў у Літаратурнае аб'яднанне Рэспублікі Комі пры Саюзе пісьменнікаў Расіі. З 2015 года жыве ў Санкт-Пецярбургу. Вучыцца на актёра тэатра і кіно ў Расійскім дзяржаўным інстытуце сцэнічных мастацтваў.

Першая публікацыя за межамі Рэспублікі Комі адбылася ў выдавецтве «LiteraNova» (Санкт-Пецярбург) у красавіку 2016 года, у III зборніку фантастыкі «Грані светаў», куды ўвайшло яго апавяданне. З лета 2016 года прымае актыўны ўдзел у выпуску зборнікаў як памочнік галоўнага рэдактара ў гэтым выдавецтве.

ФУЭТЕ

Володя Бурмакин сложил руки на колени, сидел тихо и думал. Желтый коридор, длинный красный ковер, обитая мягким бархатом тахта и Комиссаржевская на портрете за его спиной. «Хорошо бы утром сварить вместо овсяной каши пшенную. А еще варенья бы, с маслицем...»

Во всем театре не было человека, который бы не знал Володю Бурмакина. Даже новенькие, первым делом запоминая имя-отчество художественного руководителя, сами того не подозревая, выучивали и высокую, совсем малость в плечах ссутуленную, но на зависть стройную фигуру, да к тому же с удивительно длинными ногами под наименованием: «Бурмакин». Просто — Бурмакин. Без имени. Было ему, по слухам, то ли сорок пять, то ли пятьдесят... Он имел пепельно-седые волосы и какое-то грустно-серое, уже в морщинах лицо.

«Нет, на белый хлебушек — маслице, а на маслице сахарку...» — это так тепло рисовалось в его голове. Бурмакин в детстве, когда убегал сначала в садик, затем в школу, всегда завтракал так: «с маслицем и сахаром». Еще папа научил. А теперь Бурмакин иногда себя чувствовал снова ребенком. Когда, идя по какой-нибудь улочке, вдруг встречал молодую маму, которая ведет за малюсенькую ручку растерянно открывшего свои большие глазищи и выпучившего щеки дите, он вдруг останавливался, открывал рот, улыбался, ему становилось сразу хорошо. Они проходили мимо него, а Бурмакин усмехался, поглаживал себя рукой по груди, а затем бодро шел дальше.

Бурмакин сжал губы, рассматривая узоры по краям ковра. Он знал каждый изгиб пестрых ниточек, но все равно разглядывал незамысловатый узор каждый день. Но в этом ковре ему чудились совсем иные линии. Тоже ниточки, тоже вьющиеся и сплетающиеся в картины, тоже способные рваться и связываться вновь, гнить и, наоборот, свежеть, тоже продаваться и стираться, и... Да что там, сам ковер

ФУЭТЭ

Валодзя Бурмакін склаў рукі на каленях, сядзеў ціха і думаў. Жоўты калідор, доўгі чырвоны дыван, абабітая мяккім аксамітам тахта і Камісаржэўская на партрэце за яго спінай. «Добра б раніцай зварыць замест аўсянай кашы прасяную. А яшчэ варэння б, з маслам...» Ва ўсім тэатры не было чалавека, які б не ведаў Валодзю Бурмакіна. Нават новенькія, першым чынам завучваючы імя – імя па бацьку мастацкага кіраўніка, самі таго не падзраючы, запаміналі і высокую, зусім крыху ў плячах згорбленую, але на зайздрасць стройную фігуру, ды да таго ж з дзіўна доўгімі нагамі пад назвай: «Бурмакін». Проста – Бурмакін. Без імя. Было яму, па чутках, ці то сорок пяць, ці то пяцьдзясят... Ён меў попельна-сівыя валасы і нейкі сумна-шэры, ужо ў маршчынах твар.

«Не, на белы хлябок – масла, а на масла – цукрыку...» – гэта так цёпла малявалася ў яго галаве. Бурмакін у дзяцінстве, калі бегаў спачатку ў садок, потым у школу, заўсёды снедаў так: «з маслам і цукрам». Яшчэ тата навучыў. А Бурмакін часам сябе адчуваў ізноў дзіцем. Калі, ідучы вулкай, раптам сустракаў маладую маму, якая вядзе за малюсенькую ручку дзіця з разгублена адкрытымі вялікімі вачышчамі і выпнутымі шчокамі, ён спыняўся, адкрываў рот, усміхаўся, яму адразу рабілася добра. Яны праходзілі міма, а Бурмакін, задаволены, пагладжваў сябе па грудзях, а потым бадзёра ішоў далей.

Бурмакін сціснуў вусны, утаропіўшыся на выявы па краях дывана. Ён ведаў кожны выгін пярэстых нітачак, але ўсё адно разглядаў немудрагелісты ўзор кожны дзень. Але ў гэтым дыване яму падаваліся зусім іншыя лініі. Таксама нітачкі, якія таксама ўюцца і сплятаюцца ў карціны, таксама здольныя рвацца і злучацца зноў, гнісці і, наадварот, свяжэць, таксама прадавацца і выпірацца, і... Ды што там, сам дыван быў гістарычны, як і кожны куток гэтага будынка, дзе працаваў... Не, не, Бурмакін не проста працаваў, дакладней, ён ніколі ў сваім жыцці не працаваў: Бурмакін толькі служыў! І ў гэтых спе-

был исторический, как и каждый уголок этого здания, где работал... Нет, нет, Бурмакин не просто работал, вернее, он никогда в своей жизни не работал: Бурмакин только служил! И в этих стенах сам Гоголь сидел, ходил, тоже, наверное, ел кашу (если уже был в то время служебный буфет), пил чай, может быть, даже кофе и, вполне вероятно, что-нибудь еще интересненькое...

Кони, запряженные в колесницу, мерзли на крыше Александринского театра под накрапывающим противным дождем и ветром, Екатерина II в садике терпела и не теряла царственной осанки, а Бурмакин в теплом шарфе и вязаной шапочке, в старом, но еще крепком пальто обстукивал ботинки на пороге служебного входа... Бурмакин приходил служить каждый день рано утром, даже раньше, чем нужно, да к тому же первым из всех. А уходил почти последним, хоть иной раз работы совсем не было.

А начиналось все еще ночью! Ночью Бурмакин был самым счастливым человеком. Он выключал свет, плотно прикрывал желтые засаленные шторы, ложился в кровать, укрывался теплым одеялом, успокаивался, закрывал глаза, улыбался и знал, что прямо сейчас, во сне: он ранним утром пойдет в театр, настраиваясь и прокручивая в голове свои партии, поднимется по лестнице, встретит своих партнеров, сварливых балерин, войдет в гримерку, поговорив, переоденется и пойдет на разминку. А затем на сцене начнется репетиция выпускаемого балета... Скоро будет премьера! Еще пара ночей — генеральные прогоны... Поэтому утром Бурмакин открывал глаза, преисполненный больших надежд, еще всей душой находясь на сцене под жарящими лучами софитов, но... Перед ним находился только побеленный высокий потолок, душная комнатка, грязные стекла... И гремел на всю улицу железяка-трамвай.

Болтливая вода несла без остановки всякий вздор, банальщину, то про спятившую соседку Веру Андреевну, то что-то вроде: «...а коммунальщики будут делать

нах сам Гогаль сядзеў, хадзіў, таксама, пэўна, еў кашу (калі ўжо быў у той час службовы буфет), піў чай, можа, нават каву і, цалкам імаверна, штосьці яшчэ вельмі цікавае...

Коні, запрэжаныя ў калясніцу, мерзлі на даху Александрынскага тэатра пад ветрам і дажджом, які брыдка церусіў, Кацярына II у садку трывала і не губляла царскай выправы, а Бурмакін у цёплым шаліку і вязанай шапцы, у старым, але яшчэ цэлым паліто абстукваў чаравікі на парозе службовага ўвахода... Бурмакін прыходзіў службыць кожны дзень зрання, нават раней, чым трэба, ды да таго ж першым з усіх. А сыходзіў амаль апошнім, хоць іншы раз працы зусім не было.

А пачыналася ўсё яшчэ ноччу! Уначы Бурмакін быў самым шчаслівым чалавекам. Ён выключыў святло, шчыльна завешваў жоўтыя зашмальцаваныя шторы, клаўся ў ложка, накрываўся цёплай коўдрай, супакойваўся, заплюшчваў вочы, усміхаўся і ведаў, што проста зараз, у сне: ён з самага ранку пойдзе ў тэатр, настройваючыся і пракручваючы ў галаве свае партыі, узнімецца па ўсходах, сустрэне сваіх партнёраў, звадлівых балярын, увойдзе ў грымёрку, пагаварыўшы, пераапрапанецца і пойдзе на размінку. А потым на сцэне пачнецца рэпетыцыя выпускаемага балета... Хутка будзе прэм'ера! Яшчэ пара начэй – генеральныя прагоны... Таму раніцай Бурмакін расплюшчваў вочы, перапоўнены вялікімі надзеямі, яшчэ ўсёй душой знаходзячыся на сцэне пад пякучымі промнямі сафітаў, але... Перад ім знаходзілася толькі пабеленая высокая столь, душны пакойчык, брудныя шыбы... І грукатаў на ўсю вуліцу жалязяка-трамвай.

Балбатлівая вада несла без прыпынку ўсялякую лухту, банальшчыну, то пра звар'яцелую суседку Веру Андрэеўну, то штосьці накшталт: «...а камунальнікі будуць праводзіць рамонтныя работы на наступным тыдні, таму мяне адключаць... Яшчэ кажучь, што ў раку вылілі новую дрэнь з хімзавада, а ачышчальныя ўстаноўкі буду спыняць на рамонт і потым перазапускаць...» Панурая каша апошнія дзесяць гадоў была настолькі гультаяватая, што і не думала пералазіць пераз нізкі борцік рондаля. Вар'ят-тэлевізар

ремонтные работы на следующей неделе, поэтому меня отключат... Еще говорят, что в реку вылили новую дрянь с химзавода, а очистительные установки будут останавливать на ремонт и потом перезапустят...» Понурая каша последние десять лет была так ленива, что и не думала перелезть через низкий бортик кастрюли. Безумец-телевизор на всегда сдержанном холодильнике был полным идиотом, если всерьез думал, что Бурмакин будет его смотреть. Держался за чаем, хоть тот и заваривался так грустно, что оставалось только молча его выпить.

Потом Бурмакин одевался, выходил в темный подъезд под внимательный взгляд истории, которой дышали желтые стены, а под ними шурились сколами зеленые, а за ними синие... Дразнилось эхо, кряхтели за хлебом старушки, находившие в Бурмакине главного «домашнего» слушателя их жалоб и беспокойных сплетен. А выйдя в переулок, Бурмакин осторожно вписывался в движущиеся к Невскому проспекту потоки. Ему спешить уже было некуда, время, как ни странно, в какой-то момент вдруг замедляет свой ход. Кажется, что в детстве оно такое мягкое и податливое, готовое к любым метаморфозам, способное показать в деталях каждое мгновение или шаловливо промотать скучные часы, вдруг потечет спокойно и с наслаждением, давая возможность прожить желанный момент... Но вот, как по щелчку, наступает молодость. И рев моторов нарастает, секунды сливаются в сплошную линию и исчезают, минуты встают на их место, невозможно разобраться в дне, как он вдруг оказывается в прошлом, неделя стирается из памяти, а новый год, кажется, начался еще вчера, а не двенадцать месяцев назад... И вот дела, дела, дела, живя в будущем, а никак не сейчас, забыв о прошлом, стрелки нарезают круг за кругом, круг за кругом, как же снег-то успеваает таять, наступает странный момент. Стрелки вдруг замирают, дергаются, замирают, что-то трескается в странной их всеобъемлющей материи... Еще хочется бежать, не потому, что надо, даже, может быть, и надо, но это прекрасно, когда впереди

на заўсёды стрыманым халадзільніку быў поўным ідыётам, калі сур'ёзна думаў, што Бурмакін будзе яго глядзець. Трымаўся за чаем, хоць той і заварваўся так сумна, што заставалася толькі моўчкі яго выпіць.

Потым Бурмакін апранаўся, выходзіў у цёмны пад'езд пад уважлівы позірк гісторыі, якой дыхалі жоўтыя сцены, а пад імі жмурыліся сколамі зялёныя, а за імі сінія... Цвялілася рэха, крахталі за хлебам бабулькі, якія знаходзілі ў Бурмакіне галоўнага «хатняга» слухача іх скаргаў і неспакойных плётак. А выйшаўшы ў завулак, Бурмакін асцярожна ўпісваўся ў плынь, якая рухалася да Неўскага праспекта. Яму спяшацца ўжо не было куды, час, як ні дзіўна, у нейкі момант раптам запавольвае свой ход. Здаецца, што ў дзяцінстве ён такі мяккі і падатлівы, гатовы да любых метамарфоз, здольны паказаць у дэталях кожнае імгненне ці гарэзліва праматаць нудныя гадзіны, раптам пацячэ спакойна і з асалодай, даючы магчымасць пражыць жаданы момант... Але вось, як па шчаўчку, настае маладосць. І роў матораў нарастае, секунды зліваюцца ў суцэльную лінію і знікаюць, хвіліны ўстаюць на іх месца, немагчыма разабрацца ў дне, як ён раптам апынаецца ў мінулым, тыдзень сціраецца з памяці, а новы год, здаецца, пачаўся яшчэ ўчора, а не дванаццаць месяцаў таму... І вось справы, справы, справы, жывучы ў будучыні, а ніяк не цяпер, забыўшыся пра мінулае, стрэлкі наразаюць кола за колам, кола за колам (як жа снег паспявае раставіць?), настае дзіўны момант. Стрэлкі раптам заміраюць, тузаюцца, заміраюць, штосьці трэскаецца ў дзіўнай іх усёабдымнай матэрыі... Яшчэ хочацца бегчы, не таму, што трэба, нават, можа, і трэба, але гэта цудоўна, калі наперадзе бясконца маячыць новае, цяжка спыніцца. Але самі ўжо не кіруем (як і калі мы аддаём кіраванне гэтаму пілоту жыцця?), мы павольна, але няўхільна, як камльга айсберга, растаем і тармозім...

Вось Бурмакін і тармазіў, пыхкаючы паравозам старажытнасці па прыступках, у праходах і ў ліфце з цяжэрнымі станкамі і каркасамі, несучы іх то са сцэны, то на сцэну. Як машына, ён акуратна браў і ставіў, сыходзіў і прыходзіў, закручваў і выпраўляў, збіраў

бесконечно маячит новое, трудно остановиться. Но само, уже неуправляемо, как и когда мы отдаем управление этому пилоту жизни, мы медленно, но неуклонно, как глыба айсберга, таем и тормозим...

Вот Бурмакин и тормозил, пыхтя паровозом древности по ступеням, в проходах и в лифте с тяжелеными станками и каркасами, неся их то со сцены, то на сцену. Как машина, он четко брал и ставил, уходил и приходил, закручивал и правил, собирал и разбирал... Но неизменно проверял свою и чужую работу, чтобы, не дай бог, где-нибудь что-нибудь не оставили незатянутым, болтающимся, несостыкованным, не остался бы торчать шуруп или гвоздь... Все должно держаться надежно. А в остальном беспокоен Бурмакин был только ночью и утром, когда стонали в его туманных грезах репетиционный зал и сцена Мариинского театра.

Пространство сцены уходило вверх на несколько этажей и скрывалось во мраке. Зал казался покрасневшим великаном из Бробдингнега, глазеющим тысячей пустых мест. Сверху холодно лился тусклый технический свет. Бурмакин стоял возле лестницы, смотря на темную поблескивающую сцену. Его взгляд мутнел, края глаз поблескивали слезами, он начинал часто перебирать пальцами и перешагивать с ноги на ногу, заступать и даже почему-то ходить по кругу, то ли что-то читая, то ли напевая себе под нос. А потом он вдруг замирал, вздыхал и чуть ли не бегом исчезал в темноте лестницы.

Бурмакин никогда не плелся никуда, а всегда шел, пусть и шаркающей, слегка разведя стопы, своей балетной походкой. Хотя многие принимали это за тяжелое давление глыбы жизни... И шарканье — за слабость. Никто ведь не знал его прошлого... Внимательные догадывались, конечно... Но никому особо не было дела до Бурмакина. Смотрел Бурмакин на жизнь, в принципе, разумно и всегда находил себе собеседника по любому поводу. Самый понимающий, умеющий слушать, сочувствующий или по-доброму журящий, дающий всегда правильный

і разбіраў... Але нязменна правяраў сваю і чужую працу, каб, крый божа, дзе-небудзь што-кольвек не пакінулі матляцца, незацягнутым, несастыкаваным, каб не засталася тырчаць шруба ці цвік... Усё павінна трымацца надзейна. А ў астатнім турбаваўся Бурмакін толькі ноччу і раніцай, калі стагналі ў яго імглістых мроях рэпетыцыйная зала і сцэна Марыінскага тэатра.

Прастора сцэны ішла ўгару на некалькі паверхаў і хавалася ў змроку. Зала здавалася счырванелым волатам з Бробдзінгнега, які пазірае тысячай пустых месцаў. Зверху холадна лілося цьмянае тэхнічнае святло. Бурмакін стаяў каля ўсходаў, гледзячы на цёмную бліскучую сцэну. Яго пагляд мутнеў, краі вачэй паблісквалі слязьмі, ён пачынаў часта перабіраць пальцамі і пераступаць з нагі на нагу, заступаць і нават чамусьці хадзіць па коле, ці то штосьці чытаючы, ці то напяваючы сабе пад нос. А потым ён раптам заміраў, уздыхаў і амаль бегма знікаў у цемры ўсходаў.

Бурмакін ніколі не плёўся нікуды, а заўсёды ішоў, няхай і шоргаючы злёгка, развёўшы ступні, сваёй балетнай хадой. Хаця многія прымалі гэта за цяжкі націск камльгі жыцця... І шорганне – за слабасць. Ніхто ж не ведаў яго мінулага... Уважлівых здагадваліся, вядома... Але нікому асабліва не было справы да Бурмакіна. Глядзеў Бурмакін на жыццё, у прынцыпе, разумна і заўсёды знаходзіў сабе суразмоўцу з ўсякай нагоды. Ён лепш за астатніх разумее, умее слухаць, спачуваць ці па-добраму дакараць, даць заўсёды слушную параду (нават калі няўдалую, гэта нічога), ён знаходзіцца побач у цяжкую, звычайную, вяслую, тужлівую, любую і кожную нежаданую, але наяўную хвіліну (гэта ўжо не важна), – Валодзька меў стасункі з Бурмакіным. Гэты нудны твар глядзеў на яго з каламутнага люстэрка, уздыхаў, пляваўся і чхаў, мыўся і старанна галіўся, вышукваючы шчацінне на падбародку, якое хавалася ад вачэй. Мармытаў з жарам, ад шчырай душы пра сваю душу. Калі Бурмакін прыходзіў дахаты, то ўжо з парога ў поўны голас прапанаваў зварыць пельмені. Сварыўся на чайнік, які няспешна закіпае, і спрачаўся,

совет (даже если неудачный, это ничего), находящийся рядышком в трудную, обычную, веселую, тоскливую, любую и каждую нежеланную, но имеющуюся минуту (это уже не важно), — Володька общался с Бурмакиным. Это скучное лицо смотрело на него из мутного зеркала, вздыхало, плевалось и чихало, умывалось и тщательно брилось, выискивая скрывающуюся от взора щетину на подбородке. Бормотало с жаром, от всей души про свою душу. Когда Бурмакин приходил домой, то уже с порога в полный голос предлагал сварить пельмени. Ругался на медленно закипающий чайник и спорил, когда лучше вымыть пол, купить новые носки, скопить денег на... Нужную вещь. Семейные ссоры были неизбежны. Но мимо шкафа, который стоял в единственной комнате, Бурмакин проходил на носочках, очень тихо, замолкал и старался не смотреть на его плотно закрытые облезлые дверцы. Там он закрыл... Навсегда. Все, что имел. И сразу. Там лежала бережно сложенная тренинговая черная одежда: лосины, джерси, еще балетки. Те самые, в которых он занимался когда-то. Казалось, они были всегда наготове, чтобы взять и выйти в них в репетиционный зал. Времена! Бурмакин, шаркая мимо шкафа на кухню, вдруг останавливался возле него и боязливо заглядывал на ту полку, где покоилось единственное, что осталось от него... Того... Лежало и все так же пахло (или казалось так) порошком с последней, далекой, нереальной уже стирки. Сам же Бурмакин давно потерялся... Он не смел тронуть эту одежду. Ее положили туда еще сильные руки, пусть и надломленные инфарктом. Положили. А взять оттуда — некому. Такого человека больше нет. В шкафу была заперта жизнь, иногда скрипевшая вечером, пока он засыпал. Бурмакину иногда чудилось, что он ночью подходил и открывал этот шкаф. А потом оказывался не в затхлой комнатке, а где-то там... там! Или, может быть, милосердный шкаф сам приоткрывался и забирал его к себе на полки. Немножко пожить. Бурмакин приходил в театр всегда раньше назначенного часа. Как минимум за полчаса, а то и за час... Приходил даже по выходным! И даже во время отпуска,

калі лепш вымыць падлогу, купіць новыя шкарпэткі, назапасіць грошай на... Патрэбную рэч. Сямейныя сваркі былі няўхільныя.

Але міма шафы, якая стаяла ў адзіным пакоі, Бурмакін праходзіў на пальчыках, вельмі ціха, змаўкаў і стараўся не глядзець на яе шчыльна зачыненыя аблезлыя дзверцы. Там ён зачыніў... Назаўжды. Усё, што меў. І адразу. Там ляжала клапатліва складзенае трэніровачнае чорнае адзенне: ласіны, джэрсі, яшчэ балеткі. Тыя самыя, у якіх ён займаўся некалі. Здавалася, яны былі заўсёды напачатку, каб узяць і выйсці ў іх у рэпетыцыйную залу. Час! Бурмакін, шоргаючы на куханьку міма шафы, раптам спыняўся каля яе і баязліва зазіраў на тую паліцу, дзе спачывала адзінае, што засталася ад яго... Таго... Ляжала і ўсё гэтак жа пахла (ці здавалася так) парашком з апошняга, далёкага, нерэальнага ўжо мыцця. Сам жа Бурмакін даўно згубіўся... Ён не адважваўся дакрануцца да гэтага адзення. Яго паклалі туды яшчэ моцныя рукі, хай і надламаныя інфарктам. Паклалі. А ўзяць адтуль – няма каму. Такого чалавека больш няма. У шафе было зачынена жыццё, што часам рыпала вечарам, пакуль ён засынаў. Бурмакіну іншы раз здавалася, што ён уначы падыходзіў і адкрываў гэтую шафу. А потым апынаўся не ў затхлым пакойчыку, а недзе там... там! Ці, можа, літасцівая шафа сама прыадчынялася і забірала яго да сябе на паліцы. Крыху пажыць.

Бурмакін прыходзіў у тэатр заўсёды раней прызначанай гадзіны. Прынамсі за паўгадзіну, а то і за гадзіну... Прыходзіў нават па выхадных! І падчас водпуску, бывала... Прыходзіў і, трэба не трэба, прымаўся за якую справу, дапамагаў па просьбах... Заўсёды хацеў усім дапамагчы. Прасілі, не прасілі... Менавіта таму Бурмакін пасля казачных сноў, як рыба, выкінутая на бераг, прадыхаўшыся пасля першага шоку і хваляў нуды, якія ўсё напльвалі, спяшаўся ў тэатр. Спяшаўся выратавацца, спяшаўся да таго дому, які таксама быў захавальнікам мрояў. Але толькі ў гэтага дому, як і ў загадкавага Месяца, быў цёмны бок...

бывало... Приходил и, надо не надо, принимался за какое-нибудь дело, помогал по просьбам... Всегда хотел всем помочь. Просили, не просили... Именно поэтому Бурмакин после сказочных снов, как рыба, выкинутая на берег, продышавшись после первого шока и нахлынувших волн тоски, спешил в театр. Спешил спастись, спешил к тому дому, который тоже был хранителем грез. Но только у этого дома, как и у загадочной Луны, была темная сторона...

* * *

У Бурмакина тряслись руки, когда он брался за кран, чтобы набрать в зеленое ведро воды. Кафель был чистый и грустный. Вода с криком рвалась на дно: «Бляха-муха! Мы прорвались через эти трубы на свобо-о-оду! Инвалидами, блин. Где наша красота, грация, осанка, такт, чувство ритма, чувство музыки Моцарта, Бетховина и Баха? Где дыхание? Слух и память? Мы помним чернь, хлор, рев на сооружении и мат по трубам безумного города. Толпы разъяренного страха. Вопящий истошно рок. Пресыщенность, плевки в открытую душу и сливание, сливание, сливание... Структура вся изломалась, все безвозвратно потерялось, сплошное рабство-а... Эй, неси, куда уж нас? Вы все такие же, как и мы, — убитых нас глотаете, сами как мертвецы ходите, глупцы безвольные! Чего вы хотите-то? Что? Лей, лей... В фильтр бы, а потом на волю... А, что толку, нет, мы сдохнем здесь, еще круг по вашим сволочным трубам, и точно — все! Да хватит уже, а то перельется!»

Бурмакин закрыл кран, взял швабру и вышел из уборной в курилку. Вода трепыхалась. Коридор, тянувшийся красным ковром за стеклянной дверцей, был совершенно пустой. Крутая черная лестница вдалеке уходила ввысь на сцену и в гримерки, а служебный буфет затерялся возле гардероба с задумчивой старушкой в толстых очках. Когда Бурмакин проходил мимо, она отрывалась от

* * *

У Бурмакіна трэсліся рукі, калі ён браўся за кран, каб набраць у зялёнае вядро вады. Кафля была чыстая і сумная. Вада з крыкам ірвалася на дно: «Бляха-муха! Мы прадраліся праз гэтыя трубы на свабоду! Інвалідамі, блін. Дзе наша хараство, грацыя, выправа, такт, пачуццё рытму, пачуццё музыкі Моцарта, Бетховена і Баха? Дзе дыханне? Слых і памяць? Мы помнім чэрнь, хлор, роў на збудаванні і мат па трубах вар'яцкага горада. Натойпы раз'юшанага страху. Рок, які нема лямантуе. Перасычанасць, пляўкі ў адкрытую душу і зліванне, зліванне, зліванне... Структура ўся пераламалася, усё беззваротна страцілася, суцэльнае рабства-а... Гэй, нясі, куды ўжо нас? Вы ўсе такія ж, як і мы, – забітых нас глытаеце, самі як мерцвякі ходзіце, дурні бязвольныя! Чаго вы хочаце? Што? Лі, лі... У фільтр бы спачатку, а потым на волю... А, што толку, не, мы здохнем тут, яшчэ кола па вашых свалачных трубах, і дакладна – усё! Ды хопіць ужо, а то пераліецца!»

Бурмакін закрыў кран, узяў швабру і выйшаў з прыбіральні ў курылку. Вада калыхалася. Калідор, што цягнецца чырвоным дываном за шклянымі дзверцамі, быў зусім пусты. Крутыя чорныя ўсходы ўдалечыні ішлі ўверх на сцэну і ў грымёркі, а службовы буфет згубіўся каля гардэроба з задуменнай бабулькай у тоўстых акуларах. Калі Бурмакін праходзіў міма, яна адрывалася ад крыжаванкі і глядзела на яго з уважлівасцю настаўніка матэматыкі, які шукае памылку ў якойсці функцыі. Нічога не казала. І як толькі Бурмакін, валочачы ступні і гайдаючыся, як човен з борта на борт, хаваўся за паваротам да ліфта, пачынала мармытаць штосьці камечаным газетам.

Дыван прыглушваў крокі. Было ціха. Святло яркае. Паветра цёплае. Супакой. Наперадзе чорныя ўсходы вялі ўгару па ярусах. Нікога не было. Бурмакін спыніўся. Паглядзеў назад, наперад. Прыслухаўся. Нібы ціха. Сэрца затрымцела ўсярэдзіне. Чагосьці хацела. Бурмакін стаяў. Вядро і швабра ў руках. Па скуры прабеглі мурашкі. Пад дыхавіцай со-

кроссворда и смотрела на него с внимательностью учителя математики, ищущей ошибку в некой проходящей функции. Ничего не говорила. И лишь Бурмакин, волочащий стопы и раскачивающийся, как лодка с борта на борт, скрывался за поворотом к лифту, начинала бормотать что-то мятым газетам. Ковер скрадывал шаги. Было тихо. Свет яркий. Воздух теплый. Покой. Впереди черная лестница вела вверх по ярусам. Никого не было. Бурмакин остановился. Посмотрел назад, вперед. Прислушался. Вроде тихо. Сердце затрепетало внутри. Что-то хотело. Бурмакин стоял. Ведро и швабра в руках. По коже пробежали мурашки. Под ложечкой сладко так засосало. И вдруг... Бурмакин осторожно опустил ведро с водой на пол, поставил швабру к стене. В пальцах что-то кольнуло, а сердце сжалось, и потекли рекой слезы. Как игрушечный белый парусник по быстрой реке, который ребенок запустил в сказочный океан. Парусник бодро отплывает, весело качается, паруса взмыв к небу, а борта блестят свежими красками. Парусник плывет навстречу полуденному солнцу среди буйной музыки зелени. Осанка вытянулась. Дряблое тело нехотя подтянулось. «Пам-пам-пам-пам...» — вспыхнули софиты. Черная лестница натянула перед ним темный портал зала. Ковер стал балетным линолеумом. А стены исчезли. «Пам-пам-пам-пам...» — рвали в поту душу музыканты, скрипки затягивали струны в нем. Струна. Шаг... Бурмакин вытянул ногу, непослушная стопа в напряжении выгнулась... Четвертая позиция. Выход на полупальцы в кроссовках... Встал и ногой пошел закручивать... Фуэте... Екарный! Ра-а-з... Спало...

На первом же пороге кораблик разбивается о камни, переворачивается и застревает... Вперед прорывается через камни грот-мачта, фок-мачта, стеньги... Потом реи, паруса скомканно потянутся навстречу закату, щепки и шлюпки побегут к берегу, а корпус останется на том же месте, гнить и идти ко дну. Старое лицо Бурмакина вдруг вспыхнуло новой силой. Глаза горели. Слетели морщины. Трясущиеся руки держали позу. Тело обрело мышцы. Нога легко сделала шаг,

ладка так засмактала. І раптам... Бурмакін асцярожна апусціў вядро з вадой на падлогу, прыставіў швабру да сцяны. У пальцах штосьці кальнула, а сэрца сціснулася, і пацяклі ракой слёзы. Як цапачны белы паруснік па хуткай рацэ, якое дзіцё запусціла ў казачны акіян. Паруснік бадзёра адпывае, весела гайдаецца, ветразі ўзняліся да неба, а барты блішчаць свежымі фарбамі. Паруснік плыве насустрач паўдзённаму сонцу сярод буяной музыкі зеляніны. Выправа выцягнулася. Друлае цела нехаця падцягнулася. «Пам-пам-пам-пам...» – бліснулі сафіты. Чорныя ўсходы нацягнулі перад ім цёмны партал залы. Дыван стаў балетным лінолеумам. А сцены зніклі. «Пам-пам-пам-пам...» – рвалі ў поце душу музыканты, скрыпкі зацягвалі струны ў ім. Струна. Крок... Бурмакін выцягнуў нагу, непаслухмяная ступня ў напрузе выгнулася... Чацвёртая пазіцыя. Выхад на паўпальцы ў красоўках... Устаў і нагой пайшоў закручваць... Фуэтэ... Ёкарны! Ра-а-з... Спад...

На першым жа парозе караблік разбіваецца аб камяні, пераварочваецца і засядае... Наперад прарываецца праз камяні грот-мачта, фок-мачта, стэньгі... Потым рэі, ветразі скамечана пацягнуцца насустрач заходу, трэскі і шлюпкі пабягуць да берага, а корпус застанецца на тым жа месцы, ісці на дно і гнісці. Стары твар Бурмакіна раптам успыхнуў з новай сілай. Вочы гарэлі. Зляцелі маршчыны. Дрыготкія рукі трымалі позу. Цела адчула мышцы. Нага лёгка зрабіла крок, чацвёртая пазіцыя выйшла механічна, а далей: рывок, паўпальцы на назе, інэрцыя і ўвайшоў у вярчэнне! Нага пайшла, пайшла, пайшла, і раз, і два, і тры, і чатыры, і пяць, і шэсць! Сэрца радасна калацілася, у лёгкія ўварваўся струмень паветра, грудзі задыхалі. Вось яна, сіла! Бурмакін заціх – «зала» апладзіравала ў рытме сэрца. Па целе бегалі нервовыя ўколы.

Так.

Бурмакін усміхаўся.

четвертая позиция вышла на механике, а дальше: рывок, полупальцы на ноге, инерция и вошел во вращение! Нога пошла, пошла, пошла, и раз, и два, и три, и четыре, и пять, и шесть! Сердце радостно колотилось, в легкие ворвался поток воздуха, грудь задышала. Вот она, сила! Бурмакин замер — «зал» аплодировал в ритме сердца. По телу перебежали нервные уколы.

Так.

Бурмакин улыбался.

* * *

— Едрит вас в дышло! Монтировщики совсем охренели! — орал раненный в стопу молодой артист в медпункте театра. — Что за... твою мать к едревени, происходит?! Только жрать и умеют, а гвоздь гац-цкий забить, ну...

Медсестра бережно перевязывала ему ногу. Бинты кровоточили.

«Гвоздь»... А это был самый обычный шуруп, который зло торчал на краю сцены из уложенных тяжелых панелей. И зачем все укладывать ими было? Вроде и черная сцена есть, и нормально, все из зала и так видно, выступайте на здоровье... И шурупы никакие не нужны были бы.

Бурмакин, тяжело дыша, краснея и потев, взбежал по крутой лестнице на сцену. Артист хромал и при каждом шаге стонал. Шуруп же продолжал доказывать, что он вовсе не «гац-цкий гвоздь», а простейший, даже, в общем, средней длины шуруп и прекрасно может себя чувствовать как в металле, так и в древесине... Сосна для него, например, самое то была бы.

Недосмотрел, конечно же, Бурмакин... А кто еще? Был Бурмакин на монтажке? Не обязан, ему только ведра можно носить... Но был! Так почему же гвоздь?! Ну, какая разница, шуруп... Да и он вообще ничего не держит здесь, а остался с прошлого спектакля. Кто разбирает прошлый спектакль? Какой?! Тот самый... А, этот

* * *

– Каб на вас трасца! Манціроўшчыкі зусім збэсціліся! – гарлапаніў паранены ў ступню малады артыст у медпункце тэатра. – Што за... халера, адбываецца?! Толькі жэрці і ўмеюць, а цвік чортаў забіць, ну...

Медсястра асцярожна перавязвала яму нагу. Бінты сыходзілі крывёю.

«Цвік»... А гэта была самая звычайная шруба, якая злосна тырчала на краі сцэны з выкладзеных цяжэрных панэлей. І навошта ўсё высцілаць імі было? Нібыта і чорная сцэна ёсць, і нармальна, усё з залы і так бачна, выступайце на здароўе... І шрубы ніякія не патрэбныя былі б.

Бурмакін, цяжка дыхаючы, чырванеючы і пацеючы, узбег па крутых усходах на сцэну. Артыст кульгаў і пры кожным кроку стагнаў. Шруба ж працягвала даводзіць, што яна зусім не «чортаў цвік», а найпростая, нават увогуле сярэдняй даўжыні шруба і выдатна можа сябе адчуваць як у метале, так і ў драўніне... Хвоя для яе, прыкладам, самае тое было б.

Недагледзеў, канечне ж, Бурмакін... А хто яшчэ? Быў Бурмакін на манціроўцы? Не абавязаны, яму толькі вёдры можна насіць... Але быў! Дык чаму ж цвік?! Ну, якая розніца, шруба... Дый яна зусім нічога не трымае тут, а засталася з мінулага спектакля. Хто разбіраў мінулы спектакль? Які?! Той самы... А, гэты самы... Бурмакін! Мы ўсе выкруцілі шрубы, а на панэлі гэтую пакінуў якраз... Бурмакін. Наўмысна, відаць, пакінуў!

Бурмакін выцягнуў з чамаданчыка шрубакрут і прыставіў яго да галоўкі шрубы. Націснуў спуск, зароў маторчык. У адказ піснула шруба. Бурмакін выкруціў яе, і тая назаўжды знікла ў бяздоннай кішэні.

– А-а-а, прызнавайся... – перад ім спыніўся паранены артыст, наваліўшыся ўсёй вагою на здаровую нагу. – Дык гэта ты за старое ўзяўся, Валодзька?

самый... Бурмакин! Мы все выкрутили шурупы, а на панели этот оставил как раз... Бурмакин. Специально, видать, оставил!

Бурмакин вынул из чемоданчика шуруповерт и приставил его к головке шурупа. Нажал спуск, взревел моторчик. В ответ пискнул шуруп. Бурмакин выкрутил его, и тот навсегда исчез в бездонном кармане.

— А-а-а, признавайся... — перед ним остановился раненый артист, навалившись всем весом на здоровую ногу. — Так это ты за старое взялся, Володька?

Бурмакин так и замер с шуруповертом в руке. Чемоданчик жадно разинул зеленую пасть и блестел крестовинами зубов. Щелкнул переключатель.

— Ты ж балерун у нас. А? Ха-ха, — артист усмехнулся и захромал дальше к кулисам. — Ну, ты даешь, конечно-о-о... Это же балерины друг другу в балетки гвозди подкладывают. Так ведь? Бурмакин-Бурмакин...

Бурмакин вздрогнул, его накрыло холодным туманом. Волнами забегали нервные мурашки. Носик шуруповерта растерянно повис в воздухе и испуганно дрожал. Откуда-то со стороны лестницы донесся чей-то злой возглас:

— Что-о?! Надо... таких монтировщиков... в шею сразу и...

Бурмакина разом пробрало, как в бане в сто двадцать. Чувство горя и обиды вцепилось ему в шею удавкой. Он захлопнул чемоданчик с шуруповертом, развернулся и выскочил из толпы. Ему вслед глядели остывающие софиты и недоумевающие холодные дежурки. Монотонный гул голосов оглушил. Все гасло. Черная сцена, черные кулисы, черная стена, перед ним черный омут... Нога со всего размаху шагнула в пустоту, взмахнув руками, Бурмакин чиркнул по перилам. Сердце билось. Оно точно сумасшедшее. У Бурмакина перед глазами прыгал, размахивая руками, на одной ноге окровавленный артист: «Что за... твою мать к едренени, происходит?! Только жрать и умеют, а гвоздь...» Шуруп, на глазах перерождаясь в ржавый изогнутый гвоздь, ухмылялся под мятой шляпкой: «...В шею сразу и...» Жара. Вода, испаряясь, вопила во всю глотку: «Нас убивают

Бурмакін так і аслупянеў са шрубакрутам у руцэ. Чамаданчык прагна разявіў зялёную папску і бліпчэў крыжавінамі зубоў. Шчоўкнуў перамыкач.

– Ты ж балярун у нас. А? Ха-ха, – артыст усміхнуўся і закульгаў да куліс. – Ну, ты даеш, канечне-е-е... Гэта ж балярыны адна адной у балеткі цвікі падкладаюць. Так? Бурмакін-Бурмакін...

Бурмакін здрыгануўся, яго накрыла халоднай хваляй. Па целе забегалі нервовыя мурашкі. Носік шрубакрута разгублена павіс у паветры і спалохана дрыжаў. Аднекуль з боку ўсходаў данёсся чыйсьці злы вокліч:

– Што-о-о?! Трэба... Такіх манціроўшчыкаў... У шыю адразу і...

Бурмакіна разам праняло, як у лазні ў сто дваццаць. Пачуццё горычы і крыўды накінулася яму на шыю пятлёй. Ён зашчоўкнуў чамаданчык са шрубакрутам, павярнуўся і выскачыў з натоўпу. Яму ўслед глядзелі, астываючы, сафіты і здзіўленыя халодныя дзяжуркі. Манатонны гуд галасоў аглушыў. Усё згасала. Чорная сцэна, чорныя кулісы, чорная сцяна, перад ім чорны вір... Нага з усяго размаху ступіла ў пустэчу. Узмахнуўшы рукамі, Бурмакін чыркнуў па парэнчах. Сэрца білася. Яно дакладна звар'яцела. У Бурмакіна перад вачамі скакаў, махаючы рукамі, на адной назе скрываўлены артыст: «Што за... халера, адбываецца?! Толькі жэрці і ўмеюць, а цвік...» Шрубэ, на вачах перараджаючыся ў іржавы выгнуты цвік, хмылілася пад пабітым капялюшыкам: «...У шыю адразу і...» Спякота. Вада, выпараючыся, лямантавала ва ўсё горла: «Нас забіваюць трубы!» І не магла выбрацца з ракавіны. Усходы зніклі. Вада неслася ў ракавіну з крана, які гуў: «Бурмакін! Бурмакін! Бурмакін!» А Бурмакін падаў. Штосьці вуглом стукнула ў галаву па патыліцы, руцэ, і ўсё пакацілася, закруцілася... Трэск. Спіна. Шыя вывернулася.

У скронях напружана стукала, тук-тук-тук, крок, крок, яшчэ крок... Прыпынак у чацвёртай... Зацягнуты, як струна. Выхад на паўпальцы, фуэтэ: нага закручвае... Раз, два,

трубы!» И не могла выбраться из раковины. Лестница исчезла. Вода неслась в раковину из крана, который гудел: «Бурмакин! Бурмакин! Бурмакин!» А Бурмакин падал. Что-то углом ударило в голову по затылку, руке, и все покатилося, завертелось... Треск. Спина. Шея вывернулась.

В висках напряженно стучало, тук-тук-тук, шаг, шаг, еще шаг... Остановка в четвертой... Затянут, как струна. Выход на полупальцы, фуэте: нога закручивает... Раз, два, три, четыре — полетели обороты, мелькают яркие софиты и темный портал зала, кулисы! Музыка пам, пам, пам, пам... Дыхание шумит, бьется сердце как сумасшедшее. Десять, одиннадцать, двенадцать... Бьется сильно, наверное, за сто девяносто-а-а... Двадцать, двадцать один... Заколело кончики пальцев на руках, желтый луч появляется, исчезает, появляется... Душно. Двадцать четыре... Все тело ровно, на одном уровне, взгляд параллельно сцене. Долетели, двадцать шесть, лоб стал раскалываться от боли, софиты жарят, двадцать семь, и все плывет в глазах, двадцать восемь, железная рука стиснула сердце. Двадцать девять, тридцать, нога по инерции заходит и... Дыхание налетело на каменную стену. Равновесие потеряно. Напряженные мышцы обмякли. Разум теряется в сладком тумане. Тридцать с половиной...

Не вдохнуть. Стучит в висках тишина. Грудь словно раздавили. Софит над самой головой испуганно смотрел в лицо. Вокруг закружились белые балетки — началась партия белых лебедей...

Вспыхнул теплый свет. Гомон оборвался. Бурмакин неуклюже распластался на крутых ступенях винтовой лестницы. Кулаки были сжаты. Из раскроенного виска темная струйка напряженно — кап, кап, тук, тук, шаг, шаг, еще шаг...

тры, чатыры – паляцелі абароты, мільгаюць яркія сафіты і цёмны партал залы, кулісы! Музыка пам, пам, пам, пам... Дыханне шуміць, б'ецца сэрца як звар'яцелае. Дзесяць, адзінаццаць, дванаццаць... Б'ецца моцна, пэўна, за сто дзевяноста-а-а... Дваццаць, дваццаць адзін... Закалола кончыкі пальцаў на руках, жоўты прамень з'яўляецца, знікае, з'яўляецца... Душна. Дваццаць чатыры... Усё цела роўнае, на адным узроўні, позірк паралельна сцэне. Даляцелі, дваццаць шэсць, лоб стаў раскопчацца ад болю, сафіты паляць, дваццаць сем, і ўсё плыве ў вачах, дваццаць восем, жалезная рука сціснула сэрца. Дваццаць дзевяць, трыццаць, нага па інэрцыі заходзіць і... Дыханне наляцела на каменную сцяну. Раўнавага страчана. Напружаныя цягліцы змяклі. Розум губляецца ў салодкім тумане. Трыццаць з паловай...

Не ўдыхнуць. Стукае ў скронях цішыня. Грудзі нібы раздушлі. Сафіт над самай галавой спалохана глядзеў у твар. Вакол закруціліся белыя балеткі – пачалася партыя белых лебедзяў...

Бліснула цёплае святло. Гоман абарваўся. Бурмакін нязграбна распластаўся на ўсходах кручанай лесвіцы. Кулакі былі сціснуты. З раскрытай скроні цёмны струменьчык напружана – кап, кап, тук, тук, крок, крок, яшчэ крок...

Иван Кузнецов

Іван Кузняцоў

Иван Кузнецов родился в 1995 году в Москве. В 2009-м начал карьеру журналиста. Дважды победитель международного фестиваля-конкурса «Звезды Камчии» — в номинации «Золотые руки Камчии» (2009) и в номинации «Дивное слово Камчии» (2010, Камчия, Болгария). Победитель Всероссийского конкурса мультимедийных, проектных и научно-исследовательских работ «Грант Префекта ЦАО» с проектом, посвященным биографии Ф. М. Достоевского (Москва, Россия). Победитель Первого межрегионального фотоконкурса «Димитровград» (2016, Россия). Разработал тематическую серию материалов, посвященных движению немецкого Сопротивления в годы Второй мировой войны и Заговору 1944 года, совместно с изданием Pravda.ru (Россия), а также серии «Famous Russians in Florence» и «Russian Florence» совместно с изданием «Florence is you!» (Флоренция, Италия). С 2014 года — член Союза журналистов Москвы, с 2015-го — член Союза журналистов России, Международной федерации журналистов.

Іван Кузняцоў нарадзіўся ў 1995 годзе ў Маскве. У 2009-м пачаў кар’еру журналіста. Двойчы пераможца Міжнароднага фестывалю-конкурсу «Зоркі Камчыі» – у намінацыі «Залатыя рукі Камчыі» (2009) і ў намінацыі «Дзіўнае слова Камчыі» (2010, Камчыя, Балгарыя). Пераможца Усерасійскага конкурсу мультымедыійных, праектных і навукова-даследчых прац «Грант Прэфекта ЦАА» з праектам, прысвечаным біяграфіі Ф. М. Дастаеўскага (Масква, Расія). Пераможца Першага міжрэгіянальнага фотаконкурсу «Дзімітраўград» (2016, Расія). Распрацаваў тэматычную серыю матэрыялаў, прысвечаных руху нямецкага Супраціўлення ў гады Другой сусветнай вайны і Змове 1944 года, супольна з выданнем Pravda.ru (Расія), а таксама серыі «Famous Russians in Florence» і «Russian Florence» супольна з выданнем «Florence is you!» (Фларэнцыя, Італія). З 2014 года – член Саюза журналістаў Масквы, з 2015-га – член Саюза журналістаў Расіі, Міжнароднай федэрацыі журналістаў.

ШЕПОТ ТОНУЩЕГО ГОРОДА

Первое объятие

Спустившись по ступеням стазьоне Санта Лючия, я жадно втянул ноздрями сырой холодный воздух. Точно так: запах мерзлых водорослей в самом деле пробуждал в душе тоску по общему дому и тем временам, когда наш общий предок мог причислить себя к хордовым — если бы нуждался в самоидентификации. Поднявшаяся из пучин Атлантида приняла в свои объятия сразу, как только острая морда скоростного поезда уткнулась в платформу.

Щедро разбавленный кофе был единственным развлечением в те полтора часа, что оставались до начала курсирования *varopetto*. За черной лентой Канала Гранде мшистое яйцо купола Сан Симеоне Пикколо покоилось на тонких колонных ножках, потерпев поражение в своих попытках плюхнуться в темные воды и упасть на дно, где и положено пребывать Атлантиде. Впрочем, густой туман и предрассветная тьма были отличными соучастниками, скрывая от редких ранних прохожих не только новые планы бегства, но и их собственные тела. Проворностью и изяществом угрей в таких условиях видимости хвастались лишь *gaغازzi*, выгружавшие из маленькой лодки тяжелые коробки — бутылки свежего молока для вокзального кафе.

Этим февральским утром речь шла отнюдь не о легендарном *nebbia* — тумане, густом настолько, что Иосиф Бродский, выходя из дома за сигаретами, прорубал в нем своим телом коридор, по которому же возвращался в свои апартаменты. Вязкая дымка походила скорее на легкую шапку пены твоего бокала латте макиато. В этой пене терялись пузырьки-острова, утыканные шпильями церквей и колоколен, столбами, увенчанными золотыми львами, обшарпанными домами с разинутыми ртами ставен, лиственничными столбами, поднимающимися из ла-

ШЭПТ ГОРАДА, ШТО ПАТАНАЕ

Першыя абдымкі

Спусціўшыся па прыступках стазьёнэ Санта Лючыя, я прагна ўцягнуў ноздрамі сырое халоднае паветра. Дакладна так: пах мерзлага багавіння сапраўды абуджаў у душы нуду па агульным доме і тым часам, калі наш агульны продак мог прылічыць сябе да хордавых – калі б меў патрэбу ў самаідэнтыфікацыі. Атлантыда, якая паднялася з бездані, прыняла ў свае абдымкі адразу, як толькі вострая пыса хуткаснага цягніка ўткнулася ў платформу.

Шчодра разбаўленая кава была адзінай забавай за тых паўтары гадзіны, што заставаліся да пачатку курсіравання varoretto. За чорнай стужкай канала Грандэ імшыстае яйка купала Сан Сімеонэ Пікала адпачывала на тонкіх калонных ножках, пацярпеўшы паражэнне ў сваіх спробах плюхнуцца ў цёмныя воды і ўпасці на дно, дзе і належыць знаходзіцца Атлантыдзе. Зрэшты, густы туман і перадсвятальная цемра былі выдатнымі саўдзельнікамі, хаваючы ад рэдкіх ранніх мінакоў не толькі новыя планы ўцёкаў, але і іх уласныя целы. Спрытнасцю і вытанчанасцю вутроў у такіх умовах бачнасці выхваляліся толькі gagazzi, якія выгружалі з маленькай лодкі цяжкія скрынкі – бутэлькі свежага малака для вакзальнага кафэ.

Гэтай лютаўскай раніцай гаворка ішла зусім не пра легендарны nebbia – туман, густы настолькі, што Іосіф Бродскі, выходзячы з дому за цыгарэтамі, прасякаў у ім сваім целам калідор, па якім жа вяртаўся ў свае апартаменты. Ліпкая смуга была падобная хутчэй на лёгкую шапку пены твайго келіха латэ макіата. У гэтай пене губляліся бурбалкі-астравы, абтыканыя шпілямі цэркваў і званіц, слупамі, увянчанымі залатымі львамі, абшарпанымі дамамі з разяўленымі ратамі аканіц, лістоўнічнымі слупамі, якія ўздымаюцца з блакіту

зури вод. Где-то за туманом возвышался из вод перевернутый остов базилики Сан-Джорджо-Маджоре. Утренняя сырость, холод и ранний час заточали туристов в спальнях, и первый *varopetto*, прибывший на станцию Сан Заккария, был до отказа забит угрюмыми венецианцами. Привычно лавируя в лабиринтах улиц, огибая редкого замороженного путешественника, итальянцы спешили на работу, в школы, университеты и прочие учреждения, которые меньше всего ожидаешь встретить здесь.

Узкие петли улиц были пусты. Путь лежал к маленькой площади *Campo Bandiera e Moro*, туда, где втиснулась между домами церковь Сан-Джованни-ин-Брагора. Светало, и редкие венецианцы, вывалившись на улицу из утроб домов, шли теми же закоулками. Повсюду следами побоища виднелись свидетельства неблагодарности человеческого существа нетленной красоте этих мест. Безобразными бесформенными телами были разбросаны по островам мусорные пакеты и мешки. Иные подставляли зимнему ветру свои выпотрошенные внутренности, раскиданные по *fondamenta*; иные, покоровшись тому же ветру, висельниками покачивались на ручках домов и острых решетках оград. Эта картина тлена, впрочем, не затмевала общего фона — нерушимой, вечной красоты, что, кажется, неподвластна ни времени, ни этому самому тлену. В целом же это выглядело гораздо эстетичнее (если в свидетельствах извечно эгоцентричного бытия человека может быть эстетика), нежели вполне типичное утро в зловонной пасти московского Левиафана.

Не имея поддержки в лице прекрасной Ариадны, я, впрочем, успешно преодолел несколько лабиринтов, добравшись наконец до Сан-Джованни. Маленькая пустынная площадь перед скромной церковью, миниатюрностью словно компенсирующей свое величие, примечательна сыгранной ролью в мировой культуре. Именно здесь, на *Campo Bandiera e Moro*, более трех веков назад увидел свет болезненный недоносок. Родители новорожденного, решив, по-видимому, что сын

вады. Дзесьці за туманам узвышаўся з водаў перавернуты каркас базілікі Сан-Джорджа-Маджорэ. Ранішняя волкасць, холад і ранняя гадзіна знявольвалі турыстаў у спальнях, і першы vaporetto, які прыбыў на станцыю Сан Закарыя, быў бітком набіты панурымі венецыянцамі. Звыкла лавіруючы ў лабірынтах вуліц, агінаючы рэдкага зачараванага вандроўцу, італьянцы спяшаліся на працу, у школы, універсітэты і іншыя ўстановы, якія менш за ўсё чакаеш сустрэць тут.

Вузкія петлі вуліц былі пустыя. Шлях ляжаў да маленькай плошчы Campo Bandiera e Mogo, туды, дзе ўціснулася паміж дамамі царква Сан-Джавані-ін-Брагара. Світала, і рэдкія венецыянцы, вываліўшыся на вуліцу з чэраваў дамоў, ішлі тымі ж закуткамі. Паўсюль слядамі пабоішча відзеліся сведчанні няўдзячнасці чалавечай істоты да неўміручай прыгажосці гэтых месцаў. Пачварнымі бясформеннымі цэламі былі раскіданы па астравах смеццевыя пакеты і мяшкі. Адны падстаўлялі зімоваму ветру свае вытрыбушанья вантробы, раскіданыя па fondamenta; другія, скарыўшыся таму ж ветру, шыбенікамі калыхаліся на ручках дамоў і вострых рапотках агароджаў. Такая карціна тлену, дарэчы, не засланыла агульны фон – непарушную, вечную прыгажосць, што, здаецца, непадуладная ні часу, ні гэтаму самаму тлену. У цэлым жа гэта выглядала значна больш эстэтычна (калі ў сведчаннях адвечна эгацэнтрычнага быцця чалавека можа быць эстэтыка), чым поўнасьцю тыповая раніца ў смуроднай папчы маскоўскага Левіяфана.

Не маючы падтрымкі ў асобе прыгожай Арыядны, я, дарэчы, паспяхова пераадолеў некалькі лабірынтаў, дабраўшыся нарэшце да Сан-Джавані. Маленькая пустынная плошча перад сціслай царквой, мініяцюрнасьцю нібы кампенсуючы сваю веліч, цікавая сыгранай роляй у сусветнай культуры. Менавіта тут, на Campo Bandiera e Mogo, больш за тры стагоддзі таму ўбачыў свет хваравіты неданосак. Бацькі нованароджанага, вырашыўшы, відаць, што сын працягне ўсяго некалькі дзён, спешна хрысцілі немаўля ў Сан-Джавані-ін-Брагара. Менавіта ў гэтай царкве праз гады будзе служыць вядомы

протянет едва ли несколько дней, спешно крестили малыша в Сан-Джованнин-ин-Брагора. Именно в этой церкви годы спустя будет служить известный всему городу il prette rosso — рыжий священник, появившийся на свет раньше срока. Рыжеволосый пастор навсегда прославил и в спешке данное ему имя, и маленькую древнюю церковь, и родной город, и саму жизнь человеческую. Священника-недоноска звали Антонио Вивальди.

Ранним утром в отелях, съемных квартирах, хостелах, бывших палаццо и углах, хоть сколь-нибудь пригодных для проживания, еще спят те полчища саранчи, родина которых — Японские острова. Позже, когда туман рассеется, а гондольеры продерут глаза и прочистят глотки, они усеют своими телами фундамента и калле, пьядца и кампо, загрузят собой черные гробы гондол и заполонят все обозримое пространство до тех пор, пока не просадят кровно заработанные иены, и тогда им на смену придут новые, еще не насытившиеся полчища. До тех пор же, пока многочисленные траттории и остерии не сварили первый кофе, город предстает в истинном своем свете. Венеция утром напоминает все города мира — и не похожа ни на один из них. В этот час город принадлежит молчаливым и незаметным его хозяевам, венецианцам, в остальное время моллюском скрывающимся в раковинах ставень и прячущимся рыбой за корягами извилистых улиц. Венецианцы бегут, словно желают насытиться воздухом города, пока на улицах не показался турист и не вдохнул его весь без остатка. Матери, браня своих bambini, спотыкаясь тащат их, ухватив за цветные рюкзаки. Мужчины с помятыми лицами, словно стремящимися компенсировать обилие гладких масок, цаплями выхаживают с мусорными мешками. Хохоча пробегают по узким мостам озорные ragazzi. Мнутя у дверей домов растерянные заспанные негры. Столица морей, потягиваясь, садится на край кровати и бросает первый взгляд в окно.

С одного из сотен мостов, некогда носивших забытые ныне имена, открывается вид на узкий коридор канала Рио ди Сан Лоренцо. Здесь над нефритовой поверх-

ўсяму гораду il prette rosso – рыжы святар, які з’явіўся на свет раней тэрміну. Рыжавалосы пастар назаўсёды ўславіў і ў спешцы дадзенае яму імя, і маленькую старажытную царкву, і родны горад, і само жыццё чалавечае. Святара-неданоска звалі Антонія Вівальдзі.

З самага ранку ў атэлях, здымных кватэрах, хостэлах, былых палаца і кутах, хоць колькі-небудзь прыдатных для пражывання, яшчэ спіць тая процьма саранчы, радзіма якой – Японскія астравы. Пазней, калі туман расеецца, а гандальеры прадзяруць вочы і прачысцяць глоткі, яны ўсеюць сваімі цэламі фундамента і кале, п’яцца і кампа, загрузяць сабой чорныя труны гандол і запаланяць усю аглядную прастору да таго часу, пакуль не прасадзяць крэўна заробленыя іены, і тады ім на змену прыбудуць новыя полчышчы, якія яшчэ не насыціліся. Да таго ж часу, пакуль шматлікія тракторы і астэрыі не заварылі першую каву, горад паўстае ў праўдзівым сваім выглядзе. Венецыя раніцай нагадвае ўсе гарады свету – і не падобная ні на адзін з іх. У гэты час горад належыць маўклівым і незаўважным яго гаспадарам, венецыянкам, якія ў астатні час хаваюцца малюскам у ракавінах аканіц і рыбай за карчакамі звілістых вуліц. Венецыянцы бягуць, нібы жадаюць насыціцца паветрам горада, пакуль на вуліцах не з’явіўся турыст і не ўдыхнуў яго ўвесь без астатку. Мацеры, лаючы сваіх bambini, спатыкаючыся, цягнуць іх, ухапіўшы за каляровыя заплечнікі. Мужчыны з пакамечанымі тварамі, нібы імкнучыся кампенсаваць багацце гладкіх масак, чаплямі выходжаюць са смеццевымі мяшкамі. Рагочучы, прабягаюць па вузкіх мастах гарэзныя ragazzi. Мнуцца ля дзвярэй дамоў разгубленыя заспанія негры. Сталіца мораў, пацягваючыся, садзіцца на край ложка і кідае першы позірк у акно.

З аднаго з соцень мастоў, якія некалі насілі забытыя цяпер імёны, адкрываецца від на вузкі калідор канала Рыа дзі Сан Ларэнца. Тут над нефрытавай паверхняй водаў звісае нібы гатовы да спуску падвесны мост з фантазій сэра Уолтэра Скота, званіца храма Сан Джорджа дзі Грэчы. Узвездзеная пяць соцень гадоў таму грэкамі для грэкаў, Сан Джор-

ностью вод свисает, точно готовый к спуску подвесной мост из фантазий сэра Уолтера Скотта, колокольня храма Сан Джорджо деи Гречи. Воздвигнутая пять сотен лет назад греками для греков, Сан Джорджо деи Гречи выглядит прорисованным, тяжеловесным фрагментом картины города, написанной в импрессионистской технике отдельного мазка. Эти *touche divisée* плавных волн, парящих в небе жирных чаек, ярко-зеленых крыш траптарий, стоящих рядом, карнавальных масок, красных подушек плывущих мимо гондол словно наделяют здание церкви некой светимостью и необычайной легкостью восприятия. Лишь накрепко закрепленная колокольня выбивается из общей картины, словно Прекрасноволосый Харальд, объединив Норвегию, победоносно вонзил свой меч в землю. Греческая коммуна не могла бы лучше отметить место своего духовного триумфа на венецианской карте.

Воинство Святого Марка

Пiazza San Marco в полдень — ковчег, плывущий по нефритовой глади Адриатики. Любой зверинец мира мечтал бы заполучить в свою коллекцию гомункулов, пернатых и тварей, стерегущих покой Святого Марка. Торжество частиц, размеров и форм, торжество жизни в ее хаотичном движении на прямоугольной сковороде piazza тщательно оберегает все сущее, порожденное стараниями Хроноса. Прячутся в тумане, затаившись в облаках, огнегривые львы. Лапы их распростерты над островами, и в глади вод отражаются их мудрые беспокойные лица. Не это ли лица Святого Евангелиста? В смятении парят львы над тонущим ковчегом, ибо грешники, равно как и праведные, суть части одного бесконечного тысячелетнего маскарада, и отделить плевели от зерен мешают пестрые маски, мечущиеся по площади и расползающиеся по островам. Тихое хлопанье их

джа дэі Грэчы выглядае прамаліяваным, цяжкавагавым фрагментам карціны горада, напісанай у імпрэсіянісцкай тэхніцы раздзельнага мазка. Гэтыя *touche divisée* плаўных хваль, тоўстых чаек, якія лунаюць у небе, ярка-зялёных дахаў траторый, што стаяць побач, карнавальных масак, чырвоных падушак гандол, якія плывуць міма, нібы надзяляюць будынак царквы нейкай свяцільнасцю і незвычайнай лёгкасцю ўспрыняцця. Толькі нахіленая званіца выбіваецца з агульнай карціны, нібы Прыўкраснаволосы Гаральд, аб'яднаўшы Нарвегію, пераможна ўсадзіў свой меч у зямлю. Грэчаская камуна не магла б лепш адзначыць месца свайго духоўнага трыумфу на венецыянскай карце.

Ваярства Святога Марка

П'яцца Сан Марка апоўдні – каўчэг, які плыве па нефрытавай роўнядзі Адрыятыкі. Любы звярынец свету марыў бы займець у сваю калекцыю гамункулаў, птушак і стварэнняў, якія пільнуюць спакой Святога Марка. Свята часціц, памераў і формаў, свята жыцця ў яго хаатычным руху на прамавугольнай патэльні п'яццы пільна засцерагае ўсё існае, спароджанае стараннямі Хронаса. Хаваюцца ў тумане, стаіўшыся ў аблоках, вогнегры-выя львы. Лапы іх распасцёртыя над астравамі, і ў роўнядзі водаў адлюстроўваюцца іх мудрыя клапатлівыя твары. Ці не твары гэта Святога Евангеліста? У замяшанні лунаюць ільвы над каўчэгам, які тоне, бо грэшнікі, роўна як і праведныя, гэта часткі аднаго бясконцага тысячагадовага маскараду, і аддзяліць жыццё ад зерняў замянаюць пярэстыя маскі, што кідаюцца па плошчы і распаўзаюцца па астравах. Ціхі лопат іх крылаў закалыхвае Евангеліста, які спачывае ў саборы Сан Марка. Сотні гадоў таму яго, падчас знаходжання ў Александрыі, зманам вывезлі купцы, ратуючы неўміручыя мошчы Марка ад другой смерці. Сарацыны, якія знішчалі крыжы на карысць паўмесяца,

крыльев убаюкивает Евангелиста, почивающего в соборе Сан Марко. Сотни лет назад его, лежавшего в Александрии, обманом вывезли купцы, спасая нетленные мощи Марка от второй смерти. Сарацины, уничтожившие кресты в пользу полумесяца, не смогли ничего противопоставить предпринимательской хитрости героев-пройдох, чьи имена — Буоно и Рустико — сохранила для нас ненасытная Лета. Ровно тысячу сто восемьдесят семь лет назад в этот день в гавань вошло судно, в трюме которого среди свиных туш лежал покойный Евангелист. Благоговение венецианцев затопило улицы, и Святой Марк был спешно назначен новым небесным покровителем города; в том же темпе молодая bella ныряет в прохладные простыни нового ragazzo, в то время как кровать другого недавнего счастливицы еще остывает от жара ее тела. Святой Феодор был отправлен в вечную отставку — видно, в вопросах небесной протекции иерархия играет ту же роль, что и в сферах политических и любовных игр. Теперь глаза крылатого льва, не существующего в природе, пробегают по пьяцце, нефритовым волнам и строкам книги, где начертана всего одна фраза: «Мир тебе, Марк, мой Евангелист». Потомки Рустико и Буоно льстят себе надеждой подмазаться и к адресату, и к адресанту, поскольку полагают, что приютили мощи первого и хранят верность второму. Однако в своем стремлении обрести Pax Venetiana они не замечают, что автор недаром дважды указал имя получателя, и строка, столь возлюбленная ими, содержит еще приписку: «Tibi et igni».

Пока львы, обретшие крылья, хранят покой Святого Марка с высоты шпилей его собора, утратившие свою способность к полетам голуби патрулируют сковороду площади. Наряду с гондолами, мостами, карнавальными масками и извечными наводнениями голуби Сан Марко уже несколько десятков лет успешно и нещадно используются маркетологами в качестве одной из «визитных карточек» (фраза, столь же набившая оскомину, сколь и предметы, явления, ею обозначаемые) Венеции. Пернатый десант Сан Марко уже стал многолетней частью пейзажа, гра-

не змаглі нічога супрацьпаставіць прадпрымальніцкай хітрасці герояў-прайдзісветаў, чые імёны – Буона і Русціка – захавала для нас ненаедная Лета. Роўна тысяча сто восемдзясят сем гадоў таму ў гэты дзень у гавань увайшло судна, у труме якога сярод свіных туш ляжаў памерлы Евангеліст. Папана венецыянцаў затапіла вуліцы, і Святы Марк быў спешна прызначаны новым нябесным заступнікам горада; у тым жа тэмпе маладая bella нырае ў прахалодныя прасціны новага ragazzi, у той час як ложка іншага нядаўняга шчасліўчыка яшчэ астывае ад жару яе цела. Святы Феадор быў адпраўлены ў вечную адстаўку – відаць, у пытаннях нябеснай пратэкцыі іерархія адыгрывае тую ж ролю, што і ў сферах палітычных і любоўных гульняў. Зараз вочы крылатага льва, не існуючага ў прыродзе, прабягаюць па п'яцца, нефрытавых хвалях і радках кнігі, дзе напісана ўсяго адна фраза: «Мір табе, Марк, мой Евангеліст». Нашчадкі Русціка і Буона цешаць сябе надзеяй падмазацца і да адрасата, і да адрасанта, паколькі мяркуюць, што далі прытулак мошчам першага і захоўваюць вернасць другому. Аднак у сваім імкненні здабыць Рах Venezia яны не заўважаюць, што аўтар нездарма двойчы ўказаў імя атрымальніка, і радок, так упадабаны імі, утрымоўвае яшчэ прыпіску: «Tibi et igni».

Пакуль ільвы, якія займелі крылы, захоўваюць спакой Святога Марка з вышыні шпіляў яго сабора, галубы, страціўшы здольнасць да палётаў, патрулююць патэльную плошчы. Разам з гандоламі, мастамі, карнавальнымі маскамі і адвечнымі паводкамі галубы Сан Марка ўжо некалькі дзясяткаў гадоў паспяхова і неміласэрна выкарыстоўваюцца маркетологамі ў якасці адной з «візітных картак» (фраза, якая настолькі ж набіла аскаму, як і прадметы, з'явы, якія яна абазначае) Венецыі. Птушыны дэсант Сан Марка ўжо стаў шматгадовай часткай пейзажу, граніту, мармуру, сцен, маставой, шпіляў, галерэй, скляпенняў, аканіц, арак. Настолькі, што яшчэ паўстагоддзя таму, перасоўваючы птушак, як дарожныя камяні, некаторыя ўмельцы змаглі выкласці назву транснацыянальнай карпарацыі, пакрыўшы ўсю паверхню п'яццы. Справы мінулага, зрэштты, лёгка

нита, мрамора, стен, мостовой, шпилей, галерей, сводов, ставень, арок. Настолько, что еще полвека назад, перемещая птиц, как дорожные камни, некоторые умельцы смогли выложить название транснациональной корпорации, покрыв всю поверхность пьядцы. Дела минувшего, впрочем, легко воплотимы сегодня, однако голубями, сколь искусно ни расставленными, прохожих на Сан Марко не удивить. Такое обилие птиц, думается, — следствие соседства города с Райскими вратами (как уверяют искушенные деятели искусств и дрянные грошковые путеводители). И можно согласиться — как с первыми, так и с последними. Но близость с Небесной Канцелярией не ограничивается голубями — жирные чайки тыловыми генералами заполняют пространство между грязно-серыми мундирами вышагивающих голубок. И, будто требуя лестницу с седьмой ступенью, дабы окончательно стереть и без того размытую границу между Небесным и Земным, венецианцы сами становятся птицами — связующим звеном, перекинутым «отсюда» «туда», словно мост через канал дель Палаццо. В начале февраля, в дни карнавала, вокруг собора голубями прохаживаются участники костюмированного шествия, чьи наряды походят на оперение райских птиц. Носы многих масок, призванные вызывать ассоциацию скорее с чумными лекарями, истинной причиной черного цвета гондол и происхождением названия *Fondamenta degli Incurabili*, больше говорят о птичьих клювах. Похоже, всякий бывавший здесь полагает, что птиц здесь недостаточно и увеличение их поголовья (пусть даже и путем такого нелепого подражания) еще более приблизит Венецию к границам Империи Небесной. В этом стремлении заполнить зримое пространство крылатыми львами и небесными тварями венецианцы обращаются за помощью к мифологии Севера. Неподалеку от гордо восседающего на недвижимом коне Виктора Эммануила II мне повстречалась троица, невольно заворожившая бы любого, кто, подобно мне, имеет хотя бы шапочное знакомство со славянской мифологией. Навстречу людскому потоку неспешно и горделиво шли к Святому Марку

рэалізаваць сёння, аднак галубамі, як бы па-майстэрску яны ні былі расстаўлены, мінакоў на Сан Марка не здзівіць. Такое мноства птушак, думаецца, – следства суседства горада з Райскай брамай (як запэўніваюць спрактыкаваныя дзеячы мастацтваў і кепскія танныя даведнікі). І можна пагадзіцца – як з першымі, так і з апошнімі. Але блізкасць з Нябеснай Канцылярыяй не абмяжоўваецца галубамі – тоўстыя чайкі тылавымі генераламі запаланяюць прастору паміж брудна-шэрымі мундзірамі галубак, якія старанна выкочваюць. І, быццам патрабуючы ўсходы з сёмай прыступкай, каб канчаткова сцерці і без таго размытую мяжу паміж Нябесным і Зямным, венецыянцы самі становяцца птушкамі – злучным звяном, перакінутым «адсюль» «туды», нібы мост цераз канал дэль Палацца. Напачатку лютага, у дні карнавалу, вакол сабора галубамі праходжваюцца ўдзельнікі касцюміраванага шэсця, чые ўборы нагадваюць апярэненне райскіх птушак. Насы многіх масак, прызваныя выклікаць асацыяцыю хутчэй з чумнымі лекарамі, сапраўднай прычынай чорнага колеру гандол і паходжаннем назвы *Fondamenta degli Incurabili*, больш гавораць пра птушыныя дзюбы. Відаць, кожны, хто бываў тут, мяркуе, што птушак тут недастаткова і павелічэнне іх пагалоўя (хай нават і шляхам такога недарэчнага пераймання) яшчэ больш наблізіць Венецыю да межаў Імперыі Нябеснай. У гэтым імкненні запоўніць бачную прастору крылатымі львамі і нябеснымі стварэннямі венецыянцы звяртаюцца за дапамогай да міфалогіі Поўначы. Непадалёк ад Віктара Эмануіла II, які ганарліва сядзіць на нерухомым кані, мне сустрэлася троіца, якая міжволі заваражыла б любога, хто, падобна мне, мае хаця б шапачнае знаёмства са славянскай міфалогіяй. Насустрэч людскому патоку павольна і ганарліва ішлі да Святога Марка Сірын, Алканост і Гамаюн. Птушкі смутку і шчасця, птушкі вешчыя, якія апяваюць будучае і мінулае, салодкагалосыя жар-птушкі, магутныя фіністы могуць схаваць тут свае абліччы пад маскай з пап’е-машэ, але схаваць сваё апярэненне ім не пад сілу. І, калі венецыянскія касцюмеры не натхняліся славянскай міфалогіяй, гэтыя птушкі

Сирин, Алконост и Гамаюн. Птицы печали и счастья, птицы вестие, воспевающие грядущее и минувшее, сладкоголосые жар-птицы, могучие финисты могут скрыть здесь свои лики под маской из папье-маше, но спрятать свое оперение им не под силу. И, если венецианские костюмеры не вдохновлялись славянской мифологией, эти птицы североитальянского архипелага — лучшее доказательство правоты Эратосфена и Маклюэна, ведь сказанное некогда славянином, обогнув несущийся в пространстве шар, попадает в ушную раковину итальянца, и мир становится подобен небольшой деревне в глухой провинции. И того и гляди из нефритовой лагуны послышится душераздирающий клекот Стратима, и вслед за взмахом огромного крыла уйдет под воду Атлантида, столетиями тонущий город, и в воздухе повиснет на миг шепот сидящего в гондоле новоявленного Ромео своей тщетно молодящейся Джульетте. Утонут библиотеки, галереи, храмы, святыни, траттории, палаццо, энотеки, пансионы, публичные дома, Сан Микеле с его молчаливыми обитателями, фальшивые маскарадные птицы, голуби на Сан Марко... И только вечно тоскующий глаз крылатого льва запечатлеет картину нового Китеж-града с ракурса, о котором всегда молчат путеводители. И полноправными хозяевами улиц и храмов станут рыбы. Хордовые уже сейчас прицениваются к наследству своих двуногих потомков, нередко совершая набеги за данью. Набеги рыб на площадь Сан Марко увеличились в разы за последние десятилетия; нижайшая точка города становится заложницей своего положения. Сотню раз в год, во время *acqua alta*, волны и рябь становятся брусчаткой, а хордовые — полноправными участниками дорожного движения наряду с теми, кто пытается научиться ходить по воде, но неизменно замачивает икры. Тогда влажный рыбий глаз, а не фишай, запечатлевает колонну Святого Феодора, и плавник задевает уже не дно, но мостовую. Город уходит под воду — неизбежный и все чаще повторяющийся упрек матери дочери, вышедшей из ее естества. В этом Венеция уникальна — обрыдлое сравнение с Петербургом утрачива-

паўночнаітальянскага архіпелага – лепшы доказ праваты Эратасфена і Маклюэна, бо сказанае некалі славянінам, абмінуўшы шар, які нясецца ў прасторы, трапляе ў вушную ракавіну італьянца, і свет становіцца падобны на невялікую вёску ў глухой правінцы. Так і чакай, што з нефрытавай лагуны пачуецца жахлівы клікат Страціма, і ўслед за ўзмахам вялізнага крыла сыдзе пад ваду Атлантада, горад, які патанае стагоддзямі, і ў паветры павісне на імгненне шэпт прысутнага ў гандоле наваяўленага Рамэа да сваёй Джульеты, якая дарэмна малодзіцца. Патонучь бібліятэкі, галерэі, храмы, святыні, траторыі, палацца, энатэкі, пансіёны, публічныя дамы, Сан Мікеле з яго маўклівымі насельнікамі, фальшывыя маскарадныя птушкі, галубы на Сан Марка... І толькі адвечна тужлівае вока крылатага льва захавае карціну новага Кіцеж-града з ракурсу, пра які заўсёды маўчаць даведнікі.

І паўнапраўнымі гаспадарамі вуліц і храмаў стануць рыбы. Хордавыя ўжо цяпер прыцэньваюцца да спадчыны сваіх двухногіх нашчадкаў, нярэдка здзяйсняючы набегі за данінай. Набегі рыб на плошчу Сан Марка павялічыліся ў разы за апошнія дзесяцігоддзі; самая нізкая кропка горада робіцца закладніцай свайго становішча. Сотню разоў у год, падчас асца alta, хвалі і рабізна становяцца брукам, а хордавыя – паўнапраўнымі ўдзельнікамі дарожнага руху нароўні з тымі, хто спрабуе навучыцца хадзіць па вадзе, але нязменна замочвае лыткі. Тады вільготнае рыбіна вока, а не фішай, адлюстроўвае калону Святога Феадора, і плаўнік чапляецца ўжо не за дно, а маставую. Горад сыходзіць пад ваду – непазбежны і ўсё часцей паўтараемы папрок маці дачцэ, якая выйшла з яе існасці. У гэтым Венецыя ўнікальная – абрыдлае параўнанне з Пецярбургам губляе свой сэнс, калі ўспамінаеш пра матчына ўлонне абедзвюх сталіц – Поўначы і Мора. Усё ж вырасці на балотных купінах – зусім не тое, што выйсці, падобна Кіцеж-граду, з салёнай тоўшчы. Пра набліжанасць горада да Браны Рая гаворыць і сакральнае значэнне, якое прыпісваецца рыбе, злучанае напрамую з Сынам і Святым Духам. Венецыянцы

ет свой смысл, когда вспоминаешь о материнском лоне обеих столиц — Севера и Моря. Все же вырасти на болотных кочках — совсем не то, что выйти, подобно Китеж-граду, из соленой толщи. О приближенности города к Вратам Рая говорит и сакральное значение, приписываемое рыбе, связанное напрямую с Сыном и Святым Духом. Венецианцы вместе с рыбами впустили Дух в свои дома, на свои улицы и площади, в свое бытие, мировоззрение и сны. Ихтис на брусчатке и стенах домов — все то же следствие внеземного, внеформенного происхождения града на архипелаге. Захват города хордовыми проявляется и в лицах самих жителей. Рыбы, облаченные в ветровки и плащи, ловко научились перебирать плавниками, обутыми и зашнурованными. На улицах легко встретить подсевшего на граппу сома, забившегося под корягу траттории; пронырливого угря в соломенной шляпе, ловко управляющего гондолой; сельдей-горожан, плотно наполняющих своими телами внутренности лодок. Даже архитектура и инфраструктура города говорят о встрече человека с предком-рыбой: забитые телами varoretto плоскими ржавыми консервными банками покачиваются на волнах, изредка выпуская из своих недр сельдь в плащах. Шпили храмов и базилик серебряными вилками протыкают облака, и с точки зрения льва, нанизанного на вилку Сан Марко, прямоугольное блюдо пьядцы усыпано икринками-туристами. Рыбы — часть того же воинства, что сторожит покой Святого Марка, сваи, на которых стоит — пока и все еще — столица Морей. И неудивительно, что Иосиф Бродский, говоря о чувстве тихого счастья, волной лакающего душу поэтической природы, отождествлял себя с котом, съевшим рыбу. Весь архипелаг — огромная рыба, откусив кусочек которой, понимаешь, что насыщение души, глаза, тела, разума, чувств неизбежно, но наестся венецианскими хордовыми невозможно. Побывавшие здесь — неисцелимые, неутолимые коты, обреченные львами, птицами и рыбами на вечную песнь и тоску по уходящему в глубины Адриатики вместе со всей гарнизонной инфраструктурой воинству Евангелиста.

разам з рыбамі ўпусцілі Дух у свае дамы, на свае вуліцы і плошчы, у сваё быццё, светапогляд і сны. Іхціс на бруку і сценах дамоў – усё тое ж следства незямнога, пазаформеннага паходжання града на архіпелагу. Захоп горада хордавымі выяўляецца і ў тварах саміх жыхароў. Рыбы, убрання ў вятроўкі і плашчы, спрытна навучыліся перабіраць плыўнікамі, абутымі і зашнураванымі. На вуліцах лёгка сустрэць сома, які падсеў на грапу, забіўся пад карчак тракторы; пранырлівага вугра ў саламяным капялюшы, што спрытна кіруе гандолай; селядцоў-гараджан, якія шчыльна напаўняюць сваімі цэламі ўнутранасці лодак. Нават архітэктура і інфраструктура горада гавораць пра сустрэчу чалавека з продкам-рыбай: забітыя цэламі *carporetto* плоскімі ржавымі кансервавымі бляшанкамі кальшупца на хвалях, зрэдку выпускаючы са сваіх нетраў селядзец у плашчах. Шпілі храмаў і базілікаў серабрыстымі відэльцамі пратыкаюць аблогі, і з пункту гледжання льва, нанізанага на відэлец Сан Марка, прамавугольнае блюда п’яшцы абсыпана ікрынкамі-турыстамі. Рыбы – частка таго ж ваярства, што вартуе спакой Святога Марка, палі, на якіх стаіць – пакуль і ўсё яшчэ – сталіца Мораў. І нядзіўна, што Іосіф Бродскі, кажучы пра пачуццё ціхага шчасця, якое хваляй хлебча душу паэтычнай натуры, атаясамліваў сябе з катом, які з’еў рыбу. Увесь архіпелаг – вялізная рыбіна, адкусіўшы кавалачак якой, разумеш, што насычэнне душы, вока, цела, розуму, пачуццяў непазбежна, але наесціся венецыянскімі хордавымі немагчыма. Тыя, хто пабываў тут, – невылечныя, неспатольныя каты, асуджаныя львамі, птушкамі і рыбамі на вечную песню і нуду па ваярстве Евангеліста, што сыходзіць у глыбіні Адрыятыкі разам з усёй гарнізоннай інфраструктурай.

Letum non omnia finit

«Кот еще не покинул меня», — добавлял, вспоминая личину своего животного счастья, Бродский. В некотором роде, кот до сих пор с ним, и оба — неподалеку от того самого места, где поэт впервые мяукнул. Теперь он на той стороне, где грудью встречает адриатическую волну каменный борт Харонова челна — острова Мертвых. Сан Микеле — мрачный осколок суши среди виридиановой ряби, означенный венецианцами как та последняя гондола, что доставит их тленные формы и незримые сущности на Тот Берег. Его высокие каменные ограды сдерживают обитателей обособленного кладбища в своих пределах, дабы спасти Каннареджо и Мурано от участи добычи в день, когда их жители будут завидовать лежащим в земле на Сан Микеле. Этот брандмауэр стережет и молчание скорбных статуй от посягательств извне, отдаляя момент, когда столетний сон молчаливых островитян будет прерван неким вандалом. К этим каменным бортам прямоугольного острова притираются бока похоронных гондол, груженных венками и прахом, пристают *varopetto*, и с борта на борт, балансируя, перепрыгивает худошавый скорбящий венецианец, робко беря погост на бордаж. Пропуская вперед гондолы с похоронными кабинами, фиолетово-черные легато на нотоносце волн, поднимается из волнующейся прохлады ладья, парящая над водами, точно бронзовая фермата. На борту, покачиваясь на беспокойных волнах Адриатики, стоят двое — загробный житель и легендарный путешественник, вернувшийся из утробы Небытия. Вергилий указывает Алигьери пункт их назначения, спрятанный за каменными бортами стен. Ладья, созданная стараниями Франгуляна, ловит носом волну, направляясь к острову, где встречает речные трамваи на пристани наместник Плутона. Проводник указывает Данте место, начало и конец путешествия в Великое Ничто, за грань жизни, откуда флорентиец отправляется на свидание к Беатриче и куда пристаёт последняя

Letum non omnia finit

«Кот яшчэ не пакінуў мяне», – дадаваў, успамінаючы абрыс свайго жывёльнага шчасця, Бродскі. У пэўным сэнсе, кот дагэтуль з ім, і абодва – непадалёк ад таго самага месца, дзе паэт упершыню мяўкнуў. Зараз ён на тым баку, дзе грудзьмі сустракае адрытыгчную хвалю каменны борт Харонавага чоўна – вострава Мёртвых. Сан Мікеле – змрочны аскепак супы сярод вірыдыянавай рабізны, азначаны венецыянцамі як тая апошняя гандола, што даставіць іх тленныя формы і нябачныя сутнасці на Той Бераг. Яго высокія каменныя агароджы стрымліваюць насельнікаў адасобленых могілак у сваіх межах, каб выратаваць Канарэджа і Мурана ад долі здабычы ў дзень, калі іх жыхары будуць зайздросціць ляжачым у зямлі на Сан Мікеле. Гэты брандмаўэр шільнуе і маўчанне журботных статуй ад замахаў звонку, аддаляючы момант, калі стогадовы сон маўклівых астраўлян будзе перапынены нейкім вандалам. Да гэтых каменных бартоў прамавугольнага вострава прыціраюцца бакі пахавальных гандол, грузаных вянкамі і прахам, прыстаюць varopetto, і з борта на борт, балансуючы, пераскоквае хударлявы венецыянец у журбе, нясмела беручы могільнік на абардаж.

Прапускаючы наперад гандолы з пахавальнымі кабінамі, фіялетава-чорныя легата на натамосцы хваль, паднімаецца з усхваляванай прахалоды ладдзя, якая лунае над водамі, нібы бронзавая фермата. На борце, калышучыся на клапатлівых хвалях Адрыятыкі, стаяць двое – замагільны жыхар і легендарны вандроўца, які вярнуўся з чэрава Нябыту. Вяргілій паказвае Аліг’еры пункт іх прызначэння, схаваны за каменнымі бартамі сцен. Ладдзя, створаная стараннямі Франгуляна, ловіць носам хвалю, накіроўваючыся да вострава, дзе сустракае рачныя трамваі на прыстані намеснік Плутона. Правадыр паказвае Дантэ месца, пачатак і канец вандроўкі ў Вялікае Нішто, за грань жыцця, адкуль фларэнтыец адпраўляецца на спатканне да Беатрычэ і куды прыстае апошняя гандо-

гондола в жизни каждого венецианца. Адриатическая толща обращается водами Ахерона, и волны вскипают под брюхом бронзовой ладьи проклятыми душами. Забитая телами ржавая банка корабля обгоняет вечных странников. Похожий на грека старик со всклокоченной бородой, стоя в рубке, поворачивает посудину вправо и со скрежетом трется о борта пристани. Тишину острова нарушает треск турникетов — плата за переправу на *varopetto*, — и сходит с борта путник, пожелавший пройти под каменной аркой Сан Микеле.

Здесь, за широкими стенами, среди мертвой тишины, лежит погруженный в сон гарнизон Михаила Архангела — Святого Микеле. Едва слышно войско производит расчет, и фамилии набегают друг на друга, точно папки в архивных шкафах. Под натиском времени к праху ложится прах гранитных изваяний, крестов, плит. Придавленное рухнувшими своими надгробиями спит святое воинство в тени деревьев — в этих краях необычайно редкий и драгоценный подарок, отправленный живыми курьером на Тот Берег. Ступая по мягкой земле Сан Микеле, чувствуешь, как под ее толщей вздымаются разломанные клетки груди, и слышишь изредка беспокойный вздох. Чутко спят островитяне на Сан Микеле — ввиду особой близости венецианского архипелага к Небесным Вратам они знают, что первыми будут призваны по сигналу архистратига, и бросятся, истлевшие, в самое пекло в авангарде. Кости их ломит от груза плит, вдавивших останки в почву, и осознания собственной исключительной роли в качестве воинства Святого Микеле. Видно, потому на острове стоит та самая напряженная тишина, которую сложно назвать мертвой, — отсутствие всякого звука, кроме твоего сердцебиения, какое бывает за несколько секунд перед началом атаки. Атмосфера до предела напряжена и готова к прыжку.

Плотную материю беззвучия изредка с треском разрывает скрежет чаек. Залетные беззаконники, пренебрегающие стенами Сан Микеле, равно как и уважением к чуткой дремоте островитян, являются здесь третьим свидетельством жизни за

ла ў жыцці кожнага венецыянца. Адрыятычная тоўшча абарочваецца водамі Ахерона, і хвалі ўскіпаюць пад пузам бронзавай ладзі праклятымі душамі. Забітая целамі ржавая бляшанка карабля абганяе вечных вандроўнікаў. Падобны на грэка стары з ускалмачанай барадой, стоячы ў рубцы, паварочвае пасудзіну направа і са скрыгатам трэцца аб барты прыстані. Цішыню вострава парушае трэск турнікетаў – плата за пераправу на varopetto, – і сходзіць з борта падарожнік, які вырашыў прайсціся пад каменнай аркай Сан Мікеле.

Тут, за шырокімі сценамі, сярод мёртвай цішыні, ляжыць пагружаны ў сон гарнізон Міхаіла Архангела – Святога Мікеле. Ледзь чутна войска выконвае разлік, і прозвішчы набягаюць адно на другое, нібы папкі ў архіўных шафах. Пад націскам часу да праху кладзецца прах гранітных статуй, крыжоў, пліт. Прыціснутае паваленымі сваімі надмагіллямі спіць святое ваярства ў цені дрэў – у гэтых краях незвычайна рэдкі і каштоўны падарунак, адпраўлены жывымі кур’ерам на Той Бераг. Ідучы па мяккай зямлі Сан Мікеле, адчуваеш, як пад яе тоўшчай уздымаюцца разламаныя клеці грудзеў, і чуеш зрэдку клапатлівы ўздых. Чула спяць астраўляне на Сан Мікеле – з прычыны асобай блізкасці венецыянскага архіпелага да Нябеснай Браны яны ведаюць, што першымі будуць закліканыя па сігнале архістраціга, і кінуцца, спарохнелыя, у самае пекла ў авангардзе. Косці іх ломіць ад цяжару пліт, якія ўціснулі астанкі ў глебу, і ўсведамлення ўласнай выключнай ролі ў якасці ваярства Святога Мікеле. Відаць, таму на востраве стаіць тая самая напружаная цішыня, якую складана назваць мёртвай, – адсутнасць усякага гуку, акрамя твайго сэрцабіцця, якое бывае за некалькі секунд да пачатку атакі. Атмасфера да грані напружаная і гатовая да скачка.

Шчыльную матэрыю бязгучнасці зрэдку з трэскам раздзірае скрыгат чаек. Залётныя беззаконнікі, якія грэбуюць сценамі Сан Мікеле, роўна як і павагай да чулай дрымоты астраўлян, з’яўляюцца тут трэцім сведчаннем жыцця за межамі могільніка пасля худых,

пределами погоста после тощих, как поминальные свечи, фигур скорбящих или интересующихся посетителей и различных форм почтения и почитания на плитах — от пластиковых цветов до пожелтевших записок и пуантов. Жирные птицы генералами маршируют по надгробиям, берут в окружение мраморную Мадонну, захватывают покосившиеся кресты, атакуют удобренные венецианцами деревья. Крылатые мародеры, словно заняв остров, триумфально развалились под сенью деревьев, горланя пьяные песни победы. Подобный вопль вряд ли услышишь на свете: нигде больше чайки не разразились бы такой душераздирающей бранью. Чайный крик на Сан Микеле — нечто среднее между отчаянным воем мучимой кошки и смехом ожившего покойника из скверного бюджетного хоррора. Если подобный скрежет и можно назвать песней, то, несомненно, грязно-серые бандиты, сидя на могилах, горланят «Wir sind des Geyers schwarzer Haufen». От подобной безнаказанности клювастых мародеров, равно как и от смиренного молчания островитян, кровь останавливает свой бег.

Полагаю, виной тому схожесть фонетики, но мне кажется, что чайки в Венеции думают на немецком. Как бы то ни было, на острове Мертвых были те, кто думал (или, если же вам чужда вера в любую форму загробной жизни, некогда думал) на языке, на котором я пишу эти строчки, и, следовательно, кто был мне практически кровной родней. Фамилии этих островитян сегодняшние поколения разучивает едва ли не во время материнского кормления — Бродский, Стравинские, Дягилев. Последний был первым, кто прописался в сырой земле Сан Микеле — при невозможности при жизни иметь скромнейшие из апартаментов Венеции. Сергей Дягилев — имя, которое служит подчас лучшим предметом российского экспорта, чем топливные и энергетические ресурсы, — последние годы дышал в кредит и в конце концов купил билет в один конец на гондолу до Сан Микеле, находясь в гостиничном номере, ставшем ему предпоследним приютом на архипелаге. Харону Дягилев, вероятно, заплатил также своей фамилией, поскольку

як хаўтурныя свечкі, фігур журботных альбо цікаўных наведвальнікаў і розных формаў павагі і шанавання на плітах – ад пластыкавых кветак да жоўклых цыдулак і пуантаў. Тоўстыя птушкі генераламі маршыруюць па надмагіллях, бяруць у акружэнне мармуровую Мадонну, захопліваюць пакрыўленыя крыжы, атакуюць угноеныя венецыянцамі дрэвы. Крылатыя марадзёры, нібы заняўшы востраў, трыумфальна разваліліся пад шатамі дрэў, гарлапанячы п’яныя песні перамогі. Падобны лямант наўрад ці пачуеш у свеце: больш нідзе чайкі не выбухнулі б такой жахлівай лаянкай. Крык чаек на Сан Мікеле – нешта сярэдняе паміж адчайным выцём кошки, якую мучаюць, і смехам ажыўшага нябожчыка з кепскага бюджэтнага хорару. Калі падобны скрыгат і можна назваць песняй, то, несумненна, брудна-шэрыя бандыты, седзячы на магілах, гарлапаняць «Wir sind des Geyers schwarzer Haufen». Ад падобнай беспакаранасці дзюбастых марадзёраў, як і ад пакорнага маўчання астраўлян, кроў спыняе свой бег. Мяркую, віной таму падабенства фанетыкі, але мне здаецца, што чайкі ў Венецыі думваюць па-нямецку. Як бы там ні было, на востраве Мёртвых былі тыя, хто думаў (альбо, калі вы не верыце ў любую форму замагільнага жыцця, некалі думаў) на мове, на якой я пішу гэтыя радкі, і, такім чынам, хто быў мне практычна кроўнай раднёй. Прозвішчы гэтых астраўлян сённяшняе пакаленне развучвае ледзь не падчас матчынага кармлення – Бродскі, Стравінскія, Дзягілеў. Апошні быў першым, хто прапісаўся ў волкай зямлі Сан Мікеле – пры немагчымасці пры жыцці мець самыя сціплыя з апартаментаў Венецыі. Сяргей Дзягілеў – імя, якое служыць часам лепшым прадметам расійскага экспарту, чым паліўныя і энергетычныя рэсурсы, – апошнія гады дыхаў у крэдыт і ўрэшце купіў квіток у адзін канец на гандолу да Сан Мікеле, знаходзячыся ў гасцінічным нумары, які стаў яму перадапошнім прытулкам на архіпелагу. Харону Дзягілеў, верагодна, заплаціў таксама сваім прозвішчам, паколькі кішэні яго штаноў, якія яшчэ захоўвалі цяпло ўладальніка, аказаліся абсалютна пустыя. Зрэшты, такая плата за пераправу знач-

карманы его брюк, еще хранивших тепло владельца, оказались абсолютно пусты. Впрочем, такая плата за переправу гораздо дороже стандартной таксы за проезд. В последний путь жившего бобылем антрепренера проводили за счет Шанель — его доброго друга. На могиле его сегодня стоит фотография — дешевая газетная вырезка в скромной рамке — и лежат пуанты, набитые песком, — знак поминальных attitudes на могиле Мастера.

Пожалуй, лучшая часть этого легиона Святого Михаила имеет русские корни — что, *à parler franc*, должно было бы возвеличить этот венецианский остров до уровня своего рода культурной Мекки, никак не менее значимой, чем некрополь в Кремлевской стене. Так, соседом Дягилева стал его протеже, еще один гений уровня, на котором теряют границы градация и национальная принадлежность, — Игорь Стравинский. Рядом с ним покоится его жена Вера, оба — под скромными плитами. Здесь, на Сан Микеле, соседи не знают о них ничего, кроме имен; Впрочем, именно здесь Стравинский мог бы найти самую благодарную публику. Где еще могли бы так проникновенно звучать его *Requiem Canticles*. Кажется, именно Сан Микеле послужил вдохновением для Бёклина при написании его *Die Toteninsel* — огромные каменные стены, стучащиеся в бесконечность кипарисы, удобренные прахом, и челн (гондола?) под управлением безымянного рулевого — все это видит каждый, кто приближается к владениям Святого Микеле. Клочок земли, послуживший, вероятно, вдохновением для Бёклина, а следовательно, для Дали, Рахманинова, Макса Эрнста и многих других, мог бы стать достойным концертным залом для Стравинского. Звуки его произведений раз и навсегда разорвали бы плотную тишину погоста, успокоив безутешных островитян и заглушив их тяжелое дыхание и стоны. И чайки бы, сплюнув и процедив «*Scheisse!*», заткнулись и сложили погоны, признав про себя исключительное превосходство Гения.

на даражэй за стандартную таксу за праезд. У апошні шлях антрэпрэнёра, які жыў бабылём, праводзілі за кошт Шанэль – яго добрага сябра. На магіле яго сёння стаіць фатаграфія – танная газетная выразка ў сціплай рамцы – і ляжаць пуанты, набітыя пяском, – знак памінальных attitudes на магіле Майстра.

Мабыць, лепшая частка гэтага легіёна Святога Міхаіла мае рускія карані – што, à parler franc, павінна было б узяць гэты венецыянскі востраў да ўзроўню свайго роду культурнай Меккі, ніяк не менш значнай, чым некропаль у Крамлёўскай сцяне. Так, суседам Дзягілева стаў яго пратэжэ, яшчэ адзін геній узроўню, на якім губляюць межы градацыя і нацыянальная прыналежнасць, – Ігар Стравінскі. Побач з ім яго жонка Вера, або два – пад сціплымі плацімі. Тут, на Сан Мікеле, суседзі не ведаюць пра іх нічога, акрамя імёнаў; зрэшты, менавіта тут Стравінскі мог бы знайсці самую ўдзячную публіку. Дзе яшчэ маглі б так пранікліва гучаць яго Requiem Canticles. Здаецца, менавіта Сан Мікеле паслужыў натхненнем для Бёкліна пры напісанні яго Die Toteninsel – вялізныя каменныя сцены, кіпарысы, якія стукаюцца ў бясконцасць, угноеныя прахам, і човен (гандола?) пад кіраваннем безназоўнага рулявога – усё гэта бачыць кожны, хто набліжаецца да ўладанняў Святога Мікеле. Шматок зямлі, які паслужыў, верагодна, натхненнем для Бёкліна, а такім чынам, для Далі, Рахманінава, Макса Эрнста і многіх іншых, мог бы стаць годнай канцэртнай залай для Стравінскага. Гукі яго твораў аднойчы і назаўжды разарвалі б пчыльную цішыню пагоста, супакоіўшы няўцешных астраўлян і заглушыўшы іх цяжкае дыханне і стогны. І чайкі б, сплюнуўшы і працадзіўшы «Scheisse!», затыкнуліся і склалі пагоны, прызнаўшы пра сябе выключную перавагу Генія.

Але да таго часу сімфонія старога могільніка абмяжоўваецца варварскімі крыкамі чаек, шумам кіпарысаў, рэдкімі, ледзь улоўнымі гукамі разбурэння і шэптам. Шэпт вісіць над Сан Мікеле, нібы праславутая певбіа, пранікае ў расколіны магільных плаіт, полагам ахінае плечы статуй, якія дубянеюць, калыша анучныя пялёсткі заведама нежы-

Но до тех пор симфония старого погоста ограничивается варварскими воплями чаек, шумом кипарисов, редкими, едва различимыми звуками разрушения и шепотом. Шепот висит над Сан Микеле, точно пресловутая *nebbia*, проникает в трещины могильных плит, покровом укутывает плечи леденеющих статуй, колышет тряпичные лепестки заведомо безжизненных цветов, эхом повторяясь в арках, церквах, склепах. Среди молитв, обращений к почившим родным и близким, размышлений вслух, плача и переговоров особое место в общей толще этого шепота занимают стихи, звучащие на Сан Микеле особенно часто, и преимущественно — на русском языке. Строки эти, как правило, написаны одним автором — и ему же посвящены. Поэт спит в стороне от легендарных соотечественников, изгнанный посмертно так же, как был сослан при жизни, под скромным надгробием, где кириллица встречается с латиницей, образуя слова — Иосиф Бродский. Увидев его последний приют, парируешь ему: смерть — это то, что бывает с каждым. Но Бродский достойно держит удар и своим посмертным выпадом не оставляет тебе шансов на победу — на мраморной плите сзади высечено легендарное «*Letum non omnia finit*». Поэт закуривает и нервно усмехается. Туше.

Плавный ход часового маятника декламирует не то за самим «Джозефом», не то за предшествовавшим ему Павезе строку о кончине. Он вступает в долгий спор, сводящийся в конечном счете к вопросу о том, чьи глаза принадлежат смерти — Марины Басмановой или Констанс Даулинг. Материя пожимает плечами — что-то произошло со взглядом некогда загадочной Марины, а Констанс и вовсе полвека глядит на мир с позиций праха. О чем вести речь, если и предмет, и дискутирующие давно покоятся на дне мутной Леты и шепотом просят оставить их в покое? Ответ на вопрос, впрочем, легко дадут твои наручные часы. Кому бы ни принадлежали глаза Танатоса (или его более привлекательной личины), есть кое-что гораздо важнее споров о форме, цвете и разрезе. Там, за зрачком, будет нечто — великое Быть Может, вспоминая Рабле, — что полностью закрепит тор-

вых кветак, рэхам паўтараючыся ў арках, цэрквах, скляпах. Сярод малітваў, зваротаў да спачылых родных і блізкіх, разважанняў усных, плачу і перамоў адмысловае месца ў агульнай тоўшчы гэтага шэпту займаюць вершы, якія гучаць на Сан Мікеле асабліва часта, і пераважна – на рускай мове. Радкі гэтыя, як правіла, напісаны адным аўтарам – і яму ж прысвечаны. Паэт спіць убаку ад легендарных суайчыннікаў, выгнаны пасмяротна гэтак жа, як быў сасланы пры жыцці, пад сціплым надмагіллем, дзе кірыліца сустракаецца з лацінкай, утвараючы словы – Іосіф Бродскі. Ubачыўшы яго апошні прытулак, прыруеш яму: смерць – гэта тое, што бывае з кожным. Але Бродскі годна трымае ўдар і сваім пасмяротным выбрыкам не пакідае табе шанцаў на перамогу – на мармуровай пліце ззаду высечана легендарнае «Letum non omnia finit». Паэт закурвае і нервова пасміхаецца. Тушэ.

Плаўны ход гадзіннікавага маятніка дэкламуе ці то за самім «Джозэфам», ці то за яго папярэднікам Павезэ радок пра скон. Ён уступае ў доўгую спрэчку, якая зводзіцца ў канчатковым рахунку да пытання пра тое, чые вочы належаць смерці – Марыны Басманвай альбо Канстанс Даўлінг. Матэрыя паціскае плячамі – штосьці адбылося з позіркам некалі загадкавай Марыны, а Канстанс і зусім паўстагоддзя глядзіць на свет з пазіцый праху. Пра што весці гаворку, калі і прадмет, і тыя, што дыскусуюць, даўно спачываюць на дне каламутнай Леты і шэптам просяць пакінуць іх у спакой? Адказ на пытанне, зрэшты, лёгка дасць твой наручны гадзіннік. Каму б ні належалі вочы Танатаса (ці яго больш прывабнае аблічча), ёсць штосьці значна важнейшае за спрэчкі пра форму, колер і разрэз. Там, за зрэнкай, будзе нешта – вялікае Быць Можа, успамінаючы Рабле, – што цалкам замацуе ўладу Часу над Матэрыяй і абясмерціць насельнікаў Сан Мікеле. Смерцю ўсё не канчаецца – ні Бродскі з Дзягілевым, ні старажытны востраў Мёртвых з яго кіпарысамі, ні ўвесь венецыянскі архіпелаг, які павольна сыходзіць на дно Адрыятыкі. Магчыма, менавіта гэты радок шэпчуць сабе пад нос крылатыя львы над Сан Марка, абнадзейваючы сябе ў прадчуванні хуткага скону.

жество Времени над Материей и обессмертит обитателей Сан Микеле. Смертью все не кончается — ни Бродский с Дягилевым, ни древний остров Мертвых с его кипарисами, ни весь венецианский архипелаг, медленно уходящий на дно Адриатики. Возможно, именно эту строку шепчут себе под нос крылатые львы над Сан Марко, обнадеживая себя в предчувствии скорой кончины.

Frasesmozzicate

Набившее оскомину сравнение Венеции с Санкт-Петербургом с некоторых пор полагаю не просто неуместным, но в каком-то роде даже оскорбительным для Моря и Севера. Перво-наперво, в моем понимании, существует некий уровень, за пределами которого градация уже не имеет права на существование. Вы вряд ли расположите фамилии Достоевский — Толстой — Лермонтов по ранжиру, исходя из позиций объективных. Это и есть тот самый предел, за чертой которого не должно существовать чередования. В противном итоге все сводится к пустому спору о субъективных предпочтениях, возможно, заведенному в попытке хоть сколь-нибудь обозначить свою позицию и привлечь внимание других к своему выбору. Вспомнилась детская книжка, герой которой долго и рассудительно обосновывал, почему он предпочитает «корзиночку» эклеру. Петербург и Венеция — вещи настолько же несовместимые, потому всерьез считаю метафоры наподобие «Северной Венеции» или (о чем, впрочем, никогда не слышал) «Южного Санкт-Петербурга» крайне неуместными. Однако я покривлю душой, если не удовлетворю собственное стремление отдать голос в этой борьбе. За это прошу меня простить и утешаю себя мыслью, что это размышление может вдруг сослужить читающему добрую службу. Итак, прежде всего, говоря об уникальности локаций, уличных ландшафтов, эстетике места — иными словами, о городе как

Fraser i smozzicate

Параўнанне Венецыі з Санкт-Пецярбургам, якое набіла аскому, з некаторага часу лічу не проста недарэчным, але ў пэўным сэнсе нават абразлівым для Мора і Поўначы. Перш-наперш, у маім разуменні, існуе нейкі ўзровень, за межамі якога градацыя ўжо не мае права на існаванне. Вы наўрад ці размесціце прозвішчы Дастаеўскі – Галсты – Лермантаў па ранжыру, зыходзячы з пазіцый аб’ектыўных. Гэта і ёсць тая самая мяжа, за якой не павінна існаваць чаргавання. У адваротным выніку ўсё зводзіцца да пустой спрэчкі пра суб’ектыўныя перавагі, магчыма, заведзенай у спробе хоць як-небудзь пазначыць сваю пазіцыю і прыцягнуць увагу іншых да свайго выбару. Успомнілася дзіцячая кніжка, герой якой доўга і разважліва абгрунтоўваў, чаму ён аддае перавагу «карзіначы» перад эклерам. Пецярбург і Венецыя – рэчы настолькі ж несумяшчальныя, таму ўсур’ёз лічу метафары накшталт «Паўночная Венецыя» ці (пра што, зрэшты, ніколі не чуў) «Паўднёвы Санкт-Пецярбург» вельмі недарэчнымі. Аднак я пакрыўлю душой, калі не задаволю ўласнае імкненне аддаць голас у гэтай барацьбе. За гэта прашу мне прабачыць і суцяшаю сябе думкай, што гэта разважанне можа раптам саслужыць чытачу добрую службу. Такім чынам, перш за ўсё, гаворачы пра ўнікальнасць лакацый, вулічных ландшафтаў, эстэтыку месца – іншымі словамі, пра горад як пра гідрасасуд, разумееш, што сутыкаешся са з’явай унікальнай у абодвух выпадках. Вены, па якіх цячэ вада, а не аўтамабільны паток, складаюць, безумоўна, феноменальнасць абедзвюх сталіц. Аднак паходжанне гэтых каналаў варта ўдакладніць: горад, які вырастае на балотных купінах, – зусім не той, што вырастае з вады, нібы Хрыстос з Бездані. І тут уяўленне аддае перавагу апошняму з прычыны таго, што падмурак яго – найчыстая salt water, у адрозненне ад пецярбургскага terraqueous. Акрамя таго, манахромная панарама Пецярбурга – важкая нагода ўсумніцца ў адсутнасці ў цябе ахроматасіі.

о гидроемкости, понимаешь, что сталкиваешься с явлением уникальным в обоих случаях. Вены, по которым течет вода, а не автомобильный поток, составляют, безусловно, феноменальность обеих столиц. Однако происхождение этих каналов следует уточнить: город, выросший на болотных кочках, — совсем не то, что вырастающий из воды, словно Христос из Бездны. И здесь воображение отдает предпочтение последнему ввиду того, что фундамент его — чистейшая salt water, в отличие от петербургского terraqueous. Кроме того, монохромная панорама Петербурга — веский повод усомниться в отсутствии у тебя ахроматопсии. В то же время даже февральское туманное утро в Венеции способно предоставить на выбор немалую палитру. Начиная с ундариин, окрашивающей воды Адриатики в виридиан и нефрит, против темной лазури Невы, заканчивая янтарем граппы против водочного транспаренте — прибавь к этому насыщенность венецианского карнавала, словно стремящуюся увеличить отрыв в цветовом соревновании, и получишь место, где глаз гораздо чаще цепляется во время бега по поверхности. Впрочем, должен сказать, насыщенность красок Венеции не мешает меланхоликам и их одиночеству — разорвать контракт с жизнью их тянет как здесь, так и в Петербурге. Притом точка, поставленная в Венеции, смотрится даже поэтичнее. По счастью, подобные мысли, как правило, остаются в долгом ящике или же, в случае с упомянутым уже Бродским, — на полотне бумаги. Добавь к этому потенциальную возможность скорой трагической кончины города, уход на дно в прямом эфире, перед зрочком всех телекамер планеты, чего не знали ни Атлантида, ни Китеж-град, ни Гераклион, ни Шичэн, ни Молога, ни Калязин. Добавь — и получишь город, неповторимый с точки зрения романтизма, готовый напоследок отдаться без остатка, — дар causa mortis. Куда там духовным метаниям Севера. От осознания этого натура романтическая легко может прыгнуть с ума. Оттого, видимо, Санкт-Петербург играет для некоторых особую роль, в некотором роде предваряя знакомство с Венецией. Подобно тому как святой,

У той жа час нават лютаўская туманная раніца ў Венецыі здольная прадставіць на выбар немалую палітру. Пачынаючы з ундарыі, якая афарбоўвае воды Адрыятыкі ў вірыдыян і нефрыт, супраць цёмнага блакіту Нявы, канчаючы бурштынам грапы супраць гарэлкавага транспарэнтэ – дадай да гэтага насычанасць венецыянскага карнавалу, якая нібы імкнецца павялічыць адрыў у каляровым спаборніцтве, і атрымаеш месца, дзе вока значна часцей чапляецца падчас бегу па паверхні. Зрэшты, павінен сказаць, насычанасць фарбаў Венецыі не замінае меланхолікам і іх адзіноце – разарваць кантракт з жыццём іх цягне як тут, так і ў Пецярбургу. Прытым кропка, пастаўленая ў Венецыі, глядзіцца нават паэтычней. Па шчасці, падобныя думкі, як правіла, застаюцца ў доўгай скрыні ці ж, у выпадку са згаданым ужо Бродскім, – на палатне паперы. Дадай да гэтага патэнцыйную магчымасць хуткага трагічнага скону горада, сыход на дно ў прамым эфіры, перад зрэнкай усіх тэлекамер планеты, чаго не ведалі ні Атлантада, ні Кіцеж-град, ні Геракліон, ні Шычэн, ні Малога, ні Калязін. Дадай – і атрымаеш горад, непаўторны з пункту гледжання рамантызму, гатовы напрыканцы аддацца без астатку, – дарунак *causa mortis*. Куды там духоўным гайсанням Поўначы. Ад усведамлення гэтага натура рамантычная лёгка можа выбіцца з розуму. Таму, мабыць, Санкт-Пецярбург іграе для некаторых асаблівую ролю, у пэўным сэнсе падрыхтоўваючы да знаёмства з Венецыяй. Падобна таму як святы, імя якога носіць горад, стаіць ля Райскай Браны, праводзячы інструктаж візіцёрам і паказваючы на спецыфіку мясцовасці, сталіца Поўначы рыхтуе да магчымай сустрэчы са сталіцай Мораў. Пецярбург, такім чынам, становіцца пятай прыступкай у гогалеўскіх усходах, дзе шостаі папярочкай з’яўляецца Венецыя, а сёмай – адзін Бог ведае, што. Астатнія чатыры добра вывучаныя, мабыць, толькі самім Мікалаем Васільевічам. Аддаючы перавагу Венецыі, зрэшты, не магу не адзначыць асаблівае становішча горада на сусветнай карце (выхад на Адрыятыку, зручнае размяшчэнне на лініі старажытных гандлёвых шляхоў і, як следства, прырост матэрыяльных

имя которого носит город, стоит у райских врат, раздавая инструктаж входящим и указывая на специфику местности, столица Севера готовит к возможной встрече со столицей Морей. Петербург, таким образом, становится пятой ступенью в гоголевской лестнице, где шестой перекладиной является Венеция, а седьмой — один Господь знает, что. Оставшиеся четыре хорошо изучены, видимо, лишь самим Николаем Васильевичем. Отдавая предпочтение Венеции, впрочем, не могу не отметить особое положение города на мировой карте (выход на Адриатику, удобство расположения на линии древних торговых путей и, как следствие, прирост материальных и духовных богатств города), а также пятнадцать веков развития, что, несомненно, также обеспечивает Святому Марку победу над Святым Петром. Однако само сравнение юного, трехсотлетнего Петербурга со столицей Морей говорит о вероятности противоположного исхода — *ceteris paribus*.

Хочется упомянуть также необычайность венецианской архитектуры при ограниченности рабочего материала и существующих измерений. Неисчислимы палаццо византийского, романского и готического стилей выходят дверями к воде — и оттого создается впечатление, что дома парят над поверхностью Адриатики. Оттого — или (что вероятнее) по причине того, что многие из них не имеют под собой фундамента в привычном нам понимании этого слова и покоятся даже не на островах, а на деревянных сваях, возраст иных из которых перебрался через тысячелетие. Добавлю также, что соседство с водной рябью или причудливая игра светотени на стенах палаццо, где отражается игривый проблеск ледяных волн, создает иллюзию, будто пресловутая *acqua* — едва ли не главный строительный материал города. Даже многочисленные церкви, невзирая на масштабность (своей архитектуры и/или концепции), выглядят пряничными домиками детских рождественских яслей. Полагаю, что эта иллюзия легкости городецкого резного наличника достигается за счет подвижности «мостовых», насыщенности

і духоўных багаццяў горада), а таксама пятнаццаць стагоддзяў развіцця, што, несумненна, таксама забяспечвае Святому Марку перамогу над Святым Пятром. Аднак само параўнанне юнага, трохсотгадовага Пецярбурга са сталіцай Мораў гаворыць пра верагоднасць процілеглага зыходу – *ceteris paribus*.

Хочацца згадаць таксама незвычайнасць венецыянскай архітэктуры пры абмежаванасці працоўнага матэрыялу і існуючых вымярэнняў. Незлічоныя палацца візантыйскага, раманскага і гатычнага стыляў выходзяць дзвярамі да вады – і таму ствараецца ўражанне, што дамы вісяць над паверхняй Адрыятыкі. Таму – ці (што болей верагодна) з прычыны таго, што многія з іх не маюць пад сабой падмурка ў звыклым нам разуменні гэтага слова і знаходзяцца нават не на астравах, а на драўляных палях, узрост некаторых з якіх перавышае тысячагоддзе. Дадам таксама, што суседства з воднай рабізнай ці мудрагелістая гульня святлаценю на сценах палацца, дзе адлюстроўваецца гуллівы пробліск ледзяных хваль, стварае ілюзію, быццам праславуная асця – ледзь не галоўны будаўнічы матэрыял горада. Нават шматлікія цэрквы, нягледзячы на маштабнасць (сваёй архітэктуры і/ці канцэпцыі), выглядаюць пернікавымі хаткамі дзіцячых калядных ясляў. Мяркую, што гэта ілюзія лёгкасці гарадзецкай разьбяной ліштвы дасягаецца за кошт рухомасці «маставых», насычанасці фарбаў (асабліва багацця охры, бурштыну, тэракоты, сепіі, радзей – гранату, цэгля, цыяну, у выпадках выключных – кобальту і водаў пляжа Бондзі), а таксама багацця натуральных люстэркаў – прычыны асаблівай гульні ценю і святла. Калі разглядаць гарадскі пейзаж Венецыі як палатно, па-за сумненнем, напісана яно будзе імпрэсіяністам, і кожны палацца, гандола, к’еза, траторыя, энатэка, і нават самы пануры *ragazzi* з тварам зямельнага колеру стануць асобнымі *touches divisées* на палатне майстра. Але гэта паэзія, а з пункту гледжання прозы венецыянская архітэктура нагадвае хутчэй скопішча статуі, велізарную Лоджыю Ланцы, дзе граніт, вапняк і чырвоная цэгла губляюць калючасць і прамалінейнасць. Чалавечая свядо-

красок (особенно обилия охры, янтаря, терракоты, сепии, реже — граната, кирпича, циана, в случаях исключительных — кобальта и вод пляжа Бонди), а также обилия естественных зеркал — причины особой игры тени и света. Если рассматривать городской пейзаж Венеции как полотно, вне сомнения, написано оно будет импрессионистом, и каждый палаццо, гондола, кьеза, trattoria, эротика, и даже самый угрюмый ragazzo с лицом землистого цвета станут отдельными touches divisées на холсте мастера. Но это поэзия, а с точки зрения прозы венецианская архитектура напоминает скорее скопление статуй, огромную Лоджию Ланци, где гранит, известняк и красный кирпич утрачивают колкость и прямоту линий. Человеческое сознание привыкло ассоциировать воду с бесконечностью, ибо если нам известны и видимы пределы суши, где с поражающей точностью мы можем обозначить три измерения, то, попав в воду, человек теряет способность отличать ширину от высоты, а сама толща кажется ему бескрайним и неизведанным космосом. По-видимому, уходя корнями-сваями в нефритовую вселенную, венецианские палаццо обеспечивают себе причастность к ее бесконечности и плавности любого угла. Ставка на воду, сделанная сотни лет назад теми, кто забил первые сваи на островах Риальто, оказалась выигрышной — местная архитектура более напоминает бедро похищенной Прозерпины, чем плащи и пиджаки плодов советского реализма.

Поднимаясь по ступеням стазьоне Санта Лючия, я обернулся и снова посмотрел на мшистое яйцо Сан Симеоне Пикколо, виридиан канала Гранде, черные легато гондол, неоновую надпись «Buone feste» — слова, звучащие на местных улицах все громче, в отчаянной попытке заглушить шепот города, не то поднимающегося из вод к солнцу, не то уходящего на дно Адриатики. Венецианцы втайне делают новые ставки — в какой момент, в ходе какой очередной acqua alta волны сомкнутся над головой крылатого льва на Сан Марко. Втянув в себя запах мерз-

масць прызвычайна асацыіраваць ваду з бясконцасцю, бо калі нам вядомыя і бачныя межы сушы, дзе з уразлівай дакладнасцю мы можам пазначыць тры вымярэнні, то, патрапіўшы ў ваду, чалавек губляе здольнасць адрозніваць шырынню ад вышыні, а сама тоўпача здаецца яму бязмежным і нязведаным космасам. Відаць, сыходзячы каранямі-палямі ў нефрытавы сусвет, венецыянскія палацца забяспечваюць сабе датычнасць да яго бясконцасці і плаўнасці любога вугла. Стаўка на ваду, зробленая сотні гадоў таму тымі, хто забіў першыя палі на выспах Рыальта, аказалася выйгрышной – мясцовая архітэктурна больш нагадвае бядро выкрадзенай Празерпіны, чым плашчы і пінжакі як здабытак савецкага рэалізму.

Паднімаючыся па прыступках стазьёнэ Санта Лючыя, я павярнуўся і зноў паглядзеў на імшыстае яйка Сан Сімеоне Пікала, вірыдыян канала Грандэ, чорныя легата гандол, неонавы надпіс «Buone feste» – словы, якія гучаць на мясцовых вуліцах усё гучней, у адчайнай спробе заглушыць шэпт горада, які ці то паднімаецца з водаў да сонца, ці то сыходзіць на дно Адрыятыкі. Венецыянцы ўпотаі робяць новыя стаўкі – у які момант, падчас якой чарговай асqua alga хвалі схінуцца над галавой крылатага льва на Сан Марка. Уцягнуўшы ў сябе пах мерзлай ундары і кепскай кавы, я абвясціў сваё рапэнне круп'е і сеў у цягнік, які даставіў мяне ў Фларэнцыю праз пару гадзін.
Faites votre jeu.

лой ундарии и скверного кофе, я объявил свое решение крупье и сел в поезд, доставивший меня во Флоренцию через пару часов.
Faites votre jeu.

Егор Куликов

Ягор Кулікоў

Егор Куликов родился в 1990 году в обычной рабочей семье в селе Кучурган (Украина). В 2003 году переехал в Россию, где и окончил школу. Поступил в Институт МГУ (им. Шолохова) на факультет журналистики, но недоучился, пошел служить в ВС РФ. После службы работал в гостиничном бизнесе, где работает и по сей день. Начал писать в восемнадцать лет. Несколько раз публиковался в интернет-журналах. Сейчас является студентом первого курса факультета журналистики РУДН. Женат, детей нет.

Ягор Кулікоў нарадзіўся ў 1990 годзе ў звычайнай працоўнай сям'і ў сяле Кучурган (Украіна). У 2003 годзе пераехаў у Расію, дзе і скончыў школу. Паступіў у Інстытут МДУ (ім. Шолахава) на факультэт журналістыкі, але не даучыўся, пайшоў служыць ва УС РФ. Пасля службы працаваў у гасцінічным бізнесе, дзе працуе і сёння. Пачаў пісаць у васьмнаццаць гадоў. Некалькі разоў публікаваўся ў інтэрнэт-часопісах. Зараз з'яўляецца студэнтам першага курса факультэта журналістыкі РУДН. Жанаты, дзяцей няма.

МУХОЛОВКИ! МУХОБОЙКИ!

Воскресный базар в селе К... всегда был местом шумным, многолюдным и порой весьма опасным.

В бесконечном потоке людей шныряли карманники. Продавцы втюхивали некачественный товар, а доверху нагруженные машины тихо крались в толпе и легко могли отдавить ногу.

Это выглядело вполне нормально, если в толпе кто-нибудь нес в мешке визжащего поросенка. И бледный человек, присевший на землю, потому что лишился кошелька, — тоже вполне нормально. И кричащий покупатель, обманутый недобросовестным продавцом, — нормально. И торгующиеся на повышенных тонах женщины — привычное для этого места дело.

А среди шумной реки людей ловко маневрировали продавцы с доверху набитыми тележками, предлагая чай, кофе, выпечку и шоколадки. В этой же мешанине, на уровне пояса, бегали и пытались заработать пацаны, которые с радостью и азартом перекрикивали друг друга:

— Кукурузка! Свежая кукурузка!

— Колбаса! Кто забыл купить колбасу?

— Свежая рыба: лещ, карась, окунь, толстолобик!

— Квас, чай, кофе, холодный лимонад!

— Пиво! Водка на разлив! Закуска в подарок!

Среди всего этого шума. Среди писка поросят, кудахтанья куриц и криков покупателей. Среди отчаянных возгласов детей — всегда, каждое воскресенье, звучал один и тот же мужской крик:

— Поливалки, выбивалки, мухоловки, мухобойки! Горшки да лейки, воронки и сетки! Поилки для цыплят! Сверла, отвертки, шило и мыло! Нитки, иголки,

МУХАЛОЎКІ! МУХАБОЙКІ!

Нядзельны кірмаш у вёсцы К... заўсёды быў месцам шумным, мнагалюдным і часам вельмі небяспечным.

У бясконцай плыні людзей шнырылі кішэннікі. Прадаўцы ўсоўвалі някасны тавар, а даверху нагружаныя машыны ціха краліся ў натоўпе і лёгка маглі адціснуць нагу.

Гэта выглядала цалкам нармальна, калі ў натоўпе хтосьці нёс у мяшку парася, якое віскатала. І бледны чалавек, які прысеў на зямлю, таму што страціў кашпалёк, – таксама нармальна. І крыклівы пакупнік, ашуканы нядобрасумленным прадаўцом, – нармальна. І жанчыны, якія тэргуюцца на павышаных тонах, – звычайная для гэтага месца справа.

А сярод шумнай ракі людзей спрытна маневравалі прадаўцы з даверху набітымі калымажкамі, прапануючы гарбату, каву, печыва і шакаладкі. У гэтай жа мешаніне, на ўзроўні поясу, бегалі і спрабавалі зарабіць хлапчукі, якія з радасцю і рызыкай перакрывалі адзін аднаго:

– Кукуруза! Свежая кукуруза!

– Каўбаса! Хто забыўся купіць каўбасы?

– Свежая рыба: лешч, карась, акунь, таўсталобік!

– Квас, гарбата, кава, халодны ліманад!

– Піва! Гарэлка на разліў! Закуска ў падарунак!

Сярод усяго гэтага шуму. Сярод піску парасят, кудахтання курэй і крыкаў пакупнікоў.

Сярод адчайных воклічаў дзяцей – заўсёды, кожную нядзелю, гучаў адзін і той жа мужчынскі крык:

– Палівачкі, выбівачкі, мухалоўкі, мухабойкі! Гаршкі ды лейкі, варонкі і сеткі! Паілкі для куранят! Свёрзелы, адвёрткі, шыла і мыла! Ніткі, іголки, кручкі ды лёска! Марлі,

крючки да леска! Марли, держалки, вешалки... — Казалось, крик этот будет длиться вечно. А кричал дядя Саша, всегда громко и монотонно, словно огромный орган, у которого заклинило одну из басовых клавиш. Набирал в легкие воздух и во все горло повторял заученную, как мантру, фразу: — Поливалки, выбивалки, мухоловки, мухобойки! Горшки да лейки... — и так далее.

Замолкал он только в те моменты, когда к нему обращались покупатели. Только тогда над людьми нависала относительная тишина. Но как только он заканчивал общаться с покупателем, тут же втягивал воздух и... — ну, вы знаете, что происходило дальше.

Люди, услышав крикливого продавца, расступались в стороны, давая пройти ему и его большой четырехколесной тачке, которую он тащил за собой. В ней же он и хранил поилки, поливалки, выбивалки и прочий товар.

Если выразиться короче, то он был похож на передвижной магазин «Тысяча мелочей».

Дядя Саша, который каждое воскресенье кричал громче всех, мужчина довольно крупный. Это и неудивительно, если учесть, что он, как гужева лошадь, тащит за собой товар, домашнее хозяйство, девятерых детей, жену и отца-старика.

В суровые морозные дни он обычно кутался в пальто и обувал валенки. А в знойные и жаркие времена снимал футболку и на голову аккуратным квадратиком клал носовой платок с узелками по углам.

Все, кто приходил на базар, знали, что обязательно услышат этого продавца-крикуна. Он давно стал таким же нормальным и привычным атрибутом, как и сам базар. Кажется, он был тут с самого его начала и будет с ним до конца.

Были и те, кому не нравилось, что над ухом орет здоровенный мужик. Но не у всех хватало смелости сказать грубое словцо.

Однако находились и те, кто говорил.

— ...поливалки, выбивалки...

трымалкі, вешалкі... – Здавалася, крык гэты будзе доўжыцца вечна. А крычаў дзядзька Саша, заўсёды гучна і манатонна, нібы велізарны арган, у якога закліньвала адна з басовых клавіш. Набіраў у лёгкія паветра і на ўсё горла паўтараў завучаную, як мантру, фразу: – Палівачкі, выбівачкі, мухалоўкі, мухабойкі! Гаршкі ды лейкі ... – і гэтак далей. Змаўкаў ён толькі ў тыя моманты, калі да яго звярталіся пакупнікі. Толькі тады над людзьмі нависала адносна цішыня. Але як толькі ён заканчваў размову, тут жа набіраў паветра і... – ну, вы ведаеце, што адбывалася далей.

Людзі, пачуўшы крыклівага прадаўца, расступаліся ў бакі, даючы прайсці яму і яго вялікай чатырохколавай тачцы, якую ён цягнуў за сабой. У ёй жа ён і захоўваў паілкі, палівачкі, выбівачкі і іншы тавар.

Карацей кажучы, ён быў падобны на перасоўную краму «Тысяча дробязей».

Дзядзька Саша, які кожную нядзелю крычаў гучней за ўсіх, мужчына даволі мажны. Гэта і нядзіўна, калі ўлічыць, што ён, як гужавы конь, цягне за сабой тавар, хатнюю гаспадарку, дзевяцірых дзяцей, жонку і старога бацьку.

У суровыя марозныя дні ён звычайна хутаўся ў паліто і абуваў валёнкі. А ў спёку здымаў футболку і на галаву акуратным квадрацікам клаў насоўку з вузельчыкамі па вуглах.

Усе, хто прыходзіў на кірмаш, ведалі, што абавязкова пачуюць гэтага прадаўца-крыкуна. Ён даўно стаў такім жа нармальным і звыклым атрыбутам, як і сам кірмаш. Здаецца, ён быў тут з самага яго пачатку і будзе з ім да канца.

Былі і тыя, каму не падабалася, што над вухам гарлапаніць здаравенны мужык. Але не ва ўсіх хапала адвагі сказаць грубае слоўца. Аднак знаходзіліся і тыя, хто гаварыў.

– ...палівачкі, выбівачкі...

– Хопіць гарлапаніць, мужык, – скажа нейкі смяльчак. – І без таго галава пасля ўчарашняга расколваецца.

— Хватит орать, мужик, — скажет какой-то смельчак. — И без того голова после вчерашнего раскалывается.

— ...было бы у тебя девять детей, ты бы не так орал. — И как ни в чем не бывало продолжал: — Мухоловки, мухобойки. Горшки да лейки, воронки и сетки...

Кто-то этого не заметил.

Кто-то с облегчением выдохнул.

А кто-то с жалостью и интересом спросил у прохожего:

— Куда подевался этот — поливалки, выбивалки?..

— Не знаю, — ответил прохожий и пожал плечами.

А с дядей Сашей беда приключилась.

Купил он по дешевке скакунов да запряг их в подводу. Не привыкли кони к такой езде. Им бы седло на спину и в поле.

Накрыло его подводой в ближайшем кювете и надломило позвоночник.

Оказался дядя Саша в больнице, где доктора лишь разводили руками и говорили:

— Вы спрашиваете у нас, будете ли ходить? Мы пока что не знаем, будете ли вы чувствовать ноги. Рентген покажет, а пока что лежите и не двигайтесь.

Рентген показал обширную трещину на позвоночнике в районе поясницы.

— Ходить вы не будете, — сказал доктор после осмотра снимка, — возможно, будете чувствовать ноги и с протезами, кое-как сможете передвигаться по дому. На большее не рассчитывайте.

— Но у меня дети, — взмолился дядя Саша, будто это могло помочь.

— Мы в этой ситуации бессильны, — с холодком ответил врач.

— Но... но... — сказал он и, замолчав, откинулся на подушку, устремив пустой взгляд в потолок.

Доктор еще что-то говорил, но дядя Саша не слушал. Ему хватило того, что сказано. Хватило, потому что самое тяжелое он уже услышал.

– ...было б у цябе дзевяць дзяцей, ты б не так гарлапаніў. – І як ні ў чым не бывала працягваў: – Мухалоўкі, мухабойкі. Гаршкі ды лейкі, варонкі і сеткі...

Хтосьці гэтага не заўважыў.

Хтосьці з палёгкай выдыхнуў.

А хтосьці з жалем і цікавасцю спытаў у мінака:

– Куды дзеўся гэты – палівачкі, выбівачкі?..

– Не ведаю, – адказаў той і паціснуў плячыма.

А з дзядзькам Сашам бяда здарылася.

Купіў ён за бясцэнак скакуноў ды запрог іх у фурманку. Не прывыклі коні да такой язды. Ім бы сядло на спіну і ў поле.

Накрыла яго фурманкай у першым кювецце і надламала хрыбетнік.

Апынуўся дзядзька Саша ў бальніцы, дзе дактары толькі разводзілі рукамі і казалі:

– Вы пытаеце ў нас, ці будзеце хадзіць? Мы пакуль што не ведаем, ці будзеце вы адчуваць ногі. Рэнтген пакажа, а пакуль што ляжыце і не рухайцеся.

Рэнтген паказаў вялізную трэпчыну на хрыбетніку ў раёне паясніцы.

– Хадзіць вы не будзеце, – сказаў доктар пасля агляду здымка, – магчыма, будзеце адчуваць ногі і з пратэзамі, сяк-так зможаце перасоўвацца па хаце. На большае не разлічвайце.

– Але ў мяне дзеці, – узмаліўся дзядзька Саша, быццам гэта магло дапамагчы.

– Мы ў гэтай сітуацыі бяссільныя, – з халадком адказаў урач.

– Але... але... – сказаў ён і, змоўкнуўшы, адкінуўся на падушку, утарапіўшы пусты позірк у столь.

Доктар яшчэ штосьці казаў, але дзядзька Саша не слухаў. Яму хапіла сказанага. Хапіла, таму што самае цяжкае ён ужо пачуў.

В районной больнице все едва движимые и совсем неподвижные пациенты лежали на втором этаже в дальнем крыле.

Просторная палата стала тесной после того, как там установили шесть коек с лежащими людьми.

Кто-то мог ходить лишь с костылями, кто-то, как дядя Саша, не ходил вовсе.

Он как-то пробовал приподняться на локтях, но в спине тут же стрельнуло болью, и он, скривив лицо, ложился обратно, чувствуя, как дрожит тело.

Поначалу он даже встать намеревался. Но врачи и медсестры сказали, что это противопоказано, а после того как дядя Саша сам несколько раз попробовал, то понял, что даже если бы ему разрешили — встать он все равно не сможет. Обычные движения корпусом и те он делал через боль. Куда уж тут встать?..

К нему приезжали жена и дети. Даже старенький отец умудрился выбраться из села и приехать к больному сыну.

— Болит? — с опаской спросил отец.

— Болит.

Сложно говорить в подобных ситуациях. Отец часто усаживался напротив сына, клал ладони на палку и упирался в них подбородком. Смотрел на сына и молчал. Да и дядя Саша не был таким разговорчивым и громким, как по утрам на базаре. Большую часть времени он лежал и смотрел в потолок.

Поначалу от деда и слова нельзя было добиться, но с каждым приездом он все больше и больше рассказывал о делах домашних. Как бы невзначай сядет рядом и говорит вполголоса. Вроде бы сам себе напоминает и тихо так бормочет под нос. Но он чувствовал и видел, как замирает сын на койке. Даже глазами перестает ворочать. Замирает, вслушивается и ловит каждое слово. И в этот момент в пустом взгляде вновь загоралась искорка жизни.

Но как только дед заканчивал бубнить, дядя Саша вновь начинал водить пустым взглядом по сторонам — рассматривая потолок, облупившиеся стены и паутинку по углам.

У раённай бальніцы ўсе ледзь рухомыя і зусім нерухомыя пацыенты ляжалі на другім паверсе ў дальнім крыле.

Прасторная палата стала цеснай пасля таго, як там паставілі шэсць ложкаў з ляжачымі людзьмі.

Хтосьці мог хадзіць толькі з мыліцамі, хтосьці, як дзядзька Саша, не хадзіў зусім.

Ён неяк намагаўся прыпадняцца на локцях, але ў спіне тут жа стрэльнула болем, і ён, скрывіўшы твар, клаўся ізноў, адчуваючы, як калоціцца цела.

Спачатку ён нават устаць намерваўся. Але дактары і мядсёстры казалі, што гэта проціпаказана, а пасля таго як дзядзька Саша сам некалькі разоў паспрабаваў, то зразумеў, што – нават калі б яму дазволілі – устаць ён усё адно не зможа. Звычайныя рухі корпусам і тыя ён рабіў праз боль. Куды ўжо тут устаць?..

Да яго прыязджалі жонка і дзеці. Нават старэнькі бацька ўмудрыўся выбрацца з вёскі і прыехаць да хворага сына.

– Баліць? – з асцярогай спытаў бацька.

– Баліць.

Складана гаварыць у падобных сітуацыях. Бацька часта ўсаджваўся насупраць сына, клаў далоні на палку і ўпіраўся ў іх падбародкам. Глядзеў на сына і маўчаў. Ды і дзядзька Саша не быў такім гаманкім і гучным, як па раніцах на кірмашы. Амаль увесь часу ён ляжаў і глядзеў у столь.

Спачатку з дзеда і слова нельга было выбіць, але з кожным прыездам ён усё больш і больш распавядаў пра справы сямейнікаў. Як бы няўзнак сядзе побач і распавядае напаяўголасу. Быццам бы сам сабе нагадвае і ціха так мармыча пад нос. Але ён адчуваў і бачыў, як замірае сын на ложку. Нават вачамі перастае варочаць. Замірае, услухоўваецца і ловіць кожнае слова. І ў гэты момант у пустым позірку зноў загаралася іскрынка жыцця.

— Младший, Алексей, вчера «двойку» принес, — говорил дед. — Слава «четверку» схватил по трудам. Максим тоже «четверку» — по географии. Вадим «двойку» на «тройку» переправил и пытался доказать мне, что это учительница споткнулась, оттого и оценка кривая вышла. Люба как всегда молодец, ее «пятерки» я давно перестал считать. А остальные вроде бы без оценок.

— Спасибо, батя, — сказал дядя Саша, и слезы навернулись на глаза. Он всегда следил за учебой своих детей, и это, пожалуй, были самые важные новости из дома. — Только вот незачем мне это.

— Как так?

— А что я теперь с этим делать буду? — шепотом, но с явной и нескрываемой злостью сказал дядя Саша.

— Ты это брось! — стукнул дед палкой. — Не говори так.

— Говори не говори, а встать я не могу. Только обузой буду.

Отец не ответил, но по глазам его было видно, что он согласен с сыном.

Мало-помалу батя стал чаще выбираться в больницу, раскачался и невольно поправил здоровье.

Недавно ему семьдесят шесть минуло, но выглядел он бодро. Сухие жилистые руки крепко сжимали коричневую палку. Тонкая льняная шляпа покрывала блестящую лысину с седыми волосами над ушами и на затылке.

За прошедшие годы дед сдал позиции и часто болел, но беда сына заставила его повременить с хандрой и пересмотреть взгляды на старость.

— Сегодня Митя пришел домой пьяный. Мать смотрит на него, а в глазах муть. Она кричит, а ему все равно. Здоровый лоб. Стоит и не шевелится. Она снова в крик, а он огрызаться с ней стал. Я не выдержал, тоже крикнул, так он как глянул на меня своим бешеным взглядом. Я думал, прям там и выхвачу оплеуху. Перед выездом проспался. Все хорошо стало. Стыдится в глаза смотреть и все ходит по дому, тыняется из стороны в сторону.

Але як толькі дзед канчаў бубнець, дзядзька Саша зноў пачынаў вадзіць пустымі вачыма па баках – разглядаючы столь, аблупленыя сцены і павуцінне па кутах.

– Малодшы, Аляксей, учора «двойку» прынёс, – казаў дзед. – Слава «чацвёрку» схапіў па працах. Максім таксама «чацвёрку» – па географіі. Вадзім «двойку» на «тройку» пераправіў і спрабаваў даказаць мне, што гэта настаўніца спатыкнулася, таму і адзнака крывая выйшла. Люба, як заўсёды, малайчына, яе «пяцёркі» я даўно перастаў лічыць. А астатнія быццам бы без адзнак.

– Дзякуй, баця, – сказаў дзядзька Саша, і слёзы набеглі на вочы. Ён заўсёды сачыў за вучобай сваіх дзяцей, і гэта, мабыць, былі самыя важныя навіны з дому. – Толькі вось навошта мне гэта?

– Як так?

– А што я зараз з гэтым рабіць буду? – шэптам, але з відавочнай і непрытоенай злосцю буркнуў дзядзька Саша.

– Ты гэта кінь! – стукнуў дзед палкай. – Не кажы так.

– Кажы не кажы, а ўстаць я не магу. Толькі абузай буду.

Бацька не адказаў, але па вачах яго было відаць, што ён згодзен з сынам.

Памаленьку бацька стаў часцей выбірацца ў бальніцу, разварушыўся і міжволі паправіў здароўе.

Нядаўна яму семдзясят шэсць стукнула, але выглядаў ён бадзёра. Сухія жылістыя рукі моцна спіскалі карычневую палку. Тонкі льяны капляюш пакрываў бліскучую лысіну з сівымі валасамі над вушамі і на патыліцы.

За мінулыя гады дзед здаў пазіцыі і часта хварэў, але бяда сына прымусіла яго пачакаць з маркотай і перагледзець погляды на старасць.

– Сёння Зміцер прыйшоў дахаты п’яны. Маці глядзіць на яго, а ў вачах каламута. Яна крычыць, а яму ўсё адно. Здаровы лоб. Стаіць і не варухнецца. Яна зноў у крык, а ён

Макс и Славка «двойки» притащили. Один по математике, другой по химии. Как обычно, виноваты учителя. Даже младший твой, Лешка, «тройку» умудрился принести по чтению. Я ему говорю: как так? А он только смотрит и глазами хлопает. А что я ему сделать могу? — с досадой говорил дед.

За прошедший месяц дед часто приезжал к сыну. Спрашивал о здоровье. Интересовался, нет ли улучшений. Но дядя Саша, с привычным платком на голове, пустым взглядом смотрел на отца и с болью разводил руками.

Врачи, как и обещали, ничего сделать не могли. Осталось надеяться лишь на чудо. Трещина в позвонке — это не шутки.

Кололи уколы. Мазали кремами. Делали массаж и заставляли пить таблетки.

А результата как не было, так и нет.

Положили в больницу — не мог на локти облокотиться, и до сих пор не может. Ни тебе привстать, ни повернуться.

А отец все ездил в больницу и ездил.

И каждый раз он, как противная жена, которая недовольна своей жизнью, начинал пилить сына.

— Куда мне, батя? — оправдывался дядя Саша. — Сколько лежу тут, сколько уже вытерпел и съел таблеток, а до сих пор под себя хожу. Да что там под себя. До сих пор сдвинуться не могу.

— А ты пробуй, — стоял на своем отец.

— Не могу. Болит все. Шевелиться больно, говорить больно, дышать и то больно...

— Я тебя не таким воспитывал.

— А каким бы ты ни воспитал, один черт калека. Куда мне...

Отец пытался разжечь угасающий костер, но видел, что этим методом сыну не помочь.

Но, не в пример дяде Саше, батя его не сдавался и ездил почти каждый день. И с каждым его приездом вести из дома были все хуже и хуже.

гыркаць на яе пачаў. Я не вытрымаў, таксама крыкнуў, дык ён як зірнуў на мяне сваім шалёным позіркам. Я думаў, зараз атрымаю аплявуху. Перад выездам праспаўся. Усё добра стала. Саромеецца ў вочы глядзець і ўсё ходзіць па хаце, соўгаецца з боку ў бок. Макс і Слаўка «двойкі» прыцягнулі. Адзін па матэматыцы, другі па хіміі. Як звычайна, вінаватыя настаўнікі. Нават малодшы твой, Лёшка, «тройку» прымудрыўся прынесці па чытанні. Я яму кажу: як так? А ён толькі глядзіць і вачыма лыпае. А што я яму зрабіць магу? – з прыкрасцю казаў дзед.

За мінулы месяц дзед часта прыязджаў да сына. Пытаў пра здароўе. Цікавіўся, ці няма паляпшэнняў. Але дзядзька Саша, са звыклай хусткай на галаве, пустымі вачыма глядзеў на бацьку і з болей разводзіў рукамі.

Дактары, як і абяцалі, нічога зрабіць не маглі. Заставалася спадзявацца толькі на цуд. Трэшчына ў пазванку – гэта не жарты.

Калолі ўколы. Мазалі крэмамі. Рабілі масаж і прымушалі піць таблеткі.

А выніку як ні было, так і няма.

Паклалі ў бальніцу – не мог на локці абалперціся, і дагэтуль не можа. Ні табе прыўстаць, ні павярнуцца.

А бацька ўсё ездзіў і ездзіў.

І кожны раз ён, як надакучлівая жонка, незадаволеная сваім жыццём, пачынаў пілаваць сына.

– Куды мне, баця? – апраўдваўся дзядзька Саша. – Колькі ляжу тут, колькі ўжо вытрываў і з’еў таблетака, а дагэтуль пад сябе хаджу. Ды што там пад сябе. Дагэтуль скрануцца не магу.

– А ты спрабуй, – стаяў на сваім бацька.

– Не магу. Баліць усё. Варушыцца балюча, гаварыць балюча, дыхаць нават балюча...

– Я цябе не такім выхоўваў.

— Разбаловались они, — говорил дед. — Все разбаловались! Чтоб покормить скотину, их надо палкой вот этой гнать, — он примерил в жилистой руке свою палку. — Так бы и лупанул одного да второго, чтоб за ум взялись.

— Лупи, — дал добро дядя Саша.

— Куда их бить-то?! Дерзят они мне. И мне и матери. А мы что? Что мы можем сделать? — смотрел он на сына. — Я ему одно говорю, а он отвернулся и пошел гулять. И куда я за ним? А мать! Она уже осипла орать на этих олухов. Катятся. В пропасть катятся, — заключил дед.

Слушал дядя Саша и кипел. Аж краснел от злости. Всем сердцем понимал, что вся семья в пропасть валится, а помочь не может.

— Старшие вчера набрались как свиньи, а как пришли, спать завалились. Пришлось мне идти кормить животных. Мать плачет. Пропадем мы без тебя. Пропадем. Скатимся. Далеко скатимся и не воротимся никогда. Не воротимся!

Дед закончил жаловаться, привстал со стула и, не говоря ни слова, вышел из палаты.

В этот вечер дядя Саша впервые за много дней попробовал встать.

Попробовал, стрельнуло в поясницу, он и повалился на кровать. Отдышался немного и опять попробовал. Снова будто кто-то спицей в спину тычет. Откинулся на подушку, вытер пот со лба и сдержал в себе стоны.

В эту ночь он впервые сделал себе массаж. Больно было, но он терпел. Вначале мнял шею, затем плечи и грудь, затем спускался к злополучной пояснице и через боль мнял бока. Спустя десять минут процедур постельное белье можно было отжимать.

После массажа дядя Саша становился красным и злым, зато спал хорошо.

Не прошло и недели, как начали получаться простые вещи — на локти привстать или повернуться на бок. Правда, все его развороты сопровождалось невероятной болью, но кое-какой результат все-таки был.

– А якім бы ты ні выхаваў, адзін чорт калека. Куды мне...

Бацька спрабаваў распаліць вогнішча, якое дагарае, але бачыў, што гэтым метадам сыну не дапамагчы.

Але, не ў прыклад дзядзьку Сашу, бацька яго не здаваўся і ездзіў амаль штодзённа. І з кожным яго прыездам весткі з дому былі ўсё горш і горш.

– Распусціліся яны, – казаў дзед. – Усе распусціліся! Каб пакарміць жывёлу, іх трэба палкай вось гэтай гнаць, – ён прымерыў у жылістай руцэ сваю палку. – Так бы і лупцануў аднаго ды другога, каб за розум узяліся.

– Лупі, – даў дабро дзядзька Саша.

– Куды іх біць?! Грубяць яны мне. І мне, і матцы. А мы што? Што мы можам зрабіць? – глядзеў ён на сына. – Я яму адно кажу, а ён завярнуўся і пабег гуляць. І куды я за ім? А маці! Яна ўжо асіпла крычаць на гэтых ёлуняў. Коцяцца. У прорву коцяцца, – падсумаваў дзед.

Слухаў дзядзька Саша і кіпеў. Аж чырванее ад злосці. Усім сэрцам разумеў, што ўся сям’я ў прорву валіцца, а дапамагчы не можа.

– Старэйшыя ўчора набраліся як свінні, а як прыйшлі – спаць заваліліся. Прышлося мне ісіці карміць жывёлу. Маці плача. Прападзём мы без цябе. Знікнем. Скоцімся. Далёка скоцімся і не вернемся ніколі. Не вернемся!

Дзед скончыў жаліцца, прыўстаў са стула і, не кажучы ні слова, выйшаў з палаты.

У гэты вечар дзядзька Саша ўпершыню за шмат дзён паспрабаваў устаць.

Паспрабаваў, стрэльнула ў паясніцу, ён і паваліўся на ложак. Аддыхаўся крыху і зноў паспрабаваў. Ізноў быццам хтосьці спіцай у спіну тыкае. Адкінуўся на падушку, выцер пот з ілба і стрымаў у сабе стогны.

У гэту ноч ён упершыню зрабіў сабе масаж. Балюча было, але ён трываў. Спачатку мяў шыю, затым плечы і грудзі, пасля спускаўся да злашчаснай паясніцы і праз боль ціснуў

Однажды отец опоздал на последний автобус и вернулся в больницу. Почти до ночи он промывал мозги сыну и с наслаждением смотрел, как тот кипит и бесится.

— Пытаюсь я, пытаюсь... — говорил дядя Саша, — да не выходит ничего.

— Ладно, не хочешь — не надо, — съязвил напоследок дед, — пойду я покемарю.

Спокойной ночи, мужики! — обратился он ко всем.

— Давай, дед! — хором ответили больные, которые с нескрываемым интересом наблюдали за отношениями отца и сына.

Свободных коек не оказалось, поэтому деду поставили рядом с палатой четыре стула. Как-нибудь да перекантуется.

— И не так приходилось ночевать, — ответил дед, размещаясь на стульях.

Ближе к полуночи из палаты стал доноситься отборный храп шести взрослых мужиков. Дед и сам уже похрапывал, когда услышал скрип койки. И ладно, если бы просто скрипела, но ведь нет. Скрип был равномерный и ритмичный.

Так человек во сне не ворочается! Да и кому там ворочаться? — подумал дед.

Схватил он палку, открыл дверь и увидел, как его сын раскачивается на кровати. Грузное и непослушное тело переваливалось с одного бока на другой, пока не остановилось на самом краю, замерев над пропастью.

Отец было кинулся помочь.

— Не тронь, — остановил его сын. — Я сам, батя, сам.

Одеревенелые ноги впервые за долгое время прикоснулись к холодному линолеуму.

Раскрасневшийся и потный дядя Саша до белых костяшек схватился за дуги кровати, удерживая вес на руках.

— Ты что творишь? — проснулся один из соседей. — Нельзя же...

— Мне ходить надо, — едва произнес дядя Саша и вновь сжал челюсть.

Дед стоял в дверном проеме, готовый в любой момент кинуться на помощь сыну.

на бакі. Праз дзесяць хвілін працэдур пасцельную бялізну можна было адціскаць. Пасля масажу дзядзька Саша становіўся чырвоным і злым, затое спаў добра. Не прайшоў і тыдзень, як пачалі атрымлівацца простыя рэчы – на локці прыўстаць ці павярнуцца на бок. Праўда, усе яго павароты суправаджаліся наймаверным болем, але сякі-такі вынік усё ж быў.

Аднойчы бацька спазніўся на апошні аўтобус і вярнуўся ў бальніцу. Амаль да ночы ён прамываў мазгі сыну і з асалодай глядзеў, як той кіпіць і шалее.

– Спрабую я, спрабую... – гаварыў дзядзька Саша, – ды не выходзіць нічога.

– Добра, не хочаш – не трэба, – з’едліва сказаў напрыканцы дзед, – пайду я падрамлю. Дабранач, мужыкі! – звярнуўся ён да ўсіх.

– Давай, дзед! – хорам адказалі хворыя, якія з непрытоенай цікавасцю назіралі за адносінамі бацькі і сына.

Свабоднага ложка не знайшлі, таму дзеду паставілі побач з палатай чатыры крэслы. Як-небудзь перакідаецца.

– І не так даводзілася начаваць, – адказаў дзед, уладкоўваючыся на крэслах.

Бліжэй да паўночы з палаты пачаў даносіцца адборны храп шасці дарослых мужчын. Дзед і сам ужо пахрапваў, калі пачуў рыпенне ложка. І добра, калі б ён аднойчы рыпнуў, але не. Гук быў раўнамерным і рытмічным.

– Так чалавек у сне не варочаецца! Ды і каму там варочацца? – падумаў дзед. Схапіў ён палку, адчыніў дзверы і ўбачыў, як яго сын разгойдваецца на ложку.

Грузнае і непаслухмянае цела перавальвалася з аднаго боку на другі, пакуль не спынілася на самым краі.

Бацька кінуўся дапамагчы:

– Не чапай, – спыніў яго сын. – Я сам, баця, сам.

Здранцвелья ногі ўпершыню за доўгі час дакрануліся да халоднага лінолеуму.

Но в эту ночь помощь не понадобилась. Эта ночь ограничилась только тем, чтобы прикоснуться ступнями к полу. Почувствовать холодный линолеум и поверить в свои силы. Убедиться, что есть еще шанс. Что все люди ошибаются, и, возможно, доктора ошиблись, сказав, что нет никаких шансов. Ведь бывает чудо. Бывает!

С тех пор каждую ночь дядя Саша с раскачки переваливался на бок, хватался за скрипучую спинку кровати и спускал ноги на пол. Пытался подняться, но боль мгновенно опрокидывала обратно. Хотелось закричать, но вместо этого он сжимал челюсти и молчал, потому как соседи спали, пока рядом совершались подвиги.

Дед вновь приехал с неутешительными вестями про расхлябанность и наглость детей. Он специально остался до ночи.

Дядя Саша молча выслушал отца и с новой порцией злости прикоснулся ступнями к холодному полу.

— Пора! — сказал дед и поставил перед сыном табурет.

— Ты чего? — испугался дядя Саша, когда отец отложил палку в сторону и сел рядом. — Ты чего, бать?

— Хватайся, — сказал дед и подставил плечи.

— Ты в своем...

— Хватайся, кому говорят!

Сын послушно, но с опаской положил ладони на отцовские плечи.

— Крепче держись. Повисни. Всем телом висни.

— Я не могу, бать.

— Можешь.

— Мне тебя жалко.

— Висни, сказал, иначе скатимся в яму! — недовольно пробурчал отец, и храп в палате оборвался.

Расчырванелы і потны дзядзька Саша да белых костачак схапіўся за дугі ложка, утрымліваючы вагу на руках.

– Ты што творыш? – прачнуўся адзін з суседзяў. – Нельга ж...

– Мне хадзіць трэба, – ледзь прамовіў дзядзька Саша і зноў сціснуў сківіцы.

Дзед стаяў у дзвярным праёме, гатовы ў любы момант кінуцца на дапамогу сыну. Але ў гэтую ноч дапамога не спатрэбілася. Гэта ноч абмежавалася толькі тым, каб дакрануцца ступнямі да падлогі. Адчуць халодны лінолеум і паверыць у свае сілы. Пераканацца, што ёсць яшчэ панец. Што ўсе людзі памыляюцца, і, магчыма, дактары памыліліся, сказаўшы, што няма ніякіх шанцаў. Бо цуд бывае. Бывае!

З таго часу кожную ноч дзядзька Саша, разгайдаўшыся, перавальваўся на бок, хапаўся за рыпучую спінку ложка і спускаў ногі на падлогу. Спрабаваў падняцца, але боль імгненна перакульваў яго назад. Хацелася закрычаць, але замест гэтага ён сціскаў сківіцы і маўчаў, таму што суседзі спалі, пакуль побач здзяйсняліся падзвігі.

Дзед ізноў прыехаў з несучыпальнымі весткамі пра расхлябанасць і нахабства дзяцей. Ён наўмысна застаўся да ночы. Дзядзька Саша моўчкі выслухаў бацьку і з новай порцыяй злосці дакрануўся ступнямі да халоднай падлогі.

– Пара! – сказаў дзед і паставіў перад сынам табурэтку.

– Ты чаго? – спалохаўся дзядзька Саша, калі бацька адклаў палку ўбок і сеў побач. – Ты чаго, баця?

– Трымайся, – сказаў дзед і падставіў плечы.

– Ты ў сваім...

– Трымайся, каму кажуць!

Сын паслухмяна, але з асцярогай паклаў далоні на бацькавы плечы.

– Мацней трымайся. Павісні. Усім целама вісні.

– Я не магу, баця.

Теперь уже пять пар глаз наблюдали за тем, как отец сидит перед сыном на стуле и ждет, пока тот вцепится, как клещ, в его жилистые плечи.

— Ну?! — не выдержал старик.

Дядя Саша выдохнул и обнял отца за шею, перевалив вес тела на спину бати.

— Держись, — натужно выдавил дед и напрягся.

Ноги его дрожали, и дрожь эта передалась всему телу. Он кряхтел и до крови закусил нижнюю губу. Из ноздрей его, как у разъяренного быка, вырывался воздух.

— Давай... — сам себе сказал дед и медленно оторвался от стула. — Давай...

Казалось, он сейчас надломится. Не выдержит нагрузки, и в палате окажется на одного пациента больше.

Дядя Саша чувствовал сквозь одежду и дряблую кожу старика высохшие, но по-прежнему упругие мышцы.

На искривленном от натуги лице деда сквозь сжатые губы вырвался напряженный выдох. Отец с сыном встали!

Красные от напряжения глаза светились счастьем.

— Пошли, — не останавливаясь и не делая передышки, сказал отец.

Он ногой откинул табурет и сделал маленький шаг.

— Батя, не надо! — скулил на спине сын.

— Иди, кому говорят! Иди!

Сын постарался передвинуть ноги, но боль пронзила поясницу, и он едва удержался, чтобы не расцепить руки.

Дядя Саша чувствовал, как всем своим весом давит на сухое тело отца. Огнем жгло поясницу. Чтобы хоть как-то помочь отцу, он постарался выпрямить ноги. Забрать вес собственного тела с плеч отца.

Совесь мучила намного сильнее, чем поясница. Дядя Саша почувствовал, как стал чуточку выше. Совсем чуть-чуть. На какой-то миллиметр или, может, меньше — но выше. И тут же услышал, как батя с облегчением выдохнул.

– Можаш.

– Мне цябе шкада.

– Вісні, сказаў, інакш скоцімся ў яму! – незадаволена прабурчаў бацька, і храп у палаце абарваўся.

Зараз ужо пяць пар вачэй назіралі за тым, як бацька сядзіць перад сынам на стале і чакае, пакуль той учэпіцца, як клешч, у яго жылістыя плечы.

– Ну?! – не вытрымаў стары.

Дзядзька Саша выдыхнуў і абняў старога за шыю, пераваліўшы вагу цела на спіну бацькі.

– Трымайся, – натужлива выдушыў дзед і напружыўся.

Ногі яго дрыжалі, і дрыготка гэта перадалася ўсяму целу. Ён крактаў і да крыві закусіў ніжнюю губу. З ноздраў яго, як у раз’юшанага быка, вырывалася паветра.

– Давай... – сам сабе сказаў дзед і павольна адарваўся ад стула. – Давай...

Здавалася, ён зараз надломіцца. Не вытрымае цяжару, і ў палаце стане на аднаго пацыента больш. Дзядзька Саша адчуваў праз адзенне і друзлую скуру старога высахшыя, але па-ранейшаму пругкія цягліцы.

На скрыўленым ад натугі твары дзеда са сціснутых вуснаў вырваўся выдых. Бацька з сынам усталі!

Чырвоныя ад напругі вочы свяціліся пчасцем.

– Пайшлі, – не спыняючыся і не робячы перадышкі, сказаў бацька.

Ён нагой адкінуў табурэтку і зрабіў маленькі крок.

– Баця, не трэба! – скавытаў на спіне сын.

– Ідзі, каму кажуць! Ідзі!

Сын паспрабаваў пераставіць ногі, але боль працяў паясніцу, і ён ледзь утрымаўся, каб не расчাপіць рукі.

— Давай, — сказал отец, держа руки сына на плечах. — Шагай. — И сам передвинул ноги.

Сын последовал за ним. Он перетащил безжизненные куски мяса и костей, которые именовались ногами, и вновь перенес немного веса с отцовской спины.

— Еще, — натужно говорил старик и делал шаг.

Вся палата с замиранием сердца наблюдала, как огромный мужик висит на плечах у старика. При каждом шаге дыхание в палате замирало. И лишь когда эти двое преодолевали жалкие пять-десять сантиметров, больные облегченно выдыхали.

В первую ночь, когда дядя Саша встал на ноги, они сделали всего четыре шага. По расстоянию они были как один шаг здорового человека.

После процедур дед аккуратно опустил сына на кровать, взял палку в правую руку, а левой схватился за поясницу:

— На сегодня хватит. Пожалуй, я пойду прилягу. — Согнувшись, он покинул палату.

В эту ночь тишина стояла дольше обычного. И когда спустя час все вновь погрузились в сон, из палаты начал доноситься отборный храп пяти человек и тихое и неприметное всхлипывание одного.

На следующую ночь дед вновь, как часовой, оказался возле кровати сына.

— Пора, — сказал он одно слово.

И снова присел на табурет перед койкой.

Вновь палата замерла в томительном и сочувственном ожидании.

— Батя, не надо, — отнекивался сын, но послушно хватал отца за плечи.

— Не первый раз тебя ходить учу, — отмахнулся дед. — Малым научил и сейчас выучу.

Дзядзька Саша адчуваў, як усёй сваёй вагой давіць на сухое цела бацькі. Агнём паліла паясніцу. Каб хоць неяк дапамагчы старому, ён паспрабаваў выпрастаць ногі. Забраць вагу ўласнага цела з плячэй бацькі.

Сумленне мучыла нашмат мацней за паясніцу. Дзядзька Саша адчуў, як стаў крышачку вышэйшым. Зусім трошкі. На нейкі міліметр ці, можа, менш – але вышэйшым. І тут жа пачуў, як стары з палягчэннем выдыхнуў.

– Давай, – сказаў ён, трымаючы рукі сына на плячах. – Кроч. – І сам перасунуў ногі.

Сын рушыў услед за ім. Ён перавалок нежывыя кавалкі мяса і костак, якія называліся нагамі, і зноў перанёс частку вагі з бацькоўскай спіны.

– Яшчэ, – натужліва казаў стары і рабіў крок.

Уся палата з заміраннем сэрца назірала, як велізарны мужык вісіць на плячах у дзеда. Пры кожным кроку дыханне ў палаце замірала. І толькі калі гэтыя двое пераадольвалі нейкія пяць-дзесяць сантыметраў, хворыя з палёгкай выдыхалі.

У першую ноч, калі дзядзька Саша стаў на ногі, яны зрабілі ўсяго чатыры крокі. Па адлегласці яны былі як адзін крок здаровага чалавека.

Пасля працэдур дзед акуратна апусціў сына на ложкак, узяў палку ў правую руку, а левай схопіўся за паясніцу:

– На сёння хопіць. Мабыць, я пайду прылягу. – Сагнуўшыся, ён выйшаў з палаты.

У гэту ноч цішыня стаяла даўжэй, чым звычайна. І калі праз гадзіну ўсе зноў пагрузіліся ў сон, з палаты пачаў даносіцца адборны храп пяці чалавек і ціхае і непрыкметнае ўсхлішванне аднаго.

На наступную ноч дзед ізноў, як вартавы, апынуўся ля ложка сына.

– Пара, – сказаў ён адно слова.

І зноў прысеў на табурэтку перад ложкам.

Зноў палата замерла ў пакутлівым і спагадлівым чаканні.

На все уговоры сына отец был неприступен как стена. Он просто брал и тащил за собой обмякшее тело.

— Ставь... не спеши... обопрись... — батя говорил короткими фразами, чаще всего лишь одним словом. Он выкрикивал его и тут же плотно сжимал губы, краснея от напряжения.

Спустя неделю совместных усилий сын стал увереннее, а отец посерел и согнулся.

Спустя еще неделю дядя Саша мог сам вставать с кровати и карабкаться по стеночке, как альпинист над пропастью. Такими темпами он уже сам ходил в туалет. Батя, увидев, что больше нет нужды в его помощи, уехал из больницы.

А спустя два месяца его не стало.

— Научил-таки второй раз ходить, — улыбался дед. Это были его последние слова.

И даже сегодня, в воскресное утро, когда солнце как бельмо висит над горизонтом, в гуще людей, среди криков продавцов и животных, среди скрипа бедных велосипедов и несмазанных тачанок, среди воплей маленьких торгашей и ругани противных теток на весь базар разносится громкий мужской голос:

— Поливалки, выбивалки, мухоловки, мухобойки! Горшки да лейки, воронки и сетки! Поилки для цыплят! Сверла, отвертки, шило и мыло! Нитки, иголки, крючки да леска! Марли, держалки, вешалки...

– Баця, не трэба, – аднекваўся сын, але паслухмяна хапаў бацьку за плечы.
– Не першы раз цябе хадзіць вучу, – адмахнуўся дзед. – У маленстве навучыў і цяпер вывучу.
Да ўсіх просьбаў сына бацька быў непрыступны, як сцяна. Ён проста браў і цягнуў за сабой абмяклае цела.
– Стаў... не спяшайся... абапрыся... – казаў ён кароткімі фразамі, часцей за ўсё толькі адным словам. Выкрыкваў яго і тут жа шчыльна сціскаў вусны, чырванегучы ад напругі.
Праз тыдзень сумесных высілкаў сын стаў больш упэўненым, а бацька пашарэў і сагнуўся.
Яшчэ праз тыдзень дзядзька Саша мог сам уставаць з ложка і караскацца па сценачцы, як альпініст над прорвай. Такімі тэмпамі ён ужо сам хадзіў у туалет.
Бацька, убачыўшы, што больш няма патрэбы ў яго дапамозе, з’ехаў з бальніцы.
А праз два месяцы яго не стала.
– Навучыў-такі друпі раз хадзіць, – усміхаўся дзед. Гэта былі яго апошнія словы.
І нават сённа, у нядзельную раніцу, калі сонца як бяльмо вісіць над гарызонтам, у гущы людзей, сярод крыкаў прадаўцоў і жывёлы, сярод рыпення бедных ровараў і нясмазаных тачанак, сярод ляманту маленькіх гандляроў і лаянкі агідных цёткаў, на ўвесь кірмаш разносіцца гучны мужчынскі голас:
– Палівачкі, выбівачкі, мухалоўкі, мухабойкі! Гаршкі ды лейкі, варонкі і сеткі! Паілкі для куранят! Свердзелы, адвёрткі, шыла і мыла! Ніткі, іголки, кручкі ды лёска! Марлі, трымалкі, вешалкі...

Антон Лукин

Антон Лукін

Антон Лукин — автор 9 книг прозы. Печатался в периодических изданиях: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний восток», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Огни над Бией», «Литературная учеба», «Алтай», «Литературная газета», «День литературы», «Московский литератор» и др. Лауреат премии им. Андрея Платонова «Умное сердце» (2012) и Всероссийской премии «Золотой Дельвиг» (2012). Гран-призер литературного конкурса «Хрустальный родник» (2014, Орел). Лонг-лист премии «Ясная Поляна» (2014). Финалист Южно-Уральской литературной премии (2015, Челябинск). Шорт-лист «Корнейчуковской премии» (2016, Одесса). С января 2015 года член Союза писателей России. Проживает в селе Дивеево Нижегородской области.

Антон Лукін – аўтар 9 кніг прозы. Друкаваўся ў перыядычных выданнях: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний восток», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Огни над Бией», «Литературная учеба», «Алтай», «Литературная газета», «День литературы», «Московский литератор» і інш. Лаўрэат прэміі імя Андрэя Платонава «Разумнае сэрца» (2012) і Усерасійскай прэміі «Залаты Дэльвіг» (2012). Гран-прызёр літаратурнага конкурсу «Крыштальная крыніца» (2014, Арол). Лонг-ліст прэміі «Ясная Паляна» (2014). Фіналіст Паўднёва-Уральскай літаратурнай прэміі (2015, Чалябінск). Шорт-ліст «Карнейчукоўскай прэміі» (2016, Адэса). Са студзеня 2015 года член Саюза пісьменнікаў Расіі. Жыве ў сяле Дзівеева Ніжагародскай вобласці.

МИР ОДИН НА ДВОИХ

Светало. У горизонта, где посажены рожь и пшеница, колыхнула алым платком заря. Розовой волной поплыли по бескрайнему небу облака. На всю округу пронеслось громкое противное кваканье. Распелись тоже! Как заводные! Артисты! Небось радуются тихому утру, новому дню, солнышку. Где-то в траве застрекотали кузнечики. Природа давно проснулась, умылась прозрачной росой, и жизнь забила вовсю ключом.

За деревней у реки возле огромной старой березы стояли парень и девушка. Обои не больше семнадцати. Чернбровая красавица с вьющейся косой за спиной в белом сарафане прижималась к дереву. Парень, высокий и крепкий в плечах, в зеленой рубашке и серой кепке, стоял рядом. О чем-то беседовали. Разговор вел юноша. Девушка, наклонив голову, молча слушала его. У каждого из нас глубоко в памяти хранится такое утро. Именно такое. Заря, река, дерево... еще бывают качели, скамья, теплый дождь... Как же одинаково мы любим в этом возрасте! Одинаково встречаем рассветы и провожаем закаты. Да и как можно не любить, когда на двоих нам всего тридцать пять лет? Весь мир у наших ног, и все дороги открыты — только выбирай. Юность, юность, как же трепетна ты и прекрасна! Как заря, вспыхнешь ярким огнем и уйдешь в бытие, оставив в памяти глубокий теплый след.

Девушка, проведя по коре дерева ладонью, молча пошла вдоль реки. Парень догнал ее, взял за локоть, прижал к себе.

— Настя, — коснулся ее плеча.

— Саша, не надо, — девица наклонила голову. — Не надо.

— Я же приеду.

— Приедешь, — еле слышно произнесла девушка и подняла глаза. — Зачем тогда нужно было говорить... зачем тогда... Я же знала, что поедешь. Захар Дементьевич велит, и поедешь.

СВЕТ АДЗІН НА ДВАІХ

Світала. Ля гарызонта, дзе пасаджаны жыта і пшаніца, калыхнуў пунсвай хусткай заранак. Ружовай хваляй паплылі па бязмежным небе воблакі. На ўсю акругу пранеслася гучнае брыдкае кваканне. Распяваліся тут! Як завадныя! Артысты! Відаць, радуюцца ціхай раніцы, новаму дню, сонейку. Дзесьці ў траве засакаталі конікі. Прырода даўно прачнулася, памылася празрыстай расою, і жыццё забіла ключом на ўсю моц.

За вёскай ля ракі побач з велізарнай старой бярозай стаялі хлопец і дзяўчына. Абодвум не больш за сямнаццаць. Чарнабровая прыгажуня з касой, павітай за спінай, у белым сарафана прыціскалася да дрэва. Хлопец, высокі і дужы ў плячах, у зялёнай кашулі і шэрай кепцы, стаяў побач. Пра штосьці гаварылі. Размову вёў юнак. Дзяўчына, нахіліўшы галаву, моўчкі слухала яго. У кожнага з нас глыбока ў памяці захоўваецца такая раніца. Менавіта такая. Досвітак, рака, дрэва... яшчэ бываюць арэлі, лаўка, цёплы дождж... Як жа аднолькава мы кахаем у гэтым узросце! Аднолькава сустракаем заранкі і праводзім заходы. Ды і як можна не кахаць, калі на дваіх нам усяго трыццаць пяць гадоў? Увесь свет ля нашых ног, і ўсе шляхі адкрытыя – толькі выбірай. Юнацтва, юнацтва, якое ж ты трапяткое і цудоўнае! Як світанак, успыхнеш яркім агнём і сыдзеш у быццё, пакінуўшы ў памяці глыбокі цёплы след.

Дзяўчына, правёўшы па кары дрэва далонню, моўчкі пайшла ўздоўж ракі. Хлопец дагнаў яе, узяў за локаць, прыціснуў да сябе.

– Насця, – дакрануўся да яе пляча.

– Саша, не трэба, – дзяўчына нахіліла галаву. – Не трэба.

– Я ж прыеду.

– Прыедзеш, – ледзь чутна прамовіла дзяўчына і ўзняла вочы. – Навошта тады трэба было казаць... навошта тады... Я ж ведала, што паедзеш. Захар Дзяменцьевіч загадае – і паедзеш.

— Как я могу отказаться, если народ велит. Люди надеялись на меня, а я им — «не хочу». Это ведь тоже не дело.

— Вот и езжай в свой Горький! — девушка попыталась пойти, но парень крепко удержал ее за плечо.

— Меня не будет каких-то девять месяцев. Соскучиться не успеешь, как я ворочусь.

Настя медленно перевела взгляд в сторону, где шумела река, и тихо сказала:

— Клава тоже едет в Горький.

— Ну и что? Подумаешь, Клава. Сдалась тебе эта Клава.

— Я же видела, как она на тебя в клубе смотрит. И подружки мне говорили, что... что нравишься ты ей.

— Глупости.

— А если ты и правда ей нравишься, Саша?

— Мало ли чего из этого.

— И в город она тоже едет осенью.

— Она на бухгалтера поступает. И не один год там пробудет, — парень улыбнулся. — А я — глазом моргнуть не успеешь, как приеду домой.

— Это только кажется так, что быстро. А на самом-то деле...

— Я тебе писать буду. Каждый день.

— Ты что?!

— А что?

— Родители еще подумают невесть чего.

— Что же мне теперь — и письмо написать нельзя? — в голосе прозвучала обида.

Настя промолчала.

— Хорошо, — не сразу ответила она. — Ты только пиши сестре моей, Маше. А я у ней забирать буду. Ладно?

– Як я магу адмовіцца, калі народ загадвае. Людзі разлічвалі на мяне, а я ім – «не хачу». Гэта ж таксама не справа.

– Вось і едзь у свой Горкі! – дзяўчына памкнулася пайсці, але хлопец моцна затрымаў яе за плячо.

– Мяне не будзе нейкіх дзевяць месяцаў. Засумаваць не паспееш, як я вярнуся. Насця павольна перавяла позірк у бок, дзе шумела рака, і ціха сказала:

– Клава таксама едзе ў Горкі.

– Ну і што? Падумаеш, Клава. Здалася табе гэта Клава.

– Я ж бачыла, як яна на цябе ў клубе глядзіць. І сяброўкі мне казалі, што... што падабаешся ты ёй.

– Глупства.

– А калі ты і праўда ёй падабаешся, Саша?

– І што з гэтага?

– І ў горад яна таксама едзе ўвосень.

– Яна на бухгалтара паступае. І не адзін год там прабудзе, – хлопец усміхнуўся. – А я – вокам міргнуць не паспееш, як прыеду дахаты.

– Гэта толькі здаецца так, што хутка. А на самай справе...

– Я табе пісаць буду. Кожны дзень.

– Ты што?!

– А што?

– Бацькі яшчэ падумаюць немаведама што.

– Што ж мне – і ліст напісаць нельга? – у голасе прагучала крыўда.

Насця прамаўчала.

– Добра, – не адразу адказала яна. – Ты толькі пішы сястры маёй, Машы. А я ў яе забіраць буду. Добра?

— Только ты мне тоже пиши, — сказал парень.

— Хорошо, — девушка скромно улыбнулась и медленно пошла, поглядывая на реку. Юноша шел рядом.

Рассвело. Вот ведь тоже — светает и темнеет так, что и не заметишь. Вроде бы только вот-вот, совсем недавно темень стояла несусветная, а сейчас, пожалуйста, вокруг ясно, и стрекочут кузнечики.

— Я вчера к бабе Лизе ходила, матушка за молоком козьим посылала. Пришла, а там Егорка...

— Кто?

— Егорка, — Настя засмеялась. — Козленок. Ох и забавный, ох и шустрый. Всю поленицу разворотил, окаянный, всех кур распугал. А петуха сам боится. Петух своих курочек в обиду не дает. Прогоняет его. Я сама не видела, мне баба Лиза рассказывала. Забавно, да? — Девушка остановилась. — А ведь он слабеньким уродился. Совсем нехороший был. Думали, не выкарабкается. А баба Лиза выходила его. В избу забрала, через соску молоком поила. Головку вот так вот одной рукой придерживала, а другой кормила. Теперь вон какой красивый стал. Шустрый — глаз да глаз за ним нужен. Маленький ведь еще, вот и хулиганит. Александр с замиранием слушал подругу. Какая же она все-таки хорошая. И голосок такой добрый, что послушаешь его, и так легко становится, так радостно делается на душе, будто только что испробовал волшебную конфету. И любиться ею одно удовольствие. Какое же это счастье — стоять рядом с ней и трогать ее ладонь. Такая она красивая. Красивая и по-детски еще немного наивная. Александр приблизился на полшага, коснулся Настиного предплечья и поцеловал ее.

— Ой, Саша, не надо. Зачем ты так? — спросила девушка. — А если бы нас сейчас кто увидел?

– І ты мне таксама пішы, – сказаў хлопец.

– Добра, – дзяўчына сціпла ўсміхнулася і павольна пайшла, паглядаючы на раку. Юнак ішоў побач.

Развіднела. Вось як яно – світае і цямнее так, што і не заўважыш. Быццам зусім нядаўна цемрадзь стаяла несусветная, а цяпер, калі ласка, вакол ясна, і цвыркаюць конікі.

– Я ўчора да бабы Лізы хадзіла, матухна за малаком казіным пасылала. Прышла, а там Ягорка...

– Хто?

– Ягорка, – Насця засмялася. – Казляня. Ох і пацешны, ох і шустры. Увесь касцёр развярнуў, пракляты, усіх курэй распужаў. А пёўня сам баіцца. Певень сваіх курачак у крыўду не дае. Праганяе яго. Я сама не бачыла, мне баба Ліза расказвала. Смешна, праўда? – Дзяўчына спынілася. – Хоць ён слабенькім урадзіўся. Зусім благі быў. Думалі, не выкараскаецца. А баба Ліза выхадзіла яго. У хату забрала, праз соску малаком паіла. Галоўку вась так адной рукой прытрымлівала, а другой карміла. Зараз вась які прыгожы стаў. Шустры – вока ды вока за ім трэба. Маленькі ж яшчэ, вась і хуліганіць.

Аляксандр з заміраннем слухаў сяброўку. Якая ж яна ўсё-ткі добрая. І які галасок лагодны, што паслухаеш яго, і лёгка становіцца, радасна робіцца на душы, быццам паспрабаваў чароўную цукерку. І любавання ёю адно задавальненне. Якое ж гэта шчасце – стаяць побач і дакранацца да яе далоні. Такая яна прыгожая. Прыгожая і па-дзіцячаму яшчэ трохі наіўная.

Аляксандр наблізіўся на паўкрока, дакрануўся да Насцінага перадплечча і пацалаваў яе.

– Ой, Саша, не трэба. Навошта ты так? – спытала дзяўчына. – А калі б нас цяпер хто ўбачыў?

– Ды хто нас можа ўбачыць?

— Да кто нас может увидеть?
— Мало ли? Может, кто и на рыбалку спозаранку вышел... или... Никита Кондратьевич стадо, поди, уже погнал.
— Я же аккуратнo.
— Все равно... — Настя прошла вперед и украдкой улыбнулась. Не услышав за собой шагов, она обернулась. Александр стоял неподвижно.
— Обиделся?
Тот промолчал.
— Не обижайся, пожалуйста.
— Я и не обижаюсь.
— И правильно, — Настя взяла друга за руку. — Помнишь, как за той рощей картофель собирали. Нас тогда всей школой посылали. Помнишь? — улыбнулась. — Небо ясное-ясное было, ни тучки, ни облачка. И вдруг откуда ни возьмись дождик пошел. И такой теплый, легкий, озорной. Прошел мимолетно, словно поздороваться к нам забежал. А как пропал, радуга появилась. И такая красивая, и так рядом, кажется, пробегись немного, и она прямо над тобой будет...
— Вот поженимся, родишь мне сына. Назову его Юрой, — оборвал разговор юноша.
Настя притихла. Большие карие глаза ее вопросительно заиграли.
— А почему Юрой?
— А что? Мне нравится, — пожал парень плечами. — И я, как папа, должен сам выбрать мальчику имя. Это железно, — улыбнулся. — Юрий Кулаков. Звучит?
— А если родится девочка?
— Если родится девочка, тогда имя за тобой.
Настя призадумалась.
— А дочку мы назовем Зоя. Вавилова Зоя. Нравится?
— Отчего же Вавилова, когда ты будешь Кулакова?

- Ці мала? Можа, хто і на рыбалку зранку выйшаў... ці... Мікіта Кандрацьевіч статак, пэўна, ужо пагнаў.
- Я ж акуратна.
- Усё адно... – Насця прайшла наперад і ўпотаі усміхнулася. Не пачуўшы за сабой крокаў, яна павярнулася. Аляксандр стаяў нерухома.
- Пакрыўдзіўся?
- Той прамаўчаў.
- Не крыўдуй, калі ласка.
- Я і не крыўдую.
- І правільна, – Насця ўзяла сябра за руку. – Памятаеш, як за тым гаем бульбу капалі? Нас тады ўсёй школай пасылалі. Памятаеш? – усміхнулася. – Неба яснае-яснае было, ні хмаркі, ні аблачыны. І раптам, адкуль ні вазьміся, дожджык пайшоў. І такі цёплы, лёгкі, гарэзлівы. Прайшоў мімалётна, нібы прывітацца да нас забег. А як знік – вясёлка з’явілася. І такая прыгожая, і так блізка, здаецца, прабяжыся трохі, і яна прама над табой будзе...
- Вось пажэнімся, народзіш мне сына. Назаву яго Юрасём, – абарваў успаміны юнак. Насця прыціхла. Вялікія карыя вочы яе пыгальна зайгралі.
- А чаму Юрасём?
- А што? Мне падабаецца, – паціснуў хлопец плячыма. – І я, як тата, павінен сам абраць хлопчыку імя. Гэта жалезна, – усміхнуўся. – Юрый Кулакоў. Гучыць?
- А калі народзіцца дзяўчынка?
- Калі народзіцца дзяўчынка, тады імя за табой.
- Насця прызадумалася.
- А дачку мы назавём Зоей. Вавілава Зоя. Падабаецца?
- Чаму ж Вавілава, калі ты будзеш Кулакова?

Девушка засмеялась.

— Ой! Точно. Кулакова.

Настя, придерживая сарафан, присела на траву. Александр примостился рядом. Рыжее солнце весело отражалось в реке, и теплый ветер изредка проносился, поглаживая щеки и волосы.

— Ты к старику Еремею часто заходишь?

— Стараюсь каждый день, но совсем недолго бываю у него, — ответил парень. — С Лешкой ему дрова позавчера кололи. А так... Заскочишь ненадолго, и все. А вы с Любашей навещаете старика? Вроде как собирались.

— Редко мы с Любой ходим к нему, — призналась Настя. — Больше одна навещаю. Жалко его. Совсем один. Газету прочесть и то некому. Это вы молодцы, что дрова накололи. Вы с Лешкой не забывайте его. У него ведь нет никого. А одному ой как плохо.

— Плохо, — согласился Александр и, подумав немного, добавил: — Я тебе, Настя, из города серьги привезу.

— Зачем?

— Подарок.

— Разве так подарки делаются? — ласково спросила подруга. — Подарок должен быть внезапный.

— Это сюрпризом называется.

— Все равно. Подарок тоже должен быть неожиданным. Так он намного приятней.

— Тогда я тебе что-нибудь другое привезу.

Настя положила голову другу на плечо.

— Спасибо. Только ты мне не говори, ладно? А то про серьги сказал, я про них уже и думаю, — девушка улыбнулась. — Ой, Саша, а в городе сейчас, наверное, очень красиво. Да?

— Наверное.

Дзяўчына засмялася.

– Ой! Сапраўды. Кулакова.

Насця, прытрымліваючы сарафан, прысела на траву. Аляксандр прымасціўся побач. Рудае сонца весела адбівалася ў рапэ, і цёплы вецер зрэдку праносіўся, пагладжваючы шчокі і валасы.

– Ты да старога Ерамея часта заходзіш?

– Стараюся кожны дзень, але зусім нядоўга бываю ў яго, – адказаў хлопец. – З Лёшкам яму дровы заўчора калолі. А так... Заскочыш ненадоўга, і ўсё. А вы з Любашай наведваеце старога? Здаецца, збіраліся.

– Рэдка мы з Любай ходзім да яго, – прызналася Насця. – Больш адна наведваю. Шкада яго. Зусім адзін. Нават газету прачытаць няма каму. Якія вы малайцы, што дроў насклі. Вы з Лёшкам не забывайце пра яго. У яго ж няма нікога. А аднаму ой як кепска.

– Кепска, – пагадзіўся Аляксандр і, трохі падумаўшы, дадаў: – Я табе, Насця, з горада завушніцы прывязу.

– Навошта?

– Падарунак.

– Хіба так падарункі робяцца? – ласкава спытала сяброўка. – Падарунак павінен быць раптоўным.

– Гэта сюрпрызам называецца.

– Усё адно. Падарунак таксама павінен быць нечаканым. Так ён нашмат прыемней.

– Тады я табе што-небудзь іншае прывязу.

Насця паклала галаву сябру на плячо.

– Дзякуй. Толькі ты мне не кажы, добра? А то пра завушніцы сказаў, я пра іх ужо і думаю, – дзяўчына ўсміхнулася. – Ой, Саша, а ў горадзе цяпер, напэўна, вельмі хораша. Так?

— Кругом огни, фонтаны, трамваи ходят... Охота в город, только честно?
— Вот еще!
— Совсем-совсем неохота?
— Ну, если только чуточку, — признался парень.
— А ты будешь по мне скучать?
— Спрашиваешь! Кому я письма обещал писать каждый день, лешему?
Настя тихонько засмеялась.
— Я бы тоже хотела в Горький съездить. Я ведь там не была, только один раз, и то совсем маленькой. Я и не помню ничего.
— Съездишь. Какие твои годы. И вместе съездим с тобою еще не раз.
— Правда?
— А чего? Конечно. Мы с тобой и в Москву, и в Ленинград съездим. Везде побываем, куда только душа запросится. Мы теперь с тобой едины и все будем делать вместе, — Александр обнял подругу. — Куда ты, туда и я, куда я, туда и ты. Целый мир один на двоих.
— Весь мир? — девушка загадочно улыбнулась.
— Весь мир, — повторил парень. — Мы теперь с тобой вместе, и ничего нам не помешает, если мы любим друг друга.
Настя крепче прижалась к Сашиному плечу.
— Мне недавно один сон приснился. Такой нехороший. Ты, наверное, смеяться будешь. Но не надо. Ладно?
— Это же всего-навсего сон.
— Не смейся, не надо, — девушка выпрямилась, приподняла голову. — Снится мне, будто мы с Клавой в лес по ягоды пошли. Ходим, блуждаем, а ни одной ягодки не видно. Все ноги об кусты изрезали. И вдруг вышли мы с ней на поляну, а там земляники видимо-невидимо. Как ковер красный. И ты посреди этого ковра лежишь. Я к тебе. Подошла ближе, хотела ягодку сорвать, а это вовсе

– Напэўна.
– Вакол агні, фантаны, трамваі ходзяць... Хочацца ў горад, толькі шчыра?
– Вось яшчэ!
– Зусім-зусім неахвота?
– Ну, калі толькі крышачку, – прызнаўся хлопец.
– А ты будзеш па мне сумаваць?
– Пытаеш! Каму я лісты абяцаў пісаць кожны дзень, лесуну?
Насця ціхенька засмяялася.
– Я б таксама хацела ў Горкі з’ездзіць. Я ж там не была, толькі адзін раз, і то зусім маленькай. Я і не памятаю нічога.
– З’ездзіш. Якія твае гады. І разам з’ездзім з табою яшчэ не раз.
– Праўда?
– А што? Канечне. Мы з табой і ў Маскву, і ў Ленінград з’ездзім. Усюды пабываем, дзе толькі душы заўгодна. Зараз мы з табой з’яднання і ўсё будзем рабіць разам, – Аляксандр абняў сяброўку. – Куды ты – туды і я, куды я – туды і ты. Цэлы свет адзін на дваіх.
– Увесь свет? – дзяўчына загадкава ўсміхнулася.
– Увесь свет, – паўтарыў хлопец. – Мы зараз з табой разам, і нічога нам не перашкодзіць, калі мы кахаем адно аднаго.
Насця мацней прыціснулася да Сашынага пляча.
– Мне нядаўна адзін сон прысніўся. Такі нядобры. Ты, напэўна, смяяцца будзеш. Але не трэба. Добра?
– Гэта ж усяго толькі сон.
– Не смейся, не трэба, – дзяўчына выпрасталася, прыпадняя галаву. – Сніцца мне, быццам мы з Клавай у лес па ягады пайшлі. Ходзім, блукаем, а ніводнай ягадкі не відаць. Усе ногі аб кусты зрэзалі. І раптам выйшлі мы з ёй на паляну, а там суніц нябачана. Як

и не ягоды, а вода. Красная такая. Словно кровь. И ты в ней утопаешь. Я Клаву окликнула, глядь, а тебя уже и нету. Мне так страшно стало. Я и проснулась. К чему бы это?

— Мало ли чего может присниться. Не бери в голову.

— И Клава там же.

— Сдалась тебе это Клава.

— Сон и правда нехороший. Хотела к Тимонихе сходить разузнать о нем, да побоялась. Лучше уж будь что будет. Нечего судьбу раньше времени тревожить. Вдалеке показались три мальчугана с удочками, шли удить рыбу. Белокурый мальчишка в майке громко и весело рассказывал что-то друзьям. Теперь уже не посидишь спокойно, не пообщаешься, не полюбишься на реку. Скоро рабочий народ в деревне отправится по своим делам. А это значит, что и им пора расходиться. Настя приподнялась, отряхнулась, поправила подол.

— Ой, Саша, как мы засиделись с тобой, — сказала она. — А ведь мне скоро с матерью на пасеку идти.

— Побудь еще немного, — попросил парень.

— Пойду я, Саша. Только ты подожди немного. Сразу не иди.

— Такая ты смешная, — улыбнулся юноша. — Что же теперь и пройтись с тобой нельзя?

Настя направилась к деревне. Александр окликнул ее. Девушка обернулась.

— Я люблю тебя.

Настя быстро пробежала глазами вокруг и, убедившись, что никто их не слышит, улыбнулась и поспешила в деревню. Парень смотрел ей вслед: на босые ноги, светлый сарафан и длинную темную косу. Нет, все-таки он ей из города привезет серьги. Красивые. Дорогие. Как однажды матери подарил отец. Обязательно привезет. И подарит их той, с кем хотел бы поделить этот мир на двоих. Александр достал папиросу и закурил. Легкой походкой он направился в деревню.

дыван чырвоны. І ты пасярод гэтага дывана ляжыш. Я да цябе. Падышла бліжэй, хацела ягадку сарваць, а гэта зусім і не ягады, а вада. Чырвоная такая. Нібы кроў. І ты ў ёй пата-наеш. Я Клаву паклікала, зірк, а цябе ўжо і няма. Мне так страшна стала. Я і прачнулася. Да чаго б гэта?

– Ці мала што можа прысніцца. Не бяры да галавы.

– І Клава ж там.

– Здалася табе гэта Клава.

– Сон і праўда нядобры. Хацела да Цімоніхі схадзіць даведацца пра яго, ды пабаялася. Лепш ужо будзь што будзе. Няма чаго лёс раней часу турбаваць.

Удалечыні з’явіліся тры хлапчукі з вудамі, ішлі па рыбу. Бялявы хлапчук у майцы гучна і весела распавядаў штосьці сябрам. Зараз ужо не пасядзіш спакойна, не пагутарыш, не палюбуешся ракой. Хутка працоўны народ у вёсцы адправіцца па сваіх справах. А гэта значыць, што і ім пара разыходзіцца. Насця прыпаднялася, абтрэлася, паправіла па-дол.

– Ой, Саша, як мы заседзеліся з табой, – сказала яна. – Мне хутка з маці на пчальнік ісці.

– Пабудзь яшчэ трохі, – папрасіў хлопец.

– Пайду я, Саша. Толькі ты пачакай крыху. Адразу не ідзі.

– Якая ты смешная, – усміхнуўся юнак. – Што ж цяпер і прайсціся з табой нельга?

Насця накіравалася да вёскі. Аляксандр аклікнуў яе. Дзяўчына павярнулася.

– Я кахаю цябе.

Насця хутка прабегла вачамі вакол і, пераканаўшыся, што ніхто іх не чуе, усміхнулася і паспяшалася ў вёску. Хлопец глядзеў ёй услед: на босыя ногі, светлы сарафан і доўгую цёмную касу. Не, усё-ткі ён прывязе ёй з горада завушніцы. Прыгожыя. Дарагія. Такія, як аднойчы маці падарыў бацька. Абавязкова прывязе. І падорыць іх той, з кім жа-даў бы падзяліць гэты свет на дваіх. Аляксандр дастаў папяросу і закурыў. Лёгкай хадой

Проходя мимо Настинного дома, остановился. Окно ее комнаты было распахнуто. Парень оторвал кусок от упаковки папирос и осторожно пробрался к ее окну. Достав из кармана рубахи маленький карандаш, не раздумывая, написал: «Настенька, я тебя очень люблю. Сашка. 22 июня 1941 г.» И аккуратно положил записку в цветочный горшок.

По деревне пронеслись петушины голоса, созывая рабочий народ просыпаться и заниматься делом. Александр шел по улице и любовался деревьями, что шумели листвой. С цветка на цветок перелетали бабочки. Какое прекрасное утро! И таким же прекрасным будет день. Замечательно все-таки жить на этом белом свете. Жить и любить.

ён накіраваўся ў вёску. Праходзячы міма Насцінай хаты, спыніўся. Акно яе пакоя было расчынена. Хлопец адарваў кавалак ад пачка папярос і асцярожна прабраўся да яе акна. Дастаўшы з кішэні кашулі маленькі аловак, не разважаючы, напісаў: «Настачка, я цябе вельмі кахаю. Сашка. 22 чэрвеня 1941 г.» І акуратна паклаў цыдулку ў вазон.

Па вёсцы чуліся галасы пеўняў, склікаючы працоўны люд прачынацца і займацца справамі. Аляксандр ішоў па вуліцы і любаваўся дрэвамі, што шумелі лістотай. З кветкі на кветку пераляталі матылькі. Якая выдатная раніца! І такім жа выдатным будзе дзень. Цудоўна ўсё-ткі жыць на гэтым белым свеце. Жыць і кахаць.

Марта Райцес

Марта Райцэс

Марта Райцес — прозаик, драматург, автор сказок для детей. Основатель первой в России организации профессиональных наставников по чтению Книжныйгид.org. С 2014 года работает редактором в издательстве «Феникс». С 2015 года – студентка Литературного института им. А. М. Горького. Получила грант на обучение в «Школе молодых специалистов в области детской книги и детской литературы». Победитель конкурса «Новые сказки», финалист конкурсов «Мцыри» в номинации «Проза» и «Самиздат» издательства «Рипол», победитель Всероссийского студенческого литературного конкурса в номинации «Драматургия». Награждена дипломом от Кроноцкого заповедника за сказку для детей.

Марга Райцэс – празаік, драматург, аўтар казак для дзяцей. Заснавальнік першай у Расіі арганізацыі прафесійных настаўнікаў па чытанні Книжныйгид.org. З 2014 года працуе рэдактарам у выдавецтве «Фенікс». З 2015 года – студэнтка Літаратурнага інстытута імя А. М. Горкага. Атрымала грант на навучанне ў «Школе маладых спецыялістаў у галіне дзіцячай кнігі і дзіцячай літаратуры». Пераможца конкурсу «Новыя казкі», фіналіст конкурсаў «Міцыры» ў намінацыі «Проза» і «Самвыдат» выдавецтва «Рипол», пераможца Усерасійскага студэнцкага літаратурнага конкурсу ў намінацыі «Драматургія». Узнагароджана дыпламам ад Краноцкага запаведніка за казку для дзяцей.

НАСЛЕДИЕ

Веранда Кровского. Деревянная. Трещит под ногами, как его проза. Помню запах реставрации как дочь антиквара. Наклоняюсь к полу, чтобы вдохнуть припыленный лак. А пахнет кедром. Сохранился сам, как от корня питается, ничем не покрытый. Гладкий и голый на ощупь. Розоватый и светлый, как мое лицо. Трогаю то кедр, то себя. Не могу поверить, что я лежу на веранде дома Кровского.

Ограждение низенькое и без шишечек. На всех домах, что видела в папиных альбомах, заборы уродовали этими круглыми резными наростами. Веду рукой по пустым перилам и почти обхожу дом кругом, когда касаюсь туфель босой ноги. Облокотившись на доску, стоят два парня.

— Ребята, а часто о Кровском говорят?

— Все время, — тот, что постарше, откликается нехотя.

— А что говорят?

— Не знаю. Я не читал.

— Но ты же в его дом пришел.

— Мне нравится дом, тут речка недалеко.

Смотрю из дома на воду. Обычная. Сегодня спокойная. Чистая, незамутненная производством. Перебираю в памяти строчки, шевелю губами и ловлю на них взгляды школьников, запинаясь на словах, отворачиваюсь в тень от деревьев и вспоминаю у Кровского в повести купание отца и сына. Река мне вторит, подсказывает, что это о ней.

— А от твоего дома речка далеко?

— Дома дел много. Я не писатель, некогда плавать и загорать. Отец не пустит.

— Может, искупаемся?

Подростки смотрят на меня недоверчиво. Тот, что поразговорчивее, переминается со ступни на ступню, осматривает меня в полный рост, нерешительно машет искусанной комарами рукой и спускается к берегу.

СПАДЧЫНА

Веранда Кроўскага. Драўляная. Трапчыць пад нагамі, як яго проза. Памятаю пах рэстаўрацый як дачка антыквара. Нахіляюся да падлогі, каб улыхнуць прыпылены лак. А пахне кедром. Захаваўся сам, як ад караня сілкуецца, нічым не пакрыты. Гладкі і голы навобмацак. Ружаваты і светлы, як мой твар. Дакранаюся то да кедру, то да сябе. Не магу паверыць, што я ляжу на верандзе дома Кроўскага.

Агароджа нізенькая і без пышкаоў. На ўсіх дамах, што бачыла ў татавых альбомах, пла- ты нявечылі гэтымі круглымі разьбянымі нарастамі. Праводжу рукой па пустых парэн- чах і амаль абыходжу дом вакол, калі дакранаюся туфлем да босай нагі. Абапёршыся на дошку, стаяць два хлапцы.

– Дзеці, а часта пра Кроўскага гавораць?

– Увесь час, – той, што старэйшы, нехаця адгукаецца.

– А што кажуць?

– Не ведаю. Я не чытаў.

– Але ж ты ў яго дом прыйшоў.

– Мне падабаецца дом, тут рэчка недалёка.

Гляджу з дома на ваду. Звычайная. Сёння спакойная. Чыстая, незакаламучаная вытвор- часцю. Перабіраю ў памяці радкі, варушу вуснамі і лаўлю на іх позіркі школьнікаў, зацінаюся на словах, адварочваюся ў цень ад дрэў і ўспамінаю ў аповесці Кроўскага купанне бацькі і сына. Рака мне падтаквае, падказвае, што гэта пра яе.

– А ад твайго дома рэчка далёка?

– Дома спраў шмат. Я не пісьменнік, няма мне калі плаваць і загараць. Бацька не пусціць.

– Можна, пакупаемся?

В воду захожу только я, от неловкости перед спутниками не снимая платья. Парень помладше закуривает, не смотря в мою сторону. Второй следит то ли от мысли, что утопленница, то ли от возбуждения.

— Кровский есть в школьной программе. Вы его должны были читать. — Выжимаю волосы. Река Кровского сочится по мне от хвоста до позвоночника.

Один передергивает плечами, другой пожимает.

— Ну, что вы сейчас на литературе читаете?

— Биографию Лермонтова, — курят уже оба.

— А что за биография? Кто автор? Читали уже его «Мцыри»? Или «Белеет парус одинокой...»?

Река Кровского стала морем Лермонтова. Наклоняюсь и жадно пью.

— Малой, учебник есть? — Мальчики о чем-то переговариваются между собой.

Мне подносят книгу прямо к воде, а у меня руки влажные. Прошу найти страницу. Пепел с сигареты школьника падает на обложку. Не стряхивая его и не туша бычок, лезет в содержание, долго ищет и открывает передо мной разворот.

«Михаил Юрьевич Лермонтов (3 октября [15 октября] 1814, Москва — 15 июля [27 июля] 1841, Пятигорск)...»

Маленькое черно-белое фото и семь абзацев крупным кеглем.

Не желая больше смотреть в хрестоматию, поднимаю глаза к солнцу. Оно бликует в моих мелких слезах, чистое, умытое текстом Кровского.

— Электричка уже скоро... Вы молодцы, что с книгой ходите. Вообще, люди здесь добрые, учтивые, культурные, показали, где дом, вы вот к речке сводили. Я бы сама в деревне не нашлась.

— Дом этот все знают. На Москву? — деловито спрашивает рослый.

— На Москву.

— Не ходит она.

Падлеткі глядзяць на мяне недаверліва. Той, што больш гаваркі, пераступае са ступні на ступню, аглядае мяне ў поўны рост, нерашуча махае абкусанай камарамі рукой і спускаецца да берага.

У ваду ўваходжу толькі я, ад няёмкасці перад спадарожнікамі не здымаючы сукенку. Маладзейшы хлопец закурвае, не гледзячы ў мой бок. Другі сочыць ці то ад думкі, што тапельніца, ці то ад узбуджанасці.

– Кроўскі ёсць у школьнай праграме. Вы яго павінны былі чытаць. – Выціскаю валасы. Рака Кроўскага сачыцца па мне ад хваста да хрыбетніка.

Адзін перасмыкае плячыма, другі паціскае імі.

– Ну, што вы цяпер на літаратуры чытаеце?

– Біяграфію Лермантава, – кураць ужо абодва.

– А што за біяграфія? Хто аўтар? Чыталі ўжо яго «Мцыри»? Ці «Белеет парус одинокой...»?

Рака Кроўскага стала морам Лермантава. Нахіляюся і прагна п’ю.

– Малы, падручнік ёсць? – Хлопчыкі пра штосьці перагаворваюцца паміж сабой.

Мне падносяць кнігу прама да вады, а ў мяне рукі вільготныя. Прашу знайсці старонку. Попел з цыгарэты школьніка валіцца на вокладку. Не стрэсваючы яго і не тушачы акурак, лезе ў змест, доўга шукае і адкрывае перада мной разварот.

«Міхаіл Юр’евіч Лермантаў (3 кастрычніка [15 кастрычніка] 1814, Масква – 15 ліпеня [27 ліпеня] 1841, Пяцігорск)...»

Маленькае чорна-белае фота і сем абзацаў буйным кегелем.

Не жадаючы больш глядзець у хрэстаматыю, паднімаю вочы на сонца. Яно блікуе ў маіх дробных слязах, чыстае, памытае тэкстам Кроўскага.

— И книг мы не носим. Это учебник. Я из школы домой не заходил. Видеть никого там не хочу. — Младшему я опротивела, как и все взрослые. Я отвлекаю его друга, уже интересующегося женщинами.

Я больше не обращаюсь к детям на берегу. Спина нагревается от неба. Ноги в воде розовеют, как кедр веранды. Пора ехать, мне немного тошно стоять, чувствую себя плавучим домом. Покачиваюсь. Реку покинул отец, покинул сын. Кровский тоже уже не здесь, остался дом.

Поворачиваюсь. Мальчики отошли, не зная, ждать им или можно меня оставить.

Прохожу одна мимо окон писателя. Заглядываю туда, коснувшись невысохшей челкой пыльной рамы, стучусь в дверь, тяну за ручку и не вхожу, знаю, что открыто. У Кровского — открыто.

На вокзале мне не продают билет.

— Расписание старое. Не переписут все никак. Не уедете вы до завтра. Это в лучшем случае.

— Простите, а поесть где?

— Дома все едят. В каждом доме едят.

Осматриваюсь впервые, утром спешила к Кровскому. Полустанок, а не вокзал. Ни одного указателя. Зал ожидания недостроенный. Две линии рельсов.

— Ну а хлеб купить? Воду?

— У кого родственники в городе, подвозят им. — Женщина в окошке рада собеседнику, ей спешить некуда. Очереди у кассы нет.

— И у вас родственники?.. — спрашиваю от растерянности, куда идти, не знаю.

— У меня — нет. Огород, скотина. Хлеб моя бабка пекла нормально. Но у нас пшеница так себе. Мы ж раньше культурная станица были, кто тут землей занимался... А теперь она неурожайная.

– Электрычка ўжо хутка... Вы малайцы, што з кнігай ходзіце. Наогул, людзі тут добрыя, пачцівыя, культурныя, паказалі, дзе дом, вы вось да рэчкі звазілі. Я б сама ў вёсцы не знайшлася.

– Дом гэты ўсе ведаюць. На Маскву? – дзелавіта пытае рослы.

– На Маскву.

– Не ходзіць яна.

– І кніг мы не носім. Гэта падручнік. Я са школы дахаты не заходзіў. Бачыць нікога там не хачу. – Малодшаму я абрыдзела, як і ўсе дарослыя. Я адцягваю ўвагу яго сябра, які ўжо цікавіцца жанчынамі.

Я больш не звяртаюся да дзяцей на беразе. Спіна награваетца ад неба. Ногі ў вадзе ружавеюць, як кедр веранды. Час ехаць, мне крыху моташна стаяць, адчуваю сябе плывучай хатай. Пагойдваюся. Раку пакінуў бацька, пакінуў сын. Кроўскі таксама ўжо не тут, застаўся дом.

Паварочваюся. Хлопчыкі адышлі, не ведаючы, чакаць ім ці можна мяне пакінуць.

Праходжу адна міма вокнаў пісьменніка. Зазіраю туды, дакрануўшыся яшчэ вільготным чубам да запыленай рамы, стукаю ў дзверы, цягну за ручку і не ўваходжу, ведаю, што адчынена. У Кроўскага – адчынена.

На вакзале мне не прадаюць квіток.

– Расклад стары. Не перапішучь усё ніяк. Не з’едзеце вы да заўтрага. Гэта ў лепшым выпадку.

– Прабачце, а паесці дзе?

– Дома ўсе ядуць. У кожнай хаце ядуць.

Аглядаюся ўпершыню, раніцай спяшалася да Кроўскага. Паўстанак, а не вакзал. Ніводнай пыльды. Зала чакання недабудаваная. Дзве лініі рэек.

– Ну а хлеба купіць? Вады?

— А сейчас не печет хлеб?

— Кто?

— Ваша бабушка.

— Похоронили. Туберкулез. И у меня туберкулез.

— А что ж вы сидите? Лечиться надо. — Наклоняюсь ближе, сочувственно заглядываю ей в лицо. Жалость шарит по моим карманам моими пальцами, думаю, как предложить ей помощь, не задев этим и не обидев. Полнощекая, на вид здоровая женщина смотрит на мою искаженность эмоциями с равнодушием. Ее прямота одергивает мне руки.

— Это в городе, у меня там никого нет.

У меня никого нет в этой деревне, поворачиваюсь спиной к билетному окошку, высматриваю доброжелательных незаразных людей, но их не угадаешь.

— Здравствуйте, подскажите, где отель рядом или гостиница?

Бабушка от моего вопроса не останавливается, идет быстрее меня.

— Тут такого нет. Идите к кому-нибудь ночевать.

— А к кому можно?

— Кто пустит, к тому и идите.

— А к вам можно? — попадаю в ее шаг.

— Суббота, муж выпивший. Не надо лучше.

По наитию следую за прохожей. Она оборачивается, цокает, ускоряется, спотыкается о валяющийся камень. От страха ее напугать стучусь в первую калитку.

Дерево потрескавшееся. Горевшее и обуглившееся. Пока люди выглядывают и обуваются, потираю шишечку — нарыв на заборе.

Плохонько одетая девочка после долгого тихого разговора отворяет мне. Сарайный быт. Воду таскают. Удобств нет. Людей в семье больше, чем кроватей.

От вековой необустроенности и затхлости тошнит.

– У каго сваякі ў горадзе, падвозяць ім. – Жанчына ў акенцы радуецца суразмоўцу, ёй спяшацца няма куды. Чаргі ля касы няма.

– І ў вас сваякі?.. – пытаюся ад разгубленасці, куды ісці, не ведаю.

– У мяне – не. Гарод, скаціна. Хлеб мая бабка пякла нармальна. Але ў нас пшаніца так сабе. Мы ж раней культурная станіца былі, хто тут зямлёй займаўся... А зараз яна неўрадлівая.

– А цяпер не пячэ хлеб?

– Хто?

– Ваша бабуля.

– Пахавалі. Сухоты. І ў мяне сухоты.

– А што ж вы седзіце? Лячыцца трэба. – Нахіляюся бліжэй, спагадліва зазіраю ёй у твар. Жаль пшарае па маіх кішэнях маімі пальцамі, думаю, як прапанаваць ёй дапамогу, не закрануўшы гэтым і не пакрыўдзіўшы. Пухлашчокая, з выгляду здаровая жанчына глядзіць на маё скажэнне эмоцыямі з абыякавасцю. Яе шчырасць развязвае мне рукі.

– Гэта ў горадзе, у мяне там нікога няма.

У мяне нікога няма ў гэтай вёсцы, паварочваюся спінай да білетнага акенца, выглядаю добразычлівых незаразных людзей, але іх не адгадаеш.

– Добры дзень, падкажыце, дзе гатэль побач альбо гасцініца?

Бабуля ад майго пытання не спыняецца, ідзе хутчэй за мяне.

– Тут такога няма. Ідзіце да каго-небудзь начаваць.

– А да каго можна?

– Хто пусціць, да таго і ідзіце.

– А да вас можна? – трапляю ў яе крок.

– Субота, муж нецвярозы. Лепш не трэба.

Наўдачу іду за прахожай. Яна абарочваецца, цокае, паскараецца, спатыкаецца аб камень, які валяецца. Баючыся яе напалохаць, стукаю ў першую брамку.

Меня ни о чем не спрашивают. Детям не разрешено, матери неинтересно. Чтобы себя отвлечь и занять, думаю о доме Кровского. О маленькой кушетке в его кабинете, на которой он спал, если не писалось. О редком собрании сочинений Пушкина в шкафу. Это, строго говоря, не антиквариат, мебель плохо сохранилась, такую называют в салонах «дрова». Библиотека собрана прекрасная, великие тексты, но дорогой букинистики не представлено. Передо мной ставят крепкий чай. Кладут рядом ложку, но коробку с фасованным сахаром с полки не протягивают. Мертвый писатель живет в этой деревне лучше, и, может быть, оттого гостеприимнее всех.

— Простите! Я чай не могу! Забыла в доме Кровского кое-что. — По напряженности понимаю необходимость немедленно объясниться: — У меня традиция. Я, если оказываюсь в кабинете писателя, на его машинке незаметно пишу ему два слова, они на бумаге не отщелкиваются, краски пересохшие... А в этот раз была и забыла. На глаза машинка не попала.

— Ну, иди пощелкай, еще светло.

Хозяйке я на кухне лишняя мебель, ей в этих трех метрах надо до темна ужин приготовить. Мой отодвинутый от стола стул загораживает ей ящик покосившегося буфета.

— А где машинка стоит, покажете? — улыбаюсь, осознавая всю нелепость очень значимой для меня просьбы.

— Ты чё, одна боишься идти? Сына, проводи девушку!

Мальчик рад, в пути живо интересуется Москвой. Вру, что там все читают Кровского и ходят в литературные музеи. Не верит, после 9-го класса переедет туда работать, уже узнавал про столицу — никто там никуда не ходит и не читает, сперва надо купить временную прописку, а потом как повезет.

Дрэва патрэсканае. Гарэлае і абвугленае. Пакуль людзі выглядваюць і абуваюцца, паціраю пышпачку – нарыў на плоце.

Дрэнненька апранутая дзяўчынка пасля доўгай ціхай гутаркі адчыняе мне. Хлеўны побыт. Ваду цягаюць. Выгод няма. Людзей у сям’і больш, чым ложкаў.

Ад векавой неўладкаванасці і затхласці ванітуе.

У мяне ні пра што не пытаюць. Дзецям не дазволена, матцы не цікава.

Каб адцягнуць увагу і заняць сябе, думаю пра дом Кроўскага. Пра маленькую кушэтку ў яго кабінце, на якой ён спаў, калі не пісалася. Пра рэдкі збор твораў Пушкіна ў шафе. Гэта, строга кажучы, не антыкварыят, мэбля дрэнна захавалася, такую называць у салонах «дровы». Бібліятэка сабрана выдатная, вялікія тэксты, але дарагой букіністыкі не прадстаўлена.

Перада мной ставяць моцны чай. Кладуць побач лъжку, але скрынку з фасаваным цукрам з паліцы не працягваюць.

Мёртвы пісьменнік жыве ў гэтай вёсцы лепш, і, можа быць, таму самы гасцінны.

– Прабачце! Я чай не магу! Забылася ў доме Кроўскага штосьці. – Па напружанасці разумею неабходнасць неадкладна патлумачыцца: – У мяне традыцыя. Я, калі апынаюся ў кабінце пісьменніка, на яго машынцы непрыкметна пішу яму два словы, яны на паперы не адбіваюцца, фарбы перасохлыя... А ў гэты раз была і забылася. На вочы машынка не трапілася.

– Ну, ідзі паляскай, яшчэ светла.

Для гаспадыні я на кухні лішняя мэбля, ёй у гэтых трох метрах трэба дацямна вячэру прыгатаваць. Мой адсунуты ад стала стул загароджвае ёй скрыню скрыўленага буюфета.

– А дзе машынка стаіць, пакажаце? – усміхаюся, усведамляючы ўсю недарэчнасць вельмі значнай для мяне просьбы.

– Ты што, адна баішся ісці? Сынок, правядзі дзяўчыну!

— Тут стояла. Я в город к тете уезжал. Может, переставили. — На рабочем столе словарь синонимов, календарь года смерти прозаика и следы от витых ножек машинки на зеленом сукне. — Сейчас к Юрку сгоняю, спрошу.

Остаюсь с незажженным светом. С рекой и закатным солнцем, с высохшим следом от челки на раме. С торчащими волосами. С путаными мыслями. В доме и немножечко уже не в нем. Не в себе от усталости.

Голоса заходят в кабинет раньше мальчиков, без стука.

— Так, Вавыщев ее вывез.

Вскакиваю навстречу, как если бы сам Кровский вернулся:

— На каком основании?

— Так, его отец доказал, что писатель писал от руки. И машинка ихняя — Вавыщева.

— Что за ерунда у вас в деревне происходит? — Все слова, что я читала у Кровского и других, хлынули из глаз, заткнув меня вместо детей.

— Это не ерунда, его отец — шишка в правлении.

Я смотрю на него, как на преступника, как если бы он был Вавыщевым, или его отцом, или правлением.

Юра долго моей чувствительной неприязни сносить не намерен, шаркает по ковру грязными пятками. Потирает мозолистым большим пальцем бронзовую ручку на книжном шкафу, касается с любопытством холодного фитиля керосиновой лампы и выходит без вежливости.

Обратно к забору с шишечками мы идем многим дальше. Туфли, с утра удобные, покалечились деревней.

Нас встречают лучше, чем меня днем. Плотную еду мы пропустили, но успеваем на сухари. Мальчик проголодался, но не жалуется. Набирает сухари пригоршня-

Хлопчык рады, па дарозе жыва цікавіцца Масквой. Хлушу, што там усе чытаюць Кроўскага і ходзяць у літаратурныя музеі. Не верыць, пасля дзвятага класа пераедзе туды працаваць, ужо даведваўся пра сталіцу – ніхто там нікуды не ходзіць і не чытае, перш трэба купіць часовую прапіску, а потым як пашанцуе.

– Тут стаяла. Я ў горад да цёткі з’язджаў. Можна, пераставілі. – На працоўным сталі слоўнік сінонімаў, каляндар года смерці прэзідэнта і сляды ад вітых ножаў машыны на зялёным сукне. – Зараз да Юркі зганяю спытаю.

Застаюся з незапаленым святлом. З ракой і заходзячым сонцам, з высахшым следам ад чуба на раме. З валасамі, якія стаяць тарчма. З блытанымі думкамі. У доме і крышачку ўжо не ў ім. Не ў сабе ад стомленасці.

Галасы заходзяць у кабінет раней за хлопчыкаў, без стуку.

– Так, Вавышчаў яе вывез.

Ускокваю насустрач, як калі б сам Кроўскі вярнуўся:

– На якой падставе?

– Так, яго бацька даказаў, што пісьменнік пісаў ад рукі. І машынка іх – Вавышчава.

– Што за глупства ў вас у вёсцы адбываецца? – Усе словы, якія я чытала ў Кроўскага і іншых, лінулі з вачэй, затыкнуўшы мяне замест дзяцей.

– Гэта не глупства, яго бацька – шышка ў праўленні.

Я гляджу на яго, як на злачынца, як калі б ён быў Вавышчавым, ці яго бацькам, ці праўленнем.

Юра не мае намеру доўга зносіць маю адчувальную непрыязнасць, шоргае па дыване бруднымі пяткамі. Пацірае мазолістым вялікім пальцам бронзавую ручку на кніжнай шафе, дакранаецца з цікаўнасцю да халоднага кнота газавай лямпы і выходзіць без ветлівасці.

ми, когда сытые и я берем по одному. Я вижу хозяйку не спиной, она отошла от плиты и села с нами за стол. Полная шея и пустая, длинная, иссосанная грудь. Грудь не матери, а кормилицы.

Она говорит, что мне отсюда не выбраться раньше, чем на следующих выходных. Или можно попроситься в машину к родственникам, если к кому-то приедут. Неумело острит про то, что стану из городской девушки — местной.

— Если так, буду смотрительницей музея!

Женщина рассмеялась. Перед самым сном, перед тем как лечь, она добродушна.

— Будьте, прошлую убили!

— Ужас какой! Вы шутите?

— Отчего шучу?

— Ну сами смеетесь.

— Убили, говорю, — вытирает лицо от выступившего пота передником.

— Кто?

— Народ. Они там, «наверху», говорят, этот дом — наследие вашей деревни. Так если это наше наследие, зачем нам музей Кровского? Это лучший дом здесь, нам всем дом нужен.

Я выхожу, отворяю калитку, не закрывая за собой, иду по невытопанной дороге. Никто меня не останавливает, за мной не гонятся. Меня не назначили смотрительницей, я приезжая. Темнота, видимо, убьет.

Из-за заборов, которых я держусь, чтобы не наколоть разутые ноги о камни и мусор, лают дворовые собаки. Оградки такие хлипкие, что биение лап о доски почти обрушивает их на меня. Животные не охраняют лачуги, если бы не привязь, они сами бы их разнесли. Дворняги, как их хозяйева, не кормлены. Сыты только мертвые псы.

В окнах нет света. Тут по вечерам не читают, а остальное во мраке безнаказанней. Я знаю, в каком направлении дом Кровского, я помню, где стоит остывшая много лет назад керосиновая лампа, троганная Юрой.

Назад да плота з пышпачкамі мы ідзём даўжэй. Туфлі, з раніцы зручныя, пакалечыліся вёскай.

Нас сустракаюць лепш, чым мяне днём. Сытнюю ежу мы прапусцілі, але паспяваем на сухары. Хлопчык прагаладаўся, але не жаліцца. Набірае сухары прыгаршчамі, калі сытыя і я бяром па адным. Я бачу гаспадыню не са спіны, яна адышла ад пліты і села з намі за стол. Пульхная шыя і пустыя, доўгія, высмактаныя грудзі. Грудзі не мацеры, а карміцелькі.

Яна кажа, што мне адсюль не выбрацца раней, чым у наступныя выхадныя. Ці можна папрасіцца ў машыну да сваякоў, калі да каго прыедуць. Няўмела жартуе пра тое, што ператваруся з гарадской дзяўчыны ў мясцовую.

– Калі так, буду наглядчыцай музея!

Жанчына засмялася. Перад самым сном, перад тым як легчы, яна лагодная.

– Будзьце, мінулую забілі!

– Жах які! Вы жартуеце?

– Чаму жартую?

– Ну самі смеяцеся.

– Забілі, кажу, – выцірае пот, які выступіў на твары, фартухом.

– Хто?

– Народ. Яны там, «наверсе», кажуць, гэты дом – спадчына вашай вёскі. Дык калі гэта наша спадчына, навошта нам музей Кроўскага? Гэта самы лепшы дом тут, нам усім дом патрэбен.

Я выходжу, адчыняю брамку, не зачыняючы за сабой, іду па нявытаптанай дарозе. Ніхто мяне не спыняе, за мной не гоняцца. Мяне не прызначылі наглядчыцай, я прыезджа. Цемра, мабыць, заб'е.

З-за платоў, якіх я трымаюся, каб не пакалоць босыя ногі аб камяні і смецце, брэшучь дваровыя сабакі. Агароджа такая хісткая, што біццё лап аб дошкі амаль абвальвае яе

Я доберусь туда, но страшно увидеть там живых. Мне нужно кое-что сказать Кровскому наедине. Что-то, что я не написала на его машинке. Я признаюсь, и всем станет легче. Мне станет все равно — уезжать или оставаться. Кажется, голос от страха отнялся, собачий лай перешептываю Лермонтовым. Другого ничего не артикулируется.

«Белеет парус одинокой...»

Я вижу уже реку. А веранду — нет. Она как уплыла. Быть этого не может, становлюсь на четвереньки и ищу настланный кедр ладонями. «...Под ним струя светлей лазури, Над ним луч солнца золотой...»

Чем, чем написать? Древесина такая нежная, вспороть ее до земли чем угодно можно. Ищу по себе руками, туфли мои с каблуками остались за обуглившимся забором с шишечками, монеты в кармане покатые, ни одного острия, трогаю лицо, все мягкое. Царапины над губой кровоточат вкусно. Как хорошее слово. Догадываюсь — ногтями, ногтями как себя, так и веранду. Еще до рассвета, до прихода людей, оставлю Кровскому записку.

Мое «Люблю!» коверкает кедр. Занозы во всех пальцах, заусенцы.

Дом Кровского своими руками порчу. А для кого беречь? Не оставят его ему. Заберут. То ли смеюсь, то ли плачу: я не вижу, ничего глазами не разобрать, но знаю по рези в ладонях — не достанется им чистой розовой веранды. Это было писательское. А этим — в крови.

Народ хочет от идей до Родины, любое писательское наследие себе новым присвоить. А получает пользованное автором, в крови пачканое. Чужое, даже если отворовать или получить в дар, по завещанию — вторичное, общим не станет. Сохранить от неимущих удастся только тексты. Телячью обложку съедают, папиросную бумагу с буквами скуривают, смысл перетолковывают и искажают, надо запомнить Кровского наизусть. Негде жить литературе.

на мяне. Жывёлы не ахоўваюць халупы, калі б не прывязь, яны самі б іх разнеслі. Дварнякі, як іх гаспадары, някормленыя. Сыттыя толькі мёртвыя сабакі.

У вокнах няма святла. Тут па вечарах не чытаюць, а астатняе ў цемры беспакарнае ў большай ступені. Я ведаю, у якім кірунку дом Кроўскага, я памятаю, дзе стаіць астыўшая шмат гадоў таму газавая лямпа, да якой дакранаўся Юра.

Я дабярўся туды, але страшна ўбачыць там жывых. Мне трэба сёе-тое сказаць Кроўскаму сам-насам. Штосьці, што я не напісала на яго машыныцы. Я прызнаюся, і ўсім стане лягчэй. Мне стане ўсё адно – з'язджаць ці заставацца.

Здаецца, голас ад страху адняўся, сабачы брэх перашэптваю Лермантавым. Нічога іншага не артыкулюецца.

«Белеет парус одинокой...»

Я бачу ўжо раку. А веранду – не. Яна як сплыла. Быць гэтага не можа, станаўлюся на карачкі і шукаю насланы кедр далонямі. «...Под ним струя светлей лазури, Над ним луч солнца золотой...»

Чым, чым напісаць? Драўніна такая далікатная, распароць яе да зямлі чым заўгодна можна. Шукаю па сабе рукамі, туфлі мае з абцасамі засталіся за асмаленым плотам з пышчакі, манеты ў кішэні пакатыя, ніводнага вастрыя, дакранаюся да твару, увесь мяккі. Драпіны над губой смачна сыходзяць крывёй. Як добрае слова. Здагадваюся – пазногцямі, пазногцямі як сябе, так і веранду. Япчэ на досвітку, да прыходу людзей, пакіну Кроўскаму запіску.

Маё «Кахаю!» знявечвае кедр. Стрэмкі на ўсіх пальцах, задзірыны.

Дом Кроўскага сваімі рукамі псую. А для каго берагчы? Не пакінуць яго яму. Забяруць. Ці то смяюся, ці то плачу: я не бачу, нічога вачамі не разабраць, але ведаю па рэзі ў далонях – не дастанецца ім чыстай ружовай веранды. Гэта было пісьменніцкае. А гэтым – у крыві.

На «спасибо» воли не хватает. Руки держу на коленях. Раскачиваюсь, как на волнах.

Господи, прости! Господи, прости! Кровский, прости, отнимут у тебя веранду, я буду твоим домом. Я буду твоим домом. Как придут убивать или выгонять — так и скажу им: «Это ваше наследие, дрова ваши. А дом Кровского — теперь я».

Так глубоко темно, что не различаю в реке отца и сына. Говорю с Кровским и не знаю, он ли мне отвечает. Слог его литературный узнаю, но голоса никогда раньше не слышала.

Как бы ни была эта ночь нескончаема, до рассвета еще посиди со мной, душа. Моя ли, Кровского — неважно. Я с болью соберусь и скажу на этой веранде «спасибо».

Народ жадае ад ідэй да Радзімы, любую пісьменніцкую спадчыну сабе новай прысвоіць. А атрымлівае карыстанае аўтарам, крывёю запэцканае. Чужое, нават калі скрасці альбо атрымаць у дарунак, па завяшчанні – другаснае, агульным не стане. Захаваць ад убогіх атрымоўваецца толькі тэксты. Цялячую вокладку з’ядаюць, папяросную паперу з літарамі скурваюць, сэнс ператлумачваюць і скажаюць, трэба запомніць Кроўскага на памяць. Няма дзе жыць літаратуры.

На «дзякуй» волі бракуе. Рукі трымаю на каленах. Гайдаюся, як на хвалях.

Госпадзе, прабач! Госпадзе, прабач! Кроўскі, прабач, забяруць у цябе веранду, я буду тваім домам. Я буду тваім домам. Як прыйдуць забіваць ці выганяць – так і скажу ім: «Гэта ваша спадчына, дровы вашы. А дом Кроўскага – зараз я».

Настолькі цёмна, што не разгледзець у рацэ бацьку і сына. Размаўляю з Кроўскім і не ведаю, ці ён мне адказвае. Стыль яго літаратурны пазнаю, але голасу ніколі раней не чула.

Якой бы ні была гэта ноч бясконцай, да світання яшчэ пасядзі са мной, душа. Мая, Кроўскага – усё роўна. Я з болем сабяруся і скажу на гэтай верандзе «дзякуй».

Сергей Чернов

Сяргей Чарноў

Сергей Чернов родился в 1988 году. Заведующий Слободской детско-юношеской библиотекой (Воронежская область) и сопредседатель литературного объединения «Подкова» (Бобровский район Воронежской области). Печатался в журналах «Проталина» (Екатеринбург), «Подъём» (Воронеж), «Север» (Карелия), «Нева» (Санкт-Петербург), «Жаны Ала-Тоо» (Кыргызстан), «Берега» (Калининград), «Реальность фантастики» (Киев), в альманахах «Фанданго» (Крым), «Город» (Санкт-Петербург), «Микролит» (Краснодарский край), в интернет-журнале «О. Генри» (Нью-Йорк), а также в сборниках «Дыхание надежды и весны» (2010), «Рождение слова» (2013) и «Современная воронежская проза» (2015). Участник трех семинаров молодых писателей Воронежского края. Лауреат конкурса, проводимого журналом «Север», «Северная звезда — 2010». Лауреат (1-я премия в номинации «Литературное творчество») Международной премии «Филантроп» за выдающиеся достижения инвалидов в области культуры и искусства (2012).

Сяргей Чарноў нарадзіўся ў 1988 годзе. Загадчык Слабадской дзіцяча-юнацкай бібліятэкі (Воронежская вобласць) і сустаршыня літаратурнага аб'яднання «Подкова» (Баброўскі раён Воронежскай вобласці). Друкаваўся ў часопісах «Проталина» (Екацярынбург), «Подъём» (Воронеж), «Север» (Карэлія), «Нева» (Санкт-Пецярбург), «Жаны Ала-Тоо» (Кыргызстан), «Берега» (Калінінград), «Реальность фантастики» (Кіеў), у альманахах «Фанданго» (Крым), «Город» (Санкт-Пецярбург), «Микролит» (Краснадарскі край), у інтэрнэт-часопісе «О. Генры» (Нью-Ёрк); а таксама ў зборніках «Дыхание надежды и весны» (2010), «Рождение слова» (2013) і «Современная воронежская проза» (2015). Удзельнік трох семінараў маладых пісьменнікаў Воронежскага краю. Лаўрэат конкурсу, які праводзіў часопіс «Север», «Северная звезда – 2010». Лаўрэат (1-я прэмія ў намінацыі «Літаратурная творчасць») Міжнароднай прэміі «Філантроп» за выдатныя дасягненні інвалідаў у галіне культуры і мастацтва (2012).

ЮЛЬКА

Город был ошарашен морозом. Город сжимался; казалось, все в нем хотело замереть и застыть. И каждый, кто поневоле оказывался на улице, мечтал забиться в какой-нибудь теплый угол.

Здесь, на автовокзале, их было много, тех «поневоле». Они переминались с ноги на ногу, сбивались в какие-то кучки. Курили, втягивая в легкие табачный дым и едкий запах отработанного бензина, который висел сегодня в воздухе особенно плотно. Мороз ночью ударил резко и больно, как ножом, сковал лужи льдом, превратил сырую ноябрьскую землю в твердый глухой бетон. Отсюда, из автобуса, сквозь забрызганные грязью окна, видно было, что этот зеленый до последнего дня город превратился в призрак — дрожащий от холода, мутный.

До отправления было минут пятнадцать, и наш маленький «ПАЗик» только наполнялся людьми, а находиться в нем было уже нелегко. Мест пока хватало на всех, но толстые куртки, меховые платки, тяжелые пятничные сумки создавали тесноту. Я разместился «на колесе», прижав к животу колени. Сиденье рядом со мной было еще пустым, но вновь прибывающие люди не давали надежд на подобную свободу, как и на то, что я вообще останусь сидеть. Я глядел в окно, зажатым между холодом по ту сторону и духотой здесь, внутри, — духотой человеческих тел, едкого автобусного воздуха, запаха истертых сидений.

В автобус влетела старуха в сером пальто (впрочем, все они сейчас походили на старух — от зимней одежды).

— Ой! — крикнула она, задыхаясь. — Юдановка?

— Хреновая! — откликнулась женщина с переднего сиденья, будто семечную лузгу выплюнула.

— Ой! — запричитала. — Уже ушел? Ой!..

И выпрыгнула наружу.

ЮЛЬКА

Горад быў ашаломлены марозам. Горад сціскаўся; здавалася, усё ў ім хацела замерці і застыць. І кожны, хто паняволі апынаўся на вуліцы, марыў забіцца ў які-небудзь цёплы кут.

Тут, на аўтавакзале, іх было многа, тых «паняволі». Яны пераступалі з нагі на нагу, збіваліся ў нейкія кучкі. Курылі, уцягваючы ў лёгкія тытунёвы дым і з’едлівы пах адпрацаванага бензіну, які вісеў сёння ў паветры асабліва шчыльна. Мароз уначы стукнуў рэзка і балюча, як нажом, скаваў лужыны лёдам, ператварыў сырую лістападаўскую зямлю ў цвёрды глухі бетон. Адсюль, з аўтобуса, праз запырсканыя брудам вокны, відаць было, што гэты зялёны да апошняга дня горад ператварыўся ў здань – дрыготкую ад холаду, каламутную.

Да адпраўлення было мінут пятнаццаць, і наш маленькі «ПАЗік» толькі нападняўся людзьмі, а знаходзіцца ў ім было ўжо немагчыма. Месцаў пакуль хапала на ўсіх, але тоўстыя курткі, футравыя хусткі, цяжкія пятнічныя сумкі ўтваралі цеснату. Я ўладкаваўся «на коле», прыціснуўшы да жывата калені. Сядзенне побач са мной было яшчэ пустым, але людзі, якія увесь час прыбывалі, не давалі надзей на падобную волю, як і на тое, што я наогул застануся сядзець. Я глядзеў у акно, заціснуты паміж холадам з таго боку і духатой тут, усярэдзіне, – духатой чалавечых целаў, з’едлівага аўтобуснага паветра, паху сцёртых сядзенняў.

У аўтобус уляцела старая ў пэрым паліто (зрэшты, усе яны цяпер былі падобныя на старых – ад зімовай адзежы).

– Ой! – крыкнула яна, задыхаючыся. – Юданаўка?

– Хрэнавая! – адгукнулася жанчына з пярэдняга сядзення, быццам семечкавае шалупінне выплюнула.

— Во припустила-то! — чей-то ехидный мужской голос.
День был похож на вечер. С самого утра — один нескончаемый вечер. Холодный — до боли в груди, до мути в висках.
Вот в автобус поднялась еще одна женщина — высокая, с по-мужски широкими плечами, она двигалась медленно и тяжело. Увидев свободное место возле меня, она стала приближаться — постоянно за что-то цепляясь, на что-то наступая. Лицо ее было бледным и неподвижным от мороза, слегка раскосые глаза, казалось, не двигались. Она почти дошла до моего места, почти подняла пухлую черную сумку, чтоб водрузить ее на сиденье, но тут будто зацепилась за что-то — крепко и окончательно.
— Надя? — спросила она, повернувшись всем крупным телом к сиденью впереди. Голос у нее был сиплым, казалось, она вот-вот закашляет.
К ней обернулись сразу две головы — я видел только их вязаные шапки и пышные воротники.
— О!.. Лена? Ты? Не признала — богатой будешь! — отозвалась одна из сидящих впереди.
— И я тебя! — Лицо вошедшей женщины словно треснуло улыбкой. — Богатой бы! Домой?
— Домой... — Одна из голов отвернулась к стеклу, зато другая даже приподнялась. — Околеем, наверное, пока тронемся. А я тебя вспоминала, где ты есть? Ждала тебя — ан вот где встретились!.. Ты куда запропала? Не видно и не видно. Неделя уже прошла! — Она говорила быстро, отщелкивая слова с резкостью голодного человека. — Вот точно, хочешь кого увидеть — в Бобров езжай!
Вошедшая женщина — Лена — снова подняла было сумку и снова ее опустила.
— Да я и сама думаю, попросила человека... Так ведь приходила — а тебя нет!.. Уж и покраситься надо. В каштановый хочу. Этот — ерунда какая-то. Вон чего

– Ой! – загаласіла. – Ужо паехаў? Ой!..

І выскачыла.

– Во як прыпусціла! – чыйсьці яхідны мужчынскі голас.

Дзень быў падобны на вечар. З самай раніцы – адзін бясконцы вечар. Халодны – да болю ў грудзях, да муці ў скронях.

Вось у аўтобус паднялася яшчэ адна жанчына – высокая, з па-мужчынску шырокімі плячамі, яна рухалася павольна і цяжка. Ubачыўшы вольнае месца ля мяне, яна стала набліжацца – увесь час за нешта чапляючыся, на штосьці наступаючы. Твар яе быў бледным і нерухомым ад марозу, злёгка раскосыя вочы, здавалася, не рухаліся. Яна амаль дайшла да майго месца, амаль падняла пульхную чорную сумку, каб узняць яе на сядзенне, але тут быццам зачэпілася за нешта – моцна і канчаткова.

– Надзя? – спытала яна, павярнуўшыся ўсім буйным целам да сядзення наперадзе. Голас у яе быў сільным, здавалася, яна вось-вось закапляе.

Да яе павярнуліся адразу дзве галавы – я бачыў толькі іх вязаныя шапкі і пышныя каўняры.

– О!.. Лена? Ты? Не прызнала – багатай будзеш! – адгукнулася адна з іх.

– І я цябе! – Твар жанчыны, якая ўвайшла, нібы трэснуў усмешкай. – Вось бы багатай! Дахаты?

– Дахаты... – Адна галава адварнулася да шкла, затое другая нават прыпаднялася. – Акалеем, напэўна, пакуль кранёмся. А я цябе ўспамінала, дзе ты ёсць? Чакала цябе – а вось дзе сустрэліся!.. Ты куды прапала? Не відаць і не відаць. Тыдзень ужо прайшоў! – Яна гаварыла хутка, адшчэпліваючы словы з рэзкасцю галоднага чалавека. – Вось сапраўды, жадаеш каго ўбачыць – едзь у Баброў!

Жанчына, якая ўвайшла, – Лена – зноў падняла сумку і зноў яе апусціла.

есть — солома. Как пугало хожу. — Голос у нее начал выравниваться, к лицу, бледному, как отпечаток, стала приходить здоровая кровь.

— Да ты бы меня и не застала! — Надя дернула плечами. — Я ж вон где! Как на работу. Гляди — целый день! Оформляюсь... С утра до вечера! Скоро и кошка не признает... Дверь бы хоть кто закрыл! Заморозят нас тут!.. Вон как получается, не сойдемся никак. Только тут и встретились...

— Витька-то мой погорел... — вдруг сказала Лена. Она произнесла это так безжизненно, деревянно, что подруга ее замолчала.

На какую-то долю секунды они будто застыли, точно кто-то там сверху поставил на паузу. Что-то вдруг затвердело и напряглось, — невидимое, но ощутимое. В автобус еще кто-то вошел, и эта онемевшая сцена тут же задвигалась, как система из двух планет. Лена наконец-то села рядом со мной, водрузив сумку на колени, словно большого разжиревшего кота, — я сильнее прижался к стеклу. А Надежда повернулась так, что уперлась плечом в спинку сиденья. Она по-совиному, не моргая, глядела на свою подругу. Стало видно, что ей около сорока, лицо моложавое и худое, с резкими, выпиленными чертами.

— Погорел... — протянула она на выдохе.

— Погорел, — четко, по-деловому утвердила Лена. Она приподняла свою сумку как доказательство. — Вот. Я из Павловска еду. Убиралась у них. Три дня там была!

— Погорел... А с ним... что?

— А что ему? С ним-то — все. А дом! Надя, ты бы видела! Все на свалку! И запах этот стоит — аж есть не могла! Сюда еду — а в горле гарь эта, жуть что! И главное — дом цел, а комнаты — все в саже, все как неделю горело! Ни промыть, ни прочистить!.. А там всего было — о-о-ой! И телевизор — в полстены! — весь черный, как будто его вот прямо руками в сажу окунали. Система стояла у них, музыка, компьютеры — все на свалку, не починить!.. Там весь зал. И кухня!

– Ды я і сама думаю, папрасіла чалавека... Бо прыходзіла ж – а цябе няма!.. Ужо і пафарбавацца трэба. У капітанавы хачу. Гэты – абы-што нейкае. Вось што ёсць – салома. Як пудзіла хаджу. – Голас у яе пачаў выраўноўвацца, да твара, бледнага, як адбітак, стала паступаць здаровая кроў.

– Ды ты б мяне і не заспела! – Надзя сцепанула плячыма. – Я ж вунь дзе! Як на працу. Глядзі – цэлы дзень! Афармляюся... З раніцы да вечара! Хутка і кошка не прызнае... Дзверы б хоць хто зачыніў! Замарозіць нас тут!.. Вось як атрымоўваецца, не сядземся ніяк. Толькі тут і сустрэліся...

– Віцька ж мой пагарэў... – раптам сказала Лена. Яна прамовіла гэта так безжыццёва, драўляна, што сяброўка яе замоўкла.

На нейкую долю секунды яны быццам застылі, быццам хтосьці там зверху паставіў на паўзу. Штосьці раптам зацвярдзела і напружылася, – нябачнае, але адчувальнае. У аўтобус яшчэ нехта ўвайшоў, і гэта знямая сцэна тут жа зарухалася, як сістэма з дзвюх планет. Лена нарэшце села каля мяне, узняўшы сумку на калені, як вялікага растлуспелага ката, – я мацней прыціснуўся да шкла. А Надзея павярнулася так, што ўперлася плячом у спінку сядзення. Яна па-савінаму, не маргаючы, глядзела на сваю сяброўку. Стала бачна, што ёй каля сарака, твар маладжавы і худы, з рэзкімі, выпілаванымі рысамі.

– Пагарэў... – працягнула яна на выдыху.

– Пагарэў, – выразна, па-дзелавому зацвердзіла Лена. Яна прыпадняла сваю сумку як доказ. – Вось. Я з Паўлаўска еду. Прыбіралася ў іх. Тры дні там была!

– Пагарэў... А з ім... што?

– А што яму? З ім вось – усё. А дом! Надзя, каб ты бачыла! Усё на сметнік! І смурод гэты – нават есці не магла! Сюды еду – а ў горле гар гэты, жудасць! І галоўнае – дом цэлы, а пакоі – усё ў сажы, усё як тыдзень гарэла! Ні прамыць, ні прачысціць!.. А там усяго было – во-о-ой! І тэлевізар – на паўсцяны! – увесь чорны, быццам яго вось пра-

Они кухню отбабахали вот только что — и все, нет кухни. Пластик черный, где оплавился. Кое-где оттерли — ну что это, разве оно годится? Вика все слезами отмывала — сколько денег вложили, сил — и все!.. А зеркало — ты представляешь? — круг в центре, ни копоти, ни пыли, а вокруг чернота! Вот будто прошел кто по дому — где гарь одна, а где чистенько, как оттерто... У Юльки в комнате все черно, а кресло ее как стояло, так и стоит. Краснучее, как огонь. Она всегда в нем сидела — удобное такое, крутится... Даже дымом не пахнет!.. Вот ее уже сколько нет?.. Они тогда его убрать хотели, переставить все там. А Витька говорит: «Нет, пускай стоит, как было при ней!» Так и оставили — компьютер, стол, кресло... Вика только тренажер туда ставила, еще до того как Юлька... ну, они потом его убрали, говорит, не могу туда заходить, сердце кровью обливается... Лена замолчала. То ли нахлынули на нее чувства, то ли после холодной улицы стало ей жарко, она развязала платок (копна соломенно-рыжих волос вырвалась из-под него, как из-под стражи), вытерла ладонями глаза и лоб. Ее собеседница, вынужденная молчать, казалось, не моргала. Растерянность не сходила с ее лица, но эта пауза будто застала ее врасплох. Сидеть ей было неудобно, отвернуться — тоже. Она, видимо, чувствовала, что должна что-то сказать, но выдавила лишь неопределенное тихое: «Угу... Вон как...»

Но Лене и этого был достаточно:

— Вот так! — заключила она. — Я еще тогда им сказала: на кой вы его ставите, этот камин? «Вот камин, камин!..» Это у Вики все — как загорится — и давай, и давай! И Витька мой туда же, в ту степь. Вот надо, туда-сюда, «сейчас это самое... вон люди ставят...». Вот и поставили. На свою голову! И все как назло — вот как чья рука... Их же дома не было! Ты представляешь? Да-а-а!.. К Викиной матери поехали. Юльки уже где-то год как нет. Вот она — не могу, и все. То как-то забудешься — вон придет вроде, вернется под ночь... То тихо — видать, в комнате своей сидит, в компьютере своем. Опомнись — тишина аж по ушам бьет, мочи

ма рукамі ў сажу акулалі. Сістэма стаяла ў іх, музыка, камп'ютары – усё на сметнік, не адрамантаваць!.. Там уся зала. І кухня! Яны кухню адбабахалі васьць толькі што – і ўсё, няма кухні. Пластык чорны, дзе расплавіўся. Дзе-нідзе адцерлі – але што гэта, хіба яно прыдатнае? Віка ўсё слязамі адмывала – колькі грошай уклалі, сіл – і ўсё!.. А люстэрка – ты ўяўляеш? – круг у цэнтры, ні сажы, ні пылу, а вакол чарноцце! Вось быццам прайшоў хто па хаце – дзе гар адзін, а дзе чысценька, як памыта... У Юлькі ў пакоі ўсё чорна, а крэсла яе як стаяла, так і стаіць. Чырвонае-чырвонае, як агонь. Яна заўсёды ў ім сядзела – зручнае такое, круціцца... Нават дымам не смярдзіць!.. Вось яе ўжо колькі няма?.. Яны тады яго прыбраць хацелі, пераставіць усё там. А Віцька кажа: «Не, няхай стаіць, як было пры ёй!» Так і пакінулі – камп'ютар, стол, крэсла... Віка толькі трэнажор туды ставіла, яшчэ да таго як Юлька... ну, яны потым яго прыбралі, кажа, не магу туды заходзіць, сэрца крывёю абліваецца...

Лена змоўкла. Ці то хлынулі на яе пачуцці, ці то пасля халоднай вуліцы стала ёй горача, яна развязала хустку (капа саламяна-рудых валасоў вырвалася з-пад яе, як з-пад варты), выцерла далонямі вочы і лоб. Яе суразмоўніца, змушаная маўчаць, здавалася, не маргала. Разгубленасць не сыходзіла з яе твару, але гэта паўза быццам застала яе знянацку. Сядзець ёй было нязручна, адварнуцца – таксама. Яна, мабыць, адчувала, што павінна штосьці сказаць, але выціснула толькі невыразнае ціхае: «Ага... Вунь як...»

Але Лене і гэтага быў дастаткова:

– Вось так! – падсумавала яна. – Я яшчэ тады ім сказала: навошта вы яго ставіце, гэты камін? «Вось камін, камін!..» Гэта ў Вікі ўсё – як загарыцца – і давай, і давай! І Віцька мой туды ж, у той стэп. Вось трэба, туды-сюды, «цяпер гэта самае... васьць людзі ставяць...». Вось і паставілі. На сваю галаву! І ўсё як на ліха – васьць як чыя рука... Іх жа дома не было! Ты ўяўляеш? Так-а-ак!.. Да Вікінай маці паехалі. Юлькі ўжо недзе год як няма. Вось яна – не магу, і ўсё. То неяк забудзецца – васьць прыйдзе, здаецца, вернецца пад ноч...

нет. Говорит, уехать бы куда. Да и так, отдохнуть хотя бы, дух перевести. Вон ту же кухню сделать, знаешь, как силы вытягивает? Вот и поехали они к ее — аж под Россошь. А тут у них соседка, они ее попросили, ты, мол, заходи, посмотри-вай, мало ли... Она зашла, а там — о-ой! — аж дым из-под дверей идет! Смерть что есть!.. А тут Вике на днях сон приснился, она и говорит: домой, домой давай собираться... И звонок им прямо посреди дороги — так мол и так... Их как давай трясти!.. С дороги съехали, два часа за руль сесть боялись — так трясло!.. Все пропало! Телевизоры, компьютеры, камин этот... Про ковры с диванами я вообще молчу! А знаешь, что было? Говорят, бывает такое. Не часто, слава богу, — но вот... случилось... Они, когда поехали, все повывключали, позакрывали. Камин потушили. А он прогорел — да не весь! И что-то там тлело, тлело... И как ухнет! Вот так — шаром! И в диван! Он у камина стоял, и не загорелся, и не потух, а давай тлеть, чадить — на весь дом!.. Сутки тлело! И давай — на кухню, в спальню — по всему дому!.. Они когда приехали, диван насквозь прогорел. Говорят, соседка его из ведра обливала. Вот так — погрелись у камина... Витька мой чуть не седой стал... Да я и сама оттирала у них, а у самой душа криком исходит — сколько добра, сколько добра! И все! Так ведь все-то у них было новое и самое-самое, не чухня какая-то — денег сколько вбухано!.. И все — выноси, вываливай! Вот как чья рука, будь она проклята! Я приехала, а они белые как мел, кровь с лица по-сходила — смотреть страшно. Господи, такой удар! Я: «Витя, Витечка, крыша-то есть, стены целы». А он как в мелу белый, руки холодные, прям ледяные. Душа чуть не ушла с горя. Стены-то целы, а сколько вложено — вся жизнь вложена! — и все прахом, все пропало! Никогда я его таким не видела... Как они переживут?.. Какая трагедия!.. Какая трагедия!.. Мебель-то у них была дорогущая — кожа, дерево. И в гари теперь этой едкой... Даже в спальню — кровать их огромная вроде еще ничего, а вот белье... все, вот как специально измазали! Шкафы... Отмыть-то отмыли, а запах этот как стоял так и стоит — сто лет, должно быть,

То ціха – відаць, у пакоі сваім сядзіць, у камп’ютары сваім. Апамятаешся – цішыня аж па вушпах б’е, немагчыма трываць. Кажа, з’ехаць бы куды. Ды і так, хоць бы адпачыць, дух перавесці. Вунь тую ж кухню зрабіць, ведаеш, як сілы выпягвае? Вось і паехалі яны да яе – аж пад Росаш. А тут у іх суседка, яны яе папрасілі, ты, маўляў, заходзь, паглядвай, ці мала... Яна зайшла, а там – во-ой! – аж дым з-пад дзвярэй ідзе! Смерць як ёсць!.. А тут Віцы надоечы сон прысніўся, яна і кажа: дахаты, дахаты давай збірацца... І званок ім прама пасярод дарогі – так, маўляў, і так... Іх як давай трэсці!.. З дарогі з’ехалі, дзве гадзіны за руль сесці баяліся – так трэсла!.. Усё прапала! Тэлевізары, камп’ютары, камін гэты... Пра дываны з канапамі я наогул маўчу! А ведаеш, што было? Кажуць, бывае такое. Не часта, дзякуй богу, – але вось... здарылася... Яны, калі паехалі, усё павыключалі, пазачынялі. Камін патушылі. А ён прагарэў – ды не ўвесь! І штосьці там тлела, тлела... І як шугане! Вось так – шарам! І ў канапу! Яна ля каміна стаяла, і не загарэлася, і не патухла, а давай тлець, чадзіць – на ўвесь дом!.. Суткі тлела! І давай – на кухню, у спальню – па ўсім доме!.. Яны калі прыехалі, канапа наскрозь прагарэла. Кажуць, суседка яе з ядра аблівала. Вось так – пагрэліся ля каміна... Віцька мой ледзь не пасівеў... Ды я і сама адцірала ў іх, а ў самой душа крыкам зыходзіць – колькі дабра, колькі дабра! І ўсё! Дык у іх жа ўсё было новае і самае-самае, не хлам які – грошай колькі ўбухана!.. І ўсё – вынось, вывальвай! Вось як чья рука, будзь яна праклятая! Я прыехала, а яны белыя як мел, кроў з твару пасходзіла – глядзець страшна. Гасподзь, такі ўдар! Я: «Віця, Віцечка, дах жа ёсць, сцены цэлыя». А ён як у меле белы, рукі халодныя, прама ледзяныя. Душа ледзь не сышла з гора. Сцены вось цэлыя, а колькі ўкладзена – усё жыццё ўкладзена! – і ўсё прахам, усё прапала! Ніколі я яго такім не бачыла... Як яны перажывуць?.. Якая трагедыя!.. Якая трагедыя!.. Мэбля вось у іх была даражэнная – скура, дрэва. І ў гары зараз гэтым з’едлівым... Нават у спальню – ложка іх вялізны, здаецца, яшчэ нічога, а вось бялізна... усё, вось як знарок запэцкалі! Шафы... Адмыць

стоять будет... Вика туда залезла, там платья ее были — все чумадые, вонючие. Туда-то дым как попал? Все платья. Она их выкидывает и плачет, выкидывает и плачет... Обои — сдирай. Шторы шелковые — снимай. Пластик на окнах... Телевизоры, холодильник огромный, дорогуший... На кухне — чернота, одна мойка жива... Господи, за что же это все? Вся жизнь же на это ушла! Работали, копили, недоедали... Как они это переживут? Как свет закатился! Я их никогда такими не видела!

Лена сморщилась, заерзала, будто едкая копоть дорогих вещей вновь ударила ей в ноздри. Она несколько раз с шумом глотнула воздух. Рука ее метнулась к лицу и вытерла глаза, которые вдруг затуманились. Щеки ее были влажными. — Все в гари, все в вони! Дымища!.. А зеркало — как серединку кто вытер... И кресло Юлькино — все черно, а оно стоит. Стол, компьютер — все черно... И в компьютер ее уже не влезешь. Они, как Юльку похоронили, пытались зайти к ней — да никак, пароля нет. Витька через ноутбук свой заходил, а там у нее в «одноклассниках» написано: «Не хочется уходить, а надо»... Не хочется, а надо! К чему это? Может, знала она что? Чувствовала?.. — Тут Лена, кажется, стала брать себя в руки. Она все вытирала глаза и щеки, но уже спокойно, поделовому, и уже не ладонью, а вынутым из кармана платком. Слезы, дрожащие в глазах, куда-то пропали. — Ну не могла же она сама... Не могла! Она же девочка была умная, училась хорошо. Она бы школу вот-вот закончила. Вся такая тихенькая, глаза в маму — большущие, зеленые... Как же она?.. Ну не могла же она?.. И что она там делала, в этих пятиэтажках долбанных?.. Вика там ходила после — говорит, одни окурки и бутылок пластиковых море. Что она там делала? Дома пустые — лестница и стены... Как она... сама... Нет, это ее скинули!.. Витька в полицию сколько раз ходил, а они — нет, выпала из окна, и точка! Из окна выпала... Я у Вики спрашиваю, может, мальчик у нее был? Не знаю, говорит, не рассказывала. Она же — то в школе, то гуляет, в компьютере сидит всю ночь.

вось адмылі, а смурод гэты як быў, так і застаўся – сто гадоў, мабыць, стаяць будзе... Віка туды залезла, там сукенкі яе былі – усе брудныя, смярдзючыя. Туды вась дым як патрапіў? Усе сукенкі. Яна іх выкідае і плача, выкідае і плача... Шпалеры – здзірай. Шторы шаўковыя – здымай. Пластык на вокнах... Тэлевізары, халадзільнік вялізны, даражэнны... На кухні – чарноцце, адна мыйка жывая... Гасподзь, за што ж гэта ўсё? Усё жыццё ж на гэта пайшло! Працавалі, збіралі, недаядалі... Як яны гэта перажывуць? Як святло закацілася! Я іх ніколі такімі не бачыла!

Лена зморшчылася, закруцілася, быццам з’едлівы куроным дарагіх рэчаў ізноў ударыў ёй у ноздры. Яна некалькі разоў з шумам глынула паветра. Рука яе кінулася да твару і выцерла вочы, якія раптам затуманіліся. Шчокі яе былі вільготнымі.

– Усё ў гару, усё ў смуродзе! Дымішча!.. А люстэрка – як сярэдзінку хто выцер... І крэсла Юлькіна – усё чорнае, а яно стаіць. Стол, камп’ютар – усё чорнае... І ў камп’ютар яе ўжо не ўлезеш. Яны, як Юльку пахавалі, спрабавалі зайсці да яе – ды ніяк, пароля няма. Віцька праз ноўтбук свой заходзіў, а там у яе ў «Аднакласніках» напісана: «Не хочацца сыходзіць, а трэба»... Не хочацца, а трэба! Да чаго б гэта? Можна, ведала яна што? Адчувала?.. – Тут Лена, здаецца, пачала браць сябе ў рукі. Яна ўсё выцірала вочы і шчокі, але ўжо спакойна, па-дзелавому, і ўжо не далонню, а вынятай з кішэні хустачкай. Слёзы, дрыжачыя ў вачах, кудысьці зніклі. – Ну не магла ж яна сама... Не магла! Яна ж дзяўчынка была разумная, вучылася добра. Яна б школу вась-вась скончыла. Уся такая ціхусенькая, вочы як у мамы – вялікія, зялёныя... Як жа яна?.. Ну не магла ж яна?.. І што яна там рабіла, у гэтых пяціпавярхоўках, халера на іх?.. Віка там хадзіла пасля – кажа, адны недакуркі і бутэлек пластыкавых мора. Што яна там рабіла? Дамы пустыя – усходы і сцены... Як яна... сама... Не, гэта яе скінулі!.. Віцька ў паліцыю колькі разоў хадзіў, а яны – не, выпала з акна, і кропка! З акна выпала... Я ў Вікі пытаю, можна, хлопчык у яе быў? Не ведаю, кажа, не казалі. Яна ж – то ў школе,

Да и когда у нее спросишь?! То работа, то ремонты, стройки эти постоянные. Там времени, сил, знаешь, сколько уходит!.. Я говорю: с кем она дружила-то?.. «Да кто ж теперь знает?» Витька мой еще ходил, пытался найти. Там на их улице девочка жила, Марта, вроде дружили они. Пришел, а она глаза выпучит и головой мотать — оказывается, они еще в шестом классе раздружили, поругались из-за чего-то. Ну, с одноклассниками, наверное, водилась, но там дети-то хорошие — школа не абы какая, гранты каждый год получает... Станут они по этим развалинам лазить?.. Не хочется, говорит, уходить — а надо... Вика потом всю комнату ее перевернула, говорит, ничего не нашла, и сигарет не нашла. Значит, и не курила она, вроде как... Нет, это она не сама! Это ее скинули!.. Витька мой хотел по одноклассникам ее пройти, да все некогда — то работа, то кухню как раз отделять стали, а за этими работниками глядеть нужно, не отойдешь же от них... Мальчика только одного встретил из ее класса, случайно, и то так, «здрасьте — до свиданья» — и спросить ничего не успел... Вот так вот все... А Вика как-то с рынка домой шла, а по другую сторону девочка из Юлькиной школы. И, говорит, так на меня посмотрела! Говорит, так и подошла бы к ней — в волосы бы вцепилась: «Тебе-то я чем виновата? Ты знаешь, как все это дается-то?! Ты на свой-то телефон не заработала, а смотришь! И тебе-то я виновата?!» Весь день потом сама не своя ходила. А Витька...

Кто-то из вновь вошедших задел Лену то ли сумкой, то ли рукой, стараясь пролезть на заднюю площадку. Лена обернулась, сердито наморщила лоб. Затем вернулась к своей подруге, уже растерянно — она сбилась. Чтобы хоть как-то смазать свою потерю, расстегнула верхние пуговицы коричневого пальто и вытерла крепко вспотевшую шею. Ее подруга, Надя, смотрела уже без прежнего удивления. Ей, так резко оборванной в самом начале, казалось, было до раздражения неприятно. Будто вместе со словом вынули из нее какую-то важную пружину, и оттого она ерзала и никак не могла согреться — единственная в этом

то гуляе, у камп'ютары сядзіць усю ноч. Ды і калі ў яе спытаеш?! То праца, то рамонты, будоўлі гэтыя пастаянныя. Там часу, сіл, ведаеш, колькі ідзе!.. Я кажу: з кім яна сябрвала хоць?.. «Ды хто ж зараз ведае?» Віцька мой яшчэ хадзіў, спрабаваў знайсці. Там на іх вуліцы дзяўчынка жыла, Марта, нібы сябрвалі яны. Прыйшоў, а яна вочы вытарапчыла і галавой круціць – аказваецца, яны яшчэ ў шостым класе раздружылі, палаяліся з-за чагосьці. Ну, з аднакласнікамі, напэўна, вадзілася, але там дзеці харошыя – школа не абы-якая, гранты кожны год атрымлівае... Будуць яны па гэтых развалінах лазіць?.. Не хочацца, кажа, сыходзіць – а трэба... Віка потым увесь пакой яе перавярнула, кажа, нічога не знайшла, і цыгарэт не знайшла. Значыць, і не курыла яна, быццам бы... Не, гэта яна не сама! Гэта яе скінула!.. Віцька мой хацеў па аднакласніках яе прайсці, ды ўсё няма калі – то праца, то кухню як раз аздабляць сталі, а за гэтымі работнікамі глядзець трэба, не адыдзеш жа ад іх... Хлопчыка толькі аднаго сустрэў з яе класа, выпадкова, і то так, «здароў-бывай» – і спытаць нічога не паспеў... Вось як усё... А Віка неяк з рынку дахаты ішла, а па іншым баку дзяўчынка з Юлькінай школы. І, кажа, так на мяне паглядзела! Кажа, так і падышла б да яе – у валасы б учапілася: «Я табе чым вінаватая? Ты ведаеш, як усё гэта даецца?! Ты вась на свой тэлефон не зарабіла, а глядзіш! І табе я вінаватая?!» Увесь дзень потым сама не свая хадзіла. А Віцька...

Хтосьці з тых, хто толькі зайшоў, зачэпіў Лену ці то торбай, ці то рукой, стараючыся пралезці на заднюю пляцоўку. Лена павярнулася, злосна наморшчыла лоб. Затым вярнулася да сваёй сяброўкі, ужо разгублена – яна збілася. Каб хоць неяк згладзіць сваю страту, расшпіліла верхнія гузікі карычневага паліто і выцерла моцна спацелую шыю. Яе сяброўка, Надзя, глядзела ўжо без ранейшага здзіўлення. Ёй, так рэзка абарванай у самым пачатку, здавалася, было да раздражнення непрыемна. Быццам разам са словам вынялі з яе нейкую важную спружыну, і таму яна круцілася і ніяк не магла сагрэцца – адзіная ў гэтым душным аўтобусе. Але нават цяпер, калі надыйшоў момант узяць у свае

душном автобусе. Но даже сейчас, когда настал момент взять в свои руки то, что, казалось бы, ей принадлежало, она не могла, а может, уже и не хотела найтись, молчала.

По ту сторону холодного стекла отходили другие автобусы, обдавая асфальт выхлопом, точно кипятком. Проходили мимо молодые люди — втягивая головы в плечи, но как один — без шапок. Маленькое зданье автовокзала тонуло в стылых деревьях, а стены старой воинской части — их было видно отсюда — с побитыми окнами и облупившейся краской напоминали плохо очищенный, розовый с белым апельсин — казалось, и их побило не временем и пустотой, а морозом.

Люди все прибывали и прибывали...

— О! Вике такой сон приснился! — Лена нашлась, будто ее озарило. Она энергично подалась вперед, вцепилась руками в спинку Надиного сиденья. Голос ее снизился до полусшепота. — Они еще в Россоши были, у матери ее косоной... Снится ей — дом. И Юлькина комната. И Юлька сидит в кресле! И вся она такая — щечки розовые, платье на ней красное в белый горошек — красивое-красивое! И улыбается!.. Кресло тут закружилось — она в нем кружится и улыбается, волосы по плечам... Остановится и говорит: «Мама, кто в моем кресле сидит?» Покружится — «Мама, кресло-то хоть мое!.. Мама, кто в моем кресле сидит?» Покружилась — и будто дымом подернулась. Плыть стала. Дымом поволокло, и тает, тает... Она проснулась и говорит: поехали-ка домой, душа не на месте... А посреди дороги им и звонок!.. Господи! За что им это? Там же все было — самое дорогое, вся жизнь их! Недоедали, недосыпали! Глаз не смыкали! Вся жизнь, самое дорогое! За что им такое, Господи?!.. А я вот от Павловска сюда уже еду, Вика мне звонит, говорит, Витька кресло Юлькино топором изрубил. На помойку выкидывать собирается...

рукі тое, што, здавалася б, ёй належала, яна не магла, а можа, ужо і не хацела, маўчала. На тым баку халоднага шкла адыходзілі іншыя аўтобусы, абліваючы асфальт выхлапам, нібы кіпенем. Праходзілі міма маладыя людзі – уцягваючы галовы ў плечы, але як адзін – без шапак. Маленькі будыначак аўтавакзала патанаў у стылых дрэвах, а сцены старой вайскавай часці – іх было відаць адсюль – з пабітымі вокнамі і аблупленай фарбай нагадвалі дрэнна вычышчаны, ружовы з белым апельсін – здавалася, і іх пабіла не часам і пустэчай, а марозам.

Людзі ўсё прыбывалі і прыбывалі...

– О! Віцы такі сон прысніўся! – Лена знайшлася, быццам яе асвяціла. Яна энергічна падалася наперад, уцапілася рукамі ў спінку Надзінага сядзення. Голас яе панізіўся да паўшэпту. – Яны яшчэ ў Росашы былі, у маці яе касой... Сніцца ёй – дом. І Юлькін пакой. І Юлька сядзіць у крэсле! І ўся яна такая – шчочкі ружовыя, сукенка на ёй чырвоная ў белы гарошак – прыгожая-прыгожая! І ўсміхаецца!.. Крэсла тут закруцілася – яна ў ім круціцца і ўсміхаецца, валасы па плячах... Спыніцца і кажа: «Мама, хто ў маім крэсле сядзіць?» Пакруціцца – «Мама, а крэсла хоць маё!.. Мама, хто ў маім крэсле сядзіць?» Пакруцілася – і быццам дымам зацягнулася. Плыць стала. Дымам павалакло, і растае, растае... Яна прагнулася і кажа: паехалі дахаты, душа не на месцы... А пасярод дарогі ім і званок!.. Госпадзе! За што ім гэта? Там жа ўсё было – самае дарагое, усё жыццё іх! Недаядалі, недасыпалі! Вачэй не змыкалі! Усё жыццё, самае дарагое! За што ім такое, Госпадзе?!.. А я вось з Паўлаўска сюды ўжо еду, Віка мне тэлефануе, кажа, Віцька крэсла Юлькіна сякерай пасек. На сметнік выкідаць збіраецца...

Тут у аўтобусе ўсе раптам заварушыліся, зашпамацелі. Нарэшце з’явіўся і вадзіцель – тоўсты, з маршчыністым, падобным на застылае цеста, тварам; калі ён падняўся на прыступку, аўтобус злёжку калыхнула.

Алена аглядалася па баках, штосьці выпшукваючы. Затым схапіла за локаць мужчыну, што сядзеў праз праход, – ён сядзеў там адзін:

Тут в автобусе все вдруг зашевелились, зашуршали. Наконец-то появился водитель — тучный, с морщинистым, похожим на застывшее тесто лицом; когда он поднялся на ступеньку, автобус слегка качнуло.

Елена озиралась по сторонам, что-то выискивая. Затем схватила за локоть мужчину, что сидел через проход, — он сидел там один:

— Мужчина, вы к молодому человеку не пересядете?

Он молча повиновался, и Лена, взяв Надю под руку (скомандовав ей: «Пойдем!»), перебралась на его место. Мой новый сосед был в дорогом узком пальто угольного цвета. Его коричневое загорелое лицо с синеватой щетиной казалось пустым, отстраненным. От него приятно пахло одеколоном. Водитель, двигаясь полубоком, собирал свою ежедневную дань. Кто-то показывал билет и говорил магическое «с Воронежа», кто-то протягивал деньги и ждал свою железную сдачу. Когда водитель поравнялся с нами, мой новый сосед достал ровно сложенный желтоватый листок и, нелепо улыбнувшись, откомментировал: «Справка об освобождении». Водитель помялся с ноги на ногу и недовольно двинулся дальше. Там, через проход, Лена все еще увещевала свою худощавую подругу, но та, уже не стесняясь, смотрела не на нее, а отвернувшись, — в окно.

— Господи! Как они переживут?!.. Там ведь все, вся жизнь их — всю жизнь строили, всю жизнь копили... Там ведь все было — самое лучшее!.. Недоедали, недосыпали! Как они... Никогда я их такими не видела. Никогда они так не переживали... Какая трагедия! Ох, какая трагедия!..

А водитель был уже за рулем. Хлопнула гармошка-дверь, отрезав духоту от холода. С хрипом завелся двигатель, заставив автобус дрожать, как в угаре.

Как ни странно, но наш маленький «ПАЗик» еще зиял пустыми сиденьями, хотя казалось, что люди все прибывали и прибывали, что в нем становилось все теснее и теснее, и нечем было дышать. Должно быть, какой-то обман, ноябрьский

– Мужчына, вы да маладога чалавека не перасядзеце?

Ён моўчкі падпарадкаваўся, і Лена, узяўшы Надзю пад руку (закамандаваўшы ёй: «Пойдзем!»), перабралася на яго месца. Мой новы сусед быў у дарагім вузкім паліто вугальнага колеру. Яго карычневы загарэлы твар з сіняватым шчаціннем здаваўся пустым, аддаленым. Ад яго прыемна пахла адэкалонам. Вадзіцель, рухаючыся паўбокам, збіраў сваю штодзённую даніну. Хтосьці паказваў квіток і гаварыў магічнае «з Варонежа», хтосьці працягваў грошы і чакаў сваю жалезную рэшту. Калі вадзіцель параўняўся з намі, мой новы сусед дастаў роўна складзены жаўтлявы лісток і, недарэчна ўсміхнуўшыся, адкаментываў: «Даведка аб вызваленні». Вадзіцель памяўся з нагі на нагу і незадаволена рушыў далей.

Там, праз праход, Лена ўсё яшчэ ўгаворвала сваю хударлявую сяброўку, але тая, ужо не саромеючыся, глядзела не на яе, а, адварнуўшыся, – у акно.

– Госпадзе! Як яны перажывуць?!.. Там жа ўсё, усё жыццё іх – усё жыццё будавалі, усё жыццё збіралі... Там жа ўсё было – самае лепшае!.. Недаядалі, недасыпалі! Як яны... Ніколі я іх такімі не бачыла. Ніколі яны так не перажывалі... Якая трагедыя! Ох, якая трагедыя!..

А вадзіцель быў ужо за рулём. Пляснулі дзверы-гармонік, адрэзаўшы духату ад холаду. З хрыпам завёўся рухавік, прымусіўшы аўтобус дрыжаць, як у чадзе.

Як ні дзіўна, але наш маленькі «ПАЗік» яшчэ зеўраў пустымі сядзеннямі, хоць здавалася, што людзі ўсё прыбывалі і прыбывалі, што ў ім становілася ўсё больш цесна і не было чым дыхаць. Відаць, нейкі зман, лістападаўскі халодны міраж засцілаў вочы і пачуцці, увесь гэты час напаўняючы аўтобус зданямі...

– Ну што, едзем? – чыйсьці яхідны мужчынскі голас.

І мы крануліся...

холодный мираж застилал глаза и чувства, все это время наполняя автобус призраками...

— Ну что, едем? — чей-то ехидный мужской голос.

И мы тронулись...

Ошарашенный морозом город, город-призрак — дрожащий, мутный — плыл перед нами. Размытый, как само время, перерастал он и в реку, и в пустые поля, и в кромку леса — не шевелящегося, стылого. Поля спали, оставленные человеком на зиму, чтоб по весне быть разбуженными руками и плуговой сталью; поля живые, созданные рожать и кормить в ответ на человеческий труд, простой и грубый человеческий труд — живое за живое...

В одну ночь... Мороз ударил резко и больно, как ножом, размыл и сковал, объединяя все: и твердую, как бетон, землю, и дымные призрачные небеса.

Ашломлены марозам горад, горад-здань – дрыготкі, каламутны – плыў перад намі.
Размыты, як сам час, перарастаў ён і ў раку, і ў пустыя палі, і ў край лесу – нерухомы,
стылы. Палі спалі, пакінутыя чалавекам на зіму, каб увесну быць пабуджанымі рукамі
і плугавой сталлю; палі жывыя, створаныя нараджаць і карміць у адказ на чалавечую
працу, простую і грубую чалавечую працу – жывое за жывое...
За адну ноч... Мароз ударыў рэзка і балюча, як нажом, размыў і скаваў, аб'ядноўваючы
ўсё: і цвёрдую, як бетон, зямлю, і дымныя прывідныя нябёсы.

МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Игорь Авласенко	Ігар Аўласенка
Анастасия Бакунович	Анастасія Бакуновіч
Андрей Диченко	Андрэй Дзічэнка
Иван Малинин	Іван Малінін
Ольга Молодцова	Вольга Маладцова
Алёна Попко	Алёна Папко

Игорь Авласенко

Авторский перевод

Ігар Аўласенка

Игорь Авласенко Родился в 1988 году в городе Минске. В 2011 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета, в 2014 году — аспирантуру БГУ. Кандидат исторических наук. Преподает на историческом факультете и на факультете международных отношений БГУ. Публиковался в журнале «Полымя». За ряд статей, посвященных творчеству белорусских писателей, удостоен стипендии Союза писателей Беларуси.

Ігар Аўласенка нарадзіўся ў 1988 годзе ў горадзе Мінску. У 2011 годзе скончыў гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, у 2014 годзе – аспірантуру БДУ. Кандыдат гістарычных навук. Выкладае на гістарычным факультэце і на факультэце міжнародных адносін БДУ. Публікаваўся ў часопісе «Полымя». За шэраг артыкулаў, прысвечаных творчасці беларускіх пісьменнікаў, удастоены стыпендыі Саюза пісьменнікаў Беларусі.

ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ КУЗЬМЫ ЧОРНОГО

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.
Б. Пастернак

Еще не отгремели последние битвы Великой Отечественной войны, а искалеченный Минск, освобожденный из-под трехлетней немецкой оккупации четыре месяца назад, болезненно возвращался к мирной жизни. Из-под песка и камней, усыпавших улицы города, торчали бесформенные обгоревшие обломки сожженных и полуразрушенных зданий. Пустыри на окраинах столицы были засеяны неразорвавшимися снарядами, а воронки, оставшиеся на земле после взрывов, смотрели в небо, словно черные глазницы, местами припорошенные тонким снегом. Около немногочисленных уцелевших построек в центре города белели сотни палаток, где ютились жители, оставшиеся без крыши над головой. Над палатками серыми ленточками курился дым из труб самодельных печей, у которых минчане согревались в холодную ноябрьскую погоду, и иногда можно было увидеть, как мать закутывала детей в теплое одеяло. Но глубокие раны, нанесенные городу во время войны, постепенно начинали затягиваться. На изувеченном облике столицы появились первые новостройки, словно молодые ростки зелени, которые пробились сквозь пепелище. Позднее утро 22 ноября 1944 года в Минске выдалось пасмурным. Бледный силуэт восходящего солнца, который едва виднелся сквозь холодные свинцовые

АПОШНЯЯ СПОВЕДЗЬ КУЗЬМЫ ЧОРНАГА

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.
Б. Пастернак

Яшчэ не адгрымелі апошнія бітвы Вялікай Айчыннай вайны, а знявечаны Мінск, вызвалены з-пад трохгадовай нямецкай акупацыі чатыры месяцы таму, балесна вяртаўся да мірнага жыцця. З-пад пяску і камення, што ляжалі на вуліцах горада, тырчэлі бясформенныя абгарэлыя рэшткі спаленых і напаяразбураных будынкаў. Пустэчы на ўскрайках былі засеяны неразарванымі снарадамі, а варонкі, што засталіся на зямлі пасля выбухаў, пазіралі ў неба, быццам чорныя вачніцы, месцамі прыцярушаныя тонкім снегам. Каля нешматлікіх уцалелых пабудоў у цэнтры горада бялелі сотні палатак, дзе туліліся жыхары, якія засталіся без даху над галавой. Над палаткамі шэрымі стужкамі курыўся дым з труб самаробных печак, ля якіх мінчане саграваліся ў халоднае лістападаўскае надвор'е, і часам можна было ўбачыць, як маці захутвала дзяцей у цёплую коўдру. Але глыбокія раны, нанесеныя гораду пад час вайны, паволі зацягваліся. На знявечаным абліччы сталіцы з'явіліся першыя новабудоўлі, быццам маладыя парасткі зеляніны, што прабіліся скрозь папялішча.

Позняя раніца 22 лістапада 1944 года ў Мінску выдалася пахмурнай. Бледны сілуэт узыходзячага сонца, які ледзьве віднеўся скрозь халодныя свінцовыя аблогі, павольна вылучаў з начной цемры і афарбоўваў у шызы колер спустошаныя гарадскія вуліцы,

облака, медленно выделял из ночной тьмы и окрашивал в сизый цвет разоренные городские улицы, над которыми чернели редкие уцелевшие здания. Моросил дождик. Мелкие капельки, в которых чувствовалось морозное дыхание близкой зимы, окропляли холодной водяной пылью лицо каждому, кто в это время выходил на открытый воздух.

В окне одного из домов в центре Минска виднелось мерцание огонька зажженной свечи. В комнате царил полумрак, так как стены соседних домов заслоняли свет наступающего дня. Казалось, что неровный маленький огонек упорно боролся с окружающей тьмой: то ярко вспыхивал и разгорался, откидывая мрак в самые дальние уголки комнаты, то сжимался, побежденный окружающей чернотой, и превращался в желтую точку, трепещущую от каждого легкого дуновения. Дрожащее пламя освещало небогатое убранство комнаты: потемневший от времени письменный стол напротив окна и разложенные на нем тетради, деревянную кровать у стены и чуть наклонившийся в сторону старый огромный шкаф. Отблески света выделяли из полумрака черты морщинистого лица человека, который в утренней тишине понуро склонился над столом у зажженной свечи. В его глазах читались печаль и глубокое внутреннее отчаяние. Человека звали Николай Карлович Романовский, но многие знали его прежде всего как писателя Кузьму Чорного*.

В утреннем полумраке он находился в мыслях наедине с собой. Дочь Рогнеда, которую в семье обычно называли Ирой, была в школе, а жена отдыхала ря-

*Сложилась традиция передавать на русский язык псевдоним писателя как «Чорный» (см.: Адамович, А. А. Кузьма Чорный: уроки творчества. М. : Худож. лит., 1977). – *Прим. авт. и перев.*

над якімі чарнелі нешматлікія ўцалелыя будынкi. Імжэла. Дробныя кропелькі, у якіх адчуваўся марозны подых блізкай зімы, акраплялі халодным вадзяным пылам твар кожнаму, хто ў гэты час выходзіў на адкрытае паветра.

У акне аднаго з дамоў у цэнтры Мінска бачылася зіхаценне агеньчыка запаленай свечкі. У пакоі панаваў паўзмрок, бо сцены суседніх дамоў засланылі святло надыходзячага дня. Здавалася, што няроўны маленькі агеньчык упарта змагаўся з навакольнай цемрай: то ярка ўспыхваў і разгараўся, адкідаваючы змрок у самыя дальнія куткі пакоя, то ніякавеў, пераможаны навакольнай чарнатаю, і пераўтвараўся ў жоўтую кропку, што трапятала ад кожнага лёгкага подыху. Дрыготкае полымя асвятляла небагатае ўбранства пакоя: пацямнелы ад часу пісьмовы стол насупраць акна і раскладзеныя на ім спыткі, драўляны ложка ля сцяны і крыху нахіленую ўбок старую вялікую шафу. Водблескі святла вылучалі з паўзмроку рысы змаршчыненага твару чалавека, які ў ранішняй цішыні ўнурана схіліўся над сталом пры запаленай свечцы. У яго вачах чытаўся смутак і глыбокая ўнутраная распач. Чалавека звалі Мікалай Карлавіч Раманоўскі, але многія яго ведалі найперш як пісьменніка Кузьму Чорнага.

У гэтым ранішнім паўзмроку ён знаходзіўся ў думках сам-насам. Дачка Рагнеда, якую ў сям'і звычайна звалі Іраю, была ў школе, а жонка адпачывала побач на ложку, бо ёй нездаровілася. З цяжкасцю завяршыўшы ўсе дамашнія абавязкі: распаліўшы печ, прыгатаваўшы сняданак, адправіўшы дачку ў школу, – пісьменнік нарэшце знайшоў хвілінку папрацаваць. У пакоі было ціха, толькі з-за зачыненага акна глуха даносіліся асобныя вулічныя гукі: урыўкі размоў, удары малатка на новабудоўлях, гырканне матораў грузавых машын. Штодня адчуваючы недахоп сіл і прадчуваючы магчымую хуткую смерць, пісьменнік спяшаўся завяршыць недапісаныя творы.

Ужо мінула два месяцы, як Кузьма Чорны разам з сям'ёй быў у Мінску, куды ён вярнуўся пасля трохгадовай маскоўскай эвакуацыі. Апошнія тыдні яму давялося жыць у цём-

дом на кровати, так как ей нездоровилось. С трудом завершив все домашние хлопоты: растопив печь, приготовив завтрак, отправив дочь в школу, — писатель наконец нашел минутку для творчества. В комнате было тихо, только из-за закрытого окна глухо доносились отдельные уличные звуки: обрывки разговоров, удары молотка на новостройках, рычание моторов грузовых машин. Ежедневно ощущая недостаток сил и предчувствуя возможную скорую смерть, писатель спешил завершить неоконченные произведения.

Уже прошло два месяца, как Кузьма Чорный вместе с семьей был в Минске, куда он вернулся после трехлетней московской эвакуации. Последние недели ему довелось жить в темной квартире, которая напоминала холодный каменный мешок. Здесь заниматься творчеством было особенно мучительно, так как после инсульта у него серьезно испортилось зрение. В доме продолжался ремонт, который тянул за собой грязь и сырость. Домашние заботы с целью сделать новую квартиру более-менее удобной для нормальной жизни в холодную погоду поздней осени забирали последние физические силы тяжело больного человека. В последние дни знакомые заходили к нему редко, и часто одиночество острым шипом больно вередило израненную душу писателя. Невозможность заниматься творчеством и ощущение безвозвратно утерянного времени забирали его последние силы. Но, несмотря на это, он, пользуясь свободной минутой, садился за письменный стол.

В тишине позднего ноябрьского утра на столе перед писателем лежали немногочисленные вещи, которые ему удалось привезти в Минск: несколько общих тетрадей, блокноты и стопка исписанных листов, а также ряд пожелтевших фотографий, сохранившихся еще с довоенного времени. Среди бумаг были рукописи неоконченных и еще не опубликованных романов «Поиски будущего»,

най кватэры, якая нагадвала халодны каменны мяшок. Тут займацца творчасцю было асабліва пакутліва, бо пасля інсульту ў яго сур'ёзна сапсаваўся зрок. У доме працягваўся рамонт, які цягнуў за сабой бруд і сырасць. Дамашнія клопаты з мэтай зрабіць новую кватэру больш-менш зручнай для нармальнага жыцця ў халоднае позневосенскае надвор'е забіралі апошнія фізічныя сілы цяжка хворага чалавека. У апошнія дні знаёмыя заходзілі да яго рэдка, і часта адзінота вострым пыпам балюча вярэдзіла параненую душу пісьменніка. Немагчымасць займацца творчасцю і адчуванне незваротна згубленага часу забіралі яго апошнія сілы. Але, нягледзячы на гэта, ён, карыстаючыся вольнай хвілінай, садзіўся за пісьмовы стол.

У цішыні позняй лістападаўскай раніцы на сталае перад пісьменнікам ляжалі нешматлікія рэчы, што яму ўдалося прывезці ў Мінск: некалькі агульных спыткаў, бланкеты і стос спісаных аркушаў, а таксама шэраг пажоўклых фатаграфій, што засталіся яшчэ з даваеннага часу. Сярод папер былі рукапісы няскончаных і яшчэ не апублікаваных раманаў «Пошукі будучыні», «Вялікі дзень», «Млечны Шлях». Усе яны былі прысвечаныя вайне. Мікалай Карлавіч стаў праглядаць шэры спытак, у якім чорным чарнілам роўным уборыстым почыркам быў занатаваны пачатак новага рамана «Скіп'ёўскі лес». Гэты твор, задуманы на пачатку вайны, абудзіў хвалюючыя ўспаміны пра родную вёску Цімкавічы на Случчыне, дзе прайшло яго дзяцінства. Яшчэ падчас жыцця ў Маскве, калі хвароба асабліва дапякала, ён часта ўзгадваў, як маленькім хлопчыкам разам з сябрамі праводзіў час на Скіп'ёўскім узлеску, што знаходзіўся непадалёк ад яго хаты, і там спазнаваў дзівосы навакольнага свету: прыслухоўваўся да птушых галасоў, назіраў, як жаўцеюць дрэвы на пачатку бабінага лета, захапляўся, як заходзячае сонца тоне ў ружовых і барвовых хвалях вечаровага неба.

Але ў канцы жніўня пісьменнік атрымаў ліст ад сяспёр, у якім паведамлялася, што бацькоўская хата спалена, а пра лёс братоў нічога не вядома. Калі прачытаў гэтыя радкі,

«Большой день», «Млечный Путь», которые были посвящены войне. Николай Карлович стал просматривать серую тетрадь, в которой черными чернилами ровным убористым почерком было записано начало нового романа «Скипьёвский лес». Это произведение, задуманное в начале войны, пробудило волнующие воспоминания о родном селе Тимковичи в Слуцком районе, где прошло его детство. Еще в период проживания в Москве, когда болезнь особенно измучивала, он часто вспоминал, как маленьким мальчиком вместе с друзьями проводил время на опушке Скипьёвского леса, находившегося неподалеку от его дома, и там познавал чудеса окружающего мира: прислушивался к птичьим голосам, наблюдал, как желтеют деревья в начале бабьего лета, восхищался, как заходящее солнце тонет в розовых и багровых волнах вечернего неба. Но в конце августа писатель получил письмо от сестер, в котором сообщалось, что родительский дом сожжен, а о судьбе братьев ничего не известно. Когда прочитал эти строки, то почувствовал, как сердце обожгла горечь по безвозвратно утраченному, а в висках больно застучала кровь. С того момента в его сознании не раз всплывали мрачные картины, которые он ожидал увидеть в родной деревне: головешки, торчащие из пепелища на месте его хаты, или опаленные стволы белых берез, высившихся ранее неподалеку. С тех пор не раз по ночам, когда спалось плохо и сердце сжимала тоска по родине, в его беспокойный сон вривался пожар, в котором пылала целая деревня. Снилось, как в красном пламени мучительно корчились и чернели садовые яблони, под сенью которых он играл малышом. Представлял замученных, расстрелянных односельчан с позорными вывесками на груди, и эти зрелища каждый раз неминуемо вторгались в светлую память о безмятежном и счастливом детстве.

то адчуў, як сэрца апаліла горыч па незваротна страчаным, а ў скронях балюча застукала кроў. З таго моманту ў яго свядомасці неаднойчы ўсплывалі змрочныя карціны, якія ён чакаў убачыць у роднай вёсцы: асмалкі ад ягонай хаты, што тырчалі з папялішча, альбо апаленыя постаці белых бяроз, што раней раслі непадалёк. З той пары неаднойчы па начах, калі спалася дрэнна і сэрца сціскала туга па родным краі, у яго неспакойны сон урываўся пажар, у якім палала цэлая вёска. Снілася, як у чырвоным полімі балесна курчыліся і чарнелі садовыя яблыні, пад якімі ён гуляў яшчэ маленькім хлапчуком. Уяўляў закатаваных, павешаных аднавяскоўцаў з ганебнымі пыльдамі на грудзях, і гэтыя відовішчы кожны раз няўмольна ўрываліся ў светлую памяць пра бесклапотнае і шчаслівае дзяцінства.

«Нейкі страшны злодзей скраў у мяне маё маленства, мой родны дом, маю Радзіму, – падумаў Мікалай Карлавіч. – Ён скраў дзяцінства не толькі ў мяне, але і ў тысяч, у мільёнаў дзяцей. І як пакараць гэтага злодзея? Як яго прымусіць усё вярнуць?»

Усхваляваны ад гэтых успамінаў, устаў з-за стала і павольна закрочыў па цесным пакоі. Цені, што адкідвала яго постаць ад святла запаленай свечкі, чорнымі плямамі кляліся на процілеглыя сцены і пры кожным руху ажывалі, быццам героі мінулых падзей, што вярнуліся з нябыту падчас роздому пісьменніка. Асабліва прыпомніўся яму зараз жахлівы дзень 24 чэрвеня 1941 года, што прыпаў на яго сорок першы дзень нараджэння, калі нямецкая авіяцыя ўпершыню бамбіла Мінск. Ён узгадаў, як аглушальны грукат разрываў снарадаў, здавалася, вось-вось разарве высокае неба напалам, а пах едкага дыму пераймаў дыханне. Сэрца было ахоплена жахам ад невядомасці, куды ўцякаць ад шалёных бомбаў, што рваліся навокал. Бачыў, як пад руінамі дамоў гінулі людзі, чуў пранізлівыя крыкі параненых, якія паміралі ў вогненных магілах пад рэшткамі будынкаў, а сам найперш імкнуўся знайсці паратунак жонцы і дачцэ, не згубіць іх у тым суцэльным хаосе. Уцякаючы разам з імі з Мінска ляснымі сцежкамі, хаваючыся ад варожай авіяцыі,

«Страшный вор украл у меня мое детство, мой родной дом, мою Родину, — подумал Николай Карлович. — Он украл детство не только у меня, но и у тысяч, у миллионов детей. И как наказать этого вора? Как его заставить все вернуть?» Взволнованный от этих воспоминаний, встал из-за стола и медленно зашагал по тесной комнате. Тени, которые отбрасывала его фигура от огня зажженной свечи, черными пятнами ложились на противоположные стены и при каждом движении оживали, словно герои прошлых событий, которые вернулись из небытия во время раздумий писателя. Особенно вспомнился ему теперь ужасный день 24 июня 1941 года, который пришелся на его сорок первый день рождения, когда немецкая авиация впервые бомбила Минск. Он вспомнил, как оглушительный грохот разрывов снарядов, казалось, вот-вот разорвет высокое небо пополам, а запах едкого дыма перехватывал дыхание. Сердце было охвачено ужасом от неизвестности, куда бежать от бешеных бомб, которые беспорядочно разрывались вокруг. Видел, как под руинами домов умирали люди, слышал пронзительные крики раненых, которые гибли в огненных могилах под обломками зданий, а сам прежде всего стремился найти спасение жене и дочери и боялся их потерять в том всеобщем хаосе. Убегая вместе с ними из Минска лесными тропами, прячась от вражеской авиации, он видел столбы черного дыма, которые поднимались над городом, и в течение нескольких ночей наблюдал багровое зарево, раскинувшееся на полнеба над пылающим городом. Жуткие воспоминания об этом превращались в печаль по безвозвратно утраченному и в боль за Родину. словно охапка сухих дров, подброшенных в костер болезненной памяти, которая терзала сердце, эта печаль разжигала чувство ненависти к варварам, уничтожившим Родину и дорогих ему людей.

ён бачыў слупы чорнага дыму, што ўзнімаліся над горадам, і цягам некалькіх начэй назіраў барвовае зарава, раскінутае на палову неба над палаючым горадам. Жахлівыя ўспаміны пра гэта пераўтвараліся ў смутак па незваротна знішчаным і ў боль за Радзіму. Быццам ахапак сухіх дроў, падкінуты ў касцёр балючай памяці, што апякала сэрца, смутак распальваў пачуццё нянавісці да варвараў, якія знішчалі Бацькаўшчыну, дарагіх людзей.

«Ужо дакладна набліжаецца да заканчэння гэтая вайна і ўжо незваротным здаецца канчатковае знішчэнне берлінскага гадаўя ў яго ўласным логаве, – падумаў пісьменнік. – Вайна прынесла нашым людзям незлічоныя страты і цяжкія пакуты, але падчас барацьбы з фашысцкімі захопнікамі беларускі народ гістарычна ўзняўся як нацыя, узмацнілася яго нацыянальная самасвядомасць. Народ пакінуў быць пастухом і стаў генералам. Як скончу «Скіп’ёўскі лес», трэба будзе напісаць яшчэ шэраг раманаў і аповесцей. Трэба расказаць пра пакутлівы гістарычны шлях беларускага народа, пра яго змаганне з нямецкімі акупантамі і барацьбу з польскімі захопнікамі. Колькі яшчэ трэба зрабіць – хапіла б толькі здароўя!»

Але, акінуўшы позіркам стол, на якім ляжалі спыткі і стос спісаных аркушаў, Кузьма Чорны прыпыніўся: а што ён паспеў здзейсніць з моманту напісання тых радкоў? Мала што з задуманага. «З часу вызвалення Беларусі прайшло ўжо бадай чатыры месяцы, а я ніяк не магу падступіцца да сваіх самых галоўных твораў. Усё мару ачуняць, а здароўе, наадварот, пагоршылася». Раманы, якія пачаў ствараць у час вайны, яшчэ здаваліся яму недасканалымі, і яго не пакідала жаданне іх перапісаць. Час ад часу працягвалася пакутлівая праца над «Скіп’ёўскім лесам», але да завяршэння твора было яшчэ далёка. Вайна і слабае здароўе, падарванае спачатку ў турме, а пасля, два гады таму, і інсультам, не давалі магчымасці давесці пачатую справу да завяршэння. Апошнія сілы забіралі розныя артыкулы, пераклады і публіцыстычныя матэрыялы, якія часам друкаваліся нават

«Уже точно близится к концу эта война и уже кажется необратимым окончательное уничтожение берлинских гадов в их собственном логове, — подумал писатель. — Война принесла нашим людям бесчисленные потери и тяжелые страдания, но во время борьбы с фашистскими захватчиками белорусский народ исторически поднялся как нация, усилилось его национальное самосознание. Народ из пастуха превратился в генерала. Как только закончу «Скипьевский лес», нужно будет написать еще несколько романов и повестей. Надо рассказать о многострадальном историческом пути белорусского народа, о его борьбе с немецкими оккупантами и с польскими захватчиками. Сколько еще нужно сделать — только бы хватило здоровья!»

Но, окинув взглядом стол, на котором лежали тетради и стопка исписанных листов, Кузьма Чорный приостановился: а что ему удалось сделать с момента написания тех строк? Мало что из задуманного. «Со времени освобождения Беларуси прошло уже почти четыре месяца, а я никак не могу подступиться к своим самым главным произведениям. Все мечтаю поправиться, а здоровье, наоборот, ухудшилось». Романы, которые начал создавать во время войны, казались ему несовершенными, и его не оставляло желание их переписать. Время от времени продолжалась мучительная работа над «Скипьевским лесом», но до ее завершения было еще далеко. Война и слабое здоровье, подорванное сначала в тюрьме, а затем, два года назад, и инсультом, не давали возможности довести начатое до конца. Последние силы забирали различные статьи, переводы и публицистика, которая печаталась на страницах прессы иногда даже без его подписи. Вспомнилось, как проводил бессонные ночи, как поздними вечерами возвращался из редакции домой, тяжело уставший. Но продолжалась война, и необходимо было исполнять приказ.

без подпісу. Узгадалася, як ён праводзіў бяссонныя ночы, як познімі вечарамі вяртаўся дадому, цяжка стомлены. Але працягвалася вайна, і неабходна было выконваць загад. Кузьма Чорны зноў сеў за стол і пачаў далей праглядаць свае запісы. Перагарнуўшы некалькі старонак, ён патрапіў на першыя радкі свайго дзённіка, які вёў у гэтым жа сшытку, але да якога не звяртаўся апошнія месяца паўтара. Гэты дзённік ён пачаў весці яшчэ ў Маскве на хвалі душэўнага парыву, што ўзнік падчас імклівага вызвалення Беларусі ад фашысцкага ярма. Звычайна ён звяртаўся да дзённіка як да самага вернага таварыша-суразмоўцы, калі пісалася мала ці пісалася цяжка, калі сэрца сціскала невыноснае жаданне выгаварыцца, аднак не было каму, бо горкі жыццёвы вопыт навучыў хаваць свае думкі і пачуцці. І тады ён выплэскаў мінорную мелодыю сваёй душы на паперу, каб адчуць хаця б хвіліннае супакаенне і душэўную палёгку.

«9 ліпеня. ...Думаю аб той горкай праўдзе, што ніколі не меў магчымасці пісаць тое, што самае важнае беларускай літаратуры і дзе б я сапраўды павярнуў бы горы, – прачытаў ён радкі, што напісаў яшчэ чатыры месяцы таму ў Маскве. – А то ўсё пішу на ўсялякія прамежныя тэмкі, пасля якіх думаю, што пазатыкаю горлы дурням і брахуном і тады ўжо вазьмуся за тое вялікае, што хачу і магу напісаць. Дай божа па-сапраўднаму ачуныць. Пасля вайны буду пісаць як хачу і магу».*

Гэтыя словы абудзілі ў пісьменніка ўспамін пра тое, як на працягу вайны ён, не шкадуючы сябе, апантана працаваў над артыкуламі для газет і часопісаў, над перакладамі і нават невялікімі гумарэскамі. Але цяпер перад тварам магчымай смерці гэта ўсё зда-

*У тэксце курсівам пазначаны цытаты з арыгінальнага дзённіка пісьменніка. Дакументы перададзеныя сучаснай арфаграфіяй, але з захаваннем асаблівасцей мовы Кузьмы Чорнага. – *Заўв. аўт.*

Кузьма Чорный снова сел за стол и стал дальше просматривать свои записи. Перевернув несколько страниц, он наткнулся на первые строки своего дневника, который вел в этой же тетради, но к которому не обращался последние месяца полтора. Этот дневник он начал писать еще в Москве на волне душевного порыва, возникшего во время стремительного освобождения Беларуси от фашистского ига. Обычно он обращался к дневнику как к самому верному товарищу-собеседнику, когда писалась мало или писалось тяжело, когда сердце сжимало невыносимое желание выговориться, однако было некому, так как горький жизненный опыт научил скрывать свои мысли и чувства. И тогда он выплескивал минорную мелодию своей души на бумагу, чтобы ощутить хотя бы минутное успокоение и душевное облегчение.

«9 июля. ...Думаю о той горькой правде, что никогда не имел возможности написать то, что считаю самым важным для белорусской литературы и где я действительно перевернул бы горы, — прочитал он строки, которые написал еще четыре месяца назад в Москве. — А то пишу на всякие промежуточные темки, которыми думал заткнуть рот дуракам и лжецам и тогда уже взяться за то большое, что хочу и могу написать. Дай бог по-настоящему выздороветь. После войны буду писать как хочу и могу».*

Эти слова пробудили у писателя воспоминание о том, как в течение всей войны он, не жалея себя, иступленно работал над статьями для газет и журналов, над переводами и даже юморесками. Но теперь перед лицом возможной смер-

*В тексте курсивом выделены цитаты из оригинального дневника писателя. В документах отражены особенности языка Кузьмы Чорного. – Прим. авт.

валася мінучым, і яму не хацелася марнаваць на гэта сваё падарванае здароўе, губляць каштоўныя хвіліны свайго хуткаплыннага жыцця, якія незваротна сыходзілі кропля за кропляй. «Пра вызваленне Мінска, Баранавіч ці Брэста можа напісаць кожны журналіст, – думаў пісьменнік, адчуваючы, як з кожным днём губляюцца апошнія сілы. – Навіны патрэбныя людзям сёння, а назаўтра гэта забудзецца. А я марную час на розныя дробязі замест таго, каб напісаць тое важнае, што застанецца надоўга ў памяці народнай».

«За шэсць дзён пераклаў «Позняе каханне» Астроўскага – так гнаў мяне ў кабак тэатр, – прачытаў запіс, які пакінуў у дзённіку два месяцы таму, 8 верасня. – І ўжо месяц ляжыць гатовы тэкст і не забіраюць. Гэта ўсё азіятчына ў еўрапейскай краіне Беларусі. Я мог бы звацца не Чорны Кузьма, а чорнарабочы. Колькі за свой век я зрабіў гэтых перакладаў і напісаў усяго, што без майго подпісу запоўнівае старонкі ўсёй нашай прэсы, і ўсё на кавалак хлеба!»

Згадалася Кузьме Чорнаму, як яму назалілі цэнзары з Галоўліта БССР. Асабліва ў памяць урэзаўся адзін з выпадкаў, калі прыйшоў на прыём, незадаволены прэтэнзіямі да яго перадавога артыкула ў часопісе «Беларусь». Жанчына-цэнзар, пазіраючы на яго халоднымі вачыма, настойліва раіла прыслухацца да меркавання рэдактараў, але, абураны, ён пачаў гарача адстойваць сваю пазіцыю. Яна збянтэжылася і нават ледзь прыкметна пачырванела, але пасля, разславаўшыся, перайшла ў наступленне. «Таварыш Раманоўскі! – адгукнуўся ў памяці грозны тон яе голасу, у якім адчувалася ўлада яе, чыноўніцы, над ім, пісьменнікам. – Ідзе вайна. Зараз не той час, калі варта пісаць пра фарміраванне беларускай самасвядомасці і падкрэсліваць сваю беларускасць. Паглядзіце, якія думкі вы даводзіце ў перадавым артыкуле! Вы напісалі, што самасвядомасць беларускага народа ўзвысілася менавіта падчас вайны. А што, па-вашаму, да

ти многое из созданного ему казалось бранным и преходящим, и ему не хотелось тратить на это свое подорванное здоровье, терять драгоценные минуты своей быстротечной жизни, которые безвозвратно уходили капля за каплей. «Об освобождении Минска, Барановичей или Бреста может написать каждый журналист, — думал писатель, чувствуя, как с каждым днем уходят последние силы. — Новости нужны людям сегодня, а завтра это забудется. А я трачу время на разные мелочи вместо того, чтобы написать то важное, что останется надолго в памяти народной».

«За шесть дней перевел «Позднюю любовь» Островского — так гнал меня в шею театр, — прочитал запись, которую оставил в дневнике два месяца назад, 8 сентября. — И уже месяц лежит готовый текст, который не забирают. Это все азиатчина в европейской стране Беларуси. Я мог бы называться не Чорный Кузьма, а чернорабочий. Сколько же за свой век я сделал этих переводов и написал всего того, что без моей подписи заполняет страницы нашей прессы, и все это лишь на кусок хлеба!»

Вспомнилось Кузьме Чорному, как ему досаждали цензоры из Главлита БССР. Особенно в память врезался один из случаев, когда он пришел на прием, недовольный претензиями к его передовой статье в журнале «Беларусь». Женщина-цензор, глядя на него холодными глазами, настойчиво советовала прислушаться к мнению редакторов, но, возмущенный, он стал горячо отстаивать свою позицию. Она смутилась и даже слегка покраснела, но потом, разозлившись, перешла в наступление. «Товарищ Романовский! — отозвался в памяти грозный тон ее голоса, в котором чувствовалась власть ее, чиновницы, над ним, писателем. — Идет война. Сейчас не время писать о формировании белорусского самосознания и выпячивать свою белорусскость. Посмотрите, какие

гэтага савецкая ўлада нічога не рабіла? Вы забылі, якое шкодніцтва нам нанеслі нацыянал-дэмакраты, так званыя нацдэмы*? Вы рухаецеся тым жа самым шляхам!»

Тая размова скончылася на нямой ноце. Пачуўшы даўно знаёмыя абвінавачванні ў «нацдэмаўшчыне», пісьменнік устаў і моўчкі пайшоў, ахоплены крыўдай і злосцю ад уласнай бездапаможнасці. Цэнзар праводзіла яго поглядам, у якім спалучыліся не толькі суровасць і злосць за яго ўпартасць, але і страх. «Яна баіцца і клапоціцца найперш пра сябе, – думаў Кузьма Чорны, абураны абьякавасцю і чэрствасцю чыноўніцы. – Яе найбольш непакоіць, каб з-за напісанага мною і прапушчанага ёю ў друк да яе самой не ўзніклі прэтэнзіі. У сённяшняй атмасферы страху чыноўнік не можа думаць па-іншаму. А да беларускай культуры ёй насамрэч справы няма.

Я даўно ўжо не адчуваю сябе ў спакоі і раўнавазе. Я цяжка хворы, а мяне амаль кожны дзень непакоюць, звяртаюцца з упраўленняў, пастаянна патрабуюць ад мяне новыя артыкулы. Але рознага кшталту кар’ерыстам патрэбен не я, не мае сапраўдныя думкі і сапраўдныя пачуцці. Ім патрэбна маё імя. Яны хочуць выкарыстаць мой аўтарытэт для ўласных мэт, каб атрымаць сабе чарговы ордэн ці медаль, каб узяцца вышэй, на новую пасаду».

Парывістая плынь усхваляванага роздуму ў ранішняй цішыні раптоўна была парушана гучнымі ўдарамі малатка з-за сцяны, ад якіх пісьменнік міжволі здрыгануўся. Але стук, які амаль штодзённа перашкаджаў яму засяродзіцца, быў добра знаёмы. Гэта рабочыя ў суседняй кватэры распачалі свой працоўны дзень: яны рамантавалі пакой партый-

*Абвінавачванне ў «нацдэмаўшчыне» (нацыянал-дэмакратызме) было тыповай падставай для арышту ў 1930-я гады. Такое абвінавачванне было прад’яўлена і Кузьме Чорнаму ў 1938 годзе. – *Заўв. аўт.*

мысли вы доводите в передовой статье! Вы написали, что самосознание белорусского народа укрепилось именно во время войны. А что, по-вашему, до этого советская власть ничего не делала? Вы забыли, которое вредительство нам нанесли национал-демократы, так называемые нацдемы*? Вы двигаетесь тем же самым путем!»

Этот разговор закончился на немой ноте. Услышав давно знакомые обвинения в «нацдемовщине», писатель встал и молча ушел, охваченный обидой и злостью от собственной беспомощности. Цензор проводила его взглядом, в котором отразились не только суровость и сердитость за его упорство, но и страх. «Она боится и печется прежде всего о себе самой, — думал Кузьма Чорный, возмущенный равнодушием и черствостью чиновницы. — Ее больше всего беспокоит, чтобы из-за написанного мной и пропущенного ею в печать к ней самой не возникли претензии. В нынешней атмосфере страха чиновник не может думать по-другому. А до белорусской культуры ей никакого дела нет.

Я давно уже не чувствую себя в покое и в душевном равновесии. Я тяжело болен, а меня почти каждый день беспокоят, обращаются из управлений, постоянно требуют от меня новые статьи. Но разного рода карьеристам нужен не я, не мои настоящие мысли и чувства. Им необходимо мое имя. Они хотят использовать мой авторитет в собственных целях, чтобы получить себе очередной орден или медаль, чтобы подняться выше, на новую должность».

Порывистое течение взволнованного размышления в утренней тишине внезапно было нарушено громкими ударами молотка из-за стены, от которых пи-

*Обвинение в «нацдемовщине» (национал-демократизме) было типичным основанием для ареста в 1930-е годы. Такое обвинение было предъявлено и Кузьме Черному в 1938 году. — *Прим. авт.*

наму чыноўніку Рыжыкаву. Звычайна рабочыя пачыналі працаваць з самай раніцы і працягвалі да вечара, калі гаспадар кватэры вяртаўся дадому. «Ледзьве разабраўся з дамашнімі клопатамі, толькі сеў за стол, як ужо пачалі шумець за сцяной! Усё, ціхі час сёння скончыўся, – падумаў раздражнёна, пазіраючы ў бок суседняй кватэры. – А Рыжыкаў добра ўладкаваўся. У маёй цямніцы ніколі не ўбачыш праменьчыка сонца, а ў яго прасторны, светлы пакой. А ці атрымаў бы сакратар кампартыі нешта горшае? А колькі мне давалося хадзіць, каб патрапіць хаця б у гэты цёмны кут!»

На памяць пісьменніку таксама прыйшла адна дама, побач з якой яму давалося пражыць у часовым прытулку ў ДOME Саюза пісьменнікаў месяц таму. Яе мінулае здавалася цьмяным, хоць сама яна расказвала пра свой удзел у падпольнай барацьбе ў Заходняй Беларусі. Суседка лісліва ўваходзіла ў размову з іншымі і заўсёды імкнулася ўставіць свае каментарыі, суправаджаючы іх вострымі жартачкамі. Даведаўшыся пра тое, што знаходзіцца побач з вядомым беларускім пісьменнікам Кузьмой Чорным, яна паспрабавала паказаць сваю дасведчанасць у літаратуры, потым стала пытаць пра яго меркаванні наконт будучай перамогі ў вайне, дапамогі з боку амерыканцаў, кастрычніцкага нядзельніка па аднаўленні сталіцы. Яе празмерная навізлівасць і фальш асабліва раздражнялі хворага пісьменніка, і часам ён ледзь стрымліваўся, каб не нагрубіць ёй у адказ. «Вось гэтая ніколі не ўпусціць свайго, – паморшчыўся Кузьма Чорны, узгадаўшы былую суседку. – Заўсёды выслужыцца, заўсёды атрымае сваю долю. Я адчуваю, што яна таксама ўжо атрымала кватэру, ды не горшую за маю, а пэўна яшчэ лепшую!»

Перагарнуўшы апошнюю старонку дзённіка, пісьменнік зноў успомніў сваё ранняе дзяцінства, калі сям'я жыла ў такой нястачы, што нават адна на год палатняя кашуля здавалася пчасцем. Узгадаліся расказы яго дзеда пра галодныя гады, калі нават сухі акраец хлеба быў найвялікшым скарбам. Успомніў цёплыя намазаныя рукі маці, якімі яна штодзень гатавала ежу, а пасля знаходзіла сілы прытуліць і палапчыць сваіх дзяцей.

сатель невольно вздрогнул. Но стук, почти ежедневно мешавший сосредоточиться, был ему хорошо знаком. Это рабочие в соседней квартире начали свой рабочий день: они ремонтировали комнату партийному чиновнику Рыжикову. Обычно рабочие начинали работать с самого утра и продолжали до вечера, когда хозяин возвращался домой. «Едва разобрался с домашними хлопотами, только сел за стол, как уже начали шуметь за стеной! Все, тихий час на сегодня закончился, — подумал раздраженно, поглядывая в сторону соседней квартиры. — А Рыжиков хорошо устроился. В моей темнице никогда не увидишь солнечный лучик, а у него просторная, светлая комната. А разве получил бы секретарь компартии что-то похуже? А сколько мне пришлось ходить, чтобы попасть хотя бы в этот темный угол!»

На память писателю также пришла одна дама, рядом с которой ему пришлось прожить во временном убежище в Доме Союза писателей месяц назад. Ее прошлое было неясным, хотя сама она рассказывала о своем участии в подпольной борьбе в Западной Беларуси. Соседка вкрадчиво входила в разговор с другими жителями и всегда стремилась вставить свой комментарий, сопровождая его острыми шуточками. Узнав о том, что находится рядом с известным белорусским писателем Кузьмой Чорным, она попыталась продемонстрировать свою осведомленность в литературе, а потом стала выведывать его мнение о грядущей победе в войне, о помощи со стороны американцев и об октябрьском воскреснике по восстановлению столицы. Ее чрезмерная навязчивость и фальшь особенно раздражали большого писателя, и иногда он едва сдерживался, чтобы не сгрубить ей в ответ. «Вот эта никогда не упустит своего, — поморщился Кузьма Чорный, вспомнив бывшую соседку. — Всегда выслужится, всегда добьется своей доли. Я чувствую, что она тоже получила квартиру, да не хуже моей, а наверняка еще лучшую!»

Бацька вымушаны быў парабкаваць, каб пракарміць сям'ю, і здавалася, што маленькаму Колі Раманоўскаму быў наканаваны такі ж лёс. Але з таго часу, калі Мікалай спазнаў несправядлівасць гэтага свету, яго па жыцці заўсёды суправаджала моцнае жаданне выйсці ў людзі. І ўсё далейшае жыццё – вучоба ў семінары, паступленне ва ўніверсітэт, праца ў рэдакцыі – было рухам з глухой беднасці да лепшай долі. Ён верыў, што пасля рэвалюцыі і ўсталявання савецкай улады будзе пабудавана сапраўды справядлівае грамадства, дзе найбольш будзе цаніцца чалавечая годнасць. Але цяпер, успамінаючы свой пакутлівы жыццёвы шлях, горкі, быццам соль, усё больш упэўніваўся ў марнасці такіх надзей.

«Як жа цяжка жыць, калі бачыш навокал столькі несправядлівасці, нахабства і хапавітасці! Я пакаў здароўе і цэлае жыццё на служэнне народу, але мае заслугі зараз аплочваюцца толькі кавалкам хлеба. А галоўную выгаду мае той, хто найбольш хамавіты. Як быццам бы нічога не змянілася з тых часоў, калі мой бацька быў парабкам у пана! Бадай, колькасць прыстасаванцаў і хамаў не зменшылася, а нават вырасла!

Навошта такім спальваць сваё ўласнае сэрца, спачуваючы іншым людзям? Усё атрымоўваюць менавіта тыя, хто клапоціцца ў першую чаргу пра сябе. А хто аддае сваё жыццё і здароўе за дабрабыт іншых, той і памірае раней. Колькі хлопцаў і дзяўчат зараз гіне на фронце, а розныя хлебаеды клапоцяцца толькі пра тое, як лепш уладкавацца ў жыцці! Прыгледзішся – колькі навокал хлусні! Божа мой, божа, ці наступіць калі-небудзь такі час, калі найвялікшую каштоўнасць будзе мець сумленняя праца, а не падхалімства, нахабнасць, уменне дагадзіць начальству?»

Акінуў позіркам свой пакой. Пробліскі святла надыходзячага дня, якія прабіваліся з-за суседніх дамоў і павольна пранікалі сюды, сталі ясней вылучаць беднае ўбранства. Спежны, запэцканыя брудам пасля нядаўняга рамонт, у паўзмроку прыўносілі яшчэ больш шэрасці, нагадаў Мікалаю Карлавічу цесную камеру-адзіночку ў мінскай турме, дзе

Перевернув последнюю страницу дневника, писатель снова вспомнил свое раннее детство, когда семья жила в такой нужде, что даже одна на год полотняная рубашка казалась счастьем. Вспомнились рассказы его деда о голодных временах, когда даже сухая горбушка хлеба была величайшим сокровищем. Вспомнил теплые мозолистые руки своей матери, которыми она ежедневно готовила еду, а после находила силы пригреть и приласкать своих детей. Отец вынужден был батрачить, чтобы прокормить семью, и казалось, что маленькому Коле Романовскому была предопределена та же участь. Но с того времени, когда Николай познал несправедливость этого мира, его по жизни всегда сопровождало сильное желание выйти в люди. И вся дальнейшая жизнь — учеба в семинарии, поступление в университет, работа в редакции — была движением из глухой бедности к лучшей доле. Он верил, что после революции и установления советской власти будет построено по-настоящему справедливое общество, где больше всего будет цениться человеческое достоинство. Но сейчас, вспоминая свой мучительный жизненный путь, горький, словно соль, все больше убеждался в тщетности таких надежд.

«Как же трудно жить, когда видишь вокруг столько несправедливости, наглости и алчности! Я потратил здоровье и целую жизнь на служение народу, но мои заслуги сейчас оплачиваются только куском хлеба. А главную выгоду имеет тот, кто более наглый. Как будто бы ничего не изменилось с тех пор, когда мой отец был батраком! Пожалуй, количество приспособленцев и хамов не уменьшилось, а даже выросло!

Зачем таким сжигать свое собственное сердце, сочувствуя другим людям? Ведь все получают именно те, кто заботится в первую очередь о себе. А кто отдает свою жизнь и здоровье за благополучие других, тот и умирает раньше. Сколько парней и девушек сейчас погибает на фронте, а всякие прихлебатели

ён адпакутаваў некалькі месяцаў. Успомніў, як шэсць гадоў таму стаяла такое ж самае пахмурнае восеньскае надвор'е, а ў вочы кідалася адчужанасць людзей і ўсяго наваколя. І вострае пачуццё несправядлівасці, якое тады няспынна пякло пытаннем: «За што арыштавалі? За што пакаралі?» – зараз, у першую пасляваенную мінскую восень, змянілася іншым воклічам: «За што забылі? За што пакінулі?» Сённяшняя барацьба надзеі і адчаю перад тварам смерці нагадвала тую невядомасць, у якой ён дзень за днём, тыдзень за тыднем праводзіў час у мінскай вязніцы, калі кволья сполахі надзеі на вызваленне змяняліся хвілінамі глыбокага расчаравання і ўпэўненасці ў тым, што ён не выйдзе жывым.

З кватэры Рыжыкава працягвалі даносіцца ўдары малатка разам з воклічамі рабочых. І па меры таго як гэты стук становіўся ўсё мацней і мацней, думкі пісьменніка становіліся ўсё горачней. Не маючы сіл больш стрымліваць сябе, каб палегчыць свой душэўны стан, Чорны ўзяў аловак, праставіў у дзённіку дату «22 лістапада». Думкі, якія непакоілі ўсю раніцу, пацяклі сваёй чаргой, выплёскаючы набалелае з параненай душы.

«Бадай што ўжо месяц, як у «кватэры», дадзенай мне Саўнаркомам, – запісаў ён. – Але ж якраз як тая камера ў турме, дзе я сядзеў у 1938 годзе. Можна сказаць, што я ўжо дайшоў да апошняй мяжы. Бруд, цемь – вокны глядзяць у чорны трохкутнік з высозных муроў. Пісаць няма як і жыць няма як. А тут жа, па адным карыдоры, рамантуюць кватэру Рыжыкаву. Там светла і добра. Там Рыжыкаву можна будзе круціць патэфон і гуляць у «тульку». У нас няма ўласнага жыцця, мы ўсё аддаём дзяржаве. Мы аддалі дзяржаве свае душы і таленты, але мы не Рыжыкавы. Я жыўу як апошняе пакідзішча. І не таму, што мне хто зла хоча, а таму, што ў нас не еўрапейская дзяржава, дзе інтэлектуальныя асаблівасці чалавека робяць яго жыццё арганізаваным. А ў нас азіятчына. Падхалімства, хабарніцтва, чыноўніцтва, паклёпніцтва – за апошнія годы паднялося на вялікую вышыню».

заботятся только о том, как бы лучше устроиться в жизни! Присмотришься — сколько лжи вокруг! Боже мой, боже, наступит ли когда-нибудь такое время, когда величайшую ценность будет иметь честный труд, а не подхалимство, наглость и умение угодить начальству?»

Окинул взглядом свою комнату. Проблески света зарождающегося дня, которые пробивались из-за соседних домов и медленно проникали сюда, стали четче выделять бедное убранство. Стены, вымазанные грязью после недавнего ремонта и в полумраке привносившие еще больше серости, напомнили тесную камеру-одиночку в минской тюрьме, где он страдал на протяжении нескольких месяцев. Вспомнил, как шесть лет назад стояла такая же пасмурная осенняя погода, а в глаза бросалось отчужденность людей и всего окружающего мира. И острое чувство несправедливости, которое тогда непрестанно жгло вопросом: «За что арестовали? За что наказали?» — теперь, в первую послевоенную минскую осень, сменилось иным вопрошанием: «За что забыли? За что оставили?» Сегодняшняя борьба надежды и отчаяния перед лицом смерти напоминала ту неизвестность, в которой он день за днем, неделя за неделей проводил время в минской тюрьме, когда робкие сполохи надежды на освобождение сменялись минутами глубокого разочарования и убежденности в том, что он не выйдет оттуда живым.

Из квартиры Рыжикова продолжали доноситься удары молотка вместе с возгласами рабочих. И по мере того как этот стук становился все сильнее и сильнее, мысли писателя становились все беспокойней. Не имея сил больше сдерживать себя, чтобы облегчить свое душевное состояние, Чорный взял карандаш и проставил в дневнике дату «22 ноября». Мысли, которые беспокоили все утро, потекли своим чередом, выплескивая наболевшее из раненой души.

Ад хвалявання адклаў пяро і пачаў задумліва перабіраць рэчы на стале. Пераклаўшы некалькі фотаздымкаў, якія цудам перажылі апошнія дзесяцігоддзе ліхалецця ў ягоным лёсе, спыніў увагу на тым, дзе былі пяць маладых людзей. Каб лепш разгледзець іх, устаў і падышоў да самага акна. У кучаравым хлопцы, які сядзеў у першым радзе злева, пазнаў самога сябе. Гэта здымак 1927 года, на якім ён разам са сваімі сябрамі і таварышамі па пяры – Уладзімірам Дубоўкам, Адамам Бабарэкам, Язэпам Пупчам і Кандратам Крапівой*.

Фотаздымак нагадаў пісьменніку гады яго маладосці. Тады, амаль дваццаць гадоў таму, некалькі сяброў – маладыя паэты і пісьменнікі – заснавалі літаратурнае аб’яднанне «Узвышша». Многіх з тых, каго давалося ўзгадаць, ён ужо даўно не бачыў. Уладзімір Дубоўка, Адам Бабарэка і Язэп Пупча былі абвінавачаныя ў «нацдэмаўшчыне» і высланыя яшчэ на пачатку трыццатых гадоў. Чужая зайздрасць і злой паклёп разарвалі іх стасункі з Кузьмой Чорным, перапіска паміж імі абарвалася. Пра лёс многіх таварышаў па пяры ўжо доўгі час яму нічога не было вядома. Яму самому, арыштаванаму ў 1938 годзе, пашанцавала выйсці на волю. І зараз, падсумоўваючы вынікі свайго жыцця, ён разумеў, што застаўся амаль адзін. Яго нясцерпна грызла пачуццё ўласнай віны і глухой адзіноты.

«Дзе зараз яны? – з жалем думаў пісьменнік. – Як склаўся іх лёс? Ці жывыя яны? Напэўна, у турмах ці на высылцы ў Сібіры. Апошнімі гадамі балюча назіраць, як створанае раней вынішчаецца з-за зайдрасці, паклёпніцтва, хамства. Пражытае жыццё цяпер здаецца

*Уладзімір Дубоўка (1900–1976), Адамам Бабарэка (1899–1938), Язэп Пупча (1902–1964), Кандрат Крапіва (1896–1991) – беларускія паэты і пісьменнікі, заснавальнікі маладзёжнага літаратурнага аб’яднання «Узвышша», што існавала ў другой палове 1920-х гг. З гэтых аўгараў першыя тры былі рэпрэсіраваныя. – *Заўв. аўт.*

«Почти месяц, как живу в «квартире», выделенной мне Совнаркомом, — записал он. — Но это словно та камера в тюрьме, где я сидел в 1938 году. Можно сказать, что я уже дошел до крайнего предела. Грязь, темнота — окна смотрят в черный треугольник из высоченных стен. Невозможно писать, невозможно жить. А тут же, по этому же коридору, ремонтируют квартиру Рыжикову. Там светло и хорошо. Там Рыжикову можно будет крутить патефон и играть в «пульку». У нас нет собственной жизни, мы все отдаем государству. Мы отдали государству свои души и таланты, но мы не Рыжиковы. Я живу словно последнее отребье. И не потому, что мне кто-то зла желает, а потому, что у нас не европейское государство, где интеллектуальные способности человека делают его жизнь организованной. А у нас азиатчина. Подхалимство, взяточничество, чиновничество и клевета за последние годы достигли небывалого размаха».

От волнения отложил перо и стал задумчиво перебирать вещи на столе. Переложив несколько фотографий, которые чудом пережили последние годы лихолетья в его судьбе, он остановил внимание на той, где были пять молодых людей. Чтобы лучше рассмотреть их, встал и подошел к самому окну. В кучерявом парне, который сидел в первом ряду слева, узнал сам себя. Это был снимок 1927 года, на котором он был вместе со своими друзьями и товарищами по перу — Владимиром Дубовкой, Адамом Бабарекой, Язепом Пущей и Кондратом Крапивой*.

*Владимир Дубовка (1900–1976), Адам Бабарека (1899–1938), Язеп Пуща (1902–1964), Кондрат Крапива (1896–1991) — белорусские поэты и писатели, основатели молодежного литературного объединения «Узвышша» (рус. «Подъем», «Возвышенность»), которое существовало во второй половине 1920-х гг. Из этих авторов первые три были репрессированы. — *Прим. авт.*

марным. Мае аднадумцы загінулі ці знаходзяцца ў турмах. Ведаю, што пасля майго вызвалення за мной таксама пастаянна сочаць. Наступілі і мне на горла жалезным ботам. Не магу пакласці на паперу тое, што сапраўды на душы, бо пастаянна адчуваю пагрозу сабе і сваім родным. Столькі можна было б зрабіць, калі б не гэты страх!»

Тады, у трыццатыя гады, адчуваючы, як пагроза арышту дамоклавым мячом навісла і над ім, Чорны стаў надзвычай асцярожным, але імкненне дагадзіць цэнзарам не ўратавала. Успомнілася, як халодным восеньскім вечарам 1938 года яго самога забіралі з роднага дому. Узгадаў вочы сваёй дзесяцігадовай дачкі: яна не плакала, нічога не гаварыла, але, здавалася, усё разумела. У сэрцы зноў ажыла памяць пра катаванні ў турме, якіх ён, здавалася, не перажыве: яго білі вялізным ключом па галаве, лілі на галаву халодную ваду, паднімалі і кідалі на рэйку, уганялі ў камеру з пацукамі. Адноўчы дзверы, якія адчыніў ахоўнік, каб адвесці да следчага на чарговы допыт, пранізліва зарыпелі, быццам плач дзіцяці. І не раз пасля таго, чуючы гэты гук, ён уяўляў плач дзяцей, бацькі якіх гэтаксама гінулі ў турмах і ў лагерах.

Падняў вочы і паглядзеў на сваё адлюстраванне ў шкле. Як жа моцна ён змяніўся з таго часу! Які ж непадобны ён быў зараз да сябе самога, на фотаздымку сямнаццацігадовай даўніны! У акне адлюстравалася твар, пакрытымі тоненькімі баразёнкамі маршчын, а на абедзвюх скронях забялелі сівыя валаскі. Вочы ўжо не іскрыліся маладым агеньчыкам, а былі напоўненыя распаччу і адчаем.

«Знішчылі маё здароўе тады ў турме, – зазначыў сумна. – Маё жыццё выцякае кропля за кропляй, і я ўжо не паспяваю зрабіць у літаратуры тое, што мог бы. Адчуваю, што менавіта зараз, як скончыцца вайна, настаў час напісаць самыя галоўныя творы, пераасэнсаваць наноў многае з таго, што было сказана раней. Уголас трэба было б расказаць пра вайну, пра ўсясветнае змаганне супраць фашызму. Асобна трэба было б выкрыць тую подласць і хамства, з якім прыходзіцца пастаянна сутыкацца. Але адчуваю, што ўжо

Фотография напомнила писателю годы его молодости. Тогда, почти двадцать лет назад, несколько друзей — молодые поэты и писатели — основали литературное объединение «Узвышша». Многих из тех, кого довелось вспомнить, уже давно не видел. Владимир Дубовка, Адам Бабарека и Язеп Пуца были обвинены в «нацдемовщине» и высланы еще в начале тридцатых годов. Чужая зависть и злая клевета разорвали их отношения с Кузьмой Чорным, переписка между ними прервалась. О судьбе товарищей по перу уже долгое время ему ничего не было известно. Ему самому, арестованному в 1938 году, повезло выйти на свободу. И теперь, подводя итог своей жизни, он понимал, что остался почти один. Его нестерпимо гложило чувство собственной вины и глухого одиночества.

«Где они теперь? — с сожалением думал писатель. — Как сложилась их судьба? Живы ли они? Наверное, в тюрьмах или в ссылке в Сибири. В последние годы больно наблюдать, как созданное ранее уничтожается из-за зависти, доносительства, хамства. Жизнь сейчас кажется напрасно прожитой. Мои единомышленники погибли или находятся в тюрьмах. Знаю, что после моего освобождения за мной тоже постоянно следят. Наступили и мне на горло железным сапогом. И я не могу положить на бумагу то, что действительно на душе, потому что постоянно чувствую угрозу себе и своим родным. Столько можно было бы сделать, если бы не этот страх!»

Тогда, в тридцатые годы, чувствуя, как угроза ареста дамокловым мечом нависла и над ним, Чорный стал предельно осторожным, но стремление угодить цензорам не уберегло. Припомнилось, как холодным осенним вечером 1938 года его самого забирали из родного дома. Вспомнил глаза своей десятилетней дочери: она не плакала, ничего не говорила, но, казалось, все понимала. В сердце вновь ожила память о пытках и издевательствах в тюрьме,

не змагу напісаць тое, на што сапраўды здольны. Пасля ўсіх выпрабаванняў апошніх год – яжоўскай турмы*, эвакуацыі ў Маскву, інсульту і бадзяння ў нападзірабаваным Мінску – здароўя, напэўна, засталася толькі трэць. Так заўжды бывае: лепшае нараджаецца ў пакутах і менавіта тады, калі ўжо няма ні часу, ні сіл».

Асцярожна рухаючыся, каб не патрывожыць жонку, вярнуўся за стол. Зноў узяўшы пяро, працягнуў занатоўваць у дзённіку свае думкі і пачуцці, абуджаныя старым фотаздымкам, балючымі ўспамінамі пра маладосць і пра былыя пакуты, а таксама ўсведамленнем свайго сённяшняга гаротнага стану:

«Колькі нашай інтэлігенцыі без даі прычыны гніе ў турмах і на высылцы! У мяне ўжо няма 70 % здароўя. Я гіну і не магу выкарыстаць як бы трэба было свой талент. Сілы мае трацяцца і марнуюцца без карысці. Доўгія годы мяне мучыла ГПУ-НКВД. А цяпер замест таго, каб рабіць тое, што мне трэба рабіць, я палю ў печы, цягаю ваду, змываю гаўно ў прыбіральні, краду дрэвы, дастаю з дошчак цвікі, мыю сваю парваную і вываленую адзежу. Тут вайна не да канца вінавата. Тут многа ад хамства. Апарат НКГБ і тысячы чыноўнікаў займаюць увесь горад – яны ўмеюць і любяць рваць адзін аднаго і ўсіх за горла, а я гэтага не ўмею рабіць, дык не магу нават дастаць хоць тоненькі праменьчык дзённага святла ў вакно і мучуся ў пограбе».

Выпадкова кінуўшы позірк на падаконнік, заўважыў завялую ружу, якую яшчэ тыдзень таму прынесла дачка. Незвычайна і нечакана было ўбачыць такую кветку ў позневосеньскае надвор'е ў цэнтры разбуранага горада. Чорны уявіў, што зусім нядаўна гэтая ружа была яшчэ жывая і радавала падарожных сваімі колерамі. Але цяпер пялёсткі зморшчыліся, колеры пабляднелі, і яна, ссохлая, безжыццёва ляжала на падаконніку.

*Выраз «яжоўская турма» паходзіць ад прозвішча наркама ўнутраных спраў М. Якова, на час кіравання якога прыйшоўся пік рэпрэсій у СССР. – *Зяў. аўт.*

которых он, казалось, не переживет: его били огромным ключом по голове, лили на голову холодную воду, поднимали и бросали на перекладину, загоняли в камеру с крысами. Однажды двери, которые открыл охранник, чтобы отвести к следователю на очередной допрос, пронзительно заскрипели, словно плач ребенка. И не раз после того, слыша этот звук, он чувствовал, как в его сердце отзывался плач детей, родители которых таким же образом гибли в тюрьмах и лагерях.

Поднял глаза и посмотрел на свое отражение в стекле. Как же сильно он изменился с тех пор! Насколько же он был не похож сейчас на самого себя на фотоснимке семнадцатилетней давности! В оконном стекле отобразилось лицо, покрытое тоненькими бороздками морщин, а на обоих висках забелели седые волоски. Глаза уже не искрились молодым огнем, а были наполнены скорбью и отчаянием.

«Уничтожили тогда мое здоровье в тюрьме, — отметил с горечью. — Моя жизнь вытекает капля за каплей, и я уже не успеваю сделать в литературе то, что мог бы. Чувствую, что именно сейчас, когда заканчивается война, настало время написать самые главные произведения и переосмыслить многое из ранее сказанного. В полный голос следовало бы рассказать о войне, о всемирной борьбе против фашизма. Отдельно нужно было бы вскрыть ту подлость и то хамство, с которыми постоянно приходится сталкиваться. Но чувствую, что уже не смогу написать то, на что я действительно способен. После всех испытаний последних лет — ежовской тюрьмы*, эвакуации в Москву, инсульта и скитаний

*Выражение «ежовская тюрьма» происходит от фамилии наркома внутренних дел Н. Ежова, на время руководства которого пришелся пик репрессий в СССР. — *Прим. авт.*

І пісьменніка ахапіла вострае пачуццё немагчымасці вярнуць назад сваю ўласную маладосць і аднавіць свае ранейшыя творчыя сілы. Сэрца спіснулася ад адчування, што і ён набліжаецца да свайго фіналу. «Вось так і я, падобны да гэтай завялай кветкі, – падумаў ён. – Сілы мае на зыходзе. Здань смерці мучыць мяне, і апошнім часам я бачу яе ўсе часцей і часцей...»

Адчуванне непазбежнай хуткай смерці ахапіла так моцна, быццам ён дакладна ўбачыў сваю будучыню. Ён адчуў жах, але не за сябе, а за тое, што не паспее скончыць свае творы. І ўслед за гэтым яго душу пранізала вострае пачуццё адчаю і ўласнай бездапаможнасці. Не ведаючы, што рабіць, як на гэта адказаць, адкуль чакаць паратунку, ён дапісаў яшчэ адну фразу: *«Божэ, напішы за мяне мае раманы, хіба так маліцца, ці што?»*

Задумаўшыся, зноў падышоў да акна, падняў вочы і паглядзеў уверх, аднак убачыў не блакітнае неба над галавой, а чорны трохкутнік, утвораны суседнімі будынкамі. Ці дойдзе гэтая малітва да Бога? Не, не дойдзе... Упрэцца ў высачэзныя сцены чыноўніцкай бяздушнасці і людскай абыякавасці...

«Ці не дарма я пражыў жыццё? – спытаў сам сябе, быццам падводзячы вынік свайго зямнога шляху. – Не, не дарма! Я раблю тое, у чым бачу сваё прызвание. Імкнуўся зрабіць свет трохі лепей, пісаў пра ўзаемаразуменне і чалавечую годнасць. Не ўсё ўдалося зрабіць – мне шмат перашкаджалі. Але мае раманы і аповесці перажывуць мяне і пакінуць пра мяне добрую памяць у нашчадкаў.

Што падумае той, хто калі-небудзь прачытае радкі майго дзённіка? Магчыма, азірнецца і падумае: моцна ж змяніўся свет з таго часу! А можа, нічога не зменіцца? Можа, мы так і будзем на кожным кроку сутыкацца з чэрствасцю, сквапнасцю, жорсткасцю? Гэтыя радкі – сведчанне не той гісторыі, што пішацца на старонках афіцыйных газет, а той няпрыдуманай, у якой я жыў. Мае запісы перажывуць стагоддзі, перажывуць усіх

в полуразрушенном Минске — здоровья, наверное, осталась только треть. Так всегда бывает: самое лучшее рождается в муках и именно в тот момент, когда уже нет ни времени, ни сил».

Осторожно двигаясь, чтобы не потревожить жену, вернулся за стол. Снова взяв в руку перо, продолжил записывать в дневнике свои мысли и чувства, пробужденные старой фотографией, болезненными воспоминаниями о молодости и бывших страданиях, а также осознанием своего нынешнего бедственного состояния:

«Сколько же нашей интеллигенции беспричинно сгнивает в тюрьмах и в ссылке! У меня уже нет 70 % здоровья. Я погибаю и не могу применить свой талант как следует. Силы мои изводятся и тратятся впустую. Долгие годы меня мучило ГПУ-НКВД. А теперь вместо того, чтобы делать то, что мне следовало бы, я растапливаю печь, ношу воду, смываю нечистоты в уборной, воруя дрова, достаю из досок гвозди, отмываю свою дырявую и затасканную одежду. И не только война тому виной. Тут во многом проявляется хамство. Аппарат НКГБ и тысячи чиновников заполнили весь город — они умеют и любят рвать друг друга и всех остальных за горло, а я этого не умею делать, так не могу раздобыть хотя бы тоненький лучик дневного света в окне и мучаюсь в погребе».

Случайно бросив взгляд на подоконник, заметил увядшую розу, которую еще неделю назад принесла дочь. Совершенно необычно и неожиданно было увидеть такой цветок поздней осенью в центре разрушенного города. Чорный представил, что совсем недавно эта роза была еще жива и радовала прохожих своими красками. Но теперь лепестки сморщились, краски побледнели, и она, иссохшая, безжизненно лежала на подоконнике. И писателя охватило острое осознание невозможности вернуть назад свою собственную молодость

маіх нядобразычліўцаў. А зараз напісанае паказваць небяспечна. Гэта трэба схаваць кудысьці далей».

Вярнуўшыся да стала, загарнуў шэры спытак і адчыніў прыхілены да сцяны чамадан, у якім прывёз з Масквы свае рукапісы. Паклаў спытак на самае дно чамадана, а паверх – яшчэ стос папер і газет. Цяпер можна было быць спакойным: самыя цікаўныя ніколі не знойдуць гэтыя запісы.

За сваімі думкамі і не заўважыў, як праляцеў час. Раптам асцярожна прыадчыніліся дзверы, і ў пакой крадком, амаль бягучна ўпырхнула, быццам матылёк, дзяўчына – яго дачка, якая вярнулася са школы. Акуратна паставіўшы сумку з кнігамі і спыткамі, пацікавілася пра яго здароўе і здароўе маці, а потым уладкавалася і пачала чытаць кнігу, каб не перашкаджаць бацьку працаваць. Назіраючы ўпотаі за дачкой, якая сядзела побач, адчуваў, як яго настрой паступова пачынае змяняцца. Роспач і безнадзейнасць пачалі адыходзіць, і ў душы зацепліўся агеньчык надзеі, які асвятляў душу і рабіў жыццё асэнсаваным.

«Іра, Ірачка, уцеха мая, – падумаў Чорны. – Паслязаўтра ў цябе дзень нараджэння. Табе споўніцца шаснаццаць год. Тваё жыццё толькі пачынаецца. І мне хочацца, каб яно было шчаслівае. Кожны раз, калі думаю пра цябе, пра твой лёс, я задаю сабе пытанне: як складзецца твая будучыня? Як будзе жыць чалавецтва праз дваццаць, праз сто, праз тысячу гадоў? Ці будзе гэта лепшы свет, дзе стане свабодней дыхаць, дзе запануе ўзаемаразуменне паміж людзьмі і цэлымі народамі, а галоўнай каштоўнасцю зробіцца чалавечае жыццё і мір на нашай планеце? Ці гэта будзе свет усеагульнай падазронасці і паклёпніцтва, свет беззаконнасці і войнаў, якія ўрэшце знішчаць усё тое, што за тысячагоддзі стварыў наш чалавечы род?»

Быццам жадаючы вырвацца з гэтай шэрай паўсядзённасці, са свету чэрствасці і абьякавасці, Мікалай Карлавіч захапіўся марамі пра будучае. Дзесьці ўнутры яго за-

и восстановить свои прежние творческие силы. Сердце сжалось от ощущения, что и он приближается к своему финалу. «Вот такой я стал, подобный этому увядшему цветку, — подумал он. — Силы мои на исходе. Призрак смерти мучит меня, и в последнее время я вижу его все чаще и чаще...»

Предчувствие неизбежной скорой смерти охватило его так сильно, будто он точно увидел свое будущее. Он почувствовал ужас, но не за себя, а за то, что не успеет закончить свои произведения. И вслед за этим его душу пронзило острое чувство безысходности и собственной беспомощности. Не зная, что делать, как на это ответить, откуда ждать спасения, он дописал еще одну фразу: *«Боже, напиши за меня мои романы, разве что так молиться, что ли?»*

Задумавшись, снова подошел к окну, поднял глаза и посмотрел вверх, однако увидел не голубое небо над головой, а черный треугольник, образованный соседними зданиями. Дойдет ли эта молитва до Бога? Нет, не дойдет... Упрется в высоченные стены чиновничьего безразличия и человеческого равнодушия... «Не зря ли я прожил жизнь? — спросил себя, как будто подводя итог своего земного пути. — Нет, не зря! Я делаю то, в чем вижу свое призвание. Старался сделать мир немного лучше, писал о взаимопонимании и человеческом достоинстве. Не все удалось сделать — мне сильно мешали. Но мои романы и повести переживут меня и оставят обо мне добрую память у потомков.

Что подумает человек, который когда-нибудь прочтет строки моего дневника? Возможно, оглянется и подумает: сильно же изменился мир с тех пор! А может, ничего не изменится? Может, мы так и будем на каждом шагу сталкиваться с черствостью, алчностью, жестокостью? Эти строки — свидетельство не той истории, что пишется на страницах официальных газет, а той непридуманной, в которой я живу. Мои записи переживут века, переживут всех моих недоброжелателей. А теперь написанное показывать опасно. Это нужно спрятать куда-нибудь подальше».

раджалася спадзяванне, што будучае стане лепшым, чым сённяшні дзень. Бо не можа бясконца панаваць варожасць і нянавісць, не можа вечна валадарыць цемра. І ў хвіліны, калі азарала такая думка, яму здавалася, што праз халодныя цяжкія лістападаўскія аблогі выглядае сонца.

«Я мару, каб ты, Іра, жыла ў такім грамадстве, дзе найбольшую каштоўнасць мае чалавечая асоба і чалавечая годнасць. Мару, каб там не знайшлося месца таму хамству, прыслужніцтву, хапавітасці, з якімі мне давалося сутыкнуцца. Жадаю, каб табе і тваім нашчадкам больш ніколі не давалося перажыць тое, што перажыў я і маё пакаленне. Я не хачу, каб зноў пасярод ночы раптоўна прыходзілі назаўсёды забіраць бацькоў на вачах у дзяцей, а тысячы талентаў станавіліся ахвярамі чужой зайздрасці і паклёпніцтва. Няхай злы чужынец больш ніколі не прыйдзе на нашу зямлю, і дым вайны ніколі не ўздымаецца над нашымі гарадамі і вёскамі. Няхай жыве ўсясветная дбайнасць аб кожным чалавеку, які хоць дзе на зямлі нарадзіўся на свет. І чорнае пракляцце таму, хто паліць і разбурае!

У гады свайго юнацтва я лічыў, што перамога дабра над злом – гэта заканамернасць, што дрэннае непазбежна саступае лепшаму. Быў перакананы, што пасля рэвалюцыі мы хутка пабудуем па-сапраўднаму справядлівае грамадства. Але чым сталей станаўлюся, тым больш упэўніваюся, што твая думкі былі толькі юнацкімі мроямі. Калі аглядаюся на свой пройдзены шлях, то мне здаецца, што свет не толькі не змяніўся да лепшага, але стаў яшчэ больш жорсткім і страшным. У гады майго ранняга дзяцінства жылося горка і цяжка, але ніхто не адчуваў штодзённага страху за сябе і за лёс сваіх родных. Тады не забіралі ў турму сярод ночы, не палілі дашчэнту вёскі разам з іх жыхарамі і Еўропа не захлыналася ў крыві. Я жыву ў страху, што кожны дзень можа стаць апошнім не толькі для мяне, але і для ўсяго свету. Губяць нас усіх сквапнасць, жорсткасць, прага да ўлады. Сённяшні момант – гэта судны дзень для ўсяго цывілізаванага чалавецтва. Што

Вернувшись к столу, закрыл серую тетрадь и открыл прислоненный к стене чемодан, в котором привез из Москвы свои рукописи. Положил тетрадь на самое дно чемодана, а поверх — еще стопку бумаг и газет. Теперь можно было быть спокойным: самые любопытные никогда не найдут эти записи.

За своими мыслями и не заметил, как пролетело время. Вдруг осторожно приоткрылась дверь, и в комнату украдкой, почти беззвучно впорхнула, словно бабочка, девушка — его дочь, вернувшаяся из школы. Аккуратно поставив сумку с книгами и тетрадями, поинтересовалась его здоровьем и здоровьем матери, а потом устроилась поудобнее и стала читать книгу, чтобы не мешать отцу работать. Украдкой наблюдая за дочерью, которая сидела рядом, чувствовал, как его настроение постепенно начинает меняться. Отчаяние и безнадежность стали отступать, и в душе затеплился огонек надежды, который освещал душу и делал жизнь осмысленной.

«Ира, Ирочка, отрада моя, — подумал Чорный. — Послезавтра у тебя день рождения. Тебе исполнится шестнадцать лет. Твоя жизнь только начинается. И мне хочется, чтобы она была счастливой. Каждый раз, когда думаю о тебе, о твоей судьбе, я задаю себе вопрос: как сложится твое будущее? Как будет жить человечество через двадцать, через сто, через тысячу лет? Будет ли это лучший мир, где станет свободнее дышать, где будет царить взаимопонимание между людьми и целыми народами, а главной ценностью станет человеческая жизнь и мир на нашей планете? Или это будет мир всеобщей подозрительности и клеветы, мир беззакония и войн, которые погубят все то, что за тысячелетия создано нашим человеческим родом?»

Словно желая вырваться из этой серой повседневности, из мира черствости и равнодушия, Николай Карлович увлекся мечтами о будущем. Где-то внутри него пробуждалась надежда, что мир станет лучше, чем сегодня. Ведь не мо-

перамога: фашысцкае дзікунства, якое адкіне нас на тысячу гадоў, у цёмныя часы Сярэднявечча, ці узаемаразуменне, праз якое чалавецтва ўсё ж здолее сысці са шляху да непазбежнага самазнішчэння?»

Яму ўзгадалася, як аднойчы вераснёўскім вечарам, у прыцемках, выйшаў на балкон падыхаць свежым паветрам, бо мучыла бяссонніца. Стаяла ціхая ноч. На крыштальна чыстым чорным небе ён зрэдку выхопліваў асобныя кропачкі зор аслабелым пасля хваробы зрокам, але выразна бачыў яркую бялёсую паласу Млечнага Шляху, якая пасярод гэтай адзінокай цемры ўрачыста працягнулася далёка-далёка ўглыб неабдымнага Космасу, у вечнасць. І ў той момант як ніколі раней востра адчуў, што Сонца – гэта толькі адна з мірыядаў зор, і Зямля – усяго толькі адна з мільярдаў планет, што мірна суіснуюць у прасторы бязмежнага Космасу. Усё ў Сусвеце прасякнута спакоем, і толькі тут, на маленькай кропачцы пад назвай Зямля, яе насельнікі, якія згубілі адчуванне касмічнага ладу, звар’яцела знішчаюць адзін аднаго. З таго моманту пытанне, чаму людзі так лёгка ідуць на забойствы і на здзекі з бліжняга, няспынна пякло сэрца пісьменніка. І падчас роздуму ва ўлонні вераснёўскай ночы ўзнікла задума яго новага рамана «Млечны Шлях», рукапіс якога зараз таксама ляжаў на сталі.

«Ці не праўда, што мы, усе народы свету, знаходзімся пад адным Млечным Шляхам? – думаў зараз пісьменнік. – Ці не праўда, што мы ўсе дзеці адной Зямлі? Наш свет наблізіўся да сваёй пагібелі. І менавіта цяпер, на мяжы прорвы, становіцца зразумелым, наколькі людзям і цэлым народам патрэбны спачуванне і згода, а не зайдзрасць і варожасць. Галоўнае ў чалавеку – гэта яго жывая душа. У кожным жыве не менш таямніц, чым ва ўсім Сусвеце. І надта балюча ўсведамляць, як цэлыя сусветы мільёнамі гінуць адзін за адным у пажарышчы вайны, як тысячамі яны назаўсёды знікаюць у жоўскіх турмах! Жыццё адведзена кожнаму чалавеку як магчымасць яго космасу раскрыцца. Жыццё – вельмі кароткая і крохкая рэч, каб марнаваць яе на нянавісць і на вайну. Ра-

жет же бесконечно царить враждебность и ненависть, как не может вечно господствовать тьма. И в те мгновения, когда озаряли подобные мысли, ему казалось, что сквозь холодные тяжелые ноябрьские облака проглядывает солнце. «Я мечтаю, чтобы ты, Ира, жила в таком мире, где наибольшую ценность имеет человеческая личность и человеческое достоинство. Я мечтаю, чтобы в твоём мире не нашлось места тому хамству, прислужничеству, алчности, с которыми мне пришлось столкнуться. Желаю, чтобы тебе и твоим потомкам никогда не довелось пережить то, что пережил я и мое поколение. Я не хочу, чтобы вновь среди ночи внезапно приходили забрать навсегда родителей на глазах у детей, а тысячи талантов становились жертвами чужой зависти и клеветы. Пусть злой чужак больше никогда не придет на нашу землю, и дым войны никогда не поднимется над нашими городами и деревнями. Да здравствует всемирная забота о каждом человеке, где бы он ни родился на белый свет. И черное проклятье тому, кто сжигает и разрушает!..

В годы своей юности я считал, что победа добра над злом — это закономерность, что худшее неизбежно уступит свое место лучшему. Был убежден, что после революции мы быстро построим по-настоящему справедливое общество. Но чем более зрелым я становлюсь, тем больше убеждаюсь, что те мысли были всего лишь юношескими грезами. Когда оглядываюсь на свой пройденный путь, то кажется мне, будто мир не только не изменился к лучшему, но стал еще более жестоким и страшным. В годы моего раннего детства жилось горько и тяжело, но никто не чувствовал ежедневного страха за себя и за судьбу своих родных. Тогда не забирали в тюрьму среди ночи, не сжигали дотла деревни вместе с жителями и Европа не захлебывалась в крови. А сейчас я живу в страхе, что каждый день может стать последним не только для меня, но и для всего мира. Губят нас всех алчность, жестокость, жажда власти. Нынешний

зумео гэта я – чалавек, які перажыў страту сяброў, роднай хаты, катаванні ў турме і які ўжо глядзіць у твар смерці. Колькі б наш народ атрымаў новых выдатных дзеячоў, каб не войны, каб не арышты і высылкі! Колькі талентаў, так і не паспеўшы раскрыцца, загінулі яшчэ юнакамі!»

Кузьма Чорны глядзеў на свечку, якая дагарала на сталае перад ім. Расплаўлены воск сцякаў кропля за кропляй, быццам само яго жыццё... Успамінаў сваіх папалечнікаў, і ў душы нараджалася пякучае разуменне таго, што ён сам з'яўляецца ахвярай чужой зайздрасці і паклёпніцтва. Але ён, як паранены леў, быў гатовы да апошняй, смяротнай схваткі. Нібы пакалечаная істота, што ўсімі сіламі чапляецца за жыццё, быў апантаны неспатольным жаданнем ажывіць свае мары і задумы, дарабіць незакончанае.

«Цяпер бачыцца мне, што перамога добра зусім не відавочная. За праўду, за лепшую будучыню і за свой уласны лёс трэба змагацца. Змагацца не напаўсілы, а выкладвацца напоўніцу! Змагацца неабходна не толькі з фашысцкім ворагам, які прыйшоў на нашу зямлю, але таксама з чэрствасцю і адчужанасцю, ліслінасцю і падманам, што пануюць навокал. Подласць, хамства, хапавітасць – гэта толькі малыя парасткі, якія перарастаюць у нянавісць да чалавека, што становіцца чорным насеннем для чарговай вайны. І калі гэта не спыніць, то наша цывілізацыя загіне!..

Адчуваю, што я ўжо не здольны весці гэтую барацьбу як трэба. Але я ўпэўнены, што яе працягнуць мае вучні і мае нашчадкі. Я веру, што пасля гэтай вайны ў Беларусі народзіцца новае пакаленне, якое зможа здзейсніць тое, што нам зрабіць не далі. Пасля цёмнай ночы заўжды наступае світанак. Прыйдзе час, калі імёны тых, хто паклаў сваё жыццё на алтар нашай культуры, вернуцца з небыцця і зоймуць годнае месца ў памяці грамадства. Пакуль існуе чалавецтва, заўсёды знойдуцца тыя, хто будзе супраціўляцца подласці, хамству, паклёпніцтву і змагацца за добро і чалавечую годнасць. Гэта неабходна для нашага ўласнага будучага, для будучага Беларусі, для будучага ўсяго свету!

момент — это судный день для всего цивилизованного человечества. Что победит: фашистское варварство, которое отбросит нас на тысячу лет, в темные времена Средневековья, или взаимопонимание, через которое человечество все же сможет сойти с пути к неизбежному самоуничтожению?»

Ему вспомнилось, как однажды сентябрьским вечером, в сумерках, вышел на балкон подышать свежим воздухом — мучила бессонница. Стояла тихая ночь. На кристально чистом черном небе он изредка выхватывал отдельные точки звезд ослабевшим после болезни зрением, но ясно различал яркую белесую полосу Млечного Пути, которая посреди этой одинокой темноты торжественно протянулась далеко-далеко вглубь необъятного Космоса, в вечность. И в тот момент как никогда ранее остро почувствовал, что Солнце — это лишь одна из мириад звезд, и Земля — всего лишь одна из миллиардов планет, которые мирно сосуществуют в пространстве безграничного Космоса. Все во Вселенной пронизано спокойствием, и только здесь, на маленькой точке под названием Земля, ее обитатели, которые потеряли ощущение вселенской гармонии, озверело уничтожают друг друга. С того момента вопрос, почему люди так легко идут на убийства и на унижение своего ближнего, постоянно жег сердце писателя. И во время того размышления на лоне сентябрьской ночи возник замысел его нового романа «Млечный Путь», рукопись которого теперь также лежала на столе.

«Не правда ли, что мы, все народы мира, находимся под одним Млечным Путем? — думал теперь писатель. — Не правда ли, что мы все дети одной Земли? Наш мир приблизился к своей гибели. И именно сейчас, у края пропасти, становится понятным, насколько людям и целым народам необходимо сочувствие и согласие, а не зависть и вражда. Главное в человеке — это его живая душа. В каждом живет тайн не меньше, чем во всей необъятной Вселенной. И как же больно осознавать, что целые миры, целые вселенные миллионами

А пакуль я яшчэ трымаю пяро, і мне трэба пісаць. Ні дня без радка! Бо калі я не паспею, то ўсе мае думкі і ўсе мае героі пойдучь у нябыт...»

Рапуча ўзяў іншы спытак, у якім быў напісаны працяг рамана «Скіп'ёўскі лес», і раскрыў яго на апошняй запоўненай старонцы. Яго сэрца шалёна калацілася, і ўдары пульса ў скроні адчуваліся мацней за ўдары малатка, што даносіліся з суседняй кватэры. Пісьменнік адчуваў, як ад хвалюючых думак, якія панавалі над ім увесь гэты дзень, у яго павышаецца ціск. Паглядзеўшы ў акно, ён пастараўся супакоіцца і засяродзіцца на тэксьце недапісанага твора. Некалькі хвілін яму не ўдавалася гэта зрабіць. Тэкст пісаўся рвана, думкі раптоўна абрываліся. Але праз некаторы час ён усё ж увайшоў у звыклае творчае русла. Дачка побач сядзела ціха, каб не перашкаджаць яму. У патаемны свет пісьменніка толькі раз-пораз урываўся воклічы рабочых і стук з-за сцяны.

Прайшло з паўгадзіны спакойнай засяроджанай працы. Дапісваючы чарговы сказ, раптам адчуў, што кружыцца галава, а цела пачынае нямець. Рука спынілася на паўслове. З жахам паспеў усвядоміць, што адчуў тое ж самае, што і роўна два гады таму, калі яго знясіліў інсульт. З цяжкасцю ўстаўшы, падышоў да дачкі і паспрабаваў патлумачыць, ды язык ужо не слухаўся: «Ужо ж добра гаварыў, а цяпер во зноў...» Ногі пачалі падкошвацца, і ён стаў асядаць на падлогу. Перапалоханая жонка і дачка падхапілі яго і паклалі на ложак. Знакам паказаў, каб яму далі паперку і аловак. На паперцы слабым чай рукой напісаў: «Заві людзей». Дачка выбегла на вуліцу, каб паклікаць на дапамогу. Наступныя некалькі гадзін няўмольны час, здавалася, цёк вельмі павольна. Аўтамабіль, спецыяльна выкліканы, каб хутчэй завезці родных пісьменніка па лекі, доўга затрымліваўся. Набыўшы лекі, дачка вымушана была паспешліва вяртацца пехатой па пустэльных вуліцах разбуранага горада, захлынаючыся халодным лістападаўскім павеграм. У гэты час у кватэры стары доктар завіхаўся над Мікалаем Карлавічам, які ляжаў у непрытомнасці. Праз некалькі гадзін доктар падняўся і развёў рукамі: ён зрабіў усё, што

гибнут одна за другой в пожарище войны, как тысячами они навсегда исчезают в ежовских тюрьмах! Жизнь отведена каждому человеку как возможность его космосу раскрыться. Жизнь — очень короткая и хрупкая вещь, чтобы тратить ее на ненависть и на войну. Понимаю это я — человек, переживший потерю друзей, родного дома, издевательства в тюрьме и уже глядящий в лицо смерти. Сколько бы наш народ получил новых выдающихся деятелей, если бы не войны, если бы не аресты и ссылки! Сколько талантов погибло еще в юном возрасте, так и не успев раскрыться!»

Кузьма Чорный смотрел на свечу, догоравшую на столе перед ним. Расплавленный воск стекал капля за каплей, словно сама его жизнь... Вспоминал своих соратников, и в душе рождалось жгучее понимание того, что он сам является жертвой чужой зависти и клеветы. Но он, как раненый лев, был готов к последней, смертельной схватке. Будто покалеченное существо, которое всеми силами цепляется за жизнь, его одолевало неутолимое желание оживить свои мечты и замыслы, доделать незавершенное.

«Сейчас видится мне, что победа добра совсем не очевидна. За правду, за лучшее будущее и за свою собственную судьбу нужно бороться. Бороться не вполсилы, а выкладываться по полной! Бороться необходимо не только с фашистским врагом, который пришел на нашу землю, но также с черствостью и равнодушием, лезть и обманом, царящими вокруг. Подлость, хамство, алчность — это лишь малые ростки, которые перерастают в ненависть к человеку, которая становится черным семенем для очередной войны. И если это не остановить, то наша цивилизация погибнет!..

Чувствую, что я уже не способен вести эту борьбу как следует. Но я уверен, что ее продолжат мои ученики и мои потомки. Я верю, что после нынешней войны в Беларуси родится новое поколение, которое сможет сделать то, что нам сделать не дали. После темной ночи всегда наступает рассвет. Наступит

толькі можна. «Будзе бачна, – сказаў ён, – але, па шчырасці, шансаў на выздараўленне вельмі мала». Дачка, жонка, сёстры пісьменніка ў разгубленасці стаялі і не ведалі, што рабіць.

...Гэты дзень быў абсалютна звычайным для большасці жыхароў беларускай сталіцы, якая няўхільна, дзень за днём, аднаўлялася, быццам птушка фенікс, што паўставала з попелу. А ў гэты час на адной са сталічных вуліц, быццам свечка ля халоднага акна, затухала жыццё пісьменніка, які аддаў сілы і ўсё жыццё на служэнне Бацькаўшчыне і свайму народу, аднак нават свой апошні дзень працягваў пакутаваць ад чэрствасці навакольнага свету. Свае апошнія хвіліны Кузьма Чорны правёў пад няроўны грукат: рабочыя працягвалі ўладкоўваць суседнюю кватэру, і ніякія ўпрошванні родных пісьменніка не здолелі іх спыніць. Ён ляжаў нерухома, і было незразумела, ці чуе ён гэты грукат, ці бачыць прысутных, ці хвалюецца. Не здольны прамовіць ніводнага слова, ён нема паглыбляўся ў адвечны спакой. Сповідзь Кузьмы Чорнага так і засталася няскончанай, супыніўшыся на малітве, пакінутай на апошняй старонцы дзённіка.

Праз некалькі гадзін адчайнай барацьбы за жыццё сэрца Мікалая Карлавіча Раманоўскага спынілася. Пісьменніка Кузьмы Чорнага не стала. Рана агарнула Мінск халодная воньская ноч.

время, когда имена тех, кто положил свою жизнь на алтарь нашей культуры, вернуться из небытия и займут достойное место в памяти общества. Пока существует человечество, всегда найдутся те, кто будет сопротивляться подлости, хамству, клевете и бороться за добро и человеческое достоинство. Это необходимо для нашего собственного будущего, для будущего Беларуси, для будущего всего мира! А пока я еще держу перо, и мне нужно писать. Ни дня без строчки! Ведь если я не успею, то все мои мысли и все мои герои уйдут в небытие...»

Решительно взял другую тетрадь, в которой было записано продолжение романа «Скипьевский лес», и открыл ее на последней заполненной странице. Его сердце бешено колотилось, и удары пульса в висках ощущались сильнее ударов молотка, которые доносились из соседней квартиры. Писатель чувствовал, как от волнующих мыслей, которые овладевали им в течение всего этого дня, у него повышается давление. Посмотрев в окно, он постарался успокоиться и сосредоточиться на тексте недописанного произведения. Несколько минут ему не удавалось это сделать. Текст писался рвано, мысли внезапно обрывались. Но через некоторое время он все же вошел в привычное творческое русло. Дочь рядом сидела тихо, чтобы не мешать ему. В потаенный мир писателя время от времени врываются лишь возгласы рабочих и стук из-за стены. Прошло с полчаса спокойной сосредоточенной работы. Дописывая очередное предложение, вдруг почувствовал, что кружится голова, а тело начинает неметь. Рука остановилась на полуслове. С ужасом успел осознать, что почувствовал то же самое, что и ровно два года назад, когда его подкосил инсульт. С трудом поднявшись, подошел к дочери и попытался объяснить это, только язык его уже не слушался: «Уже ведь неплохо говорил, а теперь вот снова...» Ноги начали подкашиваться, и он стал оседать на пол. Перепуганные жена и дочь подхватили его и положили на постель. Знаком показал, чтобы ему дали бумагу и карандаш. На листке слабеющей рукой написал: «Зови людей». Дочь выбежала на улицу за помощью.

В течение следующих нескольких часов неумолимое время, казалось, текло очень медленно. Автомобиль, специально вызванный, чтобы поскорее отвезти родных писателя за лекарствами, долго задерживался. Купив необходимые медикаменты, дочь вынуждена была поспешно возвращаться пешком по пустынным улицам разрушенного города, захлебываясь холодным ноябрьским воздухом. В это время в квартире старый доктор хлопотал над Николаем Карловичем, который лежал без сознания. Через несколько часов доктор поднялся и развел руками: он сделал все, что было можно. «Будет видно, — сказал он, — но, честно говоря, шансов на выздоровление очень мало». Дочь, жена, сестры писателя в растерянности стояли и не знали, что делать.

...Этот день был абсолютно обычным для большинства жителей белорусской столицы, которая неуклонно, день за днем, восстанавливалась, словно птица феникс, возрождавшаяся из пепла. А в это время на одной из столичных улиц, словно свеча у холодного окна, затухала жизнь писателя, отдавшего все силы и жизнь на служение Родине и своему народу, однако даже в свой последний день продолжавшего страдать от черствости окружающего мира. Свои последние минуты Кузьма Чорный провел под неровный грохот: рабочие продолжали обустраивать соседнюю квартиру, и никакие мольбы родных писателя не сумели их остановить. Он лежал неподвижно, и было непонятно, слышит ли он этот стук, видит ли присутствующих, волнуется ли он. Неспособный уже произнести ни одного слова, он безмолвно погружался в вечный покой. Исповедь Кузьмы Чорного так и осталась незаконченной, прервавшись на молитве на последней странице дневника.

Через несколько часов отчаянной борьбы за жизнь сердце Николая Карловича Романовского остановилось. Писателя Кузьмы Чорного не стало. Рано окутала Минск холодная осенняя ночь.

Анастасія Бакунович

Анастасія Бакунович

Анастасия Бакунович (Ася Стрильжевская) родилась 10 мая 1996 года в городе Солигорске. В 2013 году окончила среднюю школу № 10. Сейчас обучается в Белорусском государственном технологическом университете на факультете приттехнологий и медиакоммуникаций (издательского дела и полиграфии) по специальности «Издательское дело».

Анастасія Бакуновіч (Ася Стрыльжэўская) нарадзілася 10 мая 1996 года ў горадзе Салігорску. У 2013 годзе скончыла сярэдняю школу № 10. Цяпер навучаецца ў Беларускаім дзяржаўным тэхналагічным універсітэце на факультэце прынттэхналогій і медыякамунікацый (выдавецкай справы і паліграфіі) па спецыяльнасці «Выдавецкая справа».

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

2005 г.

Бабушка привела Анюту на каток, когда ей было всего шесть лет. И вот сейчас, спустя два года, девчушка спокойно рассекает на залитом во дворе катке. С тех пор как Анята впервые встала на коньки, она будто бы нашла себя и поняла, что больше не может без этого жить, несмотря на то, что ей всего восемь лет. Эта смешная светловолосая девчушка по несколько часов проводит на морозе — так сильно она любит кататься.

На катке появилось несколько местных мальчишек с клюшками. Каждый день они играли в хоккей во дворе, и каждый день здесь повторялась одна и та же история. Все ребята, кто не играл вместе с ними в хоккей, знали: в это время там лучше не появляться. Но Анята всегда каталась именно в это время, за что мальчишки нещадно нападали на нее и каждый раз выгоняли девочку с катка. Анята сильно боялась их, но из-за своего упрямства все равно продолжала приходить. Мальчишки вывезли ворота из угла катка и разъехались по площадке, готовясь к игре. Никита, который был у них главным, окликнул Анюту:

— Эй, мелкая! Давай иди отсюда!

От его голоса девочка вздрогнула, но продолжила спокойно ехать дальше.

— Малая, ты что оглохла, что ли? — вновь раздался голос Никиты.

Многие из этих мальчишек были ровесниками Анюты, но Никита и его лучший друг Миша были на год старше. Наверное, поэтому их все слушались и боялись. Никита снял шапку и положил ее в карман. Он всегда так делал перед началом игры. Мальчик провел рукой по своим темным коротко стриженным волосам и направился к Аняте.

БЕЛЫ ЛЕБЕДЗЬ

2005 г.

Бабуля прывяла Анюту на каток, калі ёй было ўсяго шэсць гадоў. І вось цяпер, праз два гады, дзяўчынка спакойна рассякае на залітым у двары катку. З тых часоў як Анюта ўпершыню ўстала на канькі, яна быццам бы знайшла сябе і зразумела, што больш не можа без гэтага жыць, нягледзячы на тое, што ёй усяго восем гадоў. Гэта смешная светлаваласая дзяўчынка па некалькі гадзін праводзіць на марозе – так моцна яна любіць катацца.

На катку з'явілася некалькі мясцовых хлапчукоў з клюшкамі. Кожны дзень яны гулялі ў хакей у двары, і кожны дзень тут паўтаралася адна і тая ж гісторыя. Усе дзеці, хто не гуляў разам з імі ў хакей, ведалі: у гэты час там лепш не паяўляцца. Але Анюта заўсёды каталася менавіта ў той час, за што хлапчукі бязлітасна нападалі на яе і кожны раз выганялі дзяўчынку з катка. Анюта моцна баялася іх, але з-за сваёй упартасці ўсё роўна працягвала прыходзіць.

Хлопчыкі вывезлі вароты з кута катка і раз'ехаліся па пляцоўцы, рыхтуючыся да гульні. Мікіта, які быў у іх галоўным, крыкнуў Анюце:

– Гэй, малая! Давай ідзі адсюль!

Ад яго голасу дзяўчынка здрыганулася, але працягнула спакойна ехаць далей.

– Малая, ты аглухла, ці што? – ізноў раздаўся голас Мікіты.

Многія з гэтых хлапчукоў былі аднагодкамі Анюты, але Мікіта і яго лепшы сябар Міша былі на год старэйшымі. Напэўна, таму іх усё слухаліся і баяліся. Мікіта зняў шапку і паклаў яе ў кішэню. Ён заўсёды так рабіў перад пачаткам гульні. Хлопчык правёў рукой па сваіх цёмных коратка стрыжаных валасах і накіраваўся да Анюты.

— Я к кому обращаюсь? Малая, ты меня слышишь вообще? — Никита резко дернул девочку за рукав.

От неожиданности Аня чуть не упала, но все-таки смогла устоять на ногах.

— Иди отсюда! — снова крикнул он.

Аня вскинула голову и посмотрела в голубые глаза Никиты, который был выше ее почти на голову. Девочка резко выпалила:

— Нет! Это не только ваш каток! Его сделали для всех!

Мальчики, стоявшие за спиной Никиты, начали смеяться.

— Тихо там! — прикрикнул он на них и снова посмотрел на Аню. — Ты еще спорить со мной будешь, мелочь пузатая?

— Да, буду! Я тоже хочу кататься!

К катку начали подтягиваться девочки, игравшие неподалеку, чтобы посмотреть на перепалку Никиты и Ани.

В это время Аня объехала его и продолжила свой путь, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Это разозлило Никиту, и он опять схватил ее за руку.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Этот каток для тех, кто играет в хоккей! Девчонкам место за бортом! Это понятно?

Аня гневно посмотрела на него, выдернула свою руку и начала разгоняться. Никита последовал за ней.

— Никит, может ну ее? Пусть катается себе за воротами, — окликнул лучшего друга Миша.

Никита лишь гневно отмахнулся и начал обгонять девочку. Он остановился прямо перед ней, преграждая ей путь. Аня резко затормозила и чуть не упала. Никита гневно наступал на девочку со словами:

— Еще раз увижу тебя здесь — не поздоровится! — и изо всех сил пихнул ее.

– Я да каго звяртаюся? Малая, ты мяне наогул чуеш? – Мікіта рэзка тузануў дзяўчынку за рукаў.

Ад нечаканасці Анюта ледзь не ўпала, але ўсё-такі змагла ўстаяць на нагах.

– Ідзі адсюль! – ізноў крыкнуў ён.

Анюта ўскінула галаву і паглядзела ў блакітныя вочы Мікіты, які быў вышэй за яе амаль на галаву. Дзяўчынка рэзка выпаліла:

– Не! Гэта не толькі ваш каток! Яго зрабілі для ўсіх!

Хлопчыкі, якія стаялі за спінай Мікіты, пачалі смяяцца.

– Ціха там! – прыкрыкнуў ён на іх і зноў паглядзеў на Анюту. – Ты яшчэ спрачацца са мной будзеш, дробязь пузатая?

– Так, буду! Я таксама хачу катацца!

Да катка пачалі падцягвацца дзяўчынкі, якія гулялі непадалёк, каб паглядзець на сварку Мікіты і Ані.

Тым часам Анюта аб'ехала яго і працягнула свой шлях, усім сваім выглядам паказваючы, што гутарка скончана. Гэта разлавала Мікіту, і ён ізноў схваціў яе за руку.

– Глядзі на мяне, калі я з табой размаўляю! Гэты каток для тых, хто гуляе ў хакей! Дзяўчынкам месца за бортам! Гэта зразумела?

Анюта гнеўна паглядзела на яго, вырвала сваю руку і пачала разганяцца. Мікіта рушыў услед за ёй.

– Мікіт, можа ну яе? Хай катаецца сабе за варотамі, – паклікаў лепшага сябра Міша.

Мікіта толькі гнеўна адмахнуўся і пачаў абганяць дзяўчынку. Ён спыніўся прама перад ёй, заступаючы ёй шлях. Анюта рэзка затармазіла і ледзь не павалілася. Мікіта гнеўна наступаў на дзяўчынку са словамі:

– Яшчэ раз убачу цябе тут – не паздаровіцца! – і з усёй сілы пхнуў яе.

Анюта упала на лед, сильно ударившись рукой. Мальчики, которые были на площадке, и девочки, стоявшие возле катка, засмеялись. На глазах девочки выступили слезы. Никита зло ухмыльнулся, наклонился над ней и спросил:

— Ты меня поняла?

Анюта тихо встала и, прижимая руку к телу, направилась к выходу. Никита посмотрел на то место, куда упала Анюта, и увидел маленькую фигурку белого лебедя.

— Может, зря ты с ней так? Пойдет сейчас родителям расскажет. Меня мама потом вообще на каток пускать не будет, — Никита услышал позади голос Миши.

— Не расскажет, — Никита наклонился, взял фигурку, подбросил ее и положил в карман. — Давайте играть.

* * *

Несколько дней спустя

Вот уже несколько дней Анюта не появлялась на катке: обида на Никиту была еще сильна, да и сломанная рука не дала бы девочке свободно кататься. Она почти не выходила из дома, поэтому никто во дворе и подумать не мог, что травма после падения на катке была серьезной.

Теперь лед принадлежал мальчишкам. Игра полностью увлекала их. Все, кроме Никиты отдавались ей без остатка, забыв о происшествии с Анютой. Он же испытывал чувство вины.

Игра продолжалась уже больше часа, но Никита постоянно отвлекался и не мог сосредоточиться: поглядывал на подъезд, в котором жила Анюта, ожидая, что она вот-вот выйдет с коньками и снова начнет кататься, как прежде, но этого не происходило.

— По Аньке скучаешь, что ли? — шутя спросил Миша.

— Ничего я не скучаю, — стушевался Никита. — Ты что, совсем уже, что ли?

Анюта павалілася на лёд, моцна стукнуўшыся рукой. Хлопчыкі, якія былі на пляцоўцы, і дзяўчынкі, якія стаялі каля катка, засмяліся. У дзяўчынкі на вачах выступілі слёзы. Мікіта злосна ўхмыльнуўся, нахіліўся над ёй і спытаў:

– Ты мяне зразумела?

Анюта ціха ўстала і, прыціскаючы руку да цела, накіравалася да выхаду. Мікіта паглядзеў на тое месца, куды ўпала Анюта, і ўбачыў маленькую фігурку беллага лебедзя.

– Мож, дарма ты з ёй так? Пойдзе цяпер бацькам раскажа. Мяне мама потым наогул на каток пускаць не будзе, – Мікіта пачуў ззаду голас Мішы.

– Не раскажа, – Мікіта нахіліўся, узяў фігурку, падкінуў яе і паклаў у кішэню. – Давайце гуляць.

* * *

Праз некалькі дзён

Вось ужо некалькі дзён Анюта не паяўлялася на катку: крыўда на Мікіту была яшчэ моцная, ды і зламаная рука не дала б дзяўчынцы свабодна катацца. Яна амаль не выходзіла з дому, таму ніхто ў двары і падумаць не мог, што траўма пасля падзення на катку была сур'ёзнай.

Цяпер лёд належаў хлапчукам. Гульня цалкам захапіла іх. Усе, акрамя Мікіты, аддаваліся ёй без астатку, забыўшыся пра здарэнне з Анютай. Ён жа адчуваў пачуццё віны.

Гульня працягвалася ўжо больш за гадзіну, але Мікіта не мог засяродзіцца: паглядваў на пад'езд, у якім жыла Анюта, чакаючы, што яна вось-вось выйдзе з канькамі і зноў пачне катацца, як раней, але гэтага не адбывалася.

– Па Аньцы сумуеш, ці што? – жартуючы, спытаў Міша.

– Нічога я не сумую, – ступаваўся Мікіта. – Ты што, зусім ужо, ці што?

— Тогда перестань отвлекаться, а то игра без капитана совсем не клеится. Никита молча кивнул и погрузился в игру. Но стоило мальчику войти во вкус, как Миша крикнул:

— Смотри, а у Аньки-то рука сломана! — и кивнул в сторону Аниного подъезда. Ребята прекратили игру и ошарашенно уставились на девочку. Никита тоже решил посмотреть и обернулся: рука у Ани действительно была в гипсе.

Анюта вышла из подъезда и, не глядя на каток, села в машину. Следом появились ее родители с сумками и чемоданами и бабушка с небольшой коробкой игрушек.

— Куда это они? — как можно небрежнее спросил Никита.

— Моя бабушка сказала, что Фролочкины переезжают, — проинформировал друга Миша.

— Куда?

— В новый район на другом конце города. Так, по крайней мере, Анина бабушка моей сказала.

Загрузив вещи, Анины родители по очереди обняли бабушку и сели в машину. Анюта все это время сидела внутри и смотрела на ребят, играющих на катке. Не сдержав слез, она тихонько заплакала.

Машина выехала со двора. Мальчики на катке молча смотрели ей вслед. Никита засунул руку в карман и крепко сжал маленькую фигурку белого лебедя.

* * *

Прошло десять лет

Никита с Мишей возвращались домой с тренировки, когда вдруг увидели во дворе незнакомую светловолосую девушку. Она шла им навстречу и не мигая смо-

– Тады перастань лавіць варон, а то гульня без капітана зусім не клеіцца.
Мікіта моўчкі кіўнуў засяродзіўся на гульні. Але толькі хлопчык спазнаў смак, як Міша крыкнуў:

– Глядзі, а ў Анькі рука зламана! – і кіўнуў у бок Анінага пад’езда.

Дзеці спынілі гульні і ашаломлена ўтаропіліся на дзяўчынку. Мікіта таксама вырашыў паглядзець і павярнуўся: рука ў Ані сапраўды была ў гіпсе.

Анжота выйшла з пад’езда і, не глядзячы на каток, села ў машыну. Следам з’явіліся яе бацькі з сумкамі і валізамі і бабуля з невялікай скрынкай цацак.

– Куды гэта яны? – нібыта абьякава спытаў Мікіта.

– Мая бабуля сказала, што Фролачкіны пераязджаюць, – праінфармаваў сябра Міша.

– Куды?

– У новы раён на іншым канцы горада. Так, прынамсі, Аніна бабуля маёй сказала.

Загрузіўшы рэчы, Аніны бацькі па чарзе абнялі бабулю і селі ў машыну. Анжота ўвесь гэты час сядзела ўсярэдзіне і глядзела на дзяцей, якія гулялі на катку. Не стрымаўшы слёз, яна ціха заплакала.

Машына выехала з двара. Хлопчыкі на катку моўчкі глядзелі ёй услед. Мікіта засунуў руку ў кішэню і моцна сціснуў маленькую фігурку беллага лебедзя.

* * *

Прайшло дзесяць гадоў

Мікіта з Мішам вярталіся дахаты з трэніроўкі, калі раптам убачылі ў двары незнаёмую светлавалосую дзяўчыну. Яна ішла ім насустрач і не міргаючы глядзела прама на іх. Мікіта таксама паглядзеў на яе: яе бурштынавыя вочы падаліся яму знаёмымі.

трела прямо на них. Никита тоже посмотрел на нее: ее янтарные глаза показались ему знакомыми.

— Кто это? — удивленно спросил он у друга. — Я ее раньше здесь не видел.

— Не знаю. Вроде как из моего подъезда вышла, — недоуменно пожал плечами Миша. — Надо будет у бабули спросить.

* * *

Тем же вечером

В доме Никиты раздался телефонный звонок. Парень медленно подошел к телефону и снял трубку.

— Алло!

— Ты где был? Мне уже ждать тебя надоело, — это был Миша.

— Чего тебе?

— Короче, я все узнал. Помнишь эту девчонку со двора, которую мы сегодня встретили?

— Ну.

— Прикинь, это Анька Фролочкина на каникулы к бабушке своей приехала.

— Да ну? Ты пошутил сейчас, что ли?

— Нет, конечно. Я тебе серьезно говорю.

— Та Аня, которая из-за меня руку сломала? — Никита понизил голос.

— Ну. Я-то думаю, лицо знакомое... Алло! Ты тут? — голос Миши прервал мысли Никиты.

— Да, тут. Давай я тебе потом перезвоню. Мне надо идти, — с этими словами Никита положил трубку.

– Хто гэта? – здзіўлена спытаў ён у сябра. – Я яе раней тут не бачыў.
– Не ведаю. Быццам з майго пад’езда выйшла, – здзіўлена паціснуў плячыма Міша. –
Трэба будзе ў бабулі спытаць.

* * *

Тым жа вечарам

Дома ў Мікіты раздаўся тэлефонны званок. Хлопец павольна падышоў да тэлефона і зняў трубку.

– Алё!

– Ты дзе быў? Мне ўжо надакучыла чакаць цябе, – гэта быў Міша.

– Чаго табе?

– Карацей, я пра ўсё дазнаўся. Памятаеш гэту дзяўчынку з двара, якую мы сёння сустрэлі?

– Ну.

– Прыкінь, гэта Анька Фролачкіна на канікулы да бабулі сваёй прыехала.

– Ды ну? Ты пажартаваў зараз, ці што?

– Не, вядома. Я табе сур’ёзна кажу.

– Тая Аня, якая з-за мяне руку зламала? – Мікіта панізіў голас.

– Ну. А то я думаю: твар знаёмы... Алё? Ты тут? – голас Мішы перапыніў думкі Мікіты.

– Так, тут. Давай я табе потым патэлефаную. Мне трэба ісці, – з гэтымі словамі Мікіта паклаў трубку.

Никита выдвинул ящик стола и, достав маленькую фигурку белого лебедя, которая лежала там с того самого дня, как Аня уехала, стал задумчиво рассматривать ее.

Теперь он понял, почему эти янтарные глаза показались ему такими знакомыми. Это были глаза Ани, единственной девочки со всего двора, которая всегда смотрела на него без страха, а скорее с упреком. И сейчас, после встречи с ней, где-то глубоко внутри пробудилось то самое чувство вины из-за того случая на катке. Воспоминания резко вспыхнули у него в голове, и от неожиданности у парня даже подкосились ноги.

Никита сидел на кровати и крутил в руках белого лебедя. Все эти годы эта маленькая фигурка напоминала ему о том жестоком мальчишке, который постоянно обижал детей, часто даже младше себя, и постоянно подталкивала его меняться. Он крепко сжал лебедя и твердо решил извиниться перед Аней.

* * *

Никита нервно посматривал на часы: Миша опаздывал. Наконец друг вышел из подъезда. Никита сразу же налетел на него:

— Ты где был? До тренировки осталось полчаса! Тренер убьет нас, если мы опоздаем!

— Да тише ты! Я Аню в подъезде встретил, вот и разговорились.

Никита укоризненно посмотрел на него.

— В общем, она занимается фигурным катанием, правда, в другом ледовом.

Никита вспомнил, как маленькая Анюта постоянно путалась под ногами.

— Ты меня слушаешь вообще? — прервал его мысли друг.

Никита утвердительно кивнул.

Мікіта выцягнуў шуфляду і, дастаўшы маленькую фігурку беллага лебедзя, якая ляжала там з таго самага дня, як Аня з'ехала, стаў задуменна разглядваць яе.

Зараз ён зразумеў, чаму гэтыя бурштывавыя вочы падаліся яму такімі знаёмымі. Гэта былі вочы Ані, адзінай дзяўчынкі з усяго двара, якая заўсёды глядзела на яго без страху, а хутчэй з папрокам. І цяпер, пасля сустрэчы з ёй, дзесьці глыбока ўнутры абудзілася тое самае пачуццё віны з-за таго выпадку на катку. Успаміны рэзка ўспыхнулі ў яго галаве, і ад нечаканасці ў хлопца нават падкасіліся ногі.

Мікіта сядзеў на ложку і круціў у руках беллага лебедзя. Усе гэтыя гады гэта маленькая фігурка нагадвала яму пра таго жорсткага хлопчыка, які ўвесь час крыўдзіў дзяцей, часта нават малодшых за сябе, і пастаянна падштурхоўвала яго змяняцца.

Ён моцна спіснуў лебедзя і цвёрда вырашыў папрасіць у Ані прабачэння.

* * *

Мікіта нервова пазіраў на гадзіннік: Міша спазняўся. Нарэшце сябар выйшаў з пад'езда.

Мікіта адразу ж наляцеў на яго:

– Ты дзе быў? Да трэніроўкі засталася паўгадзіны! Трэнер заб'е нас, калі мы спознімся!

– Ды цішэй ты! Я Аню ў пад'ездзе сустрэў, вось і разгаварыліся.

Мікіта з дакорам паглядзеў на яго.

– Карацей, яна займаецца фігурным катаннем, праўда, у іншым лядовым.

Мікіта ўспомніў, як маленькая Анюта ўвесь час таўклася пад нагамі.

– Ты мяне слухаеш наогул? – перапыніў яго думкі сябар.

Мікіта спярджальна кінуў.

— Короче, мы поболтали, и я пригласил ее погулять, — продолжал трещать Миша. — Она согласилась, — парень растянулся в улыбке. — Как ты на это смотришь?

— А как должен?

— Ну, я надеюсь, положительно.

— Я рад за тебя, — после недолгой паузы сказал Никита.

— Как думаешь, куда лучше сходить? В кафе? Или на каток?

— Не знаю.

— Да ладно тебе. Что, тебе сложно помочь другу, что ли? Куда ты Ритку свою на первое свидание водил?

— Да что ты пристал ко мне? Веди ее куда хочешь! — вспыхнул Никита.

— Чего ты психуешь?

— Я не психую.

— Ой, можно подумать, я тебя не знаю. Чего завелся-то?

— Ничего я не завелся, — пробурчал Никита.

Мальчики подошли к ледовому дворцу.

— А вон и Ритка твоя, — Миша кивнул в сторону рыжеволосой девушки с серыми глазами.

— Привет! — девушка подошла к ним.

Парни поздоровались в ответ.

— Кафе или каток? — все же решил уточнить Миша.

— Кафе, кафе, — быстро ответил Никита.

— Что? — не расслышала Рита.

— Ничего, — Никита поцеловал ее.

- Карацей, мы пагаварылі, і я запрасіў яе пагуляць, – працягваў тарахцець Міша. – Яна згадзілася, – хлопец расцягнуўся ва ўсмяшцы. – Як ты на гэта глядзіш?
- А як павінен?
- Ну, я спадзяюся, станоўча.
- Я рады за цябе, – пасля нядоўгай паўзы сказаў Мікіта.
- Як думаеш, куды лепш схадзіць? У кафэ? Ці на каток?
- Не ведаю.
- Ды ладна. Што, табе цяжка дапамагчы сябру, ці што? Куды ты Рытку сваю на першае спатканне вадзіў?
- Што ты прыстаў да мяне? Вядзі яе куды хочаш! – ускіпеў Мікіта.
- Чаго ты псіхуеш?
- Я не псіхую.
- Ой, можна падумаць, я цябе не ведаю. Чаго завёўся?
- Нічога я не завёўся, – прабурчаў Мікіта.
- Хлопчыкі падышлі да лядовага палаца.
- А вунь і Рытка твая, – Міша кіўнуў у бок рыжавалосай дзяўчыны з шэрымі вачыма.
- Прывітанне! – дзяўчына падышла да іх.
- Хлопцы прывіталіся ў адказ.
- Кафэ ці каток? – усё ж вырашыў удакладніць Міша.
- Кафэ, кафэ, – хутка адказаў Мікіта.
- Што? – не пачула Рыта.
- Нічога, – Мікіта пацалаваў яе.

* * *

В городе уже давно стемнело. Под светом старых фонарей Никита деревянной лопатой расчищал самодельный каток во дворе. Он быстро ездил туда-сюда, разбрасывая снег в разные стороны.

Аня тихо подошла к катку и остановилась около бортика. Никита вскользь посмотрел на нее и продолжил свою работу.

— Так и будем в молчанку играть? — с улыбкой спросила она у Никиты.

С тех пор как она начала встречаться с Мишей, он стал избегать ее. Это не могли не заметить как его лучший друг, так и Аня. Каждый раз, когда они пересекались во дворе (а это бывало несколько раз в день), Никита молча проходил мимо или делал вид, что не замечает ее.

— Может, хотя бы поздороваяешься? — продолжила Аня.

— Привет, — немного помедлив, ответил Никита.

— Здравствуй, — Аня снова улыбнулась.

Наступила неловкая пауза. Они оба молчали, не зная, что сказать друг другу.

— Миша говорил, что вы сами каток заливали, — наконец начала разговор Аня.

— Ну да. Из-за ледовых все совсем забыли про катки во дворах. А малым тоже хочется где-то кататься, вот мы и занялись этим.

— Правильно, пусть у детей будет нормальное детство, как у нас, — Аня неловко улыбнулась: видимо, вспомнила, как последний раз каталась на этом катке.

— Ты это... Извини меня, — Никита нерешительно посмотрел на нее.

— За что? — недоуменно спросила Аня.

— Ну, ты ведь тогда из-за меня руку сломала.

— Ах, это! Да брось, Никита, я уже давно забыла об этом.

— Правда?

— Ну, конечно! Ну что — мир? — Аня протянула ему руку.

* * *

У горадзе ўжо даўно сцямнела. Пад святлом старых ліхтароў Мікіта драўлянай лапатай расчышчаў самаробны каток у двары. Ён хутка ездзіў сюды-туды, раскідваючы снег у розныя бакі.

Аня ціха падышла да катка і спынілася каля борціка. Мікіта мімаходзь паглядзеў на яе і працягнуў сваю працу.

– Так і будзем у маўчанку гуляць? – з усмешкай спытала яна ў Мікіты.

З таго часу, як яна пачала сустракацца з Мішам, ён пачаў пазбягаць яе. Гэта не магло не заўважыць як яго лепшы сябар, так і Аня. Кожны раз, калі яны перасякаліся ў двары (а гэта было некалькі разоў на дзень), Мікіта моўчкі праходзіў міма ці рабіў выгляд, што не заўважае яе.

– Можа, хоць прывітаешся? – працягнула Аня.

– Прывітанне, – трохі памарудзіўшы, адказаў Мікіта.

– Здароў, – Аня зноў усміхнулася.

Наступіла няёмкая паўза. Яны абодва маўчалі, не ведаючы, што сказаць адно аднаму.

– Міша казаў, што вы самі каток залівалі, – нарэшце пачала гутарку Аня.

– Так. З-за лядовых усё зусім забыліся пра каткі ў дварах. А малым таксама хочацца дзесьці катацца, вось мы і заняліся гэтым.

– Правільна, хай у дзяцей будзе нармальнае дзяцінства, як у нас, – Аня ніякавата ўсміхнулася: мабыць, успомніла, як апошні раз каталася на гэтым катку.

– Ты гэта... Даруй мне, – Мікіта нерашуча паглядзеў на яе.

– Што? – здзіўлена спытала Аня.

– Ну, ты ж тады з-за мяне руку зламала.

– А, гэта! Ды кінь, Мікіта, я ўжо даўно забылася пра гэта.

— Мир, — Никита пожал ее руку и улыбнулся.
Парень засунул руку в карман и нащупал белого лебедя. Он хотел было отдать его Ане, но тут появился Миша.
— Привет! — он поцеловал Аню. — Прости, что задержался. В магазине очередь просто огромная была. Привет! — наконец обратил внимание на друга Миша и пожал ему руку.
Никита, оставив лебедя в кармане, молча поздоровался с Мишей.
— Я что, нарушил вашу идиллию? — шутливо спросил Миша.
— Да нет, — смущенно улыбнулась Аня.
— Точно? Ну, тогда сейчас продукты быстренько занесу, и пойдем.
— Подожди, я с тобой, — быстро сказала Аня.
Аня и Миша попрощались с Никитой, взялись за руки и направились к дому.

* * *

Никита и Рита сидели в кафе. Девушка в очередной раз отломала кусочек от торта Никиты и съела его. Никита рассмеялся и поцеловал ее. Рита посмотрела на него влюбленными глазами и хотела было тоже поцеловать его, но тут рядом с ними раздался знакомый голос:
— Какие люди! Ты мне не говорил, что вы тоже будете здесь, — это был Миша. Миша и Аня остановились у их стола. Увидев их вместе, Никита помрачнел. Парни поздоровались. Рита поцеловала Мишу в щеку и сказала:
— Может, сядете с нами? Заяц, ты ведь не против? — обратилась Рита к Никите. Никита хмуро посмотрел на Аню, но промолчал.
— Ну что, ты как? — спросил Миша у Ани.
— Я только за, — улыбнулась девушка.

– Праўда?

– Ну, вядома! Ну што, мір? – Аня працягнула яму руку.

– Мір, – Мікіта паціснуў яе руку і ўсміхнуўся.

Хлопец засунуў руку ў кішэню і намацаў белага лебедзя. Ён хацеў быў аддаць яго Ані, але тут з’явіўся Міша.

– Прывітанне! – ён пацалаваў Аню. – Прабач, што затрымаўся. У краме чарга проста вялізная была. Прывітанне! – нарэшце звярнуў увагу на сябра Міша і паціснуў яму руку.

Мікіта, пакінуўшы лебедзя ў кішэні, моўчкі прывітаўся з Мішам.

– Я што, парушыў вашу ідылію? – жартуючы, спытаў Міша.

– Ды не, – збянтэжана ўсміхнулася Аня.

– Сапраўды? Ну, тады цяпер прадукты хуценька занясу, і пойдзем.

– Пачакай, я з табой, – хутка сказала Аня.

Аня і Міша развіталіся з Мікітам, узяліся за рукі і накіраваліся да дома.

* * *

Мікіта і Рыга сядзелі ў кафэ. Дзяўчына ў чарговы раз адламала кавалачак ад торта Мікіты і з’ела яго. Мікіта засмяяўся і пацалаваў яе. Рыга паглядзела на яго закаханымі вачыма і хацела была таксама пацалаваць яго, але тут побач з імі раздаўся знаёмы голас:

– Якія людзі! Ты мне не казаў, што вы таксама будзеце тут, – гэта быў Міша.

Міша і Аня спыніліся каля іх стала. Ubачыўшы іх разам, Мікіта спахмурнеў. Хлопцы прывіталіся. Рыга пацалавала Мішу ў шчаку і сказала:

– Можа, сядзеце з намі? Заяц, ты ж не супраць? – звярнулася Рыга да Мікіты.

Мікіта хмурна паглядзеў на Аню, але прамаўчаў.

Миша помог Ане устроиться поудобнее за столиком и сел рядом.

— Миш, может, уже познакомишь меня со своей девушкой? — улыбнулась другу Рита.

— Ой, Рит, прости! Совсем забыл, что вы не знакомы. Это Аня. Ань, это Ритка, девушка вот этого хмурого парня.

Аня засмеялась.

— Очень приятно! — сказала Аня, обращаясь к Рите.

— Взаимно! — улыбнулась Рита и посмотрела на Никиту. — Зай, ты чего?

— Ничего. Appetit пропал, — сказал Никита, глядя на Аню и отодвигая тарелку с тортом подальше.

— Не обращай на него внимания, — обратилась Рита к Ане. — С ним такое бывает, — она перегнулась через стол и, покрутив пальцем у виска, шепотом сказала: — Он ведь хоккеист.

Аня рассмеялась. После недолгого молчания Рита решила узнать о новой знакомой побольше.

— Как вы познакомились? — начала расспросы Рита. — А то Никита ничего не хочет мне рассказывать, — сказала она, глядя на Мишу.

— А зачем мне лезть в чужие дела? Если Миша захочет, сам все расскажет, — пробурчал Никита.

— Кажется, заяц сегодня не в настроении, — просюсюкала Рита.

Миша рассмеялся и начал рассказывать:

— Аня когда-то жила в нашем дворе. Потом переехала, а на каникулы приехала к бабушке, которая живет в моем подъезде, — он улыбнулся и посмотрел на Аню.

— Значит, вы встречаетесь уже... — попыталась предположить Рита.

— Месяц, — закончила за нее Аня и положила Мише голову на плечо. — А вы? Как долго вы вместе? — Аня взглянула на Никиту.

— Два года. Да? — Рита вопросительно взглянула на Никиту.

- Ну што, ты як? – спытаў Міша ў Ані.
– Я толькі за, – усміхнулася дзяўчына.
Міша дапамог Ані ўладкавацца ямчэй за столікам і сеў побач.
– Міш, можа, ужо пазнаёміш мяне са сваёй дзяўчынай? – усміхнулася сябру Рыта.
– Ой, Рыт, прабач! Зусім забыўся, што вы не знаёмыя. Гэта Аня. Ань, гэта Рытка, дзяўчына вось гэтага хмурнага хлопца.
Аня засмяялася.
– Вельмі прыемна! – сказала Аня, звяртаючыся да Рыты.
– Узаемна! – усміхнулася Рыта і паглядзела на Мікіту. – Зай, ты чаго?
– Нічога. Апетыт знік, – сказаў Мікіта, гледзячы на Аню і адсоўваючы талерку з тортам далей.
– Не звяртай на яго ўвагі, – звярнулася Рыта да Ані. – З ім такое бывае, – яна нахілілася праз стол і, пакруціўшы пальцам ля скроні, шэптам сказала: – Ён жа хакеіст.
Аня засмяялася. Пасля нядоўгага маўчання Рыта вырашыла дазнацца пра новую знаёмую больш.
– Як вы пазнаёміліся? – пачала распыты Рыта. – А то Мікіта нічога не хоча мне раскаваць, – сказала яна, гледзячы на Мішу.
– А навошта мне лезці ў чужыя справы? Калі Міша захоча, сам усё раскажа, – прабурчаў Мікіта.
– Здаецца, заяц сёння не ў настроі, – прасюсюкала Рыта.
Міша засмяяўся і пачаў распавядаць:
– Аня калісьці жыла ў нашым двары. Потым пераехала, а на канікулы прыехала да бабулі, якая жыве ў маім пад'ездзе, – ён усміхнуўся і паглядзеў на Аню.
– Значыць, вы сустракаецеся ўжо... – паспрабавала выказаць здагадку Рыта.

— Да, — пробурчал он.

Миша начал рассказывать анекдот, но тут у Риты зазвонил телефон. Она отошла, чтобы ответить.

— Родители попросили срочно приехать, — вернувшись, сказала она. — Не возражаете, если я вас оставлю?

— Да ну, мы же так хорошо сидели! — возмущенно сказал Миша.

Рита смущенно пожала плечами и спросила у Никиты:

— Зай, ты не обиделся?

— Нет, — все тем же недовольным голосом ответил он.

— У нас точно все нормально? — подозрительно посмотрела она на него.

— Да, — сказал Никита и поцеловал ее.

Аня смущенно опустила глаза.

— Ладно, ребятки, не скучайте. До встречи, — попрощалась со всеми Рита, поочередно чмокнув в щеку Мишу и Аню.

Рита ушла. Беседа совсем не клеилась. Посидев еще немного, ребята засобирались. Парни достали деньги, чтобы расплатиться. Миша посмотрел на какую-то бумажку у себя в руках и воскликнул:

— Вот черт! Я совсем забыл! Я же обещал забрать сегодня бабушкино платье из химчистки, — Миша торопливо взглянул на часы. — Еще могу успеть. Никита, сможешь провести Аню?

Никита еще ничего не успел ответить другу, как тот торопливо начал натягивать куртку со словами:

— Вот и отлично. Ты ведь не против? — спросил он Аню.

Аня согласилась.

— Я позвоню тебе завтра, — Миша поцеловал ее и повернулся к другу: — Спасибо, брат!

– Месяц, – скончыла за яе Аня і паклала Мішу галаву на плячо. – А вы? Як доўга вы разам? – Аня зірнула на Мікіту.
– Два гады. Так? – Рыта дапытліва зірнула на Мікіту.
– Так, – прабурчаў ён.
Міша пачаў расказваць анекдот, але тут у Рыты зазваніў тэлефон. Яна адышла, каб адказаць.
– Бацькі папрасілі тэрмінова прыехаць, – вярнуўшыся, сказала яна. – Не супраць, калі я вас пакіну?
– Ды ну, мы ж так добра сядзелі! – абурана сказаў Міша.
Рыта збянтэжана паціснула плячыма і спытала ў Мікіты:
– Зай, ты не пакрыўдзіўся?
– Не, – усё тым жа незадаволеным голасам адказаў ён.
– У нас сапраўды ўсё нармальна? – падазрона паглядзела яна на яго.
– Так, – сказаў Мікіта і пацалаваў яе.
Аня збянтэжана апусціла вочы.
– Добра, не сумуйце. Да сустрэчы, – развіталася з усімі Рыта, па чарзе цмокнуўшы ў шчаку Мішу і Аню.
Рыта сышла. Гутарка зусім не клеілася. Пасядзеўшы яшчэ трохі, усе пачалі збірацца. Хлопцы дасталі грошы, каб заплаціць. Міша паглядзеў на нейкую паперку ў сябе ў руках і выгукнуў:
– Вось чорт! Я зусім забыўся! Я ж абяцаў забраць сёння бабуліну сукенку з хімчысткі, – Міша таропка зірнуў на гадзіннік. – Яшчэ магу паспець. Мікіта, зможаш правесці Аню? Мікіта яшчэ нічога не паспеў адказаць сябру, як той паспешліва пачаў нацягваць куртку са словамі:
– Вось і выдатна. Ты ж не супраць? – спытаў ён Аню.

И умчался забирать бабушкино платье из химчистки, оставив Аню и Никиту наедине.

* * *

Они медленно брели в сторону Аниного дома. С тех пор как ушел Миша, они не сказали друг другу ни слова. Наконец Аня не выдержала и обратилась к Никите:

— Что-то произошло?

— Нет. С чего ты взяла?

— Просто ты молчишь весь вечер, вот я и подумала, что что-то случилось.

Никита молча сжал в кармане белого лебедя и посмотрел на нее. Заметив его взгляд, Ане снова пришлось заговорить с ним, нарушая вновь повисшую в воздухе тишину:

— Так ты капитан команды?

— Да.

— Я всегда знала, что ты будешь играть в хоккей, — смущенно сказала Аня.

Никита не знал, что ей ответить. Разговор совсем не клеился. Они опять молчали. И это его убивало. Он столько хотел сказать ей, но не мог выдать из себя ни слова. Наконец он нашелся:

— Миша говорил, что ты занимаешься фигурным катанием.

— Ну да. Я еще в шесть лет это решила, — немного помолчав, Аня спросила, хотя и знала ответ на свой вопрос: — Ты ведь вместе с Мишей в физкультурном учишься?

— Да. А ты?

— А я поступать только в этом году буду.

— И куда?

Аня пагадзілася.

– Я патэлефаную табе заўтра, – Міша пацалаваў яе і звярнуўся да сябра: – Дзякуй, брат! І памчаўся забіраць бабуліну сукенку з хімчысткі, пакінуўшы Аню і Мікіту сам-насам.

* * *

Яны павольна брылі ў бок Анінага дома. З таго часу як пайшоў Міша, яны не казалі адно аднаму ні слова. Нарэшце Аня не вытрымала і звярнулася да Мікіты:

– Штосьці здарылася?

– Не. З чаго ты ўзяла?

– Проста ты маўчыш увесь вечар, вось я і падумала, што штосьці здарылася.

Мікіта моўчкі сціснуў у кішэні беллага лебедзя і паглядзеў на яе. Заўважыўшы яго погляд, Ані прыйшлося загаварыць з ім, зноў парушаючы цішыню, якая павісла ў паветры:

– Дык ты капітан каманды?

– Так.

– Я заўсёды ведала, што ты будзеш гуляць у хакей, – збянтэжана сказала Аня.

Мікіта не ведаў, што ёй адказаць. Гутарка зусім не клсілася. Яны зноў маўчалі. І гэта яго забівала. Ён столькі хацеў сказаць ёй, але не мог выдушыць з сябе ні слова. Нарэшце ён знайшоўся:

– Міша казаў, што ты займаешся фігурным катаннем.

– Ну, так. Я яшчэ ў шэсць гадоў гэта вырашыла, – трохі памаўчаўшы, Аня спытала, хоць і ведала адказ на сваё пытанне: – Ты ж разам з Мішам у фізкультурным вучышся?

– Так. А ты?

– А я паступаць толькі сёлета буду.

— Не знаю. Тоже думала насчет физкультурного, но пока не решила еще. Вдруг Никита почувствовал удар в спину снежком. Он обернулся и увидел убегающего мальчика. Аня засмеялась. Никита попытался отряхнуться, но ничего не вышло. От этого Аня засмеялась еще громче.

— Давай помогу! — сквозь смех сказала она.

Аня начала отряхивать его. Когда дело было сделано, Никита серьезно посмотрел на нее и сказал:

— Спасибо.

Они стояли и молча смотрели друг другу в глаза. Вдруг они засмеялись. Они смеялись так сильно, что у Ани даже полились слезы из глаз.

Наконец они успокоились. Но этот случай настолько развеселил их, что они уже не могли сдержать улыбок. Сам того не ведая, этот маленький мальчик помог разрядить атмосферу между ними. Теперь они могли общаться спокойно и без смущения.

— А помнишь, как у нас во дворе... — начал Никита.

* * *

Уже стемнело и пошел снег. Аня стояла во дворе и ждала Мишу, который пообещал быть через пару минут. Девушка водила носком сапога по снегу, полностью погружившись в собственные мысли. Вдруг над ухом раздалось:

— Бу!

Аня испуганно обернулась и увидела улыбающегося Никиту.

— Никита! Ты напугал меня! — со злостью сказала она, хотя эта злость была скорее наигранная, и легонько ударила Никиту по руке.

Аня полностью повернулась к Никите, чтобы поздороваться.

– І куды?

– Не ведаю. Таксама думала наконт фізкультурнага, але пакуль яшчэ не вырашыла. Раптам Мікіта адчуў удар у спіну снежкай. Ён павярнуўся і ўбачыў хлопчыка, які ўцякаў. Аня засмяялася. Мікіта паспрабаваў атрэсціся, але нічога не выйшла. Ад гэтага Аня засмяялася яшчэ мацней.

– Давай дапамагу! – праз смех сказала яна.

Аня пачала атрасаць яго. Калі справа была зроблена, Мікіта сур'ёзна паглядзеў на яе і сказаў:

– Дзякуй.

Яны стаялі і моўчкі глядзелі адно аднаму ў вочы. Раптам яны засмяліся. Яны смяліся так моцна, што ў Ані нават паліліся слёзы з вачэй.

Нарэшце яны супакоіліся. Але гэты выпадак так развесяліў іх, што яны ўжо не маглі стрымаць усмешак. Сам таго не ведаючы, гэты маленькі хлопчык дапамог разрадзіць атмасферу паміж імі. Зараз яны маглі размаўляць спакойна і не бянтэжыліся.

– А памятаеш, як у нас у двары... – пачаў Мікіта.

* * *

Ужо сцімнела і пайшоў снег. Аня стаяла ў двары і чакала Мішу, які паабяцаў быць праз пару хвілін. Дзяўчына вадзіла наскон бота па снезе, цалкам пагрузіўшыся ва ўласныя думкі. Раптам над вухам раздалося:

– Бу!

Аня спалохана павярнулася і ўбачыла Мікіту, які ўсміхаўся.

— Как дела? — после приветствия спросил Никита.
— Хорошо. А ты как? Миша рассказал мне про вас с Ритой, — опустив голову, тихо сказала Аня.
— Да нормально все, — грустно улыбнулся Никита.
В воздухе повисла тишина. Когда она стала невыносимой, Аня наконец решилась задать ему волнующий ее вопрос:
— Почему вы расстались?
Смущенная улыбка окончательно сползла с лица Никиты. Он опустил голову и тихо-тихо сказал:
— На то были причины.
— Просто... Я не понимаю... Мне казалось, что у вас все хорошо.
— Да какая теперь уже разница? — начал заводиться Никита.
— Просто, если тебе нужно с кем-то поговорить, ты всегда можешь поговорить со мной.. или с Мишей, — после недолгого молчания добавила Аня.
— Тут не о чем говорить! Мне нечего сказать ни тебе, ни Мише! Все, что вам нужно знать, вы уже знаете!
— Никита, я ведь только хотела...
— Хватит! Тема закрыта!
— Но...
— Тебя это не касается! Ясно?!

На глазах у Ани выступили слезы.
— Прекрасно! — крикнула она.
В этот момент Никита снова увидел в ней ту маленькую девочку, которую постоянно задирал на катке. Она, как прежде, злилась на него, и ее глаза снова стали пустыми, как тогда, в их последнюю встречу на катке.
Аня развернулась и направилась к Мишиному подъезду. Увидев, как сильно она обиделась, Никита схватил ее за руку.

– Мікіта! Ты напалохаў мяне! – са злосцю сказала яна, хоць гэта злосць была хутчэй найграная, і лёгенька стукнула Мікіту па руцэ.
Аня цалкам павярнулася да Мікіты, каб прывітацца.
– Як маешся? – пасля прывітання спытаў Мікіта ў Ані.
– Добра. А ты як? Міша раскажаў мне пра вас з Рытай, – апусціўшы галаву, ціха сказала Аня.
– Ды нармальна ўсё, – сумна ўсміхнуўся Мікіта.
У паветры павісла цішыня. Калі яна стала невыноснай, Аня нарэшце рапылася задаць яму хвалюючае яе пытанне:
– Чаму вы рассталіся?
Збянтэжаная ўсмешка канчаткова спаўзла з твару Мікіты. Ён апусціў галаву і ціха-ціха сказаў:
– На тое былі прычыны.
– Проста... Я не разумею... Мне здавалася, што ў вас усё добра.
– Ды якая зараз ужо розніца? – пачаў заводзіцца Мікіта.
– Проста, калі табе трэба з кімсьці пагаварыць, ты заўсёды можаш пагаварыць са мной... ці з Мішам, – пасля нядоўгага маўчання дадала Аня.
– Тут няма пра што казаць! Мне няма чаго казаць ні табе, ні Мішу! Усё, што вам трэба ведаць, вы ўжо ведаеце!
– Мікіта, я ж толькі хацела...
– Хопіць! Тэма закрыта!
– Але...
– Цябе гэта не датычыць! Зразумела?!
На вачах у Ані выступілі слёзы.
– Выдатна! – крыкнула яна.

— Аня, подожди!

Он развернул ее и посмотрел ей прямо в глаза. Ее глаза были наполнены слезами. Она снова была маленькой напуганной Анютой, а в ее глазах отражался тот, другой, жестокий Никита.

— Прости меня! — опустив голову, шепотом сказал Никита.

Аня смахнула слезы и заставила его посмотреть на себя.

— Я все понимаю.

Они стояли и молча смотрели друг другу в глаза. И тут произошло то, чего никак не ожидал Никита, и уж тем более Аня. Никита поцеловал ее. Этот поцелуй длился совсем недолго, но этого момента хватило, чтобы выразить все, что скопилось внутри.

— Какого черта! — раздался позади голос Миши.

Аня испуганно обернулась и увидела его. Никита виновато взглянул на друга и отошел от Ани.

— Миша, это не то, что ты подумал! — попытался оправдаться Никита.

— Да? И что же это, по-твоему? Дружеский поцелуй? Или, может быть, мой лучший друг решил всего лишь увести у меня девушку?

— Все не так, как тебе показалось, — попытался вновь успокоить друга Никита.

— Заткнись! — гневно крикнул Миша и ударил его.

Завязалась драка. Миша и Никита катались по снегу. Они дрались так, будто всю свою жизнь были не лучшими друзьями, а врагами. Аня испуганно смотрела на них и не могла произнести ни слова. Она стала оглядываться по сторонам в поисках помощи, но во дворе было пусто. Когда девушка увидела кровь на снегу, она заплакала и прошептала:

— Перестаньте!

Но они не слышали ее, а продолжали драться до тех пор, пока не выдохлись окончательно.

У гэты момант Мікіта зноў убачыў у ёй тую маленькую дзяўчынку, якую ўвесь час задзіраў на катку. Яна, як і раней, злавалася на яго, і яе вочы зноў сталі пустымі, як тады, падчас іх апошняй сустрэчы на катку.

Аня развярнула і накіравалася да Мішынага пад'езда. Убачыўшы, як моцна яна пакрыўдзілася, Мікіта схапіў яе за руку.

– Аня, пачакай!

Ён павярнуў яе і паглядзеў ёй прама ў вочы. Яе вочы былі напоўнены слязамі. Яна зноў была маленькай напалоханай Аніютай, а ў яе вачах адлюстроўваўся той, іншы, жорсткі Мікіта.

– Прабач мне! – апусціўшы галаву, шэптам сказаў Мікіта.

Аня змахнула слёзы і прымусіла яго паглядзець на сябе.

– Я ўсё разумею.

Яны стаялі і моўчкі глядзелі адно аднаму ў вочы. І тут здарылася тое, чаго ніяк не чакаў Мікіта, і ўжо тым больш Аня. Мікіта пацалаваў яе. Гэты пацалунак доўжыўся зусім нядоўга, але гэтага моманту хапіла, каб выказаць усё, што накіпілася ўнутры.

– Якога д'ябла! – раздаўся ззаду голас Мішы.

Аня спалохана абярнула і ўбачыла яго. Мікіта вінавата зірнуў на сябра і адышоў ад Ані.

– Міша, гэта не тое, што ты падумаў! – паспрабаваў апраўдацца Мікіта.

– Так? І што ж гэта, па-твойму? Сяброўскі пацалунак? Ці, можа быць, мой лепшы сябар вырашыў усяго толькі ўвесці ў мяне дзяўчыну?

– Усё не так, як табе падалося, – паспрабаваў ізноў супакоіць сябра Мікіта.

– Заткніся! – гнеўна крыкнуў Міша і стукнуў яго.

Завязалася бойка. Міша і Мікіта качаліся па снезе. Яны біліся так, быццам усё сваё жыццё былі не лепшымі сябрамі, а ворагамі. Аня спалохана глядзела на іх і не магла

Закончив драку, парни отодвинулись подальше друг от друга. У обоих на лицах была кровь. Аня переводила взгляд с одного на другого. У Никиты уже начал подпухать глаз, а из ранки над бровью сочилась кровь. Миша тихо вытирал кровь с разбитой губы.

— Давай помогу! — тихо сказала Аня, протягивая руку к Мише.

— Убирайся! — вскочил он на ноги. — Видеть тебя не хочу!

На глаза у Ани вновь навернулись слезы.

— Не говори с ней так! — вслед за другом вскочил Никита, сжимая руку в кулак и вновь замахиваясь на Мишу.

— Не надо! — тихо сказала Аня, опуская кулак Никиты. — Все хорошо. Он прав. Мне лучше уйти.

— Нет, это мне лучше уйти! Простите, что помешал! — с издевкой сказал Миша. Он развернулся и направился к своему подъезду. Никита виновато посмотрел на Аню. Девушка повернулась и пошла прочь со двора. Никита хотел было остановить ее, но вдруг передумал.

* * *

Аня уже больше часа мерзла около ледового, ожидая, когда закончится тренировка у Миши. Из дворца начали потихоньку выходить ребята с клюшками и большими сумками наперевес. Аня с надеждой смотрела на каждого выходящего, ожидая увидеть Мишу. Но его все не было. Наконец из дверей появились последние три парня. Один из них, заметив Аню, попрощался с товарищами и направился к ней. Это был Никита.

— Мишу ждешь? — обратился он к ней.

прамовіць ні слова. Яна пачала азірацца па баках у пошуках дапамогі, але ў двары было пуста. Калі дзяўчына ўбачыла кроў на снезе, яна заплакала і прашаптала:

– Перастаньце!

Але яны не чулі яе, а працягвалі біцца, пакуль не выдыхнуліся канчаткова.

Скончыўшы бойку, хлопцы адсунуліся далей адзін ад аднаго. У абодвух на тварах была кроў. Аня пераводзіла погляд з аднаго на другога. У Мікіты ўжо пачало падпухаць вока, а з ранкі над брывом сачылася кроў. Міша ціха выціраў кроў з разбітай губы.

– Давай дапамагу! – ціха сказала Аня, працягваючы руку да Мішы.

– Ідзі адсюль! – ускочыў ён на ногі. – Бачыць цябе не хачу!

На вочы ў Ані зноў навярнуліся слёзы.

– Не размаўляй з ёй так! – услед за сябрам ускочыў Мікіта, сціскаючы руку ў кулак і зноў замахваючыся на Мішу.

– Не трэба! – ціха сказала Аня, апускаючы кулак Мікіты. – Усё добра. Ён мае рацыю. Мне лепш пайсці.

– Не, гэта мне лепш пайсці. Прабачце, што перашкодзіў! – здэкліва сказаў Міша.

Ён павярнуўся і накіраваўся да свайго пад'езда. Мікіта вінавата паглядзеў на Аню. Дзяўчына павярнулася і накіравалася з двара. Мікіта хацеў быў спыніць яе, але раптам перадумаў.

* * *

Аня ўжо больш за гадзіну мерзла каля лядовага, чакаючы, калі скончыцца трэніроўка ў Мішы. З палаца пачалі паціху выходзіць хлопцы з кляшккамі і вялікімі сумкамі напярэс. Аня з надзеяй глядзела на кожнага, хто выходзіў, чакаючы ўбачыць Мішу.

Аня продолжала смотреть на дверь, делая вид, что не замечает его. Никита пожал плечами и отошел, чтобы не мешать ей. Аня осталась стоять дальше. Через несколько минут из-за ее спины вновь донесся голос Никиты:

— Он не придет.

Аня обернулась и вопросительно посмотрела на него.

— Он ушел из команды, — пояснил Никита. — А на парах садится подальше от меня.

— Мне нужно с ним поговорить, но на звонки он не отвечает, — с грустью пояснила Аня.

Увидев, как ей плохо без Миши, Никита помрачнел, а внутри у него будто что-то оборвалось.

Они медленно направились в сторону Мишиного двора. Молча шли рядом, понимая, что общаться нормально после того, что произошло, больше не могут.

— Уже поздно. Не думаю, что он пустит тебя, — вдруг нарушил тишину Никита. — Может тебя до дома проводить?

— Нет, спасибо. Я, пожалуй, попытаюсь поговорить с ним.

— Я уже столько раз пытался. Все бесполезно. Вместо этого он просто заявил тренеру, что больше не хочет играть со мной в одной команде.

Аня печально опустила голову, понимая, что поговорить сегодня с Мишей ей вряд ли удастся.

Всю оставшуюся дорогу до двора они не сказали друг другу ни слова. Когда Аня смотрела перед собой, Никита искоса поглядывал на нее. И наоборот, когда Никита делал вид, что смотрит в другую сторону, Аня смотрела на него.

Так играли в молчанку и переглядки до тех пор, пока не заметили во дворе небольшую толпу и машину скорой помощи около Мишиного подъезда. Они поспешили туда.

Але яго ўсё не было. Нарэшце з-за дзвярэй з’явіліся апошнія тры хлопцы. Адзін з іх, заўважыўшы Аню, развітаўся з таварышамі і накіраваўся да яе. Гэта быў Мікіта.

– Мішу чакаеш? – звярнуўся ён да яе.

Аня працягвала глядзець на дзверы, робячы выгляд, што не заўважае яго. Мікіта паціснуў плячыма і адышоў, каб не замінаць ёй. Аня засталася стаяць далей. Праз некалькі хвілін з-за яе спіны зноў данёсся голас Мікіты:

– Ён не прыйдзе.

Аня абярнулася і пыталына паглядзела на яго.

– Ён сышоў з каманды, – растлумачыў Мікіта. – А на парах садзіцца падалей ад мяне.

– Мне трэба з ім пагаварыць, але на званкі ён не адказвае, – з сумам растлумачыла Аня. Ubачыўшы, як ёй дрэнна без Мішы, Мікіта спахмурнеў, а ўнутры ў яго быццам штосьці абарвалася.

Яны павольна накіраваліся ў бок Мішынага двара. Моўчкі ішлі побач, разумеючы, што мець нармальныя адносіны пасля таго, што здарылася, больш не могуць.

– Ужо позна. Не думаю, што ён пусціць цябе, – раптам парушыў цішыню Мікіта. – Можа, цябе дадому правесці?

– Не, дзякуй. Я, мабыць, паспрабую пагаварыць з ім.

– Я ўжо столькі раз спрабаваў. Усё дарэмна. Замест гэтага ён проста заявіў трэнеру, што больш не хоча гуляць са мной у адной камандзе.

Аня сумна апусціла галаву, разумеючы, што пагаварыць сёння з Мішам у яе наўрад ці атрымаецца.

Усю астатнюю дарогу да двара яны не сказалі адно аднаму ні слова. Калі Аня глядзела перад сабой, Мікіта скоса паглядаў на яе. І наадварот, калі Мікіта рабіў выгляд, што глядзіць у іншы бок, Аня глядзела на яго.

Подойдя поближе и наконец разглядев, что происходит, Аня испуганно вскрикнула: из подъезда врачи вывозили ее бабушку.

— Бабуля! — крикнула она и попыталась пробиться через толпу.

Но Никита удержал ее.

— Они не дадут тебе подойти к ней, — тихо сказал он.

— Но это же моя бабушка! — тихо сказала Аня и заплакала.

Слезы текли по ее лицу. Аня больше не могла остановиться. Она выпустила наружу все, что нависло над ней за последние дни: проблемы с учебой, ситуация с Мишей и Никитой и, конечно же, бабушка.

Никита обнял ее, крепко прижал ее содрогающееся тело к себе и поцеловал в висок.

* * *

Больше часа Никита и Аня сидели около реанимации, ожидая врача. Аня время от времени начинала плакать, но каждый раз Никита не давал ей вновь докатиться до истерики. Он клал руку ей на плечо или просто брал за руку. Иногда он пытался поговорить с ней, сказать то, что сможет ее утешить, но Аня не слушала его. Говорить с ним она не хотела, а только молча смотрела на дверь реанимации.

Не зная, куда деть руки, Никита засунул их в карманы и вновь нащупал лебедя. За всей этой суетой он так и не смог вернуть ей его.

— Помнишь тот день, когда ты сломала руку?

Аня подняла голову и посмотрела на него. Она уже перестала плакать, но в ее глазах все еще стояли слезы.

Гэтак гулялі ў маўчанку і пераглядкі да таго часу, пакуль не заўважылі ў двары невялікі натоўп і машыну хуткай дапамогі каля Мішынага пад'езда. Яны паспяшаліся туды.

Падышоўшы бліжэй і нарэшце разгледзеўшы, што адбываецца, Аня спалохана ўскрыкнула: з пад'езда ўрачы вывозілі яе бабулю.

– Бабуля! – крыкнула яна і паспрабавала прабіцца праз натоўп.

Але Мікіта ўтрымаў яе.

– Яны не дадуць табе падысці да яе, – ціха сказаў ён.

– Але ж гэта мая бабуля! – ціха сказала Аня і заплакала.

Слёзы цяклі па яе твары. Аня больш не магла спыніцца. Яна выпусціла вонкі ўсё, што навісла над ёй за апошнія дні: праблемы з вучобай, сітуацыя з Мішам і Мікітам і, вядома ж, бабуля.

Мікіта абняў яе, моцна прыціснуў да сябе яе цела, якое скаланалася, і пацалаваў у скронь.

* * *

Больш за гадзіну Мікіта і Аня сядзелі каля рэанімацыі, чакаючы ўрача. Аня час ад часу пачынала плакаць, але кожны раз Мікіта не даваў ёй ізноў дакаціцца да істэрыкі. Ён клаў руку ёй на плячо ці проста браў за руку. Часам ён спрабаваў пагаварыць з ёй, сказаць тое, што змога яе суцешыць, але Аня не слухала яго. Размаўляць з ім яна не хацела, а толькі моўчкі глядзела на дзверы рэанімацыі.

Не ведаючы, куды дзець рукі, Мікіта засунуў іх у кішэні і зноў намацаў лебедзя. З-за ўсёй гэтай мітусні ён так і не змог вярнуць ёй яго.

– Памятаеш той дзень, калі ты зламала руку?

— Почему ты спрашиваешь? — впервые за все время, что они находились в больнице, заговорила она.

— Когда ты ушла, я нашел на катке вот это, — Никита достал из кармана лебедя и протянул ей.

Аня осторожно взяла фигурку и стала рассматривать ее. Столько лет прошло с тех пор, как она видела этого лебедя в последний раз, но даже сейчас она узнала бы его из тысячи.

Слезы скатились по ее щекам, и прерывающимся голосом Аня сказала:

— Бабушка подарила мне его в тот день, когда я впервые встала на коньки. Знаешь, это ведь она привела меня на каток первый раз, — от греющих душу воспоминаний сквозь слезы улыбнулась Аня. — Спасибо!

Никита ничего не смог сказать ей в ответ и просто ободряюще улыбнулся.

— Неужели ты все это время хранил его у себя? Почему?

— Наверное, в глубине души надеялся, что однажды смогу вернуть его тебе и извиниться.

— А я ведь так долго его искала и дома, и у бабушки. А он все это время был у тебя. Кто бы мог подумать! Спасибо тебе огромное! Ты даже не представляешь, что это значит для меня! — она обняла Никиту.

Аня положила лебедя в сумку и вдруг услышала, как в другом конце коридора кто-то окликнул ее. Это был Миша.

— Я приехал, как только узнал, — задыхаясь от бега, сказал он.

Аня обняла его.

— Спасибо, что ты здесь! — тихо сказала она.

Миша увидел Никиту и помрачнел.

— Наверное, мне лучше уйти, — засобиравшись он.

— Нет, Миша, стой! Дай мне все объяснить, — умоляющим взглядом посмотрела она на него.

Аня падняла галаву і паглядзела на яго. Яна ўжо перастала плакаць, але ў яе вачах усё яшчэ стаялі слёзы.

– Чаму ты пытаешся? – упершыню за ўвесь час, што яны знаходзіліся ў шпіталі, загаварыла яна.

– Калі ты пайшла, я знайшоў на катку вось гэта, – Мікіта дастаў з кішэні лебедзя і працягнуў ёй.

Аня асцярожна ўзяла фігурку і стала разглядаць яе. Столькі гадоў прайшло з тых часоў, як яна бачыла гэтага лебедзя ў апошні раз, але нават цяпер яна пазнала б яго з тысячы. Слёзы скаціліся па яе шчоках, і перарывістым голасам Аня сказала:

– Бабуля падарыла мне яго ў той дзень, калі я ўпершыню ўстала на канькі. Ведаеш, гэта ж яна прывяла мяне на каток першы раз, – праз слёзы ўсміхнулася Аня ад успамінаў, якія грэлі душу. – Дзякуй!

Мікіта нічога не змог сказаць ёй у адказ і проста падбадзёрваючы ўсміхнуўся.

– Няўжо ты ўвесь гэты час захоўваў яго ў сябе? Чаму?

– Напэўна, у глыбіні душы спадзяваўся, што аднойчы змагу вярнуць яго табе і папрасіць прабачэння.

– А я ж так доўга яго шукала і дома, і ў бабулі. А ён увесь гэты час быў у цябе. Хто б мог падумаць! Дзякуй табе вялікі! Ты нават не ўяўляеш, што гэта значыць для мяне! – яна абняла Мікіту.

Аня паклала лебедзя ў сумку і раптам пачула, як у другім канцы калідора хтосьці паклікаў яе. Гэта быў Міша.

– Я прыехаў, як толькі даведаўся, – задыхаючыся ад бегу, сказаў ён.

Аня абняла яго.

– Дзякуй, што ты тут! – ціха сказала яна.

Міша ўбачыў Мікіту і спахмурнеў.

— Что именно ты хочешь мне объяснить? Почему он здесь? Или почему вы вместе? Я и так это знаю. Всегда знал. Я всегда знал, что так будет, — тихо сказал Миша.

— О чем ты? Мы не встречаемся, если ты об этом, — попыталась оправдаться Аня.

— А стоило бы, — Миша развернулся, чтобы уйти.

— Ты ведь сам знаешь, что это было несерьезно, — сказал ему вслед Никита, вставая с места.

Миша остановился и обернулся. Посмотрел сначала на Никиту, потом на Аню.

— Мы ведь все понимаем, что как раньше уже не будет. Так к чему все эти разговоры? — хмуро сказал Миша.

— Почему? Мы ведь друзья. С самого детства, — начал убеждать его Никита. — Мы ведь столько всего пережили вместе. Неужели мы прекратим общаться из-за одной маленькой ошибки? Просто потому, что кто-то из нас оступился? Я уже извинился перед тобой, и не один раз. Я прошу у тебя прощения снова за то, что сделал. Но ты мне как брат. А брата я терять не хочу.

Аня с улыбкой посмотрела на Никиту. Она никак не ожидала услышать от него такие слова. Она так прониклась его речью, что на глазах у нее вновь выступили слезы.

Миша перевел взгляд на Аню. Он видел, как искренне говорит Никита, и в глубине души уже простил его, но оставался еще один вопрос, на который он просто обязан был узнать ответ:

— А мы? Что будет с нами? — обратился он к Ане.

— Я не знаю, — тихо сказала она и опустила голову.

— Неужели наши отношения для тебя ничего не значили?

Аня виновато посмотрела на него. Миша усмехнулся и засобирился уходить.

– Напэўна, мне лепш пайсці, – пачаў збірацца ён.
– Не, Міша, пастой. Дай мне ўсё растлумачыць, – умольна паглядзела яна на яго.
– Што менавіта ты хочаш мне растлумачыць? Чаму ён тут? Ці чаму вы разам? Я і так гэта ведаю. Заўсёды ведаў. Я заўсёды ведаў, што так будзе, – ціха сказаў Міша.
– Пра што ты? Мы не сустракаемся, калі ты пра гэта, – паспрабавала апраўдацца Аня.
– А трэба было б, – Міша развярнуўся, каб пайсці.
– Ты ж сам ведаеш, што гэта было несур’ёзна, – сказаў яму ўслед Мікіта, устаючы з месца.
Міша спыніўся і абярнуўся. Ён паглядзеў спачатку на Мікіту, а потым на Аню.
– Мы ж усе разумеем, што як раней ужо не будзе. Дык навошта ўсе гэтыя гутаркі? – хмурна сказаў Міша.
– Чаму? Мы ж сябры. З самага дзяцінства, – пачаў пераконваць яго Мікіта. – Мы ж столькі ўсяго перажылі разам. Няўжо мы перастанем сябраваць з-за адной маленькай памылкі? Проста таму, што хтосьці з нас спатыкнуўся? Я ўжо папрасіў у цябе прабачэння, і не адзін раз. Я прашу ў цябе прабачэння зноў за тое, што зрабіў. Але ты мне як брат. А брата я губляць не хачу.
Аня з усмешкай паглядзела на Мікіту. Яна ніяк не чакала пачуць ад яго такія словы. Яна так прасякнулася яго словамі, што на вачах у яе зноў выступілі слёзы.
Міша перавёў погляд на Аню. Ён бачыў, як пчыра кажа Мікіта, і ў глыбіні душы ўжо дараваў яму, але заставалася яшчэ адно пытанне, на якое ён проста абавязаны быў даведацца адказ:
– А мы? Што будзе з намі? – звярнуўся ён да Ані.
– Я не ведаю, – ціха сказала яна і апусціла галаву.
– Няўжо нашы адносіны для цябе нічога не значылі?
Аня вінавата паглядзела на яго. Міша ўсміхнуўся і памкнуўся ісці.

— Но мы ведь можем дружить, — вдруг сказала она. — А если не хочешь быть друзьями, тогда можем просто общаться, хотя бы иногда.

— Неужели вы оба думаете, что мы можем забыть все, что было, и стать друзьями? Ну, хорошо, ладно Никита. Я, как парень, его понимаю. На его месте я бы, наверное, тоже не устоял. Но ты... Как можно просто так взять и забыть все, что между нами было?

— Я не прошу забывать. То, что между нами было... Это было прекрасно. Но это было не всерьез. И ты сам знаешь это в глубине души.

— Ну, конечно! — саркастически усмехнулся Миша.

— Ты ведь не любишь меня. Мы оба это знаем. Эти отношения ни к чему не вели с самого начала.

— Возможно, ты и права, — вдруг сдался Миша, потупив взгляд.

— Ну что? Мир? Будем друзьями? — с надеждой посмотрела она на Мишу и протянула ему руку.

Миша посмотрел на ее руку.

— Друзья? — она протянула вторую руку Никите.

— Друзья! — Никита взял ее за руку.

Миша посмотрел на них. Аня все еще ждала ответа от него.

— Друзья! — наконец не выдержал Миша и взял ее за руку.

Аня улыбнулась и посмотрела сначала на Мишу, потом на Никиту.

Они разжали руки, и парни обнялись, будто бы и не было всего этого разговора.

Вдруг из-за дверей появился доктор. Ребята подлетели к нему.

— Как она? — сразу же спросила Аня.

— Простите, девушка, а вы кто?

— Я внучка Фролочкиной Алевтины Борисовны. Ее доставили пару часов назад.

Врач заглянул в свои записи.

– Але мы ж можам сябраваць, – раптам сказала яна. – А калі не хочаш быць сябрамі, тады можам проста мець зносіны, хоць калі-нікалі.

– Няўжо вы абодва думаеце, што мы можам забыць усё, што было, і стаць сябрамі? Ну ладна Мікіта. Я, як хлопец, яго разумею. На яго месцы я б, напэўна, таксама не ўстаяў. Але ты... Як можна проста так узяць і забыць усё, што паміж намі было?

– Я не прашу забываць. Тое, што паміж намі было... Гэта было цудоўна. Але гэта было не сур'ёзна. І ты сам ведаеш гэта ў глыбіні душы.

– Ну, вядома! – саркастычна ўсміхнуўся Міша.

– Ты ж не кахаеш мяне. Мы абодва гэта ведаем. Гэтыя адносіны ні да чаго не вялі з самага пачатку.

– Магчыма, ты і маеш рацыю, – раптам здаўся Міша, апусціўшы вочы.

– Ну што? Мір? Будзем сябрамі? – з надзеяй паглядзела яна на Мішу і працягнула яму руку.

Міша паглядзеў на яе руку.

– Сябры? – яна працягнула другую руку Мікіце.

– Сябры! – Мікіта ўзяў яе за руку.

Міша паглядзеў на іх. Аня ўсё яшчэ чакала адказу ад яго.

– Сябры! – нарэшце не вытрымаў Міша і ўзяў яе за руку.

Аня ўсміхнулася і паглядзела спачатку на Мішу, потым на Мікіту.

Яны разнялі рукі, і хлопцы абняліся, быццам бы і не было ўсёй гэтай гутаркі.

Раптам з-за дзвярэй з'явіўся доктар. Усе трое падляцелі да яго.

– Як яна? – адразу ж спытала Аня.

– Прабачце, дзяўчына, а вы хто?

– Я ўнучка Фролачкайнай Аляўціны Барысаўны. Яе даставілі пару гадзін таму.

Урач зірнуў у свае запісы.

— Да-да. К нам сегодня поступила такая. Не переживайте. С ней все в порядке. У нее был инсульт, но кризис миновал. Сейчас она отдыхает. Если все будет хорошо, то завтра мы переведем ее в обычную палату. Аня облегченно вздохнула и почувствовала руку на своем плече. Она повернула голову. Миша ободряюще улыбнулся ей.

* * *

На улице потеплело. В город постепенно приходила весна. Каток во дворе уже давно растаял, и в образовавшейся огромной луже плескались дети. Аня на время переехала к бабушке, чтобы заботиться о ней. За это время она очень сблизилась с Мишей и Никитой. Каждый вечер они собирались во дворе и ходили куда-нибудь. Поначалу было немного неловко, но Аня изо всех сил старалась все исправить. И, к счастью, ей это удалось. Через пару недель все уже забыли о том инциденте, и только Никита понимал, что ему очень трудно быть просто другом девушке, которая так неожиданно завладела его сердцем... Аня и Никита уговорили Мишу вернуться в команду. У хоккеистов уже заканчивался игровой сезон. А вот у Ани на носу были важные соревнования, и поддержка друзей была ей просто необходима.

* * *

— А сейчас на лед выходит Анна Фролочкина!
Парни сидели на трибуне и ожидали Аниного выхода. Было заметно, как они оба волнуются.

– Так-так. Да нас сёння паступіла такая. Не перажывайце. З ёй усё ў парадку. У яе быў інсульт, але крызіс мінуў. Цяпер яна адпачывае. Калі ўсё будзе добра, то заўтра мы перавядзём яе ў звычайную палату.

Аня з палёгкай уздыхнула і адчула руку на сваім плячы. Яна павярнула галаву. Міша падбадзёрваючы ўсміхнуўся ёй.

* * *

На вуліцы пацяплела. У горад паступова прыходзіла вясна. Каток у двары ўжо даўно растаў, і ў вялікай лужыне, якая засталася пасля яго, плёскаліся дзеці.

Аня на некаторы час пераехала да бабулі, каб клапаціцца пра яе. За гэты час яна вельмі зблізілася з Мішам і Мікітам. Кожны вечар яны збіраліся ў двары і хадзілі куды-небудзь. Спачатку было трохі няёмка, але Аня з усяе моцы імкнулася ўсё выправіць. І, на шчасце, у яе гэта атрымалася. Праз пару тыдняў усе ўжо забыліся пра гэты інцыдэнт, і толькі Мікіта разумеў, што яму вельмі цяжка быць проста сябрам для дзяўчыны, якая так нечакана завалодала яго сэрцам...

Аня і Мікіта ўгаварылі Мішу вярнуцца ў каманду. У хакеістаў ужо канчаўся ігравы сезон. А вось у Ані на носе былі важныя спаборніцтвы, і падтрымка хлопцаў была ёй проста неабходна.

* * *

– А зараз на лёд выходзіць Анна Фролачкіна!

Аня вышла на лед. На ней был красивый белый костюм, в котором она была похожа на прекрасного белого лебедя. Она посмотрела на трибуну и, увидев Мишу и Никиту, улыбнулась.

Как только Аня начала выступление, она еще больше стала похожа на птицу, которая парит в воздухе. Она скользила по льду, словно лебедь по водной глади. Внешне она была спокойной, но внутри у нее все трепетало.

Никита любовался ею и ее выступлением. Она была прекрасна как никогда. И все, что он мог чувствовать в этот момент, это дикое волнение, будто не Аня, а он сейчас был на льду.

Вдруг зазвонил телефон. Никита ответил. Вмиг его лицо изменилось и стало не просто обеспокоенным, а испуганным. Он подскочил с места и направился к выходу.

— Ты куда? — крикнул ему вслед Миша.

— Оставайся до конца! — только и смог ответить Никита и сразу же скрылся за железными дверями.

* * *

Аня прекрасно выступила и заняла первое место. Все зрители встали и аплодировали победителям.

Когда ее награждали медалью и вручали цветы, Аня посмотрела на трибуну, ожидая увидеть друзей, но увидела только Мишу. Он ободряюще улыбнулся ей. Улыбка мгновенно сползла с ее лица, когда она не обнаружила Никиту на трибуне. Сладость от победы быстро сменилась горечью от того, что Никита не дождался конца ее выступления.

Хлопцы сядзелі на трыбуне і чакалі Анінага выхаду. Было бачна, як яны абодва хвалююцца.

Аня выйшла на лёд. На ёй быў прыгожы белы касцюм, у якім яна была падобная на цудоўнага белага лебедзя. Яна паглядзела на трыбуну і, убачыўшы Мішу і Мікіту, усміхнулася.

Як толькі Аня пачала выступленне, яна яшчэ больш стала падобная на птушку, якая лунае ў паветры. Яна плыла па лёдзе, нібы лебедзь па воднай роўнядзі. Вонкава яна была спакойнай, але ўнутры ў яе ўсё трапятала.

Мікіта любаваўся ёю і яе выступленнем. Яна была прыгожая як ніколі. І ўсё, што ён мог адчуваць у гэты момант, гэта дзікае хваляванне, быццам не Аня, а ён зараз быў на лёдзе. Раптам зазваніў тэлефон. Мікіта адказаў. У момант яго твар змяніўся і стаў не проста занепакоеным, а спалоханым. Ён падскочыў з месца і накіраваўся да выхада.

– Ты куды? – крыкнуў яму ўслед Міша.

– Заставайся да канца! – толькі і змог адказаць Мікіта і адразу ж схаваўся за жалезнымі дзвярыма.

* * *

Аня выдатна выступіла і заняла першае месца. Усе гледачы ўсталі і апладзіравалі пераможцам.

Калі яе ўзнагароджвалі медалём і ўручалі кветкі, Аня паглядзела на трыбуну, чакаючы ўбачыць сяброў, але ўбачыла толькі Мішу. Ён падбадзёрваючы ўсміхнуўся ёй. Усмешка імгненна спаўзла з яе твару, калі яна не знайшла Мікіту на трыбуне. Асалода ад перамогі хутка змянілася горыччу ад таго, што Мікіта не дачакаўся канца яе выступлення.

Аня переоделась и сразу же поспешила в холл, где ее уже ждал Миша. Не выслушав поздравлений, она сразу же спросила:

— Где Никита?

— Я не знаю. Ему позвонили. Он подскочил и ушел, а куда, не сказал.

— Может что-то случилось? — обеспокоенно спросила Аня.

— Не знаю. Я не могу до него дозвониться.

— Может, попробуем на домашний?

Миша согласился и набрал домашний номер Никиты. Трубку снял его отец.

— Алло! Здравствуйте! А Никиту можно?

— Его нет дома, — торопливо сказал его отец.

— А вы не знаете, где он? Я не могу до него дозвониться.

— Миша, это ты? — его отец только понял, с кем говорит.

— Да, я. Так вы знаете, где он?

— Он ведь был с тобой. Он что, не сказал тебе?

— Что не сказал?

— Алёну сбила машина. Извини, мне надо бежать в больницу. Наверное, он уже там.

Его отец повесил трубку, а Миша стоял с ошарашенным лицом.

— Ну что там? Ты узнал, где он? — нетерпеливо спросила Аня.

— Алёнка... Его сестру сбила машина.

От неожиданности Аня выронила из рук букет. Он упал на пол.

* * *

Аня набрала в грудь побольше воздуха, чтобы успокоить нервы. Казалось, бешеный стук ее сердца эхом разносится по пустому больничному коридору.

Аня пераапрунулася і адразу ж паспяпалася ў хол, дзе яе ўжо чакаў Міша. Не выслухаўшы віншаванняў, яна адразу ж спытала:

– Дзе Мікіта?

– Я не ведаю. Яму патэлефанавалі. Ён падскочыў і пайшоў, а куды, не сказаў.

– Можа, штосьці здарылася? – занепакоена спытала Аня.

– Не ведаю. Я не магу да яго дазваніцца.

– Можа, паспрабуем на хатні?

Міша пагадзіўся і набраў хатні нумар Мікіты. Трубку зняў яго бацька.

– Алё! Добры дзень! А Мікіту можна?

– Яго няма дома, – паспешліва сказаў яго бацька.

– А вы не ведаеце, дзе ён? Я не магу да яго дазваніцца.

– Міша, гэты ты? – яго бацька толькі зразумеў, з кім гаворыць.

– Я. Дык вы ведаеце, дзе ён?

– Ён жа быў з табой. Ён што, не сказаў табе?

– Што не сказаў?

– Алёну збіла машына. Даруй, мне трэба бегчы ў шпіталь. Напэўна, ён ужо там.

Яго бацька павесіў трубку, а Міша стаяў з ашаломленым тварам.

– Ну што там? Ты даведаўся, дзе ён? – нецярпліва спытала Аня.

– Алёнка... Яго сястру збіла машына.

Ад нечаканасці Аня выпусціла з рук букет. Ён упаў на падлогу.

* * *

Аня набрала ў грудзі пабольш паветра, каб супакоіць нервы. Здавалася, шалёны грук яе сэрца рэхам разносіцца па пустым бальнічным калідоры. Стоячы перад дзвярамі пала-

Стоя перед дверью палаты детского отделения, Аня волновалась еще сильнее, чем перед соревнованиями. Она не знала, что будет, когда она откроет дверь и войдет. Она не знала, как отреагирует на нее младшая сестра Никиты, и уж тем более он сам. Аня еще раз глубоко вдохнула и тихонько вошла в палату.

На кровати рядом с десятилетней девчушкой сидел Никита и читал ей какую-то книжку. Аня не смогла сдержать улыбки и смущенно поздоровалась. Никита вскочил с кровати и поздоровался в ответ. Он познакомил Аню со своей сестрой. Девочка с любопытством посмотрела на Аню своими голубыми, такими же, как у брата, глазами (она вообще была во многом на него похожа, разве что волосы у нее были чуть светлее) и спросила:

— Ты новая девушка моего брата?

Аня смутилась.

— Алёна, что ты за глупости говоришь? — Никита с упреком посмотрел на нее.

— А что? Я уже взрослая и все понимаю.

Аня и Никита переглянулись и засмеялись. Алёна сложила руки на груди и серьезно посмотрела на них. Когда они закончили смеяться, девочка возмущенно сказала:

— Может, кто-нибудь все-таки почитает ребенку?

Продолжая улыбаться, Никита взял книгу и сел рядом с сестрой. Аня смущенно топталась на месте, не зная, куда сесть: стульев нигде не было.

— Чего ты стоишь? Садись, — Алёна похлопала рукой по кровати справа от себя. Аня села рядом с девочкой, и они с Никитой продолжили читать ей книгу.

* * *

Никита и Аня уже дочитали книжку, а Алёна все никак не хотела засыпать.

ты дзіцячага аддзялення, Аня хвалявалася яшчэ мацней, чым перад спаборніцтвамі. Яна не ведала, што будзе, калі яна адчыніць дзверы і ўвойдзе. Яна не ведала, як адрэагуе на яе малодшая сястра Мікіты, і ўжо тым больш ён сам. Аня яшчэ раз глыбока ўдыхнула і ціха ўвайшла ў палату.

На ложку побач з дзесяцігадовай дзяўчынкай сядзеў Мікіта і чытаў ёй нейкую кніжку. Аня не змагла стрымаць усмешкі і збянтэжана павіталася. Мікіта ўскочыў з ложка і прывітаўся ў адказ. Ён пазнаёміў Аню са сваёй сястрой.

Дзяўчынка з цікаўнасцю паглядзела на Аню сваімі блакітнымі, такімі ж, як у брата, вачыма (яна наогул была шмат у чым на яго падобная, хіба што валасы ў яе былі трохі святлей) і спытала:

– Ты новая дзяўчына майго брата?

Аня збянтэжылася.

– Алёна, што ты за дурасці кажаш? – Мікіта з папрокам паглядзеў на яе.

– А што? Я ўжо дарослая і ўсё разумею.

Аня і Мікіта пераглянуліся і засмяяліся. Алёна склала рукі на грудзях і сур’ёзна паглядзела на іх. Калі яны скончылі смяяцца, дзяўчынка абурана сказала:

– Можа, хто-небудзь усё-такі пачытае дзіцяці?

Працягваючы ўсміхацца, Мікіта ўзяў кнігу і сеў побач з сястрой. Аня збянтэжана тапталася на месцы, не ведаючы, куды сесці: крэслаў нідзе не было.

– Чаго ты стаіш? Садзіся, – Алёна пахлопала рукой па ложку справа ад сябе.

Аня села побач з дзяўчынкай, і яны з Мікітам працягнулі чытаць ёй кнігу.

* * *

Мікіта і Аня ўжо дачыталі кніжку, а Алёна ўсё ніяк не хацела засынаць.

— Пожалуй, схожу-ка я за чаем, — сказал Никита, вставая с кровати. — Ань, тебе принести что-нибудь?

— Нет, спасибо.

— А мне принеси шоколадку, — потребовала сестра.

— Хорошо, — улыбаясь, сказал Никита.

Как только парень вышел, Алёнка вздохнула.

— Ну наконец-то он ушел. Я так устала от него, — совсем как взрослая сказала девочка.

— Не говори так. У тебя очень хороший брат. И он тебя очень любит, — грустно посмотрела на нее Аня.

— Я знаю, — вздохнула Алёнка. — Просто... теперь, — девочка посмотрела на свою сломанную руку, — он ни на шаг от меня не отходит.

— Если хочешь, я могу поговорить с ним.

— Правда? — с надеждой посмотрела на нее девочка.

— Правда, — ласково улыбнулась Аня, глядя на ее синее опухшее лицо.

Они немного помолчали. Алёна опустила голову и смущенно сказала:

— Ты такая красивая. Аня, я буду когда-нибудь такой же красивой, как ты?

— Ты уже очень красивая.

— Неправда. Я смотрелась сегодня в зеркало.

— Это всего лишь синяки, — Аня погладила ее по щеке. — Они скоро пройдут.

— А рука? Она ведь пройдет еще не скоро...

— Знаешь, один раз я упала и тоже сломала руку. Да, она долго заживала, но сейчас... Посмотри, — Аня показала ей свою руку, которую несколько лет назад сломала из-за Никиты.

Девочка посмотрела на нее и улыбнулась сквозь слезы.

— Так что давай вытирай слезы. Все будет хорошо.

— Я ведь смогу потом кататься на коньках?

- Мабыць, схаджу я за чаем, – сказаў Мікіта, устаючы з ложка. – Ань, табе прынесці што-небудзь?
- Не, дзякуй.
- А мне прынясі шакаладку, – запатрабавала сястра.
- Добра, – усміхаючыся, сказаў Мікіта.
- Як толькі хлопец выйшаў, Алёнка ўздыхнула.
- Ну нарэшце ён сышоў. Я так стамілася ад яго, – зусім як дарослая сказала дзяўчынка.
- Не кажы так. У цябе вельмі добры брат. І ён цябе вельмі любіць, – сумна паглядзела на яе Аня.
- Я ведаю, – уздыхнула Алёнка. – Проста... цяпер, – дзяўчынка паглядзела на сваю зламаную руку, – ён ні на крок ад мяне не адыходзіць.
- Калі хочаш, я магу пагаварыць з ім.
- Праўда? – з надзеяй паглядзела на яе дзяўчынка.
- Праўда, – ласкава ўсміхнулася Аня, гледзячы на яе сіні апухлы твар.
- Яны трохі памаўчалі. Алёна апусціла галаву і збянтэжана сказала:
- Ты такая прыгожая. Аня, я буду калі-небудзь такой жа прыгожай, як ты?
- Ты ўжо вельмі прыгожая.
- Няпраўда. Я глязелася сёння ў люстэрка.
- Гэта ўсяго толькі сінякі, – Аня пагладзіла яе па шчацэ. – Яны хутка пройдуць.
- А рука? Яна ж пройдзе яшчэ не хутка...
- Ведаеш, адзін раз я ўпала і таксама зламала руку. Так, яна доўга гаілася, але цяпер...
- Паглядзі, – Аня паказала ёй сваю руку, якую некалькі гадоў таму зламала з-за Мікіты.
- Дзяўчынка паглядзела на яе і ўсміхнулася скрозь слёзы.
- Так што давай выцірай слёзы. Усё будзе добра.
- Я ж змагу потым катацца на каньках?

— Конечно, сможешь! Я ведь катаюсь.

— Правда?

— Правда, — заверила ее Аня.

Алёнка осторожно вытерла слезы здоровой рукой.

— Знаешь, у меня кое-что есть для тебя, — Аня встала с кровати и достала из сумочки маленькую фигурку белого лебедя.

Она положила ее на ладонь и протянула девочке.

— Что это?

Аня села на корточки рядом с кроватью и сказала:

— Это мой талисман. Его подарила мне бабушка, когда я в первый раз стала на коньки. Он помог мне выиграть в очень важных соревнованиях. Я уверена: он поможет тебе выздороветь поскорее.

— Спасибо! — Алёнка смущенно взяла лебедя.

— А когда ты поправишься, мы вместе сходим на каток. Договорились?

— Ага! — начала засыпать Аленка.

Аня взяла из ее рук лебедя и положила на тумбочку возле кровати, погладила девочку по голове и поцеловала ее в лоб.

В палату вошел Никита. Он хотел было что-то сказать, но Аня жестом показала ему молчать.

— Давно она спит? — шепотом спросил он и положил шоколадку на тумбочку.

— Только что заснула, — также шепотом ответила Аня.

— Надеюсь, она не сильно надоедала тебе вопросами?

— Нет, что ты! Она замечательная, — Аня взяла сумку и отошла от кровати.

— Тебя проводить?

— Не надо. Езжай домой. Я сама доберусь. Ты и так несколько дней пробыл здесь. Тебе надо отдохнуть.

– Вядома, зможаш! Я ж катаюся.
– Праўда?
– Праўда, – запэўніла яе Аня.
Алёнка асцярожна выцерла слёзы здаровай рукой.
– Ведаеш, у мяне нешта ёсць для цябе, – Аня ўстала з ложка і дала з сумачкі маленькую фігурку белага лебедзя.
Яна паклала яе на далонь і працягнула дзяўчынцы.
– Што гэта?
Аня села на кукішкі побач з ложкам і сказала:
– Гэта мой талісман. Яго падарыла мне бабуля, калі я ў першы раз стала на канькі. Ён дапамог мне выйграць вельмі важныя спаборніцтвы. Я ўпэўнена: ён дапаможа табе акрыяць хутчэй.
– Дзякуй! – Алёнка збянтэжана ўзяла лебедзя.
– А калі ты паправішся, мы разам сходзім на каток. Дамовіліся?
– Ага! – пачала засынаць Алёнка.
Аня ўзяла з яе рук лебедзя і паклала яго на тумбачку каля ложка. Яна паглядзіла дзяўчынку па галаве і пацалавала яе ў лоб.
У палату ўвайшоў Мікіта. Ён хацеў быў штосьці сказаць, але Аня жэстам паказала яму маўчаць.
– Даўно яна спіць? – шэптам спытаў ён і паклаў шакаладку на тумбачку.
– Толькі што заснула, – таксама шэптам адказала яму Аня.
– Спадзяюся, яна не вельмі надакучала табе пытаннямі?
– Не, што ты! Яна цудоўная, – Аня ўзяла сумку і адышла ад ложка.
– Цябе правесці?
– Не трэба. Едзь дадому. Я сама дабяруся. Ты і так некалькі дзён прабыў тут. Табе трэба адпачыць.

— Если ты думаешь, что у меня не хватит сил проводить тебя до дома, то ты ошибаешься, — подошел к ней Никита. — Ты что, забыла, что я хоккеист?

Аня улыбнулась:

— Ей очень повезло с братом.

— А брату очень повезло с тобой, — Никита посмотрел ей в глаза и взял ее за руку.

— Да целуйтесь вы уже и идите. Дайте людям поспать, — возмущенно пробормотала Алёнка.

Аня и Никита рассмеялись, взявшись за руки еще крепче. Девушка посмотрела на спящую Алёну, а потом перевела взгляд на тумбочку. Там лежала шоколадка, а рядом с ней стояла маленькая фигурка белого лебедя.

– Калі ты думаеш, што ў мяне не хопіць сіл правесці цябе дадому, ты памыляешся, – падышоў да яе Мікіта. – Ты што, забылася, што я хакеіст?

Аня ўсміхнулася:

– Ёй вельмі папанцавала з братам.

– А брату вельмі папанцавала з табой, – Мікіта паглядзеў ёй у вочы і ўзяў яе за руку.

– Ды цалуйцеся вы ўжо і ідзіце. Дайце людзям паспаць, – абурана прамармытала Алёнка.

Аня і Мікіта засмяліся, узяўшыся за рукі яшчэ мацней. Дзяўчына паглядзела на спячучую Алёну, а потым перавяла погляд на тумбачку. Там ляжала шакаладка, а каля яе стаяла маленькая фігурка беллага лебедзя.

Андрей Диченко

Андрэй Дзічэнка

Андрей Диченко родился в 1988 году в Калининграде. С 1990-х живет в Беларуси. Белорусский русскоязычный писатель и журналист. Автор книг «Ты – меня», «Плиты и провалы». Публиковался в белорусских, российских, американских, израильских литературных журналах. Рассказы переводились на белорусский, английский, французский и сербский языки.

Андрэй Дзічэнка нарадзіўся ў 1988 годзе ў Калінінградзе. З 1990-х жыве ў Беларусі. Беларускі рускамоўны пісьменнік і журналіст. Аўтар кніг «Ты – мяне», «Пліты і правалы». Публікаваўся ў беларускіх, расійскіх, амерыканскіх, ізраільскіх літаратурных часопісах. Аповяданні перакладаліся на беларускую, англійскую, французскую і сербскую мовы.

КОНТАКТ

Все детство Сережа страдал аутизмом. Сам он точного диагноза не знал, но взрослые с холодными ладонями и морщинистыми лбами называли всякие его странности именно так. К 14 годам мальчик вроде бы поправился, но так и не начал говорить. Читать и писать Сережа умел, но применял эти навыки только в одном случае – когда катался на общественном транспорте.

Многие, кто знал Сережу с самого детства, считали его глупым мальчишкой, оставшимся мозгами на уровне второклассника. Но это мнение было в корне ошибочным, ибо юный искатель истины вовсе не вписывался в общепринятые рамки человеческих способностей. Ему открывалась человеческая суть, едва только тонкие костлявые пальцы касались чьей-нибудь плоти.

По этой причине все свое свободное время, которое начиналось с восходом солнца и заканчивалось в сумерках, Сережа катался на маршрутных такси.

Выйдя в морозное утро на остановку, он тут же доставал из кармана мятое удостоверение, заверенное размытой печатью. Благодаря этому клочку картона необычный пассажир ездил бесплатно от одной конечной остановки и до другой. Почти все водители маршруток в городе не знали русского языка, но отлично знали Сережку в лицо. Считалось, что если он сел в машину, значит никаких неприятностей на дороге не произойдет. Часто водители угощали его конфетами, а ближе к ночи отвозили домой на окраину города, чтобы мальчик не бродил по темным пустым переулкам в поисках своего дома.

Сережа садился на самое первое, зачастую продавленное сиденье в потрепанном салоне автомобиля. Делал он это для того, чтобы передавать деньги людей, расплзшихся по миниатюрному автобусу. Прикосновения к пальцам незнакомого человека, ощущение шершавой купюры в руках и безразличные взоры городских обывателей наполняли воображение Сережи яркими вспышками. Про них

КАНТАКТ

Усё дзяцінства Сярожа пакутаваў на аўтызм. Сам ён дакладнага дыягназу не ведаў, але дарослыя з халоднымі далонямі і маршчыністымі лбамі называлі ўсякія яго дзівацтвы менавіта так. Да 14-гадовага ўзросту хлопчык быццам бы паправіўся, але так і не пачаў гаварыць. Лічыць і пісаць Сярожа ўмеў, але ўжываў гэтыя навыкі толькі ў адным выпадку – калі катаўся на грамадскім транспарце.

Многія, хто быў знаёмы з Сярожам з самага дзяцінства, лічылі яго дурным хлапчуком, мазгі якога засталіся на ўзроўні друтакласніка. Але гэта меркаванне было ў корані памылковым, бо юны шукальнік праўды зусім не ўпісваўся ў агульнапрынятыя рамкі чалавечых здольнасцей. Яму адкрывалася чалавечая сутнасць, ледзь толькі тонкія кашчавыя пальцы дакраналіся да чыёй-небудзь плоці.

Па гэтай прычыне ўвесь свой вольны час, які пачынаўся з узыходам сонца і канчаўся ў прыцемках, Сярожа катаўся на маршрутных таксі.

Выйшаўшы ў марозную раніцу на прыпынак, ён тут жа даставаў з кішэні мятае пасведчанне, заверанае размытай пячаццю. Дзякуючы гэтаму шматку кардону незвычайны пасажыр ездзіў бясплатна ад аднаго канцавога прыпынку да другога. Амаль усе вадзіцелі маршрутак у горадзе не ведалі рускай мовы, але выдатна ведалі Сярожку ў твар. Лічылася, што калі ён сеў у машыну, значыць ніякіх непрыемнасцей на дарозе не здарыцца. Часта вадзіцелі частавалі яго цукеркамі, а бліжэй да ночы адвозілі дахаты на ўскраіну горада, каб хлопчык не блукаў па цёмных пустых завулках у пошуках свайго дома.

Сярожа садзіўся на самае першае, часцяком праціснутае сядзенне ў патрапаным салоне аўтамабіля. Рабіў ён гэта для таго, каб перадаваць грошы людзей, якія распаўзліся па мініяцюрным аўтобусе. Дакрананні да пальцаў незнаёмага чалавека, адчуванне шур-

он думал уже перед сном, когда наступало важное переосмысление прожитого в пространстве автобуса желтого цвета, покрытого грязевым инеем. Заглядывая в мысли людей и исследуя их тайные желания, Сережа хотел напасть на след избранных человеческих организмов. С самого детства он представлял себе тысячи ракет, которые летели к планете из далеких миров и по ночам падали на заснеженные поля. От огненных кратеров разбредались голые и утомленные невесомостью люди. Одни выживали, другие становились чистой энергией и в совершенно ином качественном состоянии возвращались домой. Сережа хотел найти тех, кто выжил. Просто потому, что сам был таким. Никто ему об этом не говорил, но далекие миры, в которых он не чувствует себя изгоем, он видел в своих снах. Там же его собраты смотрели в гигантские телескопы и наблюдали за жизнью на берегах океанов, спонтанно возникшей на этой планете. К сожалению, многие не понимали своей ценности и хотели с ней покончить раз и навсегда, но Сережа верил в великий смысл любой жизни. С местным населением он никогда не общался обычной человеческой речью только лишь из-за того, что его разум не умел этого делать. Сначала это его печалило. Он метался, словно был вольной птицей в запертой комнате. Потом же напрасное отчаяние сменилось безразличным ко всему смирением. На рубеже десятого и одиннадцатого земных лет он много думал о том, что, наверное, есть другие способы общения с людьми.

Во многом на чудесные открытия одаренного мальчугана повлияла приемная мать и ее прикосновения. Когда она своими теплыми губами целовала его в лоб и гладила по густым русым волосам, то незримые солнечные лучи будто бы просвечивали насквозь спину и ноги. Кожа покрывалась мурашками, и от этого тело мальчика содрогалось, а лицо невольно озарялось улыбкой.

Однажды в разгар рабочего дня Сережа забрался в очередную маршрутку с налетом грязи на стекле. Через несколько остановок напротив него уселась черно-

патай кушоры ў руках і абыякавыя позіркі гарадскіх абывацеляў нападзілі ўяўленне Сярожа яркімі ўспышкамі. Пра іх ён думаў ужо перад сном, калі наставала важнае пераасэнсаванне пражытага ў прасторы аўтобуса жоўтага колеру, пакрытага гразевым інеем. Зазіраючы ў думкі людзей і даследуючы іх таемныя жаданні, Сярожа хацеў напасці на след выбраных чалавечых арганізмаў. З самага дзяцінства ён уяўляў сабе тысячы ракет, якія ляцелі да планеты з далёкіх светаў і па начах падалі на заснежаныя палі. Ад агністых кратараў разбрыдаліся голыя і стомленыя бязважкасцю людзі. Адно выжывалі, іншыя станавіліся чыстай энергіяй і ў зусім іншым якасным стане вярталіся дахаты.

Сярожа хацеў знайсці тых, хто выжыў. Проста таму, што сам быў такім. Ніхто яму пра гэта не казаў, але далёкія светлы, у якіх ён не адчувае сябе ізгоем, ён бачыў у сваіх снах. Там жа яго сабраты глядзелі ў гіганцкія тэлескопы і назіралі за жыццём на берагах акіянаў, якое спантанна ўзнікла на гэтай планеце.

На жаль, многія не разумелі сваёй каштоўнасці і хацелі з ёй пакончыць раз і назаўсёды, але Сярожа верыў у вялікі сэнс любога жыцця. З мясцовым насельніцтвам ён ніколі не размаўляў звычайнай чалавечай мовай толькі з-за таго, што яго розум не ўмеў гэтага рабіць. Спачатку гэта яго засмучала. Ён мітусіўся, нібы быў вольнай птушкай у замкнёным пакоі. Потым жа дарэмная роспач змянілася абыякавай да ўсяго ціхмянасцю. На мяжы дзясятага і адзінацатага зямных гадоў ён шмат думаў пра тое, што, напэўна, ёсць іншыя спосабы зносін з людзьмі.

Шмат у чым на цудоўныя адкрыцці адоранага хлапчука паўплывала прыёмная маці і яе дакрананні. Калі яна сваімі цёплымі вуснамі цалавала яго ў лоб і гладзіла па густых русых валасах, то нябачныя сонечныя прамяні быццам бы прасвечвалі наскрозь спіну і ногі. Скура пакрывалася мурашкамі, і ад гэтага цела хлопчыка скалалася, а твар мімаволі азараўся ўсмішкай.

Аднойчы ў разгар працоўнага дня Сярожа забраўся ў чарговую маршрутку з налётам бруду на шкле. Праз некалькі прыпынкаў насупраць яго ўселася чарнавалосая дзяўчына

волосая девушка с мечущимся взглядом. Сначала она долго рылась в сумочке, а потом извлекла из нее несколько мятых купюр. Сереже она показалась подозрительной и слишком неестественной. Едва протянув к ней руку и коснувшись кончиками пальцев ее плоти, он внезапно ощутил прилив необычных, лишенных логики решений.

«Ура! Свои! Ура! Свои! Ура! Свои!» – вертелось несколько одинаковых слов в голове. Еще немного – и они вырвутся из сплошного потока мыслей и обретут собственное звучание.

Но пока что еще рано.

Девушка пристально смотрит на своего спутника. Затем складывает губы трубочкой и будто бы целует его в нос. Сережа в ответ на эти телепортационные ласки кивает головой. Всем своим видом он дает понять, что готов к контакту и именно ради этого наездил тысячи километров по разбитым городским дорогам. Машина трясется, металл дребезжит. Люди в салоне дергаются от резкого торможения. А Сереже радостно на душе.

«Это все так похоже на аттракционы в парке».

– И может ты... – она говорит будто бы шепотом, но больше никто ее не слышит. Только два человека. Человека ли?

Девушка берет Сережу за руку и просит остановить машину, где-то между районным гастрономом и заводом, стены вокруг которого такие высокие, что даже если распрыгаться на батуте, все равно не увидишь невзрачных зданий и грязных проходных.

Выйдя на свежий воздух, они попрощались с маршруткой взмахами рук и побрели вдоль забора, поверхность которого давным-давно потрескалась и напоминает фантазмагорические карты неизведанных миров в двумерной плоскости. Огибая кирпичные дома, разбитые детские площадки и просто ничем не застроенные пустыри, они вышли на просторную полянку, в кустах рядом пахло гнилы-

з мітуслівым поглядам. Спачатку яна доўга капалася ў сумачцы, а потым выняла з яе некалькі мятых купюр. Сярожы яна падалася падазронай і занадта ненатуральнай. Ледзь працягнуўшы да яе руку і крануўшыся кончыкамі пальцаў яе плоці, ён раптам адчуў прыліў незвычайных, пазбаўленых логікі рапшэнняў.

«Ура! Свае! Ура! Свае! Ура! Свае!» – круцілася некалькі аднолькавых слоў у галаве. Яшчэ трохі – і яны вырвуцца з суцэльнага патоку думак і здабудуць уласнае гучанне.

Але пакуль што яшчэ рана.

Дзяўчына пільна глядзіць на свайго спадарожніка. Затым складае вусны трубачкай і быццам бы цалуе яго ў нос. Сярожа ў адказ на гэтыя тэлепартацыйныя ласкі ківае галавой. Усім сваім выглядам ён дае зразумець, што гатовы да кантакту і менавіта дзеля гэтага наездзіў тысячы кіламетраў па разбітых гарадскіх дарогах. Машына трасецца, метал бразгоча. Людзі ў салоне торгаюцца ад рэзкага тармажэння. А Сярожы радасна на душы.

«Гэта ўсё так падобна на атракцыёны ў парку».

– І, можа, ты... – яна кажа быццам бы шэптам, але больш ніхто яе не чуе. Толькі два чалавекі. Ці чалавекі?

Дзяўчына бярэ Сярожу за руку і просіць спыніць машыну, дзесьці паміж раённым га-страномам і заводам, сцены вакол якога такія высокія, што нават калі раскакацца на баціце, усё роўна не ўбачыш несамавітых будынкаў і брудных прахадных.

Выйшаўшы на свежае паветра, яны развіталіся з маршруткай узмахамі рук і папляліся ўздоўж агароджы, паверхня якой даўным-даўно патрэскалася і нагадвае фантасмага-рычныя карты нязведаных светаў у двухмернай плоскасці.

Агінаючы цагляныя дамы, разбітыя дзіцячыя пляцоўкі і проста нічым не забудаваныя пустыры, яны выйшлі на прасторную палянку, у кустах побач пахла гнілым лісцем і гарэлым лапнікам. Дзяўчына дастала з сумачкі маленькі абрус, на якім белымі і чорнымі

ми листьями и горелым лапником. Девушка достала из сумочки маленькую скатерть, на которой белыми и черными нитками аномальная швея выткала звезды и пустынное космическое пространство так, будто оно было качественно иным. Постелив скатерть на холодную землю, новая знакомая с укоризной посмотрела на Сережу.

– Положи все, что способно тебя здесь удержать.

И Сережа в ответ достал из внутреннего кармана одно лишь удостоверение, наивно полагая, что спутница избавит его от бесконечных поисков.

Замотав удостоверение в скатерть, она спрятала сверток в сумку. Попрощалась с Сережей, отскочила в сторону и спешно убежала в лес.

Оставшись в одиночестве, Сережа вдруг понял, что все вокруг – это сплошная фальшь, которая случилась по очень большой ошибке. Одержимый мыслями об отсутствии реальности, он пешком возвращался домой, врезаясь в витрины магазинов и в неприветливых прохожих.

Вскоре водители и приемная мать перестали его узнавать. А люди – и вовсе замечать его присутствие среди них.

Ощувив предел человеческой сути, Сережа замкнулся и навсегда забыл, как это бывает, когда случается счастье.

Из иного он превратился в обычного. В этом и заключалось освобождение.

ніткамі анамальная швачка выткала зоркі і пустэльную касмічную прастору так, быццам яна была якасна іншай.

Паслаўшы абрус на халодную зямлю, новая знаёмая з дакорам паглядзела на Сярожу.

– Пакладзі ўсё, што здольна цябе тут утрымаць.

І Сярожа ў адказ дастаў з унутранай кішэні адно толькі пасведчанне, найўна мяркуючы, што спадарожніца пазбавіць яго ад бясконцых пошукаў.

Закруціўшы пасведчанне ў абрус, яна схавала скрутак у сумку. Развітаўшыся з Сярогам, дзяўчына адскочыла ў бок і спешна ўцякла ў лес.

Застаўшыся ў адзіноце, Сярожа раптам зразумеў, што ўсё вакол – гэта суцэльны фальш, які здарыўся па вельмі вялікай памылцы. Апантаны думкамі пра адсутнасць рэальнасці, ён пяшком вяртаўся дахаты, уразаючыся ў вітрыны крам і ў няветлых мінакоў.

Неўзабаве вадзіцелі і прыёмная маці перасталі яго пазнаваць. А людзі – і зусім заўважаць яго прысутнасць сярод іх.

Адчуўшы мяжу чалавечай сутнасці, Сярожа замкнуўся і назаўсёды забыўся, як гэта бывае, калі здараецца шчасце.

З іншага ён ператварыўся ў звычайнага. У гэтым і заключалася вызваленне.

Иван Малинин

Іван Малінін

Иван Малинин родился 25 октября 1989 года в г. Волгодонске Ростовской области (Российская Федерация). В возрасте трех лет переехал с родителями в Могилев (Беларусь). Окончил среднюю школу, после – Могилевский государственный библиотечный колледж. В 2016 году заочно окончил Белорусский государственный университет культуры и искусств. Работает ведущим художником в Могилевской областной библиотеке им. В. И. Ленина. Увлекается чтением, рисованием, дизайном изданий. Сочиняет и пишет прозаические произведения в свободное время.

Іван Малінін нарадзіўся 25 кастрычніка 1989 года ў г. Валгадонску Растоўскай вобласці (Расійская Федэрацыя). Ва ўзросце трох гадоў пераехаў з бацькамі ў Магілёў (Беларусь). Скончыў сярэдняю школу, пасля – Магілёўскі дзяржаўны бібліятэчны каледж. У 2016 годзе завочна скончыў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. Працуе вядучым мастаком у Магілёўскай абласной бібліятэцы імя В. І. Леніна. Захапляецца чытаннем, маляваннем, дызайнам выданняў. Складае і піша праязныя творы ў вольны час.

КОТ ЧЕЛОВЕКА СО СКРИПКОЙ

Он называл меня *rouge ami*. Навострив слух, я всегда оборачивался на эти слова: сказал просто так, хочет угостить или, может, зовет с собой? Он всегда брал меня с собой — когда прогуливался к набережной Сены, от Гран-Пале, рядом с которым имел радость жить, и до Площади Согласия. Утром, когда было еще достаточно тихо, гул города не падал тенью на реку, на птиц, уже проснувшихся и настороженно косящихся на меня, и на таких же одиноких прохожих, как он. Нагулявшись по ночным парижским крышам, я сидел у него за пазухой, смиренно, высунув голову из-за воротника, то и дело зевая, а он только улыбался рассеянно и спокойно, предавался мыслям, там, на свежем воздухе, садился за столик в открытом кафе - выпить горячего черного кофе, будоражащего теплом душу, и съесть только что приготовленный круассан, мягкий и ароматом своим забивающий ноздри... А я... Помню, как составлял ему компанию, сидел рядом на деревянном стуле с расшатанной спинкой, что булочник выносил откуда-то специально для меня, и, съев свое утреннее угощение, покачивался сонно, обвив лапы хвостом, щурился на солнце, отражавшееся в воде. И ловил его мысли, шевелил усами в поисках нужных волн...

Его завтрак в основном состоял из мыслей и Сены. По утрам он привык питать душу, и этого было никак не исправить, да мне и не хотелось. Если душа позавтракала, — всегда говорил он мне, — то и весь день будет удачным и наполненным яркими красками. А если добавить к этому еще и музыку, рыжий друг... Ах! Ты слышал, как над водой, не заглушаемые шумом автомобилей, летят звуки старого клавесина? Сена будто вбирает их в себя и начинает целовать камни парапетов, а мелодия продолжает разноситься над ней...

А я покачивался и слушал, слушал, вдыхая запах кофе из его исходящей паром чашки, смотрел на него, чудного: полы расстегнутого старого пальто взметаются

КОТ ЧАЛАВЕКА СА СКРЫПКАЙ

Ён зваў мяне rouge ami. Натапырыўшы вушы, я заўсёды абарочваўся на гэтыя словы: сказаў проста так, хоча пачаставаць ці, можа, кліча з сабой? Ён заўсёды браў мяне з сабой – калі прагульваўся да набярэжнай Сены, ад Гран-Пале, побач з якім меў шчасце жыць, і да Плошчы Згоды. Раніцай, калі было яшчэ досыць ціха, гул горада не падаў ценем на раку, на птушак, якія прачыналіся і насцярожана касіліся на мяне, і на такіх жа адзіночых прахожых, як ён. Нагуляўшыся па начных парыжскіх дахах, я сядзеў у яго за пазухай, ціхмяна, высунуўшы галаву з-за каўняра, раз-пораз пазяхаючы, а ён толькі ўсміхаўся безуважліва і спакойна, аддаваўся думкам, там, на свежым паветры, садзіўся за столік у адкрытым кафэ – вышціць гарачай чорнай кавы, якая бударажыць цяплом душу, і з’есці толькі што прыгатаваны круасан, мяккі, які сваім водарам забівае ноздры...

А я... Памятаю, як падзяляў з ім кампанію, сядзеў побач на драўляным стуле з расхістанай спінкай, што булачнік выносіў аднекуль спецыяльна для мяне, і, з’еўшы свой ранішні пачастунак, калыхаўся сонна, абвіўшы лапы хвостом, жмурыўся ад сонца, якое адлюстроўвалася ў вадзе. І лавіў яго думкі, варушыў вусамі ў пошуках патрэбных хваль...

Яго сняданак у асноўным складаўся з думак і Сены. Раніцамі ён прывык сілкаваць душу, і гэтага было ніяк не выправіць, ды мне і не хацелася. Калі душа паснедала, – заўсёды казаў ён мне, – то і ўвесь дзень будзе ўдалым і напоўненым яркімі фарбамі. А калі дадаць да гэтага яшчэ і музыку, рыжы сябар... Ах! Ты чуў, як над вадой ляцяць гукі старога клавесіна, што не заглушаюцца шумам аўтамабіляў? Сена быццам убірае іх у сябе і пачынае цалаваць камяні парапетаў, а мелодыя працягвае разносіцца над ёй...

А я калыхаўся і слухаў, слухаў, удыхаючы пах кавы, які зыходзіў парам з яго кубка, глядзеў на яго, дзіўнага: крысы расшпіленага старога паліто ўскідаюцца па баках, калі

по сторонам, когда он кружится возле столика, притаптывая разноцветный булыжник, — танцует с невидимкой, наверное, симпатичной парижанкой из шестидесятых — того времени, когда меня и на свете не было, закручивает ее в вихре музыки, подмигивает такой же невидимой воображаемой стройной скрипачке, от чего она улыбается в ответ, и смычок в ее руке начинает творить самое настоящее волшебство, музыку невероятную и невозможную... Эти его воспоминания оседали на моих усах, словно паутинки прошлого, и я сам словно смотрел его глазами, чувствовал то же, что чувствовал и испытывал он. Это было так давно... другие коты гуляли в тени ног Эйфелевой башни, другие коты смотрели из чердачных окон на французскую лимонную булку-луну, другие коты путались под ногами и втихаря стаскивали со столиков еду, пока люди танцевали под звуки скрипки...

Мне нравилось быть с ним там, на набережной... Не помню, говорил он мне или просто возникало у него такое воспоминание... когда он приглашал ту же скрипачку к себе за столик, и они вместе наблюдали блеск воды, тихо разговаривая на околосемные темы, и как она его просвещала о том, что значит музыка, не догадываясь, что он сам все прекрасно знает и просто притворяется. Потом, оставшись у него до утра, она, конечно, узнает, что он притворялся, и утром, тихо притворив дверь, убегая в рассвет на цыпочках, с сожалением взглянет на свою дешевую скрипку с грифом из растрескавшегося палисандра, но все равно улыбнется счастливо...

Он устанет вот так кружиться один, присядет снова и прошепчет-вздохнет, что те времена давно прошли, что нет больше тех озорных и немного сумасшедших ночей, нет черноволосых скрипачек, сыгравших только для тебя и — просто так, только бы дать внутренней мелодии правильное направление и верное звучание...

ён кружыцца каля століка, прыгоптвае рознакаляровы камень, – танцуе з невідзімкай, напэўна, сімпатычнай парыжанкай з шасцідзясятых – таго часу, калі мяне і на свеце не было, закручвае яе ў віхуры музыкі, падморгвае такой жа нябачнай уяўнай стройнай скрыпачцы, ад чаго яна ўсміхаецца ў адказ, і смычок у яе руцэ пачынае ствараць самае сапраўднае чараўніцтва, музыку неверагодную і немагчымую... Гэтыя яго ўспаміны асядалі на маіх вусах, нібы павуцінкі мінулага, і я сам нібы глядзеў яго вачыма, адчуваў тое ж, што адчуваў і перажываў ён. Гэта было так даўно... іншыя каты гулялі ў цені ног Эйфелевай вежы, іншыя каты глязелі з паддашковых вокнаў на французскую лімонную булку-месяц, іншыя каты таўкліся пад нагамі і цішкам спягвалі са столікаў ежу, пакуль людзі танцавалі пад гукі скрыпкі...

Мне падабалася быць з ім там, на набярэжнай... Не памятаю, казаў ён мне ці проста ўзнікаў у яго такі ўспамін... калі ён запрашаў тую ж скрыпачку да сябе за столік, і яны разам назіралі бляск вады, ціха размаўляючы на калязямныя тэмы, і як яна яго адукоўвала, распавядала, што значыць музыка, не здагадваючыся, што ён сам усё выдатна ведае і проста прыкідваецца. Потым, застаўшыся ў яго да раніцы, яна, вядома, дазнаецца, што ён прыкідваўся, і раніцай, ціха прычыніўшы дзверы, уцякаючы ў світанак на дыбачках, са шкадаваннем зірне на сваю танную скрыпку з грыфам з патрэсканага палісандру, але ўсё роўна ўсміхнецца шчасліва...

Ён стоміцца вось так кружыцца адзін, прысядзе зноў і прашэпча-ўздыхне, што тыя часы даўно прайшлі, што няма больш тых гарэзных і трохі звар'яцелых начэй, няма чарнавалосых скрыпачак, якія граюць толькі для цябе і – проста так, толькі б даць унутранай мелодыі правільны кірунак і дакладнае гучанне...

Я ведаю, што ён і сам граў так – людзі закрывалі вочы далонямі ці проста зажмурваліся, каб нішто не замінала ім бачыць. Бачыць, што прыносяць у свет струны яго скрыпкі, якія вобразы ён выводзіць з ментальнага свету праз свет эмацыянальны, і чапляючы на

Я знаю, что он и сам играл так — люди закрывали глаза ладонями или же просто зажимались, чтобы ничто не мешало им видеть. Видеть, что привносят в мир струны его скрипки, какие образы он выводит из ментального мира через мир эмоциональный, и цепляя на эти образы тамошнюю окраску. И тогда люди плакали или смеялись, улыбались или печалились, переживали или восторженно ахали... Да, в прошлые года он играл бесподобно, тогда не я заботился о нем, а она, она, эбеново-кленовая красавица, поющая ему то, что он желал. Я застал лишь немногие дни, когда они еще были вместе. А потом...

Прогулки по набережной тоже остались в прошлом, и компанию я составляю теперь только Флоберу, Сартру, Гюго и другим, не знакомым мне, лежащим стопками или по одному кто где... У него никогда не было привычки ставить книги на место, и теперь их уже не поставят на место. Теперь и она, его скрипка, лежит холодная и пыльная... Я иногда прижмусь головой к ее голове, стараюсь растормошить, разбудить. Но тщетно — она жила только в его руках...

Несколько дней назад, когда я печально сидел у него на груди, он дрожащей рукой повесил мне на шею цепочку с ключом от дома.

Скрипичный ключ, как он его называл. И велел мне найти того, кто понимал музыку так же, как он, кто видел жизнь так же, как он...

Я не знал, реально ли это, живя его воспоминаниями о том прошлом, что миновало. Я не знал. Но стал гулять утром один, стремясь к знакомому кафе, крался в густом раннем тумане или при первых чистых лучах солнца, не обращая внимания на голубей и мышей в подворотнях, садился на углу здания и смотрел на реку, один, с покачивающимся на шее ключом. Надолго оставлять его дома одного я не мог, возвращался, но в один из дней не вернулся вовремя, запрыгнул с водосточной трубы в форточку, чем перепугал людей в белом, испугался сам и бросился к нему. Проскочил насквозь, понял, что вижу уже только его образ, точно такой, как он извлекал своей музыкой. А он снова улыбался рассеянно

гэтыя вобразы тамтэйшую афарбоўку. І тады людзі плакалі ці смяяліся, усміхаліся ці смуткавалі, перажывалі ці захоплена ахалі... Так, у мінулыя гады ён граў выдатна, тады не я клапаціўся пра яго, а яна, яна, эбенава-кляновая прыгажуня, якая п'яе яму тое, што ён жадаў. Я заспеў толькі нешматлікія дні, калі яны яшчэ былі разам. А потым...

Прагулкі па набярэжнай таксама засталіся ў мінулым, і кампанію я падзяляю зараз толькі з Флабэрам, Сартрам, Гюго і іншымі, не знаёмымі мне, якія ляжаць стосам ці па адным хто дзе... У яго ніколі не было прывычкі ставіць кнігі на месца, і зараз іх ужо не паставяць на месца. Зараз і яна, яго скрыпка, ляжыць халодная і пыльная... Я часам прыціснуся галавой да яе галавы, імкнуся растармасіць, абудзіць. Але дарэмна – яна жыла толькі ў яго руках...

Некалькі дзён таму, калі я сумна сядзеў у яго на грудзях, ён дрыготкай рукою павесіў мне на шыю ланцужок з ключом ад дома.

Скрыпічны ключ, як ён яго называў. І загадаў мне знайсці таго, хто разумеў музыку гэтак жа, як ён, хто бачыў жыццё гэтак жа, як ён...

Я не ведаў, ці рэальна гэта, жывучы яго ўспамінамі пра тое мінулае, што прайшло. Я не ведаў. Але стаў гуляць раніцай адзін, імкнучыся да знаёмага кафэ, краўся ў густым раннім тумане ці пры першых чыстых прамянях сонца, не зважаючы на галубоў і мышэй у падваротнях, садзіўся на вугал будынка і глядзеў на раку, адзін, з ключом на шыі, што калыхаўся. Надоўга пакідаць яго дома аднаго я не мог, вяртаўся, але ў адзін з дзён не вярнуўся своєчасова, заскочыў з вадасцёкавай трубы ў фортачку, чым перапалохаў людзей у белым, спалохаўся сам і кінуўся да яго. Праскочыў наскрозь, зразумеў, што бачу ўжо толькі яго вобраз, такі ж самы, як ён атрымліваў сваёй музыкай. А ён ізноў усміхаўся безуважліва і спакойна, гледзячы, як яго цела людзі выносяць прэч, у машыну, якая чакае на вуліцы.

и спокойно, смотря, как его тело люди уносят прочь, в ожидающую на улице машину.

Меня попытались тоже забрать, но я не дался — я не так прост, чтобы так просто сдаваться незнакомцам в белом. И, вновь выбравшись в окно, чудом не запутавшись в тюле, забрался на крышу. Он тоже стоял рядом, потрепал меня по голове, отчего моя шерсть встала дыбом, словно от электричества, и мы вместе смотрели вниз, во двор, на «скорую», бесконечно крутящую свою мигалку. А после она уехала.

Я вдруг почувствовал, что и его больше нет рядом. Пустая крыша, антенны, трубы, тепло солнца. И скрипичный ключ. Чуть тронул его лапой — и он заболтался туда-сюда, как маятник. Я решил, что не вернусь сюда. Не вернусь до той поры, пока не выполню порученное. Не найду еще одного человека со скрипкой. Пусть даже для этого придется обойти весь Париж.

И я отправился на поиски.

Мяне паспрабавалі таксама забраць, але я не даўся – я не такі просты, каб так проста здавацца незнаёмцам у белым. І, зноўку выбраўшыся ў акно, цудам не забытаўшыся ў цюлі, забраўся на дах. Ён таксама стаяў побач, патрапаў мяне па галаве, з-за чаго мая поўсьць дуба стала, нібы ад электрычнасці, і мы разам глядзелі ўніз, у двор, на «хуткую», якая бясконца круціла сваю мігалку. А пасля яна з’ехала.

Я раптам адчуў, што і яго больш няма побач. Пусты дах, антэны, трубы, цяпло сонца. І скрыпічны ключ. Ледзь крануў яго лапай – і ён заматляўся туды-сюды, як маятнік. Я вырашыў, што не вярнуся сюды. Не вярнуся да той пары, пакуль не выканаю даручанае. Не знайду яшчэ аднаго чалавека са скрыпкай. Хай нават для гэтага прыйдзецца абысці ўвесь Парыж. І я адправіўся на пошукі.

Ольга Молодцова

Воьга Маладцова

Ольга Молодцова родилась 10 июля 1992 года в Республике Казахстан. В 2003 году вместе с семьей переехала в Беларусь. Воспитывалась мамой и бабушкой. Писать начала в 10 лет. Занималась танцами (бальными и народными), участвовала вместе с танцевальным коллективом в разных конкурсах. В 2007 году переехала в г. Минск вместе с мамой. В 2010 году успешно окончила школу и поступила на филологический факультет БГУ. Вместе с однокурсниками основала факультетскую газету «ФилфакТаймс». Для газеты брала интервью у Татьяны Ивановны Шамякиной, Людмилы Владимировны Карповой, Веры Юрьевны Жибуль, Ивана Семеновича Ровды. Также публиковала в газете свои творческие работы. Сейчас работает в сельской школе. Мечтает реализовать свой творческий потенциал и побывать в Испании.

Вольга Маладцова нарадзілася 10 ліпеня 1992 года ў Рэспубліцы Казахстан. У 2003 годзе разам з сям'ёй пераехала ў Беларусь. Выхоўвалася мамай і бабуляй. Пісаць пачала ў 10 гадоў. Займалася танцамі (бальнымі і народнымі), удзельнічала разам з танцавальным калектывам у розных конкурсах. У 2007 годзе пераехала ў г. Мінск разам з мамай. У 2010 годзе паспяхова скончыла школу і паступіла на філалагічны факультэт БДУ. Разам з аднакурснікамі заснавала факультэцкую газету «ФілфакТаймс». Для газеты брала інтэрв'ю ў Таццяны Іванаўны Шамякінай, Людмілы Уладзіміраўны Карпавай, Веры Юр'еўны Жыбуль, Івана Сямёнавіча Роўды. Таксама публікавала ў газеце свае творчыя работы. Цяпер працуе ў сельскай школе. Марыць рэалізаваць свой творчы патэнцыял і пабываць у Іспаніі.

МИНСК — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Здравствуй, это я!

Рожденная среди казахских степей, я и не мечтала оказаться в тени высоких зеленоголовых старцев, коими так богата природа Беларуси. Однако волею судьбы, а также решением родителей я оказалась в волшебном мире дриад и русалок. Все сказки, которые когда-то читала мне бабушка, ожили, когда я впервые оказалась в дремучем лесу. Было легко поверить, что где-то среди молоденьких березок прячется лесовик, а на том большом дубе, обхватить который можно только десятью руками, сидит русалка вместе с котом ученым, обсуждая дела насущные.

Природа Беларуси восхитила меня, даже более того — заморозила. И вместе с тем меня не покидало ощущение, что я просто вернулась Домой. Все было мне так знакомо, так близко: и леса, одетые во всевозможные разновидности зеленого кафтана, и речки с длинными серебристыми волосами, и маленькие детки-ручейки — словом, все это было *моё*.

Города, которые мы проезжали, так же приятно поражали мое воображение: чистые, с маленькими домиками-грибочками, с небольшими улочками — казалось, я попала в мир Толкина и вот-вот повстречаю Бильбо или Фродо. Задумавшись над тем, что бы я им сказала, я не заметила, как мы приехали в город, который навсегда завладеет моим сердцем и станет моим Домом.

Добро пожаловать в Минск!

МІНСК – САНКТ-ПЕЦЯРБУРГ

Дзень добры, гэта я!

Народжаная сярод казахскіх стэпаў, я і не марыла апынуцца ў цені высокіх зялёнагаловых старцаў, якімі такая багатая прырода Беларусі. Аднак воляй лёсу, а таксама рашэннем бацькоў я апынулася ў чароўным свеце дрыяд і русалак. Усе казкі, якія калісьці чытала мне бабуля, ажылі, калі я ўпершыню апынулася ў дрымучым лесе. Было лёгка паверыць, што дзесьці сярод маладзенькіх бярозак хаваецца лясун, а на тым вялікім дубе, абхапіць які можна толькі дзесяціцамі рукамі, сядзіць русалка разам з катом вучоным, абмяркоўваючы справы надзённыя.

Прырода Беларусі захапіла мяне, нават больш таго – заваражыла. І разам з тым мяне не пакідала адчуванне, што я проста вярнулася Дамоў. Усё было мне так знаёма, так блізка: і лясы, апранутыя ў разнастайныя разнавіднасці зялёнага кафтана, і рэчкі з доўгімі серабрыстымі валасамі, і маленькія дзеткі-раўчкі – словам, усё гэта было *май*.

Гарады, якія мы праязджалі, гэтак жа прыемна ўражвалі: чыстыя, з маленькімі хаткамі-грыбочкамі, з невялікімі вулачкамі – здавалася, я патрапіла ў свет Толкіна і вось-вось сустрэну Більба ці Фрода. Задумаўшыся над тым, што б я ім сказала, я не заўважыла, як мы прыехалі ў горад, які назаўжды завалодае маім сэрцам і стане маім Домам. Сардэчна запрашаем у Мінск!

Вітанне з горада М.

– *Здравстуй.*

– *Здравстуй.*

Здравствуй из города М.

- Здравствуй.
- Здравствуй.
- Мы с тобой еще не знакомы, но мне сказали, что скоро.
- Очень скоро, любовь моя.
- Ты ждешь?
- Я жду.
- Меня?
- Тебя.
- А где встретимся?
- В городе М.
- В Москве или, может быть, Минске?
- Нон, мон шер. Просто в городе М.
- А ты уже там?
- Конечно.
- Так мне поспешить?
- Не спеши. У нас впереди с тобой Вечность.
- Тогда ты мне что-нибудь расскажи.
- Что, моя дорогая?
- Историю нашей любви.
- В стихах или прозе?
- Не важно, но ты не молчи, не молчи. Мне нравится этот голос, голос из города М.
- Спи. А я расскажу. О нашей. Счастливой. Любви.
- Дорогой, подожди, ты знаешь, ведь города М. нет.
- Не бойся. Спи. Я расскажу, как меня найти.

- *Мы с тобой еще не знакомы, но мне сказали, что скоро.*
- *Очень скоро, любовь моя.*
- *Ты ждешь?*
- *Я жду.*
- *Меня?*
- *Тебя.*
- *А где встретимся?*
- *В городе М.*
- *В Москве или, может быть, Минске?*
- *Нон, мон шер. Просто в городе М.*
- *А ты уже там?*
- *Конечно.*
- *Так мне поспешить?*
- *Не спеши. У нас впереди с тобой Вечность.*
- *Тогда ты мне что-нибудь расскажи.*
- *Что, моя дорогая?*
- *Историю нашей любви.*
- *В стихах или прозе?*
- *Не важно, но ты не молчи, не молчи. Мне нравится этот голос, голос из города М.*
- *Спи. А я расскажу. О нашей. Счастливой. Любви.*
- *Дорогой, подожди, ты знаешь, ведь города М. нет.*
- *Не бойся. Спи. Я расскажу, как меня найти.*

Я не магу дакладна ўспомніць сваіх адчуванняў у першы дзень з-за мітусні, якая панавала на вакзале і ў маёй галаве. Усё-такі мы пераадолелі такія шлях, сустрэліся з роднымі, не да горада мне было. Не да яго мне было і ў наступныя дні: госці, падарункі, шэраг

Я не могу точно вспомнить свои ощущения в первый день из-за суеты, царившей на вокзале и в моей голове. Все-таки мы преодолели такой путь, встретились с родными, не до города мне было. Не до него мне было и в последующие дни: гости, подарки, ряд нескончаемых вопросов, разбор документов, покупка мебели... Сейчас все это вспоминается как одно мгновение, но на деле это заняло достаточно много времени. Так что знакомство с моим городом М. пришлось отложить.

Когда же произошло мое настоящее знакомство с городом? Уж точно не тогда, когда меня повели на обзорную экскурсию, не тогда, когда я оказалась в парке аттракционов, и даже не тогда, когда сидела с мамой в кафе. Нет, мое настоящее знакомство с городом М. произошло значительно позже.

Мы тогда жили в районе Тракторного завода. Друзей я там как-то еще не успела завести, а мама была на работе. Чтобы не сидеть одной в комнате, я решила прогуляться, благо в пространстве я неплохо ориентируюсь. Выйдя из дома, я пошла вдоль реки. Шум дороги не отвлекал меня, наоборот, помогал увидеть будничное лицо города. Я шла и улыбалась, все было таким красивым в этот утренний час: маленькие елочки — *пушистики*, как я их назвала, в контрасте с прекрасными, но глубоко несчастными ивами, склонившими свои ветви прямо к воде, видно, жаловались ей на свою печальную судьбу. А еще там был небольшой водопадик. Он так шумел, так изо всех сил старался перекричать своим звонким голоском шум дороги, что иногда ему это даже удавалось. Я села на скамейку около водопада и погрузилась в чтение...

Сейчас, много лет спустя, это место все еще остается для меня важным. Я редко бываю в той части города, но когда случай забрасывает меня туда, я иду к тому водопаднику, сажусь на скамейку и погружаюсь в воспоминания о нашей первой встрече с тобой.

бясконцых пытанняў, разбор дакументаў, купля мэблі... Цяпер усё гэта ўспамінаецца як адно імгненне, але на справе гэта заняло досыць шмат часу. Так што знаёмства з маім горадам М. прыйшлося адкладзіць.

Калі ж адбылося маё сапраўднае знаёмства з горадам? Дакладна ж не тады, калі мяне павялі на аглядную экскурсію, не тады, калі я апынулася ў парку атракцыёнаў, і нават не тады, калі сядзела з мамай у кафэ. Не, маё сапраўднае знаёмства з горадам М. адбылося значна пазней.

Мы тады жылі ў раёне Трактарнага завода. Сяброў я там неяк яшчэ не паспела завесці, а мама была на працы. Каб не сядзець адной у пакоі, я вырашыла прагуляцца, добра, што ў прасторы я нядрэнна арыентуюся. Выйшаўшы з дома, я пайшла ўздоўж ракі. Шум дарогі не адцягваў маёй увагі, наадварот, дапамагаў убачыць будзённы твар горада. Я ішла і ўсміхалася, усё было такім прыгожым у гэту ранішнюю гадзіну: маленькія ялінкі – *пушысцікі*, як я іх назвала, у кантрасце з выдатнымі, але глыбока няшчаснымі вербамі, якія схілілі свае галіны прама да вады, відаць, жаліліся ёй на свой сумны лёс. А яшчэ там быў невялікі вадаспадзік. Ён так шумеў, штосілы імкнуўся перакрычаць сваім звонкім галаском шум дарогі, што часам у яго гэта нават атрымлівалася. Я села на лаўку каля вадаспада і паглыбілася ў чытанне...

Цяпер, праз шмат гадоў, гэта месца ўсё яшчэ застаецца для мяне важным. Я рэдка бываю ў той частцы горада, але, калі выпадак закідае мяне туды, я іду да таго вадаспадзіка, саджуся на лаўку і ўспамінаю нашу першую сустрэчу з табой.

Год прайшоў ці больш, толькі Мінск не пераставаў і не перастае мяне здзіўляць. Чым больш я гуляла, тым больш адкрывала новыя ўражваючыя куткі, пра якія не распавядаць ні на адной экскурсіі.

Я палюбіла сядзець у скверыку каля Купалаўскага тэатра. Ці то мая любоў да тэатраў наогул, і да Купалаўскага ў прыватнасці, ці то ўспаміны пра маё першае спатканне, ці незвычайная атмасфера самога сквера, але, здаецца, няма даражэйшага майму сэрцу

Год прошел или больше, только Минск не переставал и не перестает меня удивлять. Чем больше я гуляла, тем больше открывала новые потрясающие уголки, про которые не расскажут ни на одной экскурсии.

Я полюбила сидеть в скверике около Купаловского театра. То ли моя любовь к театрам вообще, и к Купаловскому в частности, то ли воспоминания о моем первом свидании, то ли необыкновенная атмосфера самого сквера, но, кажется, нет более дорогого моему сердцу места. Встречи с друзьями, потом с учителями, потом с собой... Это место для меня обладает удивительной способностью: вселяет в мою душу мир, спокойствие, любовь и добро. Глядя на фонтан, бегущую воду, лебедя и мальчика, я переношусь в новый мир. И вот уже сессия не проблема, гос. экзамен — вообще пустяк, ссора с возлюбленным... а как же без ссор? Решения приходят сами собой. Это удивительно и необъяснимо, но так оно и есть.

Также близким и родным для меня стал и сам Купаловский театр. Никогда бы не подумала, что маленький зал с изумрудными стенами станет для меня самым настоящим и родным домом. Впервые я пришла в этот театр со своими одноклассниками на спектакль «Сялянка» по пьесе Дунина-Мартинкевича. Настроена я была, признаться, скептически. После огромного и шикарного зала театра музыкальной комедии Купаловский театр показался мне маленьким и нескладным. Я не ожидала от пьесы ничего особенного, как и от игры актеров. Однако с первых же минут спектакля я осознала, насколько была не права, до обидного несправедлива. Я пыталась судить по внешнему виду, забыв, что платье бывает разного фасона и кроя. Меня покорила игра актеров, их искренность, пленила «мілагучная беларуская мова», легкость и воздушная красота зала, который больше не казался мне простоватым и нескладным. Так я навсегда стала поклонницей Купаловского.

Мой город, моя любовь к тебе навеки! Где бы я ни была, Дом для меня — это ты!

месца. Сустрэчы з сябрамі, потым з настаўнікамі, потым з сабой... Гэта месца для мяне валодае дзіўнай здольнасцю: усяляе ў маю душу мір, спакой, любоў і дабро. Гледзячы на фантан, бягучую ваду, я пераношуся ў новы свет. І вось ужо сесія не праблема, дзяржаўны экзамен – наогул дробязь, сварка з каханым... а як жа без сварак? Рашэнні прыходзяць самі сабой. Гэта дзіўна і невытлумачальна, але так яно і ёсць.

Таксама блізкім і родным для мяне стаў і сам Купалаўскі тэатр. Ніколі б не падумала, што маленькая зала са смарагдавымі сценамі стане для мяне самым сапраўдным і родным домам. Упершыню я прыйшла ў гэты тэатр са сваімі аднакласнікамі на спектакль «Сялянка» па п'есе Дуніна-Марцінкевіча. Настроена я была, прызнацца, скептычна. Пасля велізарнай і шыкоўнай залы тэатра музкамедыі Купалаўскі тэатр падаўся мне маленькім і няскладным. Я не чакала ад п'есы нічога асаблівага, як і ад гульні акцёраў. Аднак з першых жа хвілін спектакля я ўсвядоміла, наколькі была не правая, да крыўды несправядлівая. Я спрабавала судзіць па вонкавым выглядзе, забыўшыся, што сукенка бывае рознага фасону і крою. Мяне пакарыла гульня акцёраў, іх шчырасць, паланіла «мілагучная беларуская мова», лёгкасць і паветраная прыгажосць залы, якая больш не падавалася мне праставатай і няскладнай. Так я назаўжды стала паклонніцай Купалаўскага.

Мой горад, мая любоў да цябе навекі! Дзе б я ні была, Дом для мяне – гэта ты!

Ну, дзень добры, Піцер!

*Я не знаю, правда или ложь.
Только жду, что ты ко мне вот-вот придешь.
Нам так много нужно рассказать,
Только знаешь, лучше все же помолчать.*

Ну, здравствуй, Питер!

*Я не знаю, правда или ложь.
Только жду, что ты ко мне вот-вот придешь.
Нам так много нужно рассказать,
Только знаешь, лучше все же помолчать.
Душам нашим ни к чему слова.
Все и так понятно, если скажешь «да»,
Если просто молча подойдешь,
Нежно приобнимешь...
Дождь — не дождь.
Обещанья, глупые слова, —
Все это пустое.
Ты скажи лишь «да».
Я люблю тебя.
Правда
ИЛИ
Ложь?
Точно знаю, в мае ты ко мне придешь!*

29 мая 2014

Едем в Питер. Свободного времени, надеюсь, будет предостаточно. Если получится, постараюсь купить билеты в театр. Настроение хорошее, предвкушаю встречу с этим городом, в котором я так давно мечтала побывать.

*Душам нашим ни к чему слова.
Все и так понятно, если скажешь «да»,
Если просто молча подойдешь,
Нежно приобнимешь...
Дождь — не дождь.
Обещанья, глупые слова, —
Все это пустое.
Ты скажи лишь «да».
Я люблю тебя.
Правда
ППП
Ложь?
Точно знаю, в мае ты ко мне придешь!*

29 мая 2014

Едзем у Піцер. Вольнага часу, спадзяюся, будзе больш чым дастаткова. Калі атрымаецца, паспрабую купіць квітку ў тэатр. Настрой добры, прадчуваю сустрэчу з гэтым горадам, у якім я так даўно марыла пабываць.

30 мая 2014

Раніца. Дождж. Піцер.

30 мая 2014

Утро. Дождь. Питер.
Только въехали в город, а настроение уже питерское.
Ну, здравствуй, мужчина моей мечты!

30 мая 2014. Утро.

Сейчас в Питере цветет сирень. Это просто восхитительно! Воздух после дождя свежий, а сирень к тому же добавляет еле уловимый сладкий аромат городу. Поражает и его чистота. Я в восторге!

Тот же день. Обед.

Я в Петергофе!

Нужны ли еще какие-либо слова? Здесь просто потрясающе! Финский залив... это свобода, это вдохновение! Я уже обожаю эти фонтаны, парки, дворцы! Это музыка Питера, которая вдохновляет меня!

*Музыка в каждом движенье,
Даже во взмахе ресниц.
И в перезвоне капели,
В шепоте учениц.
Только послушай,
Ветер альтам звенит в ушах,
Басом стучит по крыше
Дождь —
Кап-кап-кап.*

Толькі ўехалі ў горад, а настрой ужо піцёрскі.
Ну, прывітанне, мужчына маёй мары!

30 мая 2014. Раніца.

Зараз у Піцеры квітнее бэз. Гэта проста цудоўна! Паветра пасля дажджу свежае, а бэз да таго ж дадае ледзь улоўны салодкі водар гораду. Дзівіць і яго чысціня. Я ў захапленні!
Той жа дзень. Абед.
Я ў Пецяргофе!
Ці патрэбныя яшчэ якія-небудзь словы? Тут проста апшаламляльна! Фінскі заліў... гэта свабода, гэта натхненне! Я ўжо люблю гэтыя фантаны, паркі, палацы! Гэта музыка Піцера, якая натхняе мяне!

*Музыка в каждом движении,
Даже во взмахе ресниц.
И в перезвоне капли,
В шепоте учениц.
Только послушай,
Ветер альтам звенит в ушах,
Басом стучит по крыше
Дождь –
Кап-кап-кап.
И колокольчатым эхом
Бежит-звенит ручеек,
В доме с прогнувшейся крышей
Кто-то играет CONCERT.*

*И колокольчатым эхом
Бежит-звонит ручеек,
В доме с прогнившей крышей
Кто-то играет CONCERT.
Только послушай,
Как в мае вишни в садах цветут,
Как зимой созревает
Заморский оранжевый фрукт.
Как бьется сердце друга
Сначала спокойно — ДО,
Еще подожди, подруга, —
И вот уже —
ДО-РЕ-МИ-СОЛЬ-ФА-СИ-ДО.
Музыка в струнах, в нервах,
В крике детей, матерей,
В зале, где папы встречают
Впервые своих детей.
Музыка без начала.
Музыке нет конца.
А мне говорят: «Видите ли,
Музыка начинается
Со скрипичного ключа».*

*Только послушай,
Как в мае вишни в садах цветут,
Как зимой созревает
Заморский оранжевый фрукт.
Как бьется сердце друга
Сначала спокойно – ДО,
Еще подожди, подруга, –
И вот уже –
ДО-РЕ-МИ-СОЛЬ-ФА-СИ-ДО.
Музыка в струнах, в нервах,
В крике детей, матерей,
В зале, где папы встречают
Впервые своих детей.
Музыка без начала.
Музыке нет конца.
А мне говорят: «Видите ли,
Музыка начинается
Со скрипичного ключа».*

13.30

Пагуляла ў верхнім парку Пецяргофа. Ён цудоўны. Так дагледжаны, адразу бачны праца і клопат людзей, якія жывуць тут. Як бы я хацела тут жыць: мора, палацы, фантаны... Напэўна, гэта мой рай.

13.30

Погуляла в верхнем парке Петергофа. Он восхитителен. Так ухожен, сразу виден труд и забота людей, живущих здесь. Как бы я хотела здесь жить: море, дворцы, фонтаны... Наверное, это мой рай.

И вот еще, я решила: Минск мне муж, а Питер — мой любовник! Обожаю этот город!

19.15

Побывала на Смоленском кладбище. Причина, по которой я так хотела побыть именно в этом месте, в небольшой часовенке Ксении Петербургской. Правда, найти это место оказалось труднее, чем я думала. В Питере — и это минус! — мало указателей. Ну, или это я чего-то не замечаю. Купила себе «Божественную комедию» Данте. Мой подарок от возлюбленного... Настроение церковное, торжественное. Помолилась о бабушке.

22.30

Купила билеты в театр! Это так здорово. Погуляла по Невскому, отыскала главный книжный магазин и даже разобралась в питерском метрополитене! Люблю тебя! Ты вдохновляешь!

*И хочется сказать «Прости»,
Хоть я ни в чем не виновата.*

І вось яшчэ я вырашыла: Мінск мне муж, а Піцер – мой палюбоўнік! Люблю гэты горад!

19.15

Пабывала на Смаленскіх могілках. Прычына, па якой я так хацела пабыць менавіта ў гэтым месцы, у невялікай каплічцы Ксеніі Пецяўбургскай. Праўда, знайсці гэта месца было цяжэй, чым я думала. У Піцеры – і гэта мінус! – мала паказальнікаў. Ну, ці гэта я чагосьці не заўважаю. Купіла сабе «Боскую камедыю» Дантэ. Мой падарунак ад каханага... Настрой царкоўны, урачысты. Памалілася пра бабулю.

22.30

Купіла квітку ў тэатр! Гэта так выдатна. Пагуляла па Неўскім, адшукала галоўную кнігарню і нават разабралася ў піцёрскім метрапалітэне!
Люблю цябе! Ты натхняеш!

*II хочется сказать «Прости»,
Хоть я ни в чем не виновата.
Все это майские дожди
Волнуют сердце, что чревато.
Я не хотела уходить
II оставаться не хотела.*

*Все это майские дожди
Волнуют сердце, что чревато.
Я не хотела уходить
И оставаться не хотела.
Нам в ВЕЧНОСТИ б с тобой застыть,
Но нас прогнала Королева.
Вагон метро,
Мой поезд,
Время.
Я уйду в свое похмелье.
Ты остаешься на платформе.
Минута — Вечность.
Двери молний
И -----
ТИ— ШИ— НА.
Ни звука больше
Не удержал.
Осталось только
Многоточие...*

31 мая 2014

Три часа ночи. А я только вернулась с ночной экскурсии. Потрясающе! И какой великолепный рассказчик наш гид! И про Достоевского нам рассказал, и про Пушкина, и про Романовых, и поверья разные... Питер действительно может быть разным. И он для каждого свой.

*Нам в ВЕЧНОСТИ б с тобой застыть,
Но нас прогнала Королева.
Вагон метро,
Мой поезд,
Время.
Я ухожу в свое похмелье.
Ты остаешься на платформе.
Минута – Вечность.
Двери молний
II -----
ТII– ШII– НА.
Ни звука больше
Не удержал.
Осталось только
Многоточие...*

31 мая 2014

Тры гадзіны ночы. А я толькі вярнулася з начной экскурсіі. Узрушаюча! І які выдатны
расказчык наш гід! І пра Дастаеўскага нам распавёў, і пра Пушкіна, і пра Раманавых,
і павер’і розныя... Піцер сапраўды можа быць розным. І ён для кожнага свой.
Для мяне Піцер – гэта суровы мужчына, не ў сэнсе злы, але, як Рэд Батлер, сапраўдны
мужчына, вельмі прываблівы. Мефістофель...
Люблю я яго. Проста люблю насуперак усяму.
Дабранач, Петраград. Да... сёння!

Для меня Питер — это суровый мужчина, не в смысле злой, но, как Рэд Баттлер, настоящий мужчина, очень притягательный. Мефистофель... Люблю я его. Просто люблю вопреки всему. Спокойной ночи, Петроград. До... сегодня!

31 мая 2014. 10.20

Утро. Обзорная экскурсия. Свежее утро, вкусно пахнет Питером. И еще светит солнышко... Я в предвкушении сегодняшнего дня!

15.40

Мы побывали в Петропавловской крепости. Ни для кого не секрет, что именно там находился Федор Достоевский в ожидании решения императора. Как это страшно! На весах императора: жизнь или смерть. А ты полуживой и полумертвый от этой неизвестности. Хуже наказания нельзя и придумать! Как на самом деле это жестоко!

Побывали на набережной, около «Авроры», в которую теперь не пускают. А после экскурсии я отправилась на смотровую площадку в Исаакиевский собор. И это было просто потрясающе! Питер с высоты птичьего полета, кажется, его вместе с его соборами, парками и скверами можно уместить у меня на ладони! Чувствуешь себя свободной, как птицы!

Сейчас еду в парк, а записи делаю прямо в метро! Как романтично...

31 мая 2014. 10.20

Раніца. Аглядная экскурсія. Свежая раніца, смачна пахне Піцерам. І яшчэ свеціць сонейка... Я ў прадчуванні сённяшняга дня!

15.40

Мы пабывалі ў Петрапаўлаўскай крэпасці. Ні для каго не сакрэт, што менавіта там знаходзіўся Фёдар Дастаеўскі ў чаканні рашэння імператара. Як гэта страшна! На шлях імператара: жыццё ці смерць. А ты напаўжывы і напаўмёртвы ад гэтай неведомасці. Горш пакарання нельга і прыдумаць! Як насамрэч гэта жорстка!

Пабывалі на набярэжнай, каля «Аўроры», у якую цяпер не пускаюць. А пасля экскурсіі я адправілася на аглядную пляцоўку ў Ісакіеўскі сабор. І гэта было проста цудоўна! Піцер з вышыні птушынага палёту, здаецца, яго разам з яго саборамі, паркамі і скверамі можна змясціць у мяне на далоні! Пачуваеш сябе вольнай, як птушкі!

Цяпер еду ў парк, а запісы раблю прама ў метро! Як рамантычна...

16.30

Цяпер я знаходжуся ў парку. Толькі што пакаталася на рускіх горках і фарсажы! Гэта, вядома, вельмі класна, толькі я адчула сябе вельмі адзінокай. Сюды б з маімі сябрамі прыехаць, як было б здорава... Чамусьці ўспомніўся Севастопаль...

16.30

Сейчас я нахожусь в парке. Только что покаталась на русских горках и форсаже! Это, конечно, очень классно, только уж очень я почувствовала себя одинокой. Сюда бы с моими друзьями приехать, как было бы здорово... Почему-то вспомнился Севастополь...

19.10

Еле успела в театр. Так получилось, что я, которая нигде не теряется (разве что в Минском метрополитене ☺), вышла с другого выхода и очень долго не могла сообразить, в какой стороне наша гостиница. А гостиница мне нужна была, чтобы я переоделась. Не в джинсах ведь в театр идти! Но на самом деле мне очень повезло, я встретила (какова вероятность на самом деле!) знакомых, которые мне подсказали, куда бежать. Быстро добежав до гостиницы, вся мокрая, я побежала в душ, быстро собралась — и опять бежать. Понимая, что жутко опаздываю, я хотела уже было брать такси, но, услышав цену, быстро передумала. Мне кажется, что сам Питер, как галантный джентльмен, вел меня. Иначе как объяснить, что с первого раза я повернула в нужном направлении, отыскала нужную улицу и вбежала в театр в 19.10!!!

И даже не это удивительно. Именно в этот день, в этом театре спектакль задержали на 15 минут!!! Как будто специально для меня!

Что касается самого театра. Драматический театр имени Комиссаржевской располагается на улице Итальянской. Это относительно небольшой (чуть больше Купаловского) зал, оформленный в моем любимом зеленом цвете. Красивая люстра, которая может посоревноваться с люстрой Купаловского, занимает почти все пространство высокого потолка. Ангелы поддерживают колонны. Сцена

19.10

Ледзь паспела ў тэатр. Так атрымалася, што я, якая нідзе не губляецца (хіба што ў Мінскім метрапалітэне ☺), выйшла з іншага выхаду і вельмі доўга не магла ўцяміць, у якім боку наша гасцініца. А гасцініца мне патрэбна была, каб я перапрапулася. Не ў джынсах жа ў тэатр ісці! Але насамрэч мне вельмі папанцавала, я сустрэла (якая верагоднасць насамрэч!) знаёмых, якія мне паказалі, куды бегчы. Хутка дабегшы да гасцініцы, уся мокрая, я пабегла ў душ, хутка сабралася – і зноў бегчы. Разумеючы, што жудасна спазняюся, я хацела ўжо была браць таксі, але, пачуўшы кошт, хутка перадумала. Мне здаецца, што сам Піцер, як галантны джэнтльмен, вёў мяне. Інакш як растлумачыць, што з першага разу я павярнула ў патрэбным кірунку, адшукала патрэбную вуліцу і ўбегла ў тэатр у 19.10!!!

І нават не гэта дзіўна. Менавіта ў гэты дзень у гэтым тэатры спектакль затрымалі на 15 хвілін!!! Як быццам спецыяльна для мяне!

Што тычыцца самога тэатра. Драматычны тэатр імя Камісаржэўскай размяшчаецца на вуліцы Італьянскай. Гэта адносна невялікая (ледзь больш за Купалаўскага) зала, аформленая ў маім любімым зялёным колеры. Прыгожая люстра, якая можа паспаборнічаць з люстрай Купалаўскага, займае амаль усю прастору высокай столі. Анёлы падтрымліваюць калоны. Сцэна вялікая, справа размяшчаецца адна ложа. Зялёны колер разбаўляецца бэзавым і залатым. Зрэшты, вельмі ўтульна!

21.00

Спектакль «Шэсць страў з адной курыцы» затрымалі на 15 хвілін. Зразумела, у зале ўжо паднімаўся незадаволены гул. Аднак, як толькі адкрылася заслона, усе мы аб усім

большая, справа располагается одна ложа. Зеленый цвет разбавляется сиреневым и золотым. В общем-то, очень уютно!

21.00

Спектакль «Шесть блюд из одной курицы» задержали на 15 минут. Естественно, в зале уже поднимался недовольный гул. Однако как только открылся занавес, все мы обо всем забыли! Жизнь, которую представили нам в 1 действии, полностью поглотила нас. Всегда актуальный сюжет: мать, которая не дает своему сыну спокойно жить; сын, который разрывается между матерью и женой; жена, которая страдает от постоянных нравоучений свекрови. На самом деле это была комедия, но по мне — это самая настоящая драма. Мне очень понравилось: живо, интересно, смешно и серьезно! Только в самом конце стало немного грустно. Играла пожилая актриса (но как она играла!) Короткевич, имени я, к сожалению, не запомнила. Мне почему-то кажется, что спектакль задержали именно из-за нее. Сколько же нужно иметь внутренних сил, чтобы так сыграть, нет, прожить на сцене, полностью покоров зрителя. А после она рассказала нам про блокаду. В этот момент я стала истинной петербурженкой. Это ни с чем не сравнимое чувство — на краткий миг стать частью города, частью Петербурга. И за это я тебя, мой Питер, благодарю!

23.40

Несмотря на столь поздний час, еще довольно светло. Пожалуй, немного, но я застала белые ночи. Я очень устала физически, но эта такая мелочь по сравнению со всеми подарками, которые я сегодня получила!

забыліся! Жыццё, якое прадставілі нам у адной дзеі, цалкам паглынула нас. Заўсёды актуальны сюжэт: маці, якая не дае свайму сыну спакойна жыць; сын, які раздзіраецца паміж маці і жонкай; жонка, якая пакутуе ад пастаянных маралей свякрухі. Насамрэч гэта была камедыя, але па мне – гэта самая сапраўдная драма. Мне вельмі спадабалася: жыва, цікава, смешна і сур’ёзна! Толькі ў самым канцы стала трохі сумна. Іграла пажылая актрыса (але як яна іграла!) Караткевіч, імя я, на жаль, не запамніла. Мне чамусьці здаецца, што спектакль затрымалі менавіта з-за яе. Колькі ж трэба мець унутраных сіл, каб так сыграць, не, пражыць на сцэне, цалкам пакарыўшы гледача. А пасля яна распавяла нам пра блакаду. У гэты момант я стала сапраўднай пецяярбуржанкай. Гэта ні з чым не параўнальнае пачуццё на кароткае імгненне стаць часткай горада, часткай Пецяярбурга. І за гэта я табе, мой Піцер, дзякую!

23.40

Нягледзячы на такую познюю гадзіну, яшчэ даволі светла. Мабыць, трохі, але я заспела беляя ночы. Я вельмі стамілася фізічна, але гэта такая дробязь у параўнанні з усімі падарункамі, якія я сёння атрымала!

Пасля тэатра я адправілася да Спасу на Крыві, да якога, праўда, так і не дайшла. Гуляла па Неўскім, сустрэла Яго.

Я зайшла ў краму купіць сувеніраў дамоў. Малады чалавек азірнуўся на звон званочка. Брунет з карымі вачыма (менавіта так я ўяўляла сабе мой Піцер) уважліва глядзеў на мяне. Я ў цудоўнай чорнай ажурнай сукенцы павольна, як у кіно, спускалася ўніз, таксама гледзячы яму прама ў вочы. Нарэшце, сумеўшыся, ён павітаўся, я адказала яму чароўнай усмешкай і таксама сказала «Прывітанне!». Крамка, у якую я зайшла, склада-

После театра я отправилась к Спасу на Крови, до которого, правда, так и не дошла. Гуляла по Невскому, встретила Его.

Я зашла в магазин купить сувениров домой. Молодой человек оглянулся на звон колокольчика. Брюнет с карими глазами (а ведь именно так я представляла себе мой Питер), он смотрел на меня, не отрывая глаз. Я в чудесном черном ажурном платье медленно, как в кино спускалась вниз, тоже глядя ему прямо в глаза. Наконец, смутившись, видимо, он поздоровался, я ответила ему обворожительной улыбкой и тоже сказала «Здравствуй!». Магазины, в который я зашла, состоял из двух отделений. Я прошагала сразу же ко второму, где не было толпы людей. Как оказалось, здесь не было людей потому, что в этом зале были дорогие украшения. Но я не растерялась и с интересом, которого трудно было ожидать от человека, в кармане которого не так уж много денег, стала разглядывать потрясающий кулончик из янтаря. Через некоторое время Он оказался в этом же зале. Пара улыбок, пара взглядов из-под ресниц. Ни для него, ни для меня не было секретом, что между нами возникла какая-то связь...

Как можно дольше я оставалась в магазине, хотя и понимала, как это глупо. Наконец, вздохнув, я покинула Его. Шагая по Невскому, я чувствовала, что ухожу от чего-то близкого и важного.

«Подождите!» — услышала я и, обернувшись, увидела Его.

Мы стояли посредине улицы. Люди проходили мимо, а может, это все лишь прикинулось мне. Без лишних слов мы пошли вместе.

Он показал мне кондитерскую, хотя, по мне, это был самый настоящий сказочный домик. Мы побыли здесь немного, съев потрясающе вкусный макаронас. А затем, узнав, что я писатель, он отвел меня в самый настоящий книжный магазин для писателей! Я была в восторге, хотя ничего необычного в этом магазине не было. Но после встречи с Ним все казалось необычным, проникнутым какой-то нереальностью, зазеркальностью. Потом мы отправились к Фонтанке,

лася з двух аддзяленняў. Я пракрочыла адразу ж да другога, дзе не было натоўпу. Як аказалася, тут не было людзей таму, што ў гэтай зале былі дарагія ўпрыгожанні. Але я не разгубілася і з цікавасцю, якой цяжка было чакаць ад чалавека, у кішэні якога не так ужо шмат грошай, стала разглядаць цудоўны кулончык з бурштыну. Праз некаторы час Ён апынуўся ў гэтай жа зале. Некалькі ўсмешак, некалькі позіркаў з-пад век. Ні для яго, ні для мяне не было сакрэтам, што паміж намі паўстала нейкая сувязь...

Як мага даўжэй я заставалася ў краме, хоць і разумела, як гэта недарэчна. Нарэшце, уздыхнуўшы, я пакінула Яго. Крочачы па Неўскім, я адчувала, што сыходжу ад чагосьці блізкага і важнага.

«Пачакайце!» – пачула я і, абярнуўшыся, убачыла Яго.

Мы стаялі пасярэдзіне вуліцы. Людзі праходзілі міма, а можа, гэта ўсё толькі здалося мне. Без лішніх слоў мы пайшлі разам.

Ён паказаў мне кандытарскую, хоць, як па мне, гэта была самая сапраўдная казачная хатка. Мы пабылі тут трохі, з’еўшы вельмі смачны макаронас. А затым, даведаўшыся, што я пісьменнік, ён адвёў мяне ў самую сапраўдную кнігарню для пісьменнікаў! Я была ў захапленні, хоць нічога незвычайнага ў гэтай краме не было. Але пасля сустрэчы з Ім усё здавалася незвычайным, прасякнутым нейкай нерэальнасцю, пазалюстэркавасцю. Потым мы адправіліся да Фантанкі, дзе на мосце кахання ён падарыў мне той самы кулончык, што я разглядала ў краме, а затым нечакана мяне пацалаваў. Ніколі не думала, што я змагу палавацца з амаль незнаёмым мне чалавекам. Але часам ты проста разумееш, што гэта тваё. Твой горад. Твой дом. Твой чалавек! І не важна, што праз 24 гадзіны я з’еду, і яшчэ раней расстануся з тым, у каго закахалася з першага позірку. Ніхто не ў сілах адняць у нас нашы ўспаміны пра гэты дзень, ніхто не ў сілах змяніць нашы пачуцці!

Я загадала два жаданні, ведаю, мой горад-палюбоўнік абавязкова іх выканае...

где на мосту любви он подарил мне тот самый кулончик, что я рассматривала в магазине, а затем неожиданно меня поцеловал. Никогда не думала, что я смогу целоваться с почти незнакомым мне человеком. Но иногда ты просто понимаешь, что это твое. Твой город. Твой дом. Твой человек! И не важно, что через 24 часа я уеду, и еще раньше расстанусь с тем, в кого влюбилась с первого взгляда. Никто не в силах отнять у нас наши воспоминания об этом дне, никто не в силах изменить наши чувства!

Я загадала два желания, знаю, мой город-любовник обязательно их исполнит...

*Давай немного помолчим,
Слова лишь делают больнее.
Давай немного погрустим,
У нас осталось еще время.
Твои глаза.
Мои глаза.
Застывшая мольба о счастье.
— Прости меня.
— Прощу тебя. Но не смогу с тобой остаться.
— Люби меня.
— Люблю тебя. Но не могу с тобой остаться.
— Тогда забудь, оставь меня. Сотри себя из моей жизни.
— Я не могу, хоть и хочу, но не смогу с тобой расстаться.
...давай немного помолчим.
От слов больнее, ты же знаешь.
Давай немного погрустим,
Качая в колыбели время...
Твои глаза.*

*Давай немного помолчим,
Слова лишь делают больнее.
Давай немного погрустим,
У нас осталось еще время.
Твои глаза.
Мои глаза.
Застывшая мольба о счастье.
– Прости меня.
– Прощу тебя. Но не смогу с тобой остаться.
– Люби меня.
– Люблю тебя. Но не могу с тобой остаться.
– Тогда забудь, оставь меня. Сотри себя из моей жизни.
– Я не могу, хоть и хочу, но не смогу с тобой расстаться.
...давай немного помолчим.
От слов больнее, ты же знаешь.
Давай немного погрустим,
Качая в колыбели время...
Твои глаза.
Мои глаза.
Застывшая мольба о счастье.
– Ты не уйдешь?
– Я не уйду.
– И не забудешь все, что было?
– Я не смогу.
– Но я люблю...
– И я люблю. Не говори больше ни слова.*

*Мои глаза.
Застывшая мольба о счастье.
— Ты не уйдешь?
— Я не уйду.
— И не забудешь все, что было?
— Я не смогу.
— Но я люблю...
— И я люблю. Не говори больше ни слова.
Давай немного помолчим.
.....
Давай немного погрустим.
.....
Застывшая мольба о счастье.*

1 июня 2014. 12.00

Выселились из гостиницы, поехали к Лавре. Очень спокойное, намоленное место. Нашла икону Пантелеимона и Всецарицы. Думать могла только о бабушке. Очень хочется верить, что ей станет лучше. Купила ей серебряный крестик, очень надеюсь, что он ей понравится.

13.00

Институт благородных девиц. Просто потрясающе. Очень бы хотела здесь учиться. Наверное, в прошлой жизни я все-таки жила здесь. Во всяком случае, об этом

Давай немного помолчим.

.....

Давай немного погрустим.

.....

Застывшая мольба о счастье.

1 чэрвеня 2014. 12.00

Выселіліся з гасцініцы, паехалі да Лаўры. Вельмі спакойнае, намоленае месца. Знайшла ікону Панцеляймона і Усецарыцы. Думаць магла толькі пра бабулю. Вельмі хочацца верыць, што ёй стане лепш. Купіла ёй срэбны крыжык, вельмі спадзяюся, што ён ёй спадабаецца.

13.00

Інстытут высакародных дзяўчын. Проста выдатна. Вельмі б хацела тут вучыцца. Напэўна, у мінулым жыцці я ўсё-такі жыла тут. Ва ўсякім выпадку, пра гэта прыемна думаць. Як жа мала я ведаю. Нават пра пісьменнікаў. Блок, аказваецца, пахаваны на Смаленскіх могілках, а надмагілле знаходзіцца на Воўкаўскіх... Трэба абавязкова займацца самаадукацыяй. Успомнілася гутарка з бабуляй.

Я: Усё! Універсітэт і адукацыя мяне цалкам расчаравалі. Жадаю, як Леў Талсты, кінуць усё і заняцца самаадукацыяй.

Бабуля: Унучачка, Леў Талсты быў графам, ён мог сабе дазволіць займацца самаадукацыяй, не навучаючыся ва ўніверсітэце. А мы бедныя людзі...

приятно думать. Как же мало я знаю. Даже о писателях. Блок, оказывается, похоронен на Смоленском кладбище, а надгробие находится на Волковском... Надо обязательно заниматься самообразованием. Вспомнился разговор с бабушкой.
Я: Всё! Университет и образование меня полностью разочаровали. Хочу, как Лев Толстой, бросить все и заняться самообразованием.
Бабушка: Внученька, Лев Толстой был графом, он мог себе позволить заниматься самообразованием, не учась в университете. А мы бедные люди...
Против бабушкиной логики не поперешь!
А мы тем временем едем к Казанскому собору.

14.00

Такой огромный собор! Я просто поражаюсь, как?! Как такое могли создать люди! Это просто удивительно, думаю, без помощи высших сил не обошлось! В соборе, конечно, нет того умиротворения, что я ощутила в Лавре. Наверное, потому что много туристов. И все же труд людей не может не восхищать!

15.30

Художник Райт, Клод Желле.
Мумии.
Античный зал.
Потрясающие портреты.
Александровский зал.
Ван Гог.

Супраць бабулінай логікі не папрэш!
А мы тым часам едзем да Казанскага сабора.

14.00

Такі велізарны сабор! Я проста дзіўлюся, як?! Як такое маглі стварыць людзі! Гэта проста дзіўна, думаю, без дапамогі вышэйшых сіл не абышлося! У саборы, вядома, няма таго супакаення, што я адчула ў Лаўры. Напэўна, таму што шмат турыстаў. І ўсё ж праца людзей не можа не захапляць!

15.30

Мастак Райт, Клод Жэле.

Муміі.

Антычная зала.

Узрушаючыя партрэты.

Аляксандраўская зала.

Ван Гог.

К. Манэ і іншыя імпрэсіяністы.

Вось такім для мяне быў Эрмітаж. Прыгожы, багаты, раскошны.

К. Моне и другие импрессионисты.

Вот таким для меня был Эрмитаж. Красивый, богатый, роскошный.

16.30

Питер, мой дорогой и любимый, как я благодарна Богу за встречу с тобой. Ты был в это короткое свидание таким разным, но одинаково потрясающим. Ты столько подарил мне, так обогатил мою жизнь! Я люблю тебя, мой дорогой город-любовник.

Сейчас я иду уже к автобусу, больше остановок не будет.

Еще чуть-чуть — и Оля вернется к своему законному супругу, а пока... 😊

16.30

Піцер, мой дарагі і любімы, як я ўдзячная Богу за сустрэчу з табой. Ты быў у гэта кароткае спатканне такім розным, але аднолькава ўзрушаючым. Ты гэтулькі падарыў мне, так узбагаціў маё жыццё! Я люблю цябе, мой дарагі горад-палюбоўнік.
Зараз я іду ўжо да аўтобуса, больш прыпынкаў не будзе.
Яшчэ крыху – і Оля вернецца да свайго законнага мужа, а пакуль... ☺

Алёна Попко

Алёна Папко

Алёна Попко родилась в небольшой деревушке на Березовщине. В 2012 году окончила факультет иностранных языков Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина. Теперь делится своими знаниями с учениками. Любит путешествовать. Путешествие в Косово (кстати, не первое по счету) настолько захватило ее, что она просто не могла о нем не написать.

Алёна Папко нарадзілася ў невялікай вёсачцы на Бярозаўшчыне. У 2012 годзе скончыла факультэт замежных моў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. Зараз дзеліцца сваімі ведамі з вучнямі. Любіць падарожнічаць. Вандроўка ў Косава настолькі захапіла яе, што яна проста не магла пра яе не напісаць.

ЧУДНОЙ ЧАСОВЩИК, или ОДНАЖДЫ В КОССОВО

Каждый мальчишка в детстве грезит о захватывающих приключениях, подобно средневековым рыцарям и храбрецам-капитанам неуловимых морских кораблей. Но рано или поздно юные мечтатели начинают взрослеть, безвозвратно утрачивая билет в страну сказочного Детства.

Дети — весьма интересный народ. Именно им открыто то, что сокрыто от глаз опытных взрослых. Поэтому детей часто норовят попрекнуть, что они «не от мира сего». А все потому, что в облаках им мерещатся белогривые лошадки, в лесах — коварные шутники-лешие, а за беспорядок, учиненный в своей комнате, дети приписывают вину любящему забавы домовому. И, несмотря на то, что весельчак-домовой — всего лишь вымысел, ваши чада из кожи будут лезть, чтобы доказать обратное. А после подобных убеждений и сам начинаешь сомневаться: может, домовый все же существует?

Так вот, мальчишка Ян обладал всеми упомянутыми качествами, что нередко являлось причиной недоразумений в общении с родителями. «Когда же ты повзрослеешь?» — сетовала мама, когда Ян возвращался из школы с подранными брюками на коленках и наружу выпущенной испачканной рубахой.

Ян, недоумевая, лишь пожимал плечами: рос он довольно-таки быстро, а вот взрослеть особо не спешил. Беззаботное Детство, прячась за его спиной, втихомолку посмеивалось над его чудачествами. К озорному кудрявому мальчугану оно прикипело всем сердцем и расставаться с ним не желало.

На время летних каникул родители Яна решили сложить с себя полномочия в воспитании чада и отправили юного разбойника к бабушке в небольшой городок Коссово. Высвободившись из душных «Жигулей», Ян с интересом стал наблюдать за разгорающимся рассветом: пробудившееся солнышко купалось в душистых ко-

ДЗІЎНЫ ГАДЗІНШЧЫК, альбо АДНОЙЧЫ Ё КОСАВЕ

Кожны хлапчук у дзяцінстве мроіць пра захапляльныя прыгоды, падобна сярэдневяковым рыцарам і храбрацам-капітанам няўлоўных марскіх караблёў. Але рана ці позна юныя летуценнікі пачынаюць сталець, беззваротна губляючы квіток у краіну казачнага Дзяцінства.

Дзеці – вельмі цікавы народ. Менавіта ім адкрыта тое, што ўтоена ад вачэй дасведчаных дарослых. Таму дзяцей часта нарочаць папіннуць, што яны «як не з гэтага свету». А ўсё таму, што аблокі ім здаюцца белагрывымі коньмі, у лясх бачацца падступныя жартаўнікі-лесуны, а за бяладдзе, учыненае ў сваім пакоі, дзеці прыпісваюць віну дамавіку, які любіць забавы. І, нягледзячы на тое, што весялун-дамавік – усяго толькі выдумка, вапшы дзеці са скуры будуць лезці, каб даказаць адваротнае. А пасля падобных перакананняў і сам пачынаеш сумнявацца: можа, дамавік усё ж існуе?

Дык вось, хлапчук Ян валодаў усімі згаданымі якасцямі, што нярэдка было прычынай непаразуменняў у зносінах з бацькамі. «Калі ж ты пасталеш?» – наракала мама, калі Ян вяртаўся са школы з падранымі штанамі на каленках і вонкі выпушчанай запэцканай кашуляй.

Ян, здзіўляючыся, толькі паціскаў плячыма: рос ён даволі-такі хутка, а вось сталець асоба не спяшаўся. Бестурботнае Дзяцінства, хаваючыся за яго спінай, цішком пасмейвалася над яго дзівацтвамі. Да гарэзнага кучаравага хлапчука яно прыкіпела ўсім сэрцам і расставацца з ім не жадала.

У час летніх канікул бацькі Яна вырашылі скласці з сябе паўнамоцтвы па выхаванні свайго дзіцяці і адправілі юнага разбойніка да бабулі ў невялікае мястэчка Косава. Вызваліўшыся з душных «Жыгулёў», Ян з цікавасцю стаў назіраць за світанкам, які

лосьях. Умывшись в целебной утренней росе, оно в ритме плавного вальса стало подниматься выше, заливая румянцем небесный купол. Птицы, встрепенувшись, запели. Округу наполнили жужжащие пчелы и пестрые бабочки. Мальчик во все глаза смотрел на прорезающиеся в туманной дымке стройные березки и широкое озеро, как вдруг мама ухватила его за руку и повела к бабушке.

Ян недовольно насупил густые брови, исподлобья разглядывая несимпатичную старушку, у которой его намеревались оставить родители. Но, несмотря на его кислую мину, выцветшие глаза на морщинистом лице Ольги Алексеевны добродушно улыбнулись внуку.

— С трудом доехали, — поделилась невестка своими переживаниями со свекровью. — Говорила вашему сыну, что нужно купить новую машину. Поговорите с ним, Ольга Алексеевна. Вас он наверняка послушает.

— Поговорю, Риточка, поговорю, — засуетилась женщина, запихивая торчащие на висках седые волосы под цветастую косынку. — Вы же с дороги проголодались. Садитесь за стол. Я вот щи сварила...

Ее добродушный лепет прервал глухой рев двигателя, влетевший в дом через распахнутое настежь окно.

Рита спохватилась:

— Некогда. У нас самолет скоро. Вы уж за Яном присмотрите. А ты, — Рита пригрозила сыну кулаком, — попробуй только ослушаться бабушку! Я тебя в интернат сдам!

Ян испуганно захлопал густыми, как у девочки, ресницами.

— Рита, зачем ты так? — вступилась за внука бабушка. — Он ведь ребенок.

— Только и знает, что хулиганить, двоечник несчастный! Хотя бы одну книгу за лето удосужился прочесть! Смотри у меня! — И Рита, сухо распрощавшись со свекровью, упорхнула за калитку.

— Славка, сынок, как ты? — только и успела прокричать Ольга Алексеевна широкоплечему мужчине, который садился за руль.

разгараўся: абудзіўшыся, сонейка купалася ў духмяных каласах. Умыўшыся ў гаючай ранішняй расе, яно ў рытме плаўнага вальса стала паднімацца вышэй, заліваючы румянцам нябесны купал. Птушкі, схамянуўшыся, заспявалі. Акругу напоўнілі гуллівыя пчолы і пярэстыя матылькі. Хлопчык на ўсе вочы глядзеў на стройныя бярозкі, якія праразаліся ў імглістай смуге, і шырокае возера, як раптам мама ўхапіла яго за руку і павяла да бабулі.

Ян незадаволена нахмурыў густыя бровы, спадылба разглядаючы несімпатычную бабульку, у якой яго намерваліся пакінуць бацькі. Але, нягледзячы на яго кіслую міну, выцвілыя вочы на маршчыністым твары Вольгі Аляксееўны лагодна ўсміхнуліся ўнуку. – Ледзь даехалі, – падзялілася нявестка сваімі перажываннямі са свякроўю. – Казала вашаму сыну, што трэба купіць новую машыну. Пагаварыце з ім, Вольга Аляксееўна. Вас ён напэўна паслухае.

– Пагавару, Рыгачка, пагавару, – замітусілася жанчына, запіхваючы сівыя валасы, якія тырчалі на скронях, пад квяцістую хустку. – Вы ж з дарогі прагаладаліся. Садзіцеся за стол. Я вось капусту зварыла...

Яе лагодную гаворку перапыніў глухі роў рухавіка, які ўляцеў у хату праз расчыненае насцеж акно.

Рыга спахапілася:

– Няма калі. У нас самалёт хутка. Вы ўжо за Янам прыгледзьце. А ты, – Рыга прыстрашыла сына кулаком, – паспрабуй толькі не паслухацца бабулі! Я цябе ў інтэрнат здам! Ян спалохана захлопаў густымі, як у дзяўчынкі, вейкамі.

– Рыга, навошта ты так? – уступілася за ўнука бабуля. – Ён жа дзіця.

– Толькі і ведае, што хуліганіць, двоечнік няпчасны! Хоць бы адну кнігу за лета прачытаў! Глядзі ў мяне! – І Рыга, суха развітаўшыся са свякроўю, выпырхнула за брамку.

— Все хорошо, мама! На море едем! — бросил тот на ходу и повернул ключ зажигания.

Пока Ольга Алексеевна кое-как доковыляла до калитки — «жигуль» завелся и вырулил на дорогу.

Переведя дыхание, седоволосая женщина осенила крестным знаменем машину сына, ныряющую за крутой поворот.

— Уехали... — с горечью произнесла она.

— Уехали! — радостно прокричал Ян, не веря своему счастью.

Наконец-то! Грядут кардинальные изменения в жизни. Да здравствует лето! Да здравствует свобода и самые яркие в его жизни КАНИКУЛЫ!

Яну не составило труда найти в Коссово новых друзей. С высоким и тощим, как осиновое бревно, девятиклассником Ромкой, старшим его на три года, он быстро нашел общий язык и даже прозвал Веснушкой. Тот не обижался. Шутил, что веснушки — подарок солнца, который достается не каждому. Хотелось Яну также подружиться и с русоволосой красавицей Веркой, младшей на год. Но рассудительная девочка со взрослыми не по возрасту глазами, кроме своих книг, ничего и никого не замечала.

— Ботаничка! — подтрунивал над ней Ян.

Та лишь изредка поднимала глаза на городского задиру, морща прелестный лобик.

Ян и Ромка быстро навели справки о местных достопримечательностях и, узнав, что в округе находится старинный замок, стали проводить там все свое свободное время. Мальчишки визжали, карабкаясь по руинам, вырядившись в древних индейцев: широкие штаны, подвернутые выше колен, небрежно выпущенные поверх пестрые рубахи и хмельно покачивающиеся на ветру перья, наспех приклеенные к шляпам.

– Слаўка, сыноч, як ты? – толькі і паспела пракрычаць Вольга Аляксеёўна шыракапле-
чаму мужчыну, які садзіўся за руль.

– Усё добра, мама! На мора едзем! – кінуў той на хаду і павярнуў ключ запальвання.
Пакуль Вольга Аляксеёўна сяк-так дакульгала да брамкі – «жыгуль» завёўся і выруліў на
дарогу.

Перавёўшы дыханне, сівавалосая жанчына перахрысціла машыну сына, якая нырала за
круты паварот.

– З’ехалі... – з гаркотай прамовіла яна, не зводзячы вачэй з гарызонту.

– З’ехалі! – радасна пракрычаў Ян, не верачы свайму шчасцю.

Нарэшце! Набліжаюцца кардынальныя змены ў жыцці. Жыве лета! Жыве свабода і са-
мыя яркія ў яго жыцці КАНІКУЛЫ!

Яну не склала цяжкасцей знайсці ў Косаве новых сяброў. З высокім і худым, як асінавае
бервяно, дзевяцікласнікам Ромкам, старэйшым за яго на тры гады, ён хутка знайшоў
агульную мову і нават празваў Вяснушкай. Той не крыўдзіўся. Жартаваў, што вяснушкі –
падарунак сонца, які дастаецца не кожнаму. Хацелася Яну таксама пасябраваць і з ру-
савалосай прыгажуняй Веркай, малодшай за яго на год. Але разважлівая дзяўчынка са
сталымі не па ўзросце вачыма, акрамя сваіх кніг, нічога і нікога не заўважала.

– Батанічка! – падсмейваўся з яе Ян.

Тая толькі зрэдку паднімала вочы на гарадскога задзіраку, моршчачы свой цудоўны
лобик.

Ян і Ромка хутка навялі даведкі пра мясцовыя слаўтасці і, дазнаўшыся пра старадаўні
замак, што знаходзіўся ў акрузе, сталі праводзіць там увесь свой вольны час. Хлапчукі
вішчалі караскаючыся па руінах у адзенні старажытных індзейцаў: шырокія штаны,
падкасаныя вышэй каленяў, нядбайна выпушчаныя пярэстыя кашулі і спехам прыле-
плены да капелюшоў пёры, якія хмельна калыхаліся на ветры.

Верка, не вытрываўшы моцнага шуму, вырашыла ўмяшацца:

Верка, не вытерпев шума, решила вмешаться:

— Нельзя ли немного тише? Вы мешаете мне читать.

Ян, гримасничая, расхохотался ей в лицо и с важностью полюбопытствовал у Ромки:

— Веснушка-индеец, что делает здесь эта бледнолицая поганка?

— Сам ты поганка! — Верка сердито топнула ножкой, смахнула с лица растрепанную прядь волос.

Вдруг на ее загорелом лице промелькнула улыбка. Более жалких и чумазных дикарей с измазанными сажей лицами ей не встречалось.

— Как ты посмела сунуться на нашу территорию? — возмущенно отчеканил индеец Ромка, выхватил стрелу из потертого рюкзака и угрожающе зарядил лук.

— Между прочим, это графский замок, а вы устроили здесь балаган, — невозмутимо произнесла Верка.

— Графский? — орлиные глазки Ромки суетливо забегали. — Значит, здесь сокровищ пруд пруди! Вот бы нам что-нибудь раздобыть!

— Графский, говоришь? — недоверчиво прищурился Ян, устремив свой взор на обожженный седыми веками дворец, застывший посреди широкого поля, усеянного полевыми цветами. Ничего сверхъестественного в нем он не нашел. разве что огромное количество остроконечных пустых окон на фоне грязно-персикового фасада, обрамленного четырьмя зубчатыми башнями, готовыми вот-вот взмыть в небо...

— Да, роскошью здесь совсем не пахнет. И зачем столько окон? — удивился Ян.

— Граф Вандалин Пусловский очень любил солнечный свет, — пояснила Верка. — В замке даже была традиция — украшать одну из комнат живыми цветами, когда она наполнялась первыми лучами солнца. Это так романтично, правда?

— У твоего графа, видимо, не было занятия важнее. Вот он и выдумывал всякие глупости! — фыркнул Ян. — Пойдемте лучше графские сокровища искать.

– Ці нельга трохі цішэй? Вы перашкаджаеце мне чытаць.
Ян, грываснічаючы, разрагатаўся ёй у твар і з важнасцю пацікавіўся ў Ромкі:
– Вяснушка-індзеец, што робіць тут гэта бледнатварая паганка?
– Сам ты паганка! – Верка злосна тупнула ножкай, змахнула з твару растрапаную пасму валасоў.
Раптам на яе загарэлым твары прамільгнула ўсмяшка. Больш жаласных і мурзатых дзікуноў з запэцканымі сажай тварамі ёй сустракаць не даводзілася.
– Як ты асмелілася сунуцца на нашу тэрыторыю? – абурана адчаканіў індзеец Ромка, выхапіў стралу з пашарпанага рукака і пагрозліва зарадзіў лук.
– Між іншым, гэта графскі замак, а вы ўстроілі тут балаган, – спакойна сказала Верка.
– Графскі? – арліныя вочкі Ромкі мітусліва забегалі. – Значыць, тут скарбаў гаць гаці! Вось бы нам што-небудзь прыдбаць!
– Графскі, кажаш? – недаверліва прыжмурываўся Ян, накіраваўшы свой позірк на абпалены сівымі стагоддзямі палац, застыўшы пасярод шырокага поля, усеянага палявымі кветкамі. Нічога звышнатуральнага ў ім ён не знайшоў. Хіба што велізарную колькасць востраканцовых пустых вокнаў на фоне брудна-персікавага фасада, апраўленага чатырма зубчастымі вежамі, гатовымі вась-вось узняцца ў неба...
– Так, раскошай тут зусім не пахне. І навошта гэтулькі вокнаў? – здзівіўся Ян.
– Граф Вандалін Пуслоўскі вельмі любіў сонечнае святло, – патлумачыла Верка. – У замку нават была традыцыя – упрыгожваць адзін з пакояў жывымі кветкамі, калі ён напаўняўся першымі прамянямі сонца. Гэта так рамантычна, праўда?
– Ды ў твайго графа, мабыць, не знайшлося спраў важней. Вось ён і выдумляў усякія глупствы! – фыркнуў Ян. – Хадзем лепш графскія скарбы шукаць.
Верка пакрыўджана надзьмула губкі, каля верхняга краю якіх здрыганулася маленькая радзімка.
– Відаць, мы цяпер гэтыя... як іх, – пачасаў патыліцу Ромка, намагаючыся ўспомніць слова, якое выслізнула з памяці.

Верка обиженно надула губки, у верхнего края которых дрогнула маленькая родинка.

— Стало быть, мы сейчас эти... как их... — почесал затылок Ромка, силясь вспомнить выскользнувшее из памяти слово.

— Сыщики! — воскликнул Ян, жмурясь от яркого света, бьющего в глаза.

В траве у замковой стены что-то блестело.

— Золото! — заорал Ромка и ринулся к замку.

Ян и Верка помчались следом.

Но их ожидало разочарование. Вместо желаемого золотого слитка в руки к Яну попали карманные часы. Обычная вещица... Ян отер их ладонью от песка. На крышке находки, пылившейся у подножья замка, проглянул золотой полумесяц с расписным золотым крестом в центре, а над ними — нашлемник с торчащими павлиньими перьями.

— Это же графский герб! — восторженно воскликнула Верка.

— А вдруг внутри что-то ценное? — блеснул догадкой Ромка.

— А если это волшебные часы? — разыгралось Веркино воображение. — И они могут выполнить любое желание... Чего бы тебе хотелось больше всего?

— Встретиться с твоим хваленым графом! — скорчил гримасу Ян и открыл крышку. — Так я и поверил в ваши рассказы!

Ромка и Верка уткнулись любопытными носами в раритетную вещицу с молчащим, покрытым ржавчиной часовым механизмом. Ян крутанул стрелки часов вперед. Тщетно. Потом назад. Сделав несколько оборотов, они остановились.

— Старье! — с досадой произнес Ян и швырнул часы в замковую стену.

Звонко ударившись, они нырнули в густую траву, и, вопреки ожиданиям ребят, их стрелки пришли в быстрое движение.

Внезапно яркий свет, подобно вспышке молнии, ослепил округу. Ребята закричали от страха, когда какая-то неведомая сила подняла их и, повертев в воздухе, швырнула вниз.

– Сышчыкі! – усклікнуў Ян, жмурачыся ад яркага святла, што біла ў вочы.

У траве каля замкавай сцяны штосьці блішчэла.

– Золата! – закрычаў Ромка і рынуўся да замка.

Ян і Верка панесліся следам.

Але іх чакала расчараванне. Замест жаданага залатога злітка ў рукі да Яна патрапіў кішэнны гадзіннік. Звычайная штучка... Ян абцёр яго далонню ад пяску. На вечку знаходкі, што пылілася ля падножжа замка, праглянуў залаты паўмесяц з распісным залатым крыжом у цэнтры, а над імі – нашлемнік з паўлінавымі пёрамі.

– Гэта ж графскі герб! – захоплена ўсклікнула Верка.

– А раптам унутры штосьці каштоўнае? – бліснуў здагадкай Ромка.

– А калі гэта чароўны гадзіннік? – разгулялася Веркіна фантазія. – І ён можа выканаць любое жаданне. Чаго б табе хацелася больш за ўсё?

– Сустрэцца з тваім хвалёным графам! – скрывіў гримасу Ян і адкрыў вечка. – Так я і паверыў у вашы байкі!

Ромка і Верка ўткнуліся цікаўнымі насамі ў рарытэтную штучку з маўклівым, пакрытым іржой гадзіннікавым механізмам. Ян крутануў стрэлкі гадзінніка наперад. Дарэмна. Потым назад. Зрабіўшы некалькі абаротаў, яны спыніліся.

– Старызна! – з прыкрасцю сказаў Ян і шпурнуў гадзіннік у замкавую сцяну.

Звонка стукнуўшыся, ён нырнуў у густую траву і, насуперак чаканням дзяцей, яго стрэлкі прыйшлі ў хуткі рух.

Раптоўна святло, падобнае да ўспышкі маланкі, асяліла акругу. Дзеці закрычалі ад страху, калі нейкая невядомая сіла падняла іх і, пакруціўшы ў паветры, шпурнула ўніз.

– Уга! – Ян зірнуў перад сабой. Яго зрэнкі пашырыліся ад здзіўлення. – Глядзіце!

Ён тыцнуў пальцам у шклянную падлогу-акварыум, пад якой плавалі жывыя рыбка.

– Залатыя! – усклікнула Верка, не адрываючы захопленых вачэй ад цудоўных стварэнняў у залацістых лускавінках.

— Ого! — Зрачки Яна расширились от удивления. — Смотрите!
Он ткнул пальцем в стеклянный пол-аквариум, под которым плавали живые рыбки.

— Золотые! — воскликнула Верка, не отрывая восторженных глаз от чудных созданий в золотистых чешуйках.

Экзотические рыбки весело носились в бирюзовой воде.

— Откуда? — опешил Ромка.

Ребята вскочили на ноги и огляделись. Они находились в роскошном зале, зеркальном и просторном, увешанном хрустальными позолоченными люстрами. Остроконечные-луковичные окна были облачены в сверкающий пурпур, а на ажурно выточенных стенах играли солнечные зайчики... Комната благоухала сладким ароматом, который источали мохнатые бутоны белых роз.

— Мы попали в прошлое! Часы оказались волшебными! — озвучила вслух общую догадку Верка.

— Что же теперь делать? — развел руками Ромка. — Может, нам это снится? Верка покачала головой.

— Что ж, самое время устроить экскурсию по замку, — оживился Ян и, подбежав к двустворчатой двери, резко потянул ее на себя.

На цыпочках ребята двинулись по широкому коридору, залитому солнечным светом. Вдруг из-за поворота вынырнула черная фигура лакея с широким подносом в руках. Ребятам пришлось резко свернуть на узкую лестницу без перил. Мужчина с подносом прошел мимо, а за ним протянулся теплый запах круассанов и ароматного кофе.

— Кажется, не заметил, — вздохнул с облегчением Ромка, вытирая капельки липкого пота, проступившие на лбу.

— Не будь трусом, Ромка. Впереди нас ждут великие открытия! — подбодрил его Ян и оперся о стену.

Экзатычныя рыбкі весела насіліся ў бірузовай вадзе.

– Адкуль? – сумеўся Ромка.

Дзеці ўскочылі на ногі і агледзеліся. Яны знаходзіліся ў раскошнай зале, люстранай і прасторнай, увешанай крышталёвымі пазалочанымі люстрамі. Востраканцовыя-цыбульныя вокны былі ўбраныя ў зіготкі пурпур, а на ажурна вытачаных сценах гулялі сонечныя зайчыкі... Пакой быў напоўнены салодкім водарам, які струменілі бахматыя бутоны белых руж.

– Мы патрапілі ў мінулае! Гадзіннік апынуўся чароўным, – агучыла ўслых агульную здагадку Верка.

– І што зараз рабіць? – развёў рукамі Ромка. – Можа, нам гэта сніцца?

Верка пакруціла галавой.

– Што ж, самы час арганізаваць экскурсію па замку, – ажывіўся Ян і, падбегшы да двухстворкавых дзвярэй, рэзка пацягнуў іх на сябе.

На дыбачках дзеці пасунуліся па залітым сонечным святлом шырокім калідоры. Раптам з-за павароту вынырнула чорная постаць лакея з шырокім падносам у руках. Дзецям прыйшлося рэзка збочыць на вузкую лесвіцу без парэнчаў. Мужчына з падносам прайшоў міма, а за ім працягнуўся цёплы пах круасанаў і духмянай кавы.

– Здаецца, не заўважыў, – уздыхнуў з палёгкай Ромка, выціраючы кропелькі ліпкага поту, якія праступілі на лбе.

– Не будзь баязліўцам, Ромка. Наперадзе нас чакаюць вялікія адкрыцці! – падбадзёрў яго Ян і абатёрся на сцяну.

Сцяна выдала музычны гук. Хлапчук, спалохаўшыся, адскочыў. Але гук паспеў даляцець да вушэй лакея. Той, абярнуўшыся, крыкнуў:

– Злодзеі ў замку! Варта!

Пакуль ён надрыўна галасіў, дзеці кінуліся наўцёкі. Ян нават паспеў ухапіць круасан з графскага падноса. Але схвацца ў велізарным замку аказалася не так проста. Сотня дзвярэй... Ромка расчыніў адны з іх наўздагад – і застыў на месцы.

Стена издала музыкальный звук. Мальчишка, испугавшись, отскочил. Но звук успел долететь до ушей лакея. Обернувшись, он крикнул:

— Воры в замке! Стража!

Пока он надрывно голосил, ребята бросились бежать. Ян даже успел ухватить круассан с графского подноса. Но скрыться в огромном замке оказалось не так-то просто. Сотня дверей... Ромка распахнул одну из них наугад — и застыл на месте.

Пан Вандалин, обсуждавший с молодым человеком в элегантном сюртуке какой-то важный вопрос, сурово покосился на незваных гостей. Его верный охотничий пес, покорно возлегающий у ног, слегка привстал и наострил уши. Стражники преградили ребятам отступной путь. Яну ничего не оставалось, как на ходу проглотить круассан, который тотчас наградил его икотой. Верка же разинула от удивления рот, не сводя васильковых глаз с рослого плечистого графа в парадном костюме.

— Вы прервали важную аудиенцию, господа. Стало быть, вы по не менее важному вопросу, — нарушил леденящую тишину графский баритон.

— Да. Мы по важ-но-му воп-ро-су, — густо покраснел Ян, не переставая икать. — Мы с моим другом, Веснушкой-Ромкой, мечтаем стать рыцарями.

— Я вижу, — сухо проронил пан Вандалин, с любопытством разглядывая диковинные одежды хулиганов.

— Возь-ми-те нас-с на служ-бу.

— Чтобы вы распугали мне весь честной народ? Лицо моего замка — его люди. А я не хочу, чтобы у моего дворца было такое чумазое лицо.

— От вашего замка ведь все равно останутся только руины! — раздосадованно проворчал Ян. Икота, на удивление, прошла.

Верка гневно толкнула его в плечо.

Граф не моргнул глазом:

Пан Вандалін, які абмяркоўваў з маладым чалавекам у элегантным сурдуце нейкае важнае пытанне, сурова скасіўся на няпрошаных гасцей. Яго верны паляўнічы сабака, што пакорліва ляжаў каля ног, злёгка прыўстаў і навастрыў вушы. Вартаўнікі заступілі дзецям адступны шлях. Яну нічога не заставалася, як на хаду праглынуць круасан, які адразу ўзнагародзіў яго ікаўкай. Верка ж разявіла ад здзіўлення рот, не зводзячы валопкавых вачэй з высокага плячыстага графа ў парадным касцюме.

– Вы перарвалі важную аўдыенцыю, спадары. Трэба думаць, вы па не меней важным пытанні, – парушыў жахлівую цішыню графскі барытон.

– Так. Мы па важ-ным пы-тан-ні, – густа чырванее Ян, не перастаючы ікаць. – Мы з маім сябрам, Вяснушкай-Ромкам, марым стаць рыцарамі.

– Я бачу, – суха прамовіў пан Вандалін, з цікаўнасцю разглядаючы здзіўнены адзенні хуліганаў.

– Вазь-мі-це нас-с на служ-бу.

– Каб вы распужалі мне ўсіх добрых людзей? Твар майго замка – яго людзі. А я не жадаю, каб у майго палаца быў такі мурзаты твар.

– Ад вашага замка ўсё роўна застануцца адны руіны! – з прыкрасцю прабурчаў Ян. Ікаўка, на здзіўленне, прайшла.

Верка гнеўна пхнула яго ў плячо.

Граф не міргнуў вокам:

– Хочаш сказаць, што тварэнне майго архітэктара, пана Францішка, адыдзе ў нябыт?

Госць у элегантным сурдуце, які сядзеў насупраць, прыпадняўся і, схіліўшы галаву, сказаў:

– Запэўніваю вас, пан Вандалін, што гэтыя сцены непарушна прастаяць шмат стагоддзяў.

– Можа, вылупчаваць іх, ваша светласць, за такую непавагу? – прапанаваў хтосьці з вартаўнікоў. – Відаць жа, што зладзюжкі.

— Хочешь сказать, что творение моего архитектора, пана Франтишка, канет в Лету?

Сидящий напротив гость в элегантном сюртуке приподнялся и, склонив голову, произнес:

— Уверяю вас, пан Вандалин, что эти стены нерушимо простоят много веков.

— Может, выпороть их, ваша светлость, за подобное неуважение? — предложил кто-то из стражников. — Видно же, что воришки.

Граф вздернул густую бровь:

— Весьма справедливое решение.

— Пан Вандалин, простите нас! — вмешалась в разговор Верка. — Мы не хотели вас обидеть. Да, мы тайком пробрались в замок. Но лишь для того, чтобы взглянуть на золотых рыбок, которыми славится ваше имение.

Ее слова смягчили графа, но проучить невоспитанных смельчаков он все же решил: отправил их трудиться на свои обширные поля.

Стражники вывели ребят из утопающего в роскоши замка, провели по английскому парку с экзотическими растениями.

— И что теперь? — развел руками Ромка, оглянувшись.

Стражники не выпускали их из виду, шагая следом.

— Если бы у кого-то не был такой длинный язык... — покосилась на Яна Верка.

— Но ведь я сказал правду! — стоял на своем Ян.

— Твоя правда очень горько ранила графа. Думать нужно, прежде чем говорить, — упрекнула его Верка.

— Домой хочу! — заныл Ромка, млея под солнцем.

Ян стянул с головы шляпу с гусиными перьями и выбросил прочь.

— Я и сам с радостью вернулся бы к бабушке, — с дрожью в голосе произнес он. — Лучше слушать ее причитания, чем бродить невесть где. Знаете, какой она вкусный яблочный пирог печет! И вареники...

Граф узяў густое брыво:

– Вельмі справядлівае рашэнне.

– Пан Вандалін, прабачце нас! – умяшалася ў размову Верка. – Мы не хацелі вас пакрыўдзіць. Так, мы ўпотаі прабраліся ў замак. Але толькі для таго, каб зірнуць на залатых рыбак, якімі славіцца ваш маёнтак.

Яе словы змякчылі графа, але правучыць нявыхаваных смельчакоў ён усё ж вырашыў: адправіў іх працаваць на свае шырокія палі.

Вартаўнікі вывелі дзяцей з замка, што патанаў у раскошы, правялі па англійскім парку з экзатычнымі раслінамі.

– І што зараз? – развёў рукамі Ромка, азірнуўшыся.

Вартаўнікі не гублялі іх з вачэй, крочачы следам.

– Калі б у кагосьці не быў такі доўгі язык... – скасілася на Яна Верка.

– Але я сказаў праўду! – стаяў на сваім Ян.

– Твая праўда вельмі горка параніла графа. Думаць трэба, перш чым казаць, – папракнула яго Верка.

– Дамоў хачу! – заняў Ромка, млеючы пад сонцам.

Ян сцягнуў з галавы капялюш з гусінымі пёрамі і выкінуў прэч.

– Я і сам з радасцю вярнуўся б да бабулі, – дрыготкім голасам сказаў ён. – лепш слухаць яе галашэнні, чым блукаць немаведама дзе. Ведаеце, які яна смачны яблычны пірог пячэ! І варэнікі...

– Трэба зноў патрапіць у замак. Можа, там мы знойдзем разгадку, – шапнула Верка.

– Так цябе туды і пусцяць! – ухмыльнуўся Ян.

Велічны замак з зубчастымі верхавінамі застаўся ззаду. Ён быццам схамянуўся ад сну: павесялеў, пасвятлеў, патанаючы ў прамянях сонечнага святла... Тэрасавы парк з фантанамі ідэальна ўітсваўся ў яго гістарычнае мінулае. Маёнтак графа Пуслоўскага ганарліва ўзвышаўся над Косаўскай зямлёй і пах замежнымі ружамі ў аранжарэях.

— Нужно снова попасть в замок. Может, там мы найдем разгадку, — шепнула Верка.

— Так тебя туда и пустят! — ухмыльнулся Ян.

Величественный замок с зубчатыми верхушками остался позади. Он будто встрепенулся ото сна: повеселел, посветлел, утопая в лучах солнечного света... Террасный парк с фонтанами идеально вписывался в его историческое прошлое. Имение графа Пусловского гордо возвышалось над Коссовской землей и благоухало заграничными розами в оранжереях.

Ребята оплатили свою провинность графу: проработали целый день под палящим солнцем. К вечеру они валились с ног от усталости.

Ян уставился на кровоточащие мозоли на своих ладошках. В его глазах застыли слезы.

— Сам виноват, — посочувствовала Верка и, оторвав лоскут от своей косынки, перебинтовала его руки.

— Себе оставь.

— В этом нет необходимости. Мои руки приучены к труду. А ты, как оказалось, неженка.

Начинало смеркаться. Вот только куда податься, если у них здесь ни родных, ни близких? К счастью, их приютила какая-то старушка, решив, что дети потерялись. Она поставила на дубовый стол чугунок с картошкой, которую ребята стали уплетать за обе щеки, запивая козьим молоком.

— Тяжелая у вас работа, — проронил Ян, взглянув на жилистые руки старухи, покрытые мозолями.

«Совсем как у меня и... у моей бабушки», — подумал он.

— Ничего в жизни просто так не дается, сынок. Чтобы иметь свой хлеб, нужно немало потрудиться.

Дзеці аплацілі сваю правіннасць графу: адпрацавалі цэлы дзень пад пякучым сонцам. Да вечара яны валіліся з ног ад стомы.

Ян утаропіўся ў крывавыя мазалі на сваіх далоньках. У яго вачах застылі слёзы.

– Сам вінаваты, – паспачувала Верка і, адарваўшы шматок ад сваёй хусткі, перабінтавала яго рукі.

– Сабе пакінь.

– У гэтым няма неабходнасці. Мае рукі прывучаны да працы. А ты, як выявілася, пястун. Пачынала шарэць. Вось толькі куды падацца, калі ў іх тут ні родных, ні блізкіх? На шчасце, ім дала прытулак нейкая бабулька, вырашыўшы, што дзеці згубіліся. Яна паставіла на дубовы стол чыгунок з бульбай, якую дзеці сталі ўплятаць за абедзве шчакі, запіваючы казіным малаком.

– Цяжкая ў вас праца, – сказаў Ян, зірнуўшы на жылістыя, у мазалях рукі старой.

«Зусім як у мяне і... у маёй бабулі», – падумаў ён.

– Нічога ў жыцці проста так не даецца, сыноч. Каб мець свой хлеб, трэба нямала працаваць.

Твар бабулькі прасвятлеў.

«Значыць, маёй бабулі таксама нялёгка хлеб у жыцці дастаецца, – уздыхнуў Ян. – А я яе не слухаў. Як жа дрэнна я рабіў!»

Змучаны Ромка раўнадушна драмаў. Яну здавалася, што сон вось-вось зморыць і яго, але звонкі галасок Веркі прымусіў схямянуцца.

– Бабуля, а чаму гэтыя мясціны Косавам назвалі? Касілі шмат?

– Шмат касілі, дзетка. Спіна гула, ног не адчувалі. Лугі і пашы ў графа во якія, – старая шырока развяла рукамі, – велізарныя.

– Але ж траву косяць усюды. А Косава толькі адно!

– Ты маеш рацыю, дзетка, – прыжмурылася старая. – Таму раскажу табе тое, што мне яшчэ мая бабка расказвала. Ёй, у сваю чаргу, яе... Дык вось. Даўным-даўно гэта было.

Лицо старушки просветлело.

«Значит, моей бабушке также нелегко хлеб в жизни достается, — вздохнул Ян. — А я ее не слушал. Как же плохо я поступал!»

Измученный Ромка равнодушно клевал носом. Яну казалось, что сон вот-вот сморит и его, но звонкий голосок Верки заставил встрепенуться.

— Бабушка, а почему эти места Коссовом назвали? Косили много?

— Много косили, детка. Спина гудела, ног не чувствовали. Луга и пастбища у графа во какие, — старуха широко развела руками, — огромные.

— Но ведь траву косят везде. А Коссово только одно!

— Ты права, дочка, — прищурилась старуха. — Поэтому поведаю тебе то, что мне еще моя бабка рассказывала. Той, в свою очередь, ее... Так вот. Давным-давно это было. Жил в нашей окрестности славный кузнец по имени Косов. Косы и сохи ковал он на совесть. Но наступило время тяжелое — враг пришел на землю нашу. Решил тогда Косов собрать сохи да косы и перековал их в могучие мечи. Восстал народ и победил. А землю нашу именем того славного кузнеца назвали.

Ян сонно зевнул. Сон, как-никак, брал верх. Во сне его воображение неустанно рисовало то бесстрашного кузнеца-волота, воспетого в местных легендах, то сурового графа Вандалина Пусловского. Проснулся мальчишка от звонкого крика петуха за окном.

— Нужно проникнуть в замок, — напомнила Верка, собирая растрепанные волосы в пучок на затылке.

Ребята поплелись к замку и притаились у широкой изгороди с противоположной стороны, спрятавшись в густом кустарнике. Там, за воротами, раскинулся прекрасный сад с подрумяненными на солнце райскими яблочками.

Желудок Ромки предательски забурчал, но он не подал вида.

— Охрана здесь, наверно, не хуже, чем в замке, — произнес он.

— Это точно, — согласился Ян.

Жыў у нашай акрузе выдатны каваль Косаў. Косы і сохі қаваў як мае быць. Але наступіў час цяжкі – вораг прыйшоў на зямлю нашу. Вырашыў тады Косаў сабраць сохі ды косы і перақаваў іх у магутныя мячы. Паўстаў народ і перамог. А зямлю нашу імем таго добрага каваля назвалі.

Ян сонна пазяхнуў. Сон, як-ніяк, браў верх. У сне яго фантазія нястомна малявала то бяспрашнага каваля-волата, апетага ў мясцовых легендах, то суровага графа Вандаліна Пуслоўскага. Прачнуўся хлапчук ад звонкага крыку пеўня за акном.

– Трэба пракрасціся ў замак, – нагадала Верка, збіраючы растрапаньня валасы ў пучок на патыліцы.

Дзеці папаяліся да замка і стаіліся ў шырокай загарадзі з супрацьлеглага боку, схваўшыся ў густым хмызняку. Там, за варотамі, раскінуўся прыгожы сад з падрумяненымі на сонцы райскімі яблычкамі.

Страўнік Ромкі здрадліва забурчаў, але ён не падаў выгляду.

– Ахова тут, пэўна, не горшая за тую, што ў замку, – сказаў ён.

– Гэта так, – пагадзіўся Ян.

Раптам адно з яблыневых дрэў заварушылася. Дзеці напружылі зрок і ўбачылі мурзатага хлапчука ў лахманах, які вынырнуў з густых галінак. Ён саскочыў на зямлю і прыняўся збіраць упаўшыя яблыкі.

Паблізу забрахаў сабака. Хлапчук ад страху азірнуўся, але, замест таго каб уцякаць, працягваў прагна заціхаць у шырокія кішэні астатнія яблыкі. Затым кінуўся да загарадзі, але не змог пераскочыць, заблытаўся ў ёй сваімі лахманамі і павіс у метры ад зямлі.

– Стой, зладзюга! – прароў вартаўнік, спусціўшы з ланцуга сабаку.

Хлапчук нязграбна боўтаўся ў бязважкасці. Вось-вось злы сабака ўхопіць яго. Але Ян, Верка і Ромка падалі яму руку дапамогі, выбегшы са сваёй хованкі. Графскі сабака злосна брахаў ім услед, учапіўшыся лапамі ў жалезную загарадзь.

Вдруг одно из яблоневых деревьев зашевелилось. Ребята напрягли зрение и увидели чумазого мальчишку в лохмотьях, вынырнувшего из густых веток. Он соскочил на землю и принялся собирать упавшие яблоки.

Поблизости залаяла собака. Мальчишка в страхе оглянулся, но, вместо того чтобы убежать, продолжал жадно запихивать в широкие карманы оставшиеся яблоки. Затем бросился к изгороди, но не смог перескочить, запутался в ней своими лохмотьями и повис в метре от земли.

— Стой, ворюга! — прорычал стражник, спустив с цепи пса.

Мальчишка неуклюже барахтался, как в невесомости. Вот-вот злобная собака ухватит его. Но Ян, Верка и Ромка протянули ему руку помощи, выбежав из своего укрытия. Графский пес зло лаял им вслед, вцепившись лапами в железную изгородь.

Ребята укрылись в лесу. Мальчишка поглядывал диковато, прижимая к груди наворованное богатство.

— Как тебя зовут? — спросил Ромка.

— Богдан, — медленно произнес тот, краснея.

— Знаешь, как проникнуть в замок? — Ян подошел к нему вплотную.

— А вам зачем? — блеснул воришка черными как смоль глазами. — Решили у пана несколько золотых слитков прихватить?

— Нет, мы ищем кое-что другое. Видишь ли, мы не из твоего времени. Мы нашли волшебные часы, а потом я загадал глупое желание, и мы оказались здесь. Но нам очень хочется вернуться домой. К родителям. Понимаешь? — пояснил Ян. Мальчишка только хлопал ресницами.

— У тебя ведь есть родители? — спросила Верка.

Этот вопрос привел его в затруднение. Помедлив, он пожал плечами:

— Отроду их не видел. Я сам по себе.

— Дети не могут быть сами по себе. У них кто-то должен быть из взрослых, — не разделяла точку зрения мальчишки Верка.

Дзеці схаваліся ў лесе. Хлапчук паглядаў ваўкавата, прыціскаючы да грудзей накрадзенае багацце.

– Як цябе клічуць? – спытаў Ромка.

– Багдан, – павольна сказаў той, чырванеючы.

– Ведаеш, як патрапіць у замак? – Ян падышоў да яго ўпчыльную.

– А вам навошта? – бліснуў зладзюжка чорнымі як смоль вачыма. – Вырашылі ў пана некалькі залатых зліткаў прыхапіць?

– Не, мы шукаем нешта іншае. Ведаеш, мы не з твайго часу. Мы знайшлі чароўны гадзіннік, а потым я загадаў дурное жаданне – і мы апынуліся тут. Але нам вельмі хочацца вярнуцца дадому. Да бацькоў. Разумееш? – патлумачыў Ян.

Хлапчук толькі пляскаў вейкамі.

– У цябе ж ёсць бацькі? – спытала Верка.

Гэта пытанне аказалася досыць цяжкім для яго. Памарудзіўшы, ён паціснуў плячыма:

– Зроду іх не бачыў. Я сам па сабе.

– Дзеці не могуць быць самі па сабе. У іх хтосьці павінен быць з дарослых, – не падзяляла пункту гледжання хлапчука Верка.

– У цёткі жыву, – адмахнуўся той.

– А калі б у цябе былі мама і тата, ты б хацеў іх убачыць? – не здавалася дзяўчынка.

Багдан прызадумаўся.

– Хацеў бы... – працягнуў ён тужліва. – Добра, дапамагу вам. Ёсць падземны ход, – прыжмурывуў ён свае хітрыя вачаняты. – У яго можна трапіць праз жалезны люк. Я знайшоў яго некалькі месяцаў таму. Ён вядзе ў замак.

– Ты ўпэўнены? – засумняваўся Ромка.

– А як я, па-вашаму, ласуюся ў кухара графскімі круасанамі?

– Што ж, дачакаемся ночы... – рапхнуў Ян.

— У тетки живу, — отмахнулся тот.

— А если бы у тебя были мама и папа, ты бы хотел их увидеть? — не отступала девочка.

Богдан призадумался.

— Хотел бы... — протянул он тоскливо. — Ладно, помогу вам. Есть подземный ход, — прищурил он свои хитрые глазенки. — В него можно проникнуть через железный люк. Я нашел его несколько месяцев назад. Он ведет в замок.

— Ты уверен? — засомневался Ромка.

— А как я, по-вашему, лакоплюсь у повара графскими круассанами?

— Что ж, дождемся ночи... — решил Ян.

Богдан принялся за обе щеки уплетать наворованные в графском саду яблоки, распалая аппетит у Ромки. Но Ромка держался молодцом.

— На, погрызи, — сочувственно протянул ему воришка яблоко. — Голод не тетка.

Ромка с жадностью вцепился в румяное яблоко, но есть его, однако, не спешил.

— Верка, будешь? — спросил он, протягивая ей угощение.

Та кивнула.

Ромка без сожаления отдал ей яблоко. А Ян поймал себя на мысли, что за кусочек бабушкиного пирога в этот момент отдал бы все на свете.

— Сколько в замке комнат? — поинтересовался Ян, размышляя над планом дальнейших действий.

Богдан пожал плечами.

— Я не умею считать. Знаю только, что очень-очень много.

— Около двухсот, — произнесла Верка.

— Да уж, — разочарованно вздохнул Ян. — Их нам никогда не обойти. Где же искать волшебные часы?

Когда смерклось и на небесном куполе вспыхнули звезды, ребятам удалось проникнуть в подземный ход — широкое подземелье в тусклом свете факелов.

Багдан прыняўся за абедзве пчакі ўплятаць накрадзеныя ў графскім садзе яблыкi, распальваючы апетыт у Ромкі. Але Ромка трымаўся малайцом.

– На, пагрызі, – спагадліва працягнуў яму зладзюжка яблык. – Голад не цётка.

Ромка з прагнасцю схапiў румяныя яблык, але есцi яго, аднак, не спяшаўся.

– Верка, будзеш? – спытаў ён, працягваючы ёй пачастунак.

Тая кiўнула.

Ромка без шкадавання аддаў ёй яблык. А Ян злавiў сябе на думцы, што за кавалачак бабулінага пірага зараз аддаў бы ўсё на свеце.

– Колькі ў замку пакояў? – пацiкавiўся Ян, разважаючы над планам далейшых дзеянняў.

Багдан пацiснуў плячыма.

– Я не ўмею лічыць. Ведаю толькі, што вельмі-вельмі шмат.

– Каля двухсот, – сказала Верка.

– Вось як, – расчаравана ўздыхнуў Ян. – Іх нам ніколі не абысцi. Дзе ж шукаць чароўны гадзiннiк?

Калi змерклася і на нябесным купале ўспыхнулі зоркі, дзецям удалося залезцi ў падземны ход – шырокае падземелле ў цьмяным святле факелаў.

– Незразумела толькі, навошта ўсё гэта, – сказаў Ромка.

– Дзiўна! – ажывiлася Верка. – Так, значыць, гэта не выдумка. Падземны ход сапраўды існаваў. І граф ездзiў употай у суседні Ружанскі замак у карэце, запрэжанай тройкай!

– Ну і дзiвацтвы ў багатых! – ашаламiўся Багдан. – Вось бы пабыць дзянечак графам!

– Я б больш за ўсё хацеў вярнуцца дамоў, – сумна сказаў Ян.

Дзецi пракраліся ў замак і асцярожна падняліся па «музычнай» лесвіцы наверх, не дакранаючыся да сцяны.

– Куды зараз? – развёў рукамі Ян і прыслухаўся. – Вы чуеце? Хтосьцi рыкае.

— Непонятно только, для чего все это, — произнес Ромка.

— Удивительно! — оживилась Верка. — Так, значит, это не выдумка. Подземный ход действительно существовал. И граф ездил тайком в соседний Ружанский замок в карете, запряженной тройкой!

— Ну и причуды у богатых! — изумился Богдан. — Вот бы побыть денечек графом!

— Я бы предпочел вернуться домой, — с грустью проронил Ян.

Ребята проникли в замок и осторожно поднялись по «музыкальной» лестнице наверх, не касаясь стены.

— Куда теперь? — развел руками Ян и прислушался. — Вы слышите? Кто-то рычит.

— А, это! С наступлением темноты хозяева замка выпускают из клетки живого огромного льва, — устрашающе поведаль Богдан.

— Так уж и живого? — с сомнением протянул Ромка.

— Ну не сдохшего же! — рассмеялся чумазый воришка.

— Значит, в замке находится что-то очень ценное, и лев это охраняет, — смекнул Ян.

— А может, это та вещица, в поисках которой вы сбились с ног? — прищурился Богдан.

Ребята крались на цыпочках. Затаив дыхание, они выглянули из-за угла. У одной из дверей дремал лев с нечесаной мохнатой гривой, уткнув нос в лапы.

— Сам он отсюда не уйдет, — прошептал Богдан.

— Значит, его нужно отвлечь. Богдан, ты бегаешь быстрее всех. Смог бы ты нам помочь? — спросил Ян.

Воришка замылся, но, поколебавшись, произнес:

— Обижаете! Я и не от таких зверюг убегал! Я знаю здесь многие выходы. Справлюсь. Вы помогли мне. Стало быть, теперь моя очередь.

– А, гэта! Калі цямнее, гаспадары замка выпускаюць з клеткі жывога велізарнага льва, – застрашліва распавёў Багдан.

– Так ужо і жывога? – з сумненнем працягнуў Ромка.

– Ну не здохлага ж! – расмяяўся мурзаты зладзюжка.

– Значыць, у замку знаходзіцца нешта вельмі каштоўнае, і леў гэта ахоўвае, – скеміў Ян.

– А можа, гэта тая птучка, у пошуках якой вы збіліся з ног? – прыжмурыўся Багдан.

Дзеці краліся на дыбачках. Стаіўшы дыханне, яны вызірнулі з-за кута. Каля адных дзвярэй драмаў леў з нечасанай касматай грывай, уткнуўшы нос у лапы.

– Сам ён адгэтуль не сыдзе, – прапаптаў Багдан.

– Значыць, трэба адцягнуць яго ўвагу. Багдан, ты бегаш хутчэй за ўсіх. Ці змог бы ты нам дапамагчы? – спытаў Ян.

Зладзюжка збянтэжыўся, але пасля нядоўгага вагання сказаў:

– Крыўдзіце! Я і не ад такіх звяругаў уцякаў! Я ведаю тут шмат выхадаў. Спраўлюся. Вы дапамаглі мне. Зараз мая чарга.

Багдан выйшаў са сваёй хованкі і дэманстратыўна прыцягнуў да сябе ўвагу кудлатага страшыдлы. Драпежнік гнеўна бліснуў вачыма, натапырыў свае закругленыя вушы, пачуўшы чужы голас, падняўся на таўстаскурныя лапы і незадаволена чмыхнуў. Агаліў вострыя іклы і скокнуў да нечаканага гасця, які кінуўся наўцёкі.

Тым часам астатнія дзеці праслізнулі ў забаронены пакой. Цьмянае святло ліхтароў рассыпалася на чорных шторах, шчыльна закінутых нават днём. Адмысловых каштоўнасцей тут не было. Хіба што велізарны залаты гадзіннік, які маўчаў.

Дзеці агледзеліся вакол. У пакоі даўно не прыбіраліся. Забытаныя павуціны абвісалі, як ліяны ў непраходных джунглях. ля акна стаяў масіўны дубовы стол з кнігамі, колбамі і высахлым чарнілам.

Богдан вышел из своего укрытия и демонстративно привлек к себе внимание лохматого чудища. Хищник гневно сверкнул глазами, натопырил свои закругленные уши, услышав чужой голос, поднялся на толстокожие лапы и недовольно фыркнул. Обнажил острые клыки и метнулся к неожиданному гостю, бросившемся наутек.

Тем временем остальные ребята проскользнули в запретную комнату. Тусклый свет фонарей рассыпался на черных шторах, плотно задернутых даже днем. Особых ценностей здесь не было. Разве что огромные молчащие золотые часы.

Ребята осмотрелись вокруг. В комнате давно не убирались. Спутавшиеся паутины обвисали, подобно лианам в непроходимых джунглях. У окна стоял массивный дубовый стол с книгами, колбами и высохшими чернилами.

Верка осторожно смахнула с книги слой пыли и прочла вслух выведенные каллиграфическим почерком строки:

«Я изобрел уникальные часы, способные творить чудеса. Да-да! Настоящие чудеса. Я даже не раз отправлялся в прошлое, чтобы проведать своих родителей и сестру. О, куда же уходит молодость?»

Только Верка произнесла последнюю фразу, как вокруг часов поднялся вихрь — и из часового механизма вышел невысокий человек, облаченный в устаревшее платье с черными засаленными нарукавниками. Его голову покрывала изъеденная молью треуголка, из-под которой торчали пепельные кудри. Вдохнув свежего воздуха, незнакомец расправил плечи, потянулся и внезапно расчихался.

— Ох уж эта девичья память! — упрекнул он себя. — *О, куда же уходит молодость?* Как же я мог забыть?

Мужчина постучал себя по лбу. Потом, правда, спохватился, заметив ребят. Его взор остановился на Верке.

— Прелестная девочка, ты разбираешься в латыни?

— У меня папа ученый.

Верка асцярожна змахнула з кнігі слой пылу і прачытала ўслых выведзеныя каліграфічным почыркам радкі:

«Я вынайшаў унікальны гадзіннік, які здольны здзяйсняць чуды. Так-так! Сапраўдныя чуды. Я нават не раз адпраўляўся ў мінулае, каб адведаць сваіх бацькоў і сястру. О, куды ж сыхodziць маладосць?»

Толькі Верка вымавіла апошнюю фразу, як вакол гадзінніка падняўся вихор – і з гадзіннікавага механізма выйшаў невысокi чалавек у старадаўнім адзенні з чорнымі зашмальцаванымі нарукаўнікамі. Яго галаву пакрывала з’едзеная моллю трывуголка, з-пад якой тырчалі папялістыя кучары. Удыхнуўшы свежага паветра, незнаёмец расправіў плечы, пацягнуўся і раптам разачхаўся.

– Ох ужо гэта дзявочая памяць! – папракнуў ён сябе. – *О, куды ж сыхodziць маладосць?* Як жа я мог забыцца?

Мужчына пастукаў сябе па лбе. Потым, праўда, спахапіўся, заўважыўшы дзяцей. Яго позірк спыніўся на Верцы.

– Цудоўная дзяўчынка, ты валодаеш латынню?

– У мяне тата вучоны.

– Ох ужо гэтыя вучоныя! – пакруціў галавой гадзіншчык і паморшчыўся, быццам праглынуў дольку смага кіслага на свеце лімона. – Яны імкнуцца знайсці тлумачэнне таму, што ўгледзець можна толькі сэрцам. Узяць хоць бы мяне. Калісьці я таксама запісаў сябе ў іх шэрагі. Нават набраўся адвагі з’явіцца да графа і паабяцаў яму вынайсці чароўны гадзіннік, які вяртаў бы час назад, – мужчына тыцнуў пальцам у сваё залатое тварэнне. – Дзіўна, ці не праўда? Бо я добраахвотна патраціў на мінулае сваю маладосць.

– Вам удалося вынайсці тое, што аказалася не пад сілу ніводнаму вучонаму! – разявіў ад здзіўлення рот Вяснушка-Ромка.

— Ох уж эти ученые!— покачал головой часовщик и поморщился, будто проглотил дольку кислешего лимона на свете. — Они стремятся найти объяснение тому, что узреть можно только сердцем. Взять хотя бы меня. Когда-то я также записал себя в их ряды. Даже набрался смелости явиться к графу и пообещал ему изобрести волшебные часы, которые возвращали бы время вспять, — мужчина ткнул пальцем в свое золотое творение. — Чудно, не правда ли? Ведь я добровольно потратил на прошлое свою молодость.

— Вам удалось изобрести то, что оказалось не под силу ни одному ученому! — разинул от удивления рот Веснушка-Ромка.

Но озарившиеся было радостью глаза часовщика потухли.

— Вскоре меня постигло разочарование. Знаете, почему? Хотя вы все равно не поймете. Слишком вы юны для подобной философии.

— Да он ненормальный! — шепнул на ухо Верке Ромка.

— Но почему вы оказались запертыми в собственных часах? — теряясь в догадках, спросил Ян.

— Я лгал... Лгал графу, что часы еще не закончены, а сам всюду путешествовал во времени. Как же там было весело! Это я потом понял, что ложь — плохой советчик. Уясните это, ребята.

— Но иногда лучше соврать, чем сказать правду, — произнес Ян, умудренный горьким опытом.

Часовых дел мастер призадумался. Но через несколько секунд его лицо вновь озарило веселье.

— Да! Но в итоге все тайное все равно станет явным. Правда сама настигнет вас рано или поздно. Да, мы рискуем пострадать дважды. Судите сами. Когда обманываем, страдает наша совесть, а когда говорим правду, то рискуем еще больше попасть в немилость. Не иначе, как жизненный парадокс, — трещал без умолку часовщик. — По мне, уж лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Ведь из-за

Але вочы гадзіншчыка, якія да гэтага часу свяціліся радасцю, патухлі.

– Неўзабаве мяне спасцігла расчараванне. Ведаеце, чаму? Хоць вы ўсё роўна не зразумееце. Занадта вы юныя для гэтакай філасофіі.

– Ды ён ненармальны! – папнуў на вуха Верцы Ромка.

– Але чаму вы апынуліся замкнёным ва ўласным гадзінніку? – губляючыся ў здагадках, спытаў Ян.

– Я хлусіў... Хлусіў графу, што гадзіннік яшчэ не скончаны, а сам ваўсю падарожнічаў у часе. Як жа там было весела! Гэта я потым зразумеў, што хлусня – дрэнны дарадца. Уразумейце гэта, дзеці.

– Але іншым разам лепш падмануць, чым сказаць праўду, – прамовіў Ян, умудроны горкім вопытам.

Гадзіннікавы майстар прызадумаўся. Але праз некалькі секунд яго твар ізноў азарыла весялосць.

– Так! Але ў выніку таёмнае ўсё роўна стане відавочным. Праўда сама спасцігне вас рана ці позна. Так, мы рызыкуем пацяраць двойчы. Мяркуйце самі. Калі падманваем, пакутуе наша сумленне, а калі гаворым праўду, то рызыкуем яшчэ больш патрапіць у няміласць. Ніякай, як жыццёвы парадокс, – трашчаў не сціхаючы гадзіншчык. – Як па мне, лепш горкая праўда, чым салодкая мана. Бо з-за сваёй гніюсай хлусні вы можаце на-заў-сё-ды страціць сяброў, пакрыўдзіць бацькоў ці знаёмых. Задумайцеся над гэтым, – мужчына ў задуменні пачухаў патыліцу. – Пра што гэта я? Ах, вось! Траўма галавы пасля няўдалага падзення...

Дзеці пераглянуліся.

– Дык вось, мілыя дзеці, – ажывіўся дзіўны незнаёмец, – як вы думаеце, што трэба для таго, каб кіраваць чароўным гадзіннікам?

– Вечны рухавік? – загарэліся вочы ў Ромкі.

своей гнусной лжи вы можете на-всег-да лишиться друзей, обидеть родителей или знакомых. Задумайтесь над этим, — мужчина в раздумье почесал затылок. — О чем это я? Ах, да! Травма головы после неудачного падения...

Ребята переглянулись.

— Так вот, милые дети, — оживился чудной незнакомец, — как вы думаете, что нужно для того, чтобы управлять волшебными часами?

— Вечный двигатель? — зажглись глаза у Ромки.

— Много мозгов и седьмое чувство? — предположил Ян.

— Коньяк! — подхватил Ромка.

— Коньяк? — часовщик поморщился. — Почему коньяк? Никогда его на дух не переносил.

— Волшебное заклинание, — уверенно произнесла Верка.

— Точно! — щелкнул пальцами незнакомец. — Именно! Так вот, я всегда отлично помнил его, когда куда-то отлучался. Произносил: «*О, куда же уходит молодость?*» — и возвращался назад. Но последнее мое путешествие сложилось весьма неудачно. Я отправился в горы и там при падении сильно ударился головой — и заклинание напрочь из нее вылетело. Я силился его вспомнить, но произнес лишь частично, поэтому и оказался заточенным в зеркальном циферблате собственных часов. Ни туда ни сюда. Грустно, не правда ли? Никто не удосуживался до этого проявить интерес к моим каракулям. А ты, милая девочка, — он одарил Верку радушной улыбкой, — не осталась равнодушной, поэтому проси все, чего хочешь. Я выполню любое твое желание. Могу отправить тебя в Древний Рим, поглядеть на гладиаторские бои. Я как-то присутствовал на них тайком, даже видел гордо восседавшего на балконе Цезаря. Это так забавно! Да что там Рим! Лучше перенестись на корабль Колумба, плывущего к берегам Америки. Бескрайний океан, свобода и никакого коньяка!

- Шмат мазгоў і сёмае пачуццё? – выказаў здагадку Ян.
- Каньяк! – падхапіў Ромка.
- Каньяк? – гадзіншчык паморшчыўся. – Чаму каньяк? Ніколі яго на дух не пераносіў.
- Чароўнае заклінанне, – упэўнена сказала Верка.
- Сапраўды! – пстрыкнуў пальцамі незнаёмец. – Іменна! Дык вось, я заўсёды добра памятаў яго, калі кудысьці адлучаўся. Прамаўляў: «*О, куды ж сыходзіць маладосць?*» – і вяртаўся назад. Але апошняя мая вандроўка склалася вельмі няўдала. Я адправіўся ў горы і там пры падзенні моцна стукнуўся галавой – і заклінанне з яе вылецела. Я намагаўся яго ўспомніць, але прамовіў толькі часткова, таму і апынуўся замураваным у люстраным цыферблаце ўласнага гадзінніка. Ні туды ні сюды. Сумна, праўда? Ніхто не знаходзіў часу да гэтага выказаць цікавасць да маіх крымзоляў. А ты, мілая дзяўчынка, – ён надарыў Верку ветлівай усмешкай, – не засталася абыякавай, таму прасі ўсё што хочаш. Я выканаю любое тваё жаданне. Магу адправіць цябе ў Старажытны Рым, паглядзець на гладыятарскія баі. Я неяк прысутнічаў на іх употай, нават бачыў Цэзара, які ганарліва сядзеў на балконе. Гэта так пацешна! Ды што там Рым! Лепш перанесціся на карабель Калумба, які плыве да берагоў Амерыкі. Бязмежны акіян, свабода і ніякага каньяку!
- Гэта, вядома, вельмі цікава, але ў мяне да вас толькі адна просьба: вярніце нас дамоў, – папрасіла Верка.
- Дамоў? – засумаваў гадзіншчык. – Ты не любіш падарожжы?
- Не, вельмі люблю. Проста я сумую па сваёй сям’і. І ні на якія багацці ў свеце я яе не прамяняю. А што да вашага почырку, спадар гадзіншчык, вы відавочна недаацэньваеце сябе. Почырк у вас выдатны.
- Па мне, лепш сябе недаацэніць, чым пераацэніць! – заявіў гадзіншчык. – Дарэчы, а як вы тут апынуліся? Хто вам раскажаў пра гадзіннік?

— Это, конечно, весьма интересно, но у меня к вам лишь одна просьба: верните нас домой, — попросила Верка.

— Домой? — взгрустнул часовщик. — Ты не любишь путешествия?

— Нет, очень даже люблю. Просто я скучаю по своей семье. И ни на какие богатства в мире ее не променяю. А что касается вашего почерка, господин часовщик, вы явно недооцениваете себя. Почерк у вас прекрасный.

— По мне, лучше себя недооценить, чем переоценить! — заявил часовщик. — Кстати, а как вы здесь оказались? Кто вам рассказал о часах?

— Мы стали заложниками ваших злых забав, — проворчал Ромка.

— Да, мы из далекого будущего, — поддержал друга Ян.

— А, понимаю! — глаза мастера заблестели. — Вы нашли мои карманные часы! Я изготовил их когда-то для графа, но не успел вручить. Как я рад, что они еще тикают! Вот что значит мастерство! Вот ты, мальчик, — незнакомец ткнул пальцем в Яна, — чего пожелал, когда нашел волшебные часы?

Ян поежился.

— Это было необдуманное желание. Я только сейчас это понял.

— Ты признал свою ошибку, это главное. Надеюсь, впредь вы не будете совершать опрометчивых поступков. Хотя молодость — пора удивительных ошибок пора. А с другой стороны, как узнать, что это больно, если не обжечься? Что ж, так и быть, я верну вас домой. Вот только вы из будущего, а я свои часы на этот предмет еще не испытывал.

— Но почему? Ведь побывать в будущем гораздо интереснее! — недоуменно спросил Ромка.

— Видишь ли, в чем дело, мальчик. Стрелки моих часов настолько тяжелы, что раскачать их вперед без чьей-либо помощи оказалось невозможным. Вспять стрелки вращать легче, поэтому я и ограничился путешествиями в прошлое.

— Неужели у вас не было друзей, готовых помочь вам? — удивился Ян.

- Мы сталі заложнікамі вашых злых забаў, – прабурчаў Ромка.
- Так, мы з далёкай будучыні, – падтрымаў сябра Ян.
- А, разумею! – вочы майстра заззялі. – Вы знайшлі мой кішэнны гадзіннік! Я вырабіў яго калісьці для графа, але не паспеў уручыць. Як я рады, што ён яшчэ цікае! Вось што значыць майстэрства! Вось ты, хлопчык, – незнаёмец тыцнуў пальцам у Яна, – чаго пажадаў, калі знайшоў чароўны гадзіннік?
- Ян сцэпануўся.
- Гэта было неабдуманнае жаданне. Я толькі цяпер гэта зразумеў.
- Ты прызнаў сваю памылку, гэта галоўнае. Спадзяюся, у далейшым вы не будзеце рабіць неабдуманыя учынкi. Хоць маладосць – пара дзіўных памылак. А з іншага боку, як даведацца, што гэта балюча, калі не апячыся? Што ж, добра, я вярну вас дамоў. Вось толькі вы з будучыні, а я свой гадзіннік на гэты прадмет яшчэ не выпрабоўваў.
- Але чаму? Пабываць у будучыні значна цікавей! – здзіўлена спытаў Ромка.
- Ці бачыш, у чым справа, хлопчык. Стрэлкі майго гадзінніка такія цяжкія, што разгайдаць іх наперад без чыёй-небудзь дапамогі аказалася немагчымым. Назад стрэлкі круціць лягчэй, таму я і абмежаваўся вандроўкамі ў мінулае.
- Няўжо ў вас не было сяброў, гатовых дапамагчы? – здзівіўся Ян.
- Незнаёмец прызадумаўся.
- Не было. І гэта мая самая вялікая памылка. Я быў вельмі ганарысты і шмат хлусіў, таму сябры разбягаліся ад мяне як тараканы, – твар гадзіншчыка напружыўся, пабляднеў, а ў вачах успыхнула шкадаванне.
- І вы нічога не хацелі выправіць у сваім жыцці? – спытала спагадліва Верка.
- Чаму ж, хацеў. Але мая спроба не ўвянчалася поспехам, бо мінулае, як аказалася, змяніць не-маг-чы-ма, – пасумнеў гадзіншчык.

Незнакомец призадумался.

— Не было. И это моя самая большая ошибка. Я был очень заносчив и много лгал, поэтому друзья разбежались от меня как тараканы, — лицо часовщика напряглось, побледнело, а в глазах вспыхнуло сожаление.

— И вы ничего не хотели исправить в своей жизни? — спросила сочувственно Верка.

— Почему же, хотел. Но моя попытка не увенчалась успехом, ведь прошлое, как оказалось, изменить не-воз-мож-но, — погрустнел часовщик.

— *Поэтому* вы изобрели эти часы? — мелькнула догадка в голове Яна. — Не ради путешествий. Вы хотели вернуть друзей?

Часовщик растерялся. Его тайна, запрятанная вглубь седых веков, открылась. Мальчишка озвучил то, в чем он долгое время боялся признаться себе самому.

— Некогда мне с вами болтать! У меня дел выше крыши. Раскачивайте стрелки и возвращайтесь домой!

Но ребята не двигались с места. Часовых дел мастер даже немного сконфузился.

— Вы передумали возвращаться?

— Скажите, а что стало с тем мальчиком Богданом, который привел нас в замок? Ему удалось убежать ото льва? — робко спросил Ян.

— Дружба? — с завистью полюбопытствовал часовщик.

— Нет, скорее благодарность, — поразмыслил Ян.

— Что ж, благодарным также нужно уметь быть. Стало быть, ты повзрослел, парень, если берешься рассуждать о подобных вещах. Да, ваш друг спасся, и я не удивлюсь, если завтра он вновь явится в графский сад, чтобы на халяву набить живот яблоками.

— Но ведь вы сами говорили, что каждый человек имеет право на ошибку, — вмешалась Верка.

— Каждая ошибка имеет свою цену, прелестное дитя. Не стоит об этом забывать. Час расплаты рано или поздно настанет. Тем более что воровство является осоз-

– Таму вы вынайшлі гэты гадзіннік? – прамільгнула здагадка ў галаве Яна. – Не дзеля вандраванняў. Вы хацелі вярнуць сяброў?

Гадзіншчык разгубіўся. Яго тайна, схаваная ў глыб сівых стагоддзяў, адкрылася. Хлапчук агучыў тое, у чым ён доўгі час баяўся прызнацца самому сабе.

– Няма калі мне з вамі балалабоніць. У мяне спраў вышэй даху. Разгойдвайце стрэлкі і вяртайцеся дамоў!

Але дзеці не рухаліся з месца. Гадзіннікавы майстар нават прыбянтэжыўся.

– Вы раздумалі вяртацца?

– Скажыце, а што з тым хлопчыкам Багданам, які прывёў нас у замак? Яму ўдалося ўцячы ад ільва? – нясмела спытаў Ян.

– Сяброўства? – з зайздрасцю пацікавіўся гадзіншчык.

– Не, хутчэй удзячнасць, – падумаў Ян.

– Што ж, удзячным таксама трэба ўмець быць. Выходзіць, ты пасталеў, хлопец, калі бярэшся разважаць пра падобныя рэчы. Так, ваш сябар выратаваўся, і я не здзіўлюся, калі заўтра ён ізноў з’явіцца ў графскім садзе, каб на дарэмшчыну набіць живот яблыкамі.

– Але ж вы самі казалі, што кожны чалавек мае права на памылку, – умяшалася Верка.

– Кожная памылка мае свой кошт, цудоўнае дзіця. Не варта пра гэта забываць. Час расплаты рана ці позна надыдзе. Тым больш што крадзеж з’яўляецца *свядомай* памылкай чалавека. Улоўліваецца розніцу? – гадзіншчык трасянуў сваёй папялістай шавялюрай. – Што ж, разгойдвайце стрэлкі гадзінніка, а то ў мяне і так безліч спраў.

– Яшчэ адно пытанне. Вы пакажаце графу ваша вынаходства? – не ўтрымаўся ад цікаўнасці Ян.

Гадзіншчык спахмурнеў.

– А хіба ў гэтым ёсць сэнс? Праз столькі гадоў? Не. На ўсё свой час. Запомніце гэта, дзеці. Калі я і разгайдаю стрэлкі гадзінніка, то толькі для таго, каб вечна бадзяцца ў стагоддзях дзеля забавы. Бо заклінанне я ўсё роўна забуду.

нанной ошибкой человека. Улавливаете разницу? — часовщик потрянул своей пепельной шевелюрой. — Что ж, раскачивайте стрелки часов, а то у меня и так дел невпроворот.

— Еще один вопрос. Вы покажете графу ваше изобретение? — не удержался от любопытства Ян.

Часовщик помрачнел.

— А разве в этом есть смысл? Спустия столько лет? Нет. Всему свое время. Запомните это, ребята. Если я и раскачаю стрелки часов, то только для того, чтобы вечно скитаться в веках ради забавы. Ведь заклинание я все равно забуду.

— Травма головы после неудачного падения, — напомнила, улыбнувшись, Верка.

— Точно! — лицо часовщика просветлело.

Ребята поблагодарили мастера и вместе принялись раскачивать громоздкие стрелки на зеркальном циферблате. «Тик-так... Тик-так...» — поспешили они вперед...

Каждый из нас мечтает встретиться с волшебником, который взмахнет волшебной палочкой и сделает нас счастливыми. Такое, конечно, возможно. Все зависит от того, каким человек хочет видеть свое счастье. А если волшебник так и не появится? Уповая на него, мы порой забываем, что сами способны творить чудеса. Ведь достаточно всего лишь одной улыбки, чтобы мир стал добрее и краше. Знаете, что, по мнению часовщика, является истинным волшебством? НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА. Да, именно дружба, которую ему в своей жизни так и не удалось постичь, в отличие от Яна, Верки и Ромки. А ребята не разлей вода и по сей день!

– Траўма галавы пасля няўдалага падзення, – нагадала, усміхнуўшыся, Верка.

– Сапраўды! – твар гадзіншчыка прасвятлеў.

Дзеці падзякавалі майстру і разам прыняліся разгойдваць цяжкія стрэлкі на люстраным цыферблаце. «Цік-так... Цік-так...» – паспяшаліся яны наперад...

Кожны з нас марыць сустрэць чараўніка, які ўзмахне чароўнай палачкай і зробіць нас шчаслівымі. Такое, вядома ж, магчыма. Усё залежыць ад таго, якім чалавек хоча быць сваё шчасце. А калі чараўнік так і не з’явіцца? Спадзеючыся на яго, мы парой забываем, што самі здольныя на цуды. Бо досыць усяго толькі адной усмешкі, каб свет стаў дабрэйшым і прыгажэйшым. Ведаеце, што, на думку гадзіншчыка, з’яўляецца сапраўдным чараўніцтвам? САПРАЎДНАЕ СЯБРОЎСТВА. Так, менавіта сяброўства, якога яму ў сваім жыцці так і не ўдалося спасцігнуць, у адрозненне ад Яна, Веркі і Ромкі. А дзяцей і сёння вадой не разальеш.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗМЕСТ

- 4 Григорий Рапота,
Государственный секретарь Союзного государства
- 8 Члены экспертного совета
- 11 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 13 Артур Журавлев
Фуэте
- 37 Иван Кузнецов
Шепот Тонущего Города
- 77 Егор Куликов
Мухоловки! Мухобойки!
- 105 Антон Лукин
Мир один на двоих
- 125 Марта Райцес
Наследие
- 147 Сергей Чернов
Юлька

- 5 Григорий Рапота,
Государственный секретарь Союзного государства
- 9 Члены экспертнага савета
- 11 МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ
- 13 Артур Жураўлёў
Фузэтэ
- 37 Іван Кузняцоў
Шэпт Горада, Што Патанае
- 77 Ягор Кулікоў
Мухалоўкі! Мухабойкі!
- 105 Антон Лукін
Свет адзін на дваіх
- 125 Марта Райцэс
Спадчына
- 147 Сяргей Чарноў
Юлька

- 171 МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 173 Игорь Авласенко
Последняя исповедь Кузьмы Чорного
- 223 Анастасия Бакунович
Белый лебедь
- 283 Андрей Диченко
Контакт
- 295 Иван Малинин
Кот человека со скрипкой
- 307 Ольга Молодцова
Минск — Санкт-Петербург
- 345 Алёна Попко
Чудной часовщик, или Однажды в Коссово

171 МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

173 Ігар Аўласенка
Апошняя споведзь Кузьмы Чорнага

223 Анастасія Бакуновіч
Белы лебедзь

283 Андрэй Дзічэнка
Кантакт

295 Іван Малінін
Кот чалавека са скрыпкай

307 Вольга Маладцова
Мінск – Санкт-Пецярбург

345 Алёна Папко
Дзіўны гадзіншчык, альбо Аднойчы ў Косаве

Литературно-художественное издание

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ**

Выпуск 3

Редактор *Н. Ф. Крицкая*
Художественный редактор *А. В. Житкевич*
Компьютерная верстка *А. С. Камейша*
Стильредактор *Н. Ф. Крицкая*

Подписано в печать 07.08.2017.
Формат 100×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40,92. Уч.-изд. л. 15,65.
Тираж 1019 экз. Заказ .

16+

Постоянный Комитет Союзного государства.
Еропкинский пер., д. 5, стр. 1, 119034, г. Москва.

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звезда».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/8 от 02.08.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск,
Республика Беларусь.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/102 от 01.04.2014 г.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск,
Республика Беларусь.